

Изъ исторіи средневѣковаго романтизма.

Сказанія, легшія въ основу бретонскихъ романовъ,
и новѣйшія относительно ихъ гипотезы.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Дашкевича.

I.

СКАЗАНІЕ О СВ. ГРАЛѢ.

КІЕВЪ.

1877.

ИЗЪ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВѢКОВАГО РОМАНТИЗМА.

СКАЗАНІЕ
О СВ. ГРАЛѢ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

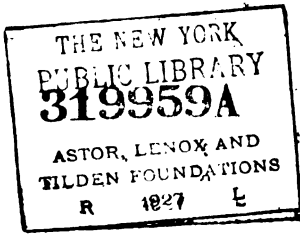
Николая Дашкевича.

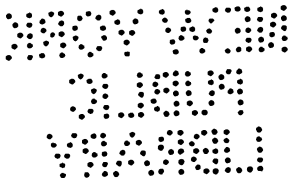
КІЕВЪ.

1877.

Т. Е.

Изъ „Университетскихъ Извѣстій“ 1876 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Въ университетской типографіи.

Предлагаемое вниманию читателя изслѣдованіе составляетъ первый отдѣлъ предпринятыхъ авторомъ разысканій объ источникахъ сказаній, положенныхъ въ основу бретонскихъ романовъ, и посвящено выясненію происхожденія основной легенды первой вѣтви этихъ романовъ.

Сказаніе о Гральѣ вызвало немало гипотезъ въ наукѣ, изъ которыхъ многія только затемнили истину, такъ что невозможно приступить къ попыткѣ самостоятельнаго рѣшенія вопроса о Гральѣ, не разсмотрѣвъ критически выводовъ, къ которымъ пришли ученые, занимавшіеся этимъ предметомъ. Безъ такого обзора положительное раскрытіе мнѣнія сколько-нибудь отличнаго отъ высказанныхъ, не имѣло бы достаточной силы въ виду множества другихъ рѣшеній, принадлежащихъ иногда довольно авторитетнымъ ученымъ. Если всякое научное изысканіе должно начинаться критической оцѣнкой добытыхъ другими результатовъ, то такая оцѣнка необходима въ особенности въ вопросахъ, каковъ настоящій.

Вотъ причина, по которой авторъ отвелъ въ своемъ изслѣдованіи такое видное мѣсто разбору важнѣйшихъ теорій относительно легенды Граля, съ которыми, къ крайнему своему сожалѣнію, не нашелъ возможности согласиться и противъ которыхъ долженъ былъ подать свой слабый голосъ.

Авторъ началъ съ гипотезы, выдвинутой французскими кельтофилами, и, послѣ разсмотрѣнія ея, перешелъ къ мнѣніямъ германскихъ ученыхъ, отправляющихся въ данномъ вопросѣ, болѣею частію, отъ романа о Парцивалѣ, написаннаго Вольфра-

момъ фонъ-Эшенбахъ. Авторъ остановился на вопросѣ объ отношеніи французскаго и нѣмецкаго изводовъ сказанія о Гралѣ и призналъ древнѣйшимъ первый. Авторъ обратился затѣмъ къ гипотезѣ еретическихъ вліяній въ созданіи сказанія о Гралѣ, новѣйшимъ защитникомъ которой явился русскій ученый, А. Н. Веселовскій. Коснувшись потомъ взгляда другаго нашего ученаго, проф. Буслаева, авторъ обратился къ теоріямъ, направленіе которыхъ болѣе соотвѣтствуетъ, по его мнѣнію, правильной постановкѣ вопроса, именно къ теоріямъ, выставленнымъ французскими учеными въ послѣднее время. Разборъ всѣхъ перечисленныхъ мнѣній привелъ автора къ выводу о необходимости сосредоточить вниманіе въ выведеніи легенды Граля преимущественно на фабулѣ поэмы de Voiron'a, древнѣйшаго и простѣйшаго изъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ встрѣчается обработка саги Граля. Приступивши къ опредѣленію источниковъ поэмы объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, авторъ указалъ на легенду, на которую до сихъ поръ почти вовсе не обращали вниманія, выдѣлилъ затѣмъ другіе элементы въ поэмѣ, представилъ соображеніе о времени ихъ сплава, перечислилъ обстоятельства, могшія содѣйствовать появленію и развитію главной изъ легендъ повѣствованія de Voiron'a и заключилъ картиной постепеннаго развитія сказанія о Гралѣ, причемъ изложилъ судьбу послѣдняго въ древнѣйшихъ романахъ бретонскаго цикла.

Изображеніе развитія легенды въ послѣдующихъ романахъ не относится къ принятой на себя авторомъ задачѣ, равно и *внутренняя исторія ея*, долженствующая выяснитъ *живыя связи* разсматриваемыхъ литературныхъ памятниковъ съ жизнью. Внутренняя исторія литературныхъ произведеній должна быть основана на самомъ тщательномъ изученіи внѣшней (вотъ почему авторъ вдавался иногда въ изслѣдованія отдѣльныхъ фактовъ, могущихъ съ перваго раза показаться неважными), въ которой главная трудность, и авторъ предположилъ на первый разъ представить именно внѣшнюю исторію бретонскаго цикла, какъ матеріаль и поссбіе для будущаго выясненія внутренней стороны его.

Авторъ попытался вывести генетически сказаніе о Гралѣ, восходя постепенно отъ древнѣйшаго романа въ глубь средне-вѣковья и не выпуская изъ рукъ путеводной пути, представляющей въ хронологическомъ преемствѣ явленій, дающемъ возможность устанавливать связь ихъ съ значительною вѣроятностію.

Важность вопроса, которому посвященъ настоящій трудъ, въ наукѣ исторіи литературы едвали можетъ подлежать сомнѣнію. Автору могутъ сказать, что въ области ея нашлось бы немало сюжетовъ болѣе интересныхъ для національной русской науки. И въ самомъ дѣлѣ, положившіе начало новой эпохѣ въ разработкѣ исторіи отечественной словесности труды проф. Буслаева, А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовскаго, О. Э. Миллера, показали прекрасный примѣръ, чего можетъ ожидать русская наука отъ параллельнаго и совмѣстнаго изученія славяно-русскихъ и иностранныхъ литературъ. Идя по этому пути, русскіе ученые могутъ достигнуть множества результатовъ, важныхъ и для общей науки.

Но едвали было бы не односторонне оставлять на основаніи этого безъ вниманія въ историческомъ изученіи иностранныхъ литературъ тѣ ихъ отдѣлы и стороны, которые не имѣютъ прямого отношенія къ исторіи русской словесности.

Имѣя это въ виду, авторъ позволилъ себѣ предложить въ русской печати специальное изслѣдованіе по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи западно-европейской средне-вѣковой литературы.

Задача, принятая на себя авторомъ, весьма не легка, и авторъ не имѣетъ притязанія на совершенное рѣшеніе взятаго имъ вопроса, надъ которымъ наука такъ давно работаетъ, и однакожь — съ малымъ успѣхомъ. Авторъ, въ трудѣ котораго, безъ сомнѣнія, найдутъ немало недостатковъ, будетъ счастливъ, если наука приметъ во вниманіе хоть частицу результатовъ его изслѣдованія, на которое онъ былъ подвигнутъ интересомъ предмета изысканія, оживленнымъ новѣйшими работами.

VIII

Въ нѣкоторое извиненіе недостатковъ и погрѣшностей своего труда, авторъ позволяетъ себѣ указать на невозможность имѣть въ Кіевѣ подъ руками всѣ источники и пособія, просмотръ которыхъ былъ ему необходимъ. Можетъ быть, многое изъ сказаннаго авторомъ было бы лучше подтверждено, еслибы онъ воспользовался сочиненіями, которыя отсутствуютъ въ кіевскихъ библіотекахъ, и которыя невозможно приобрѣсти въ настоящее время.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ выразить свою признательность всѣмъ содѣйствовавшимъ его труду посредствомъ сообщенія пособій, въ особенности же А. Н. Веселовскому и А. А. Котляревскому, библіотека котораго представляетъ богатое собраніе источниковъ и пособій для изученія исторіи литературъ.

Кіевъ. 1876, октября 11.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	V—VIII
Введеніе: Необходимость изслѣдованія словесныхъ произведе- ній со стороны ихъ основы. Историческій очеркъ вопроса о происхожденіи содержанія бретонскихъ романовъ. Зна- ченіе этихъ романовъ въ исторіи литературы и важность вопроса объ источникахъ ихъ. Задача и планъ настоя- щаго труда.	1—16

СВАЗАНІЕ О СВ. ГРАЛѢ.

1. Критика важѣйшихъ теорій объ этомъ сказаніи — для правильной постановки вопроса и подготовкѣ данныхъ къ рѣшенію его.

1. Гипотеза кельтофиловъ.

Мнѣніе Вилльмарке; свидѣтельство Гелинанда о легендѣ VIII стол. и прологъ къ роману о св. Гралѣ; *raig Ceridwen* и др. сосуды гальскихъ легендъ; неосновательность сближенія ихъ съ Гралемъ.—Мнѣніе Nucher 17—42

2. Теорія, отправляющаяся отъ *Parzivala Wolveframa* фонъ-Эшенбахъ.

Взглядъ San-Marte постепенная выработка идеи Граля въ связи съ легендою его; неправильный взглядъ нѣмецкихъ ученыхъ на французскіе романы о Гралѣ 32—41

Теорія Симрока; Граль Вольфрама; важность рѣшенія вопроса о *Kuot*. 41—44

Мнѣнія ученыхъ о *Kuot*; факты, говорящіе за и противъ его существованія; хронологическое первенство французскихъ сказаній о Гралѣ и шаткость попытокъ установленія генезиса легенды о Гралѣ при помощи произведенія Вольфрама . . . 45—67

Продолженіе разбора теоріи Симрока; мнѣніе Bartsch'a	68—79
Гипотеза Опперта; этимологія слова graal; гипотезы Касселя и Bächtold'a	80—92
Мнѣнія Форіэля и Бергманна	93—90
3. <i>Гипотеза объ еретическомъ вліяніи.</i>	
Разборъ мнѣнія г. Веселовскаго; соединеніе въ романахъ сказаній о Гралѣ и Мерлинѣ; отсутствіе признавовъ еретическихъ вліяній въ романахъ о Гралѣ; форма Граля и его чудеса	99—119
4. <i>Указаніе г. Булаева на иконографическія данныя</i>	119—124
5. <i>Разборъ теорій, основанныхъ на преимущественномъ вниманіи къ двумъ древнѣйшимъ романамъ о Грамѣ.</i>	
Мнѣніе Paulin'a Paris; древнѣйшее упоминаніе объ апостольствѣ Іосифа въ Британіи и время появленія этой легенды; источникъ романа Мар'а—не въ Гластонберійской легендѣ; латинская книга Граля; идея большаго романа о Гралѣ и принадлежность Мар'у схемы его; нераздѣльность вопроса объ источникѣ романа Мар'а отъ вопроса объ источникѣ поэмы de Voggon'a; источникъ послѣдней—не въ Вогезскомъ преданіи.	126—147
Вопросъ объ отношеніи прозаическаго и стихотворнаго текстовъ поэмы de Voggon'a; повѣрка предложенной Nucher классификаціи реч. прозаическаго ея текста; неосновательность предпочтенія Ms. C.	147—165
Какъ должно понимать свидѣтельство de Voggon'a объ источникѣ его поэмы? Предположеніе Nucher о латинской книгѣ Граля	165—167
Первоначальное содержаніе поэмы de Voggon'a, опредѣляющее до извѣстной степени содержаніе источника ея	167—172
Излишность гипотезы о тождествѣ источниковъ de Voggon'a и Мар'а и о латинской книгѣ, которою будто бы воспользовался послѣдній	172—174
Разборъ доводовъ Nucher въ пользу предположенія о взаимномъ сотрудничествѣ de Voggon'a и Мар'а; фамилія, къ которой принадлежалъ авторъ поэмы объ Іосифѣ Аримазейскомъ; время литературной дѣятельности Hélie de Voggon'a.	174—180

II. Рѣшеніе вопроса.

Значеніе произведенія de Borron'a при уясненіи происхожденія легенды о Гралѣ	181
Содержаніе поэмы объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ	181—188
Главный мотивъ романическаго сказанія и легенда, наиболее подходящая къ канвѣ произведенія de Borron'a	189
Поводъ къ изложенію de Borron'омъ легенды о крови Христовой и главный источникъ поэмы	190—192
Другія сказанія, вошедшія въ произведеніе de Borron'a	192—194
Время слыва легенды о Гралѣ изъ отдѣльныхъ элементовъ	195—197
Варіаціи легенды о собраніи крови Христовой	197—200
Обстоятельства, могшія содѣйствовать зарожденію и развитію этой легенды	201—206
Превращенія, какимъ подверглась легенда въ первыхъ романахъ о Гралѣ	206—212
Общее замѣчаніе о развитіи легенды о Гралѣ	212—213
—	
Дополненія	214—216
Поправки.	

ИЗЪ ИСТОРИИ СРЕДНЕВѢКОВАГО РОМАНТИЗМА.

Сказанія, легшія въ основу бретонскихъ романовъ ¹⁾, и новѣйшія
относительно ихъ гипотезы.

Immer wieder von neuem drängt sich jedem, der die dichterischen Erzeugnisse der verschiedenen Völker durchforscht, bei weiterm Fortschreiten auf diesem Gebiete die Betrachtung auf, wie schwierig bei gegebener Gelegenheit die Gränzlinie zwischen der neuschaffenden Thätigkeit des menschlichen Geistes und seiner bloss wiedergebärenden Triebkraft zu ziehen sei, oder, um mich deutlicher auszudrücken, wie schwierig sich in jedem einzelnen Falle die Entscheidung treffen lässt, ob irgend ein vorliegendes poetisches Product ein ursprüngliches oder ein ander'swoher entlehntes sei.

F. Liebrecht.

Grammatici certant et adhuc sub iudice lis est.
Horatius.

Въ послѣднее время въ области историко-литературныхъ изслѣдованій выдвинутъ на одно изъ первыхъ мѣстъ и получаетъ болѣе и болѣе значенія вопросъ о происхожденіи и степени оригинальности канвы различныхъ словесныхъ произведеній.

¹⁾ По нашему мнѣнію, это названіе также законно для разсматриваемыхъ нами романовъ, какъ и болѣе употребительное, опредѣляющее ихъ Круглымъ Столомъ. Причины, по которымъ мы отдаемъ предпочтеніе первому названію, будутъ видны изъ предлагаемаго изслѣдованія. Пока ограничимся замѣчаніемъ, что принятое нами названіе даже характеристичнѣе: бретонскія вообще мѣста и лица встрѣчаются на каждомъ шагѣ; Круглый же Столъ и его рыцари упоминаются лишь слегка въ нѣкоторыхъ изъ занимающихъ насъ романовъ. Кромѣ того, названіе бретонскихъ было усвоено этимъ романамъ съ самого ихъ появленія («bretonni» названы Артуровскіе романы и у итальянца Виллапи).

Этотъ вопросъ былъ впервые ясно поставленъ въ качествѣ научной задачи ¹⁾ съ началомъ основательнаго значенія словесныхъ памятниковъ, которое можно полагать съ включенія въ матеріаль науки литературной исторіи словесныхъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ и распространенія вмѣстѣ съ тѣмъ параллельнаго изученія отдѣльныхъ литературъ, при чемъ вошелъ въ употребленіе сравнительный методъ.

Новѣйшая разработка словесныхъ произведеній различныхъ эпохъ и національностей показала съ достаточною ясностію, въ какой мѣрѣ могутъ прикрываться народною окраскою въ сущности принадлежаціе не одной только народности ²⁾, а также извнѣ заимствованные мотивы ³⁾, и знающему это вполне понятна важность и необходимость изслѣдованія словесныхъ памятниковъ со стороны ихъ основы. Розысканія въ такомъ направленіи не составляютъ, конечно, литературной исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, но, тѣмъ не менѣе, играютъ роль первостепенныхъ подготовительныхъ работъ къ созданію этой ожидаемой еще науки, которая нуждается прежде всего въ обстоятельномъ раскрытіи внѣшней исторіи обнимаемыхъ ею данныхъ.

Составляющіе предметъ нашего изслѣдованія средневѣковые романы бретонскаго цикла, благодаря ярко выдававшемуся особенному ихъ содержанію, а также значенію, были одними изъ самыхъ первыхъ произведеній, возбуждавшихъ такого рода изученіе. Одними изъ первыхъ по трудности объясненія начальной ихъ тѣани являются они и теперь ⁴⁾.

¹⁾ Для нѣкоторыхъ произведеній новоевропейской литературы подыскивали источники съ довольно давней поры.

²⁾ Кажется, что этихъ мотивовъ ужъ слишкомъ много выводятъ изъ арійской прародины.

³⁾ Въ литературной области замѣчается такой-же переносъ кажущихся передовыми въ данный моментъ и вообще обращающихъ на себя вниманіе произведеній отъ одной народности къ другой, какъ и въ другихъ сферахъ. Укажемъ на весьма близкій по времени примѣръ обнародованія чуждыхъ сюжетовъ. Разсказъ недавно умершаго Стороженка: «Розумний бреше щобъ правди добути» («Українські оповідання». Спб. 1863 г.) представляетъ несомнѣнное сходство съ одною восточною повѣстью. См. «Die Parageimärchen erzählt von Moriz Wickerhauser», S. 140—148.

⁴⁾ Нѣкоторые ученые даже въ послѣднее время не имѣютъ надежды открыть первоначальную основу романовъ Круглаго Стола. Такъ высказался,

Послѣ забвенія, которому бретонскіе романы начали подпадать съ переломомъ въ западно-европейскомъ обществѣ и съ появленіемъ въ немъ новыхъ идей ¹⁾, они выступили вновь на свѣтъ только въ XVIII стол. Въ періодъ возрожденія и въ послѣдующее время вниманіе французовъ было обращено, главнымъ образомъ, на классическихъ писателей ²⁾. Въ Германіи бретонскіе романы были выдвинуты швелою такъ называемыхъ Швейцарцевъ, отличавшихся горячею любовью къ родной старинѣ, зачатки которой проглядываютъ уже у гуманистовъ и поборниковъ реформациі, не сдѣлавшихъ, впрочемъ, многого для изученія средневѣковой литературы, а также у нѣкоторыхъ литературно-ученыхъ дѣятелей XVII стол. Къ старинѣ обратился и Готтшедъ съ своими сторонниками. Тогда-то тѣсныя связи старо-пѣмедкой литературы

ввпр., итальянскій ученый P. Rajna въ предисловіи къ недавно изданнымъ имъ poemetti бретонскаго цикла (*I Cantari di Carduino. Giuntovi quello di Tristano e Lancielotto quando combattettero al Petrone di Merlino. Bologna, presso G. Romagnoli, 1873*).

¹⁾ Внесеніе этихъ романовъ римскою куріей въ число запрещенныхъ сочиненій (уже Иннокентій III включилъ въ индексъ романъ о Ланселотѣ; см. также заботу одного автора XII-го стол. у Potvin'a въ «*Bibliographie de Chretien de Troyes. Comparaison des manuscrits de Perceval le Gallois. Bruxelles, Leipzig, Gand. C. Muquardt éditeur. MDCCCLXIII*», pp. 52--53) имѣло мало значенія.—Первоначальные романы затерялись мало по малу въ массѣ вырождавшихся изъ нихъ; героевъ послѣднихъ старались роднить съ героями первоначальныхъ романовъ.—Отдѣльныя реминисценціи бретонскаго цикла довольно долго не прекращались въ словесности первенствовавшихъ западно-европейскихъ народностей. Объ отголоскахъ брет. романовъ у классическихъ итальянскихъ писателей см. въ извѣстной книгѣ Dunlop'a; см. затѣмъ у Polidori въ его «*La Tavola Ritonda o l'istoria Tristano*» (въ «*Collezione di opere inedite o rare dei primi tre secoli della lingua*»), parte I, Bologna 1863» Prefaz. Книгопечатаніе выдвинуло многіе изъ занимающихъ насъ романовъ, но—въ прозаическихъ обработкахъ, при чемъ не обходилось безъ подновки языка. Мерлину посчастливилось болѣе другихъ романическихъ героевъ въ удержаніи за собою извѣстности.

²⁾ Вспомнимъ, тутъ слова Буало:

Villon fut le premier qui dans ces temps grossiers
Débrouilla l'art confus de nos vieux romanciers.

съ французскою заставили нѣмцевъ подумать и о послѣдней ¹⁾. Во Франціи бретонскіе романы привлекли къ себѣ вниманіе среди общаго изученія исторіи романа ²⁾, интересъ къ которому вызвалъ въ прошломъ столѣтіи изданіе цѣлаго ряда анализовъ романическихъ произведеній ³⁾, послѣ чего опять наступило затишье въ разработкѣ романовъ.

Въ минувшемъ же столѣтіи оригинальныя черты бретонскихъ романовъ возбудили вопросъ о томъ, какой національности (о французской не думали) принадлежали сказанія, вошедшія въ эти произведенія.

Сначала интересовались преимущественно романтическими ихъ диковинками и подробности бретонскихъ романовъ сближали съ различными восточными и происшедшими будто бы отъ послѣднихъ скандинавскими ⁴⁾

¹⁾ На русскомъ я. можно прочесть объ этомъ въ ст. г. Кирпичникова: «Водмеръ и Готтшедъ и ихъ отношеніе къ родной старинѣ», помѣщенной въ 7-мъ № «Русскаго Вѣстника» 1874 г.

²⁾ Мы разумѣемъ трудъ P. Dan Huet, первое изданіе котораго явилось въ 1670 г. подъ заглавіемъ: «Lettre de M. Huet à M. de Segrays de l'Origine des Romans. Paris». Мы пользовались изданіемъ прошлаго вѣка («Traité de l'origine des romans, par Huet, évêque d'Avranches. A Paris, chez Desessarts. An. VII»). 2-е изданіе книги Huet явилось въ 1678 г., латинскіи переводъ (Huetii liber de origine fabularum Romanensium. Hag. Com.) — въ 1682 г. — Еще прежде извѣстный (Claude Fauchet) воснулъ нѣсколькихъ авторовъ Круглаго Стола въ своемъ „Recueil de l'origine de la langue et poesie françoise, ryme et romans“ (A Paris, M.D.LXXXI), говоря о «Poetes et Rumeurs François auant l'an M.CCC»; о бретонскихъ романахъ онъ упомянулъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ и отнесъ начало и развитіе ихъ ко времени крестовыхъ походовъ (см. p. 75).

³⁾ Bibliothèque universelle des Romans. Paris, juill. 1775 à juin 1789, 224 part. en 112 vol. in 12° (тутъ допущено немало промаховъ и вольностей по отношенію къ текстамъ). — Marquis de Paulmy et Contant d'Orville. Mélanges tirés d'une grande bibliothèque. Paris 1779 — 88, 70 том en 69 vol. in 8°. — Пересказы Трессана явились потомъ отдѣльно и занимаютъ VII X томы его Oeuvres choisies.

⁴⁾ *Saumaise* (Salmasius; мнѣніе его было разобрано Huet). — *Percy. Reliques of Anc. Engl. Poetry*, vol. III. — *Mallet, Histoire de Dannemarck*, t. I (3 ed. — Genève 1788). Вліяніе Mallet замѣтно у Tressan'a: Oeuvres choisies du comte de Tressan, t. X (A Paris, MDCCLXXXIX), p. XXij suivv; t. VII (A Paris, MDCCLXXXVIII), p. 7. Упомянувъ еще *Saggio storico su gli Scaldi e antichi*

и классическими ¹⁾ сказаніями. Эти сближенія, при огромномъ количествѣ сродныхъ, если брать ихъ въ отдѣльности, поэтическихъ мотивовъ у различныхъ національностей, могли бы быть продолжены до весьма широкихъ размѣровъ, но, конечно, не повели бы ни къ чему.

Осмѣивая упомянутыя нами теоріи, Ритсонъ ²⁾ утверждалъ, что начало романическихъ подробностей — въ собственномъ суевѣрїи тогдашняго европейскаго запада. Къ такому объясненію склонялись и нѣкоторые французы, поверхностно судившіе о предметѣ ³⁾.

Съ востока перешли, такимъ образомъ, на западъ. Нѣкоторые обратились къ Валлису и Бретани и выдвинули пресловутую кельтскую гипотезу ⁴⁾, получившую опору въ особенности въ изданныхъ

poeti Scandinavi, da Jacopo Grabert di Hemso, Pisa 1811. — Подробности объ этой и двухъ слѣдующихъ теоріяхъ можно узнать изъ книги Dänlor'a; въ переводѣ Либрехта („Geschichte der Prosadichtungen oder geschichte der Romane, Novellen, Märchen u. s. w. Berlin 1851“) — S. 51—55. Тамъ же эти мнѣнія подвергнуты до извѣстной степени и критикѣ.

¹⁾ Ginguené, Hist. litt. d'Italie, t. IV, 153.

²⁾ Ancient English Metrical Romances, vol. I.

³⁾ Сл. у Huet pp. 91, 107, 116.

⁴⁾ Лейденъ въ введеніи къ *The Complaynt of Scotland*. Вальтеръ-Скоттъ также говорилъ объ „ancient British traditions“. *The works*. Vol. sixth, containing *sig Tristrem*. Edinburgh 1812. P. XXXi. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія Fréminville повторилъ старое мнѣніе о заимствованіи сюжетовъ бретонскихъ романовъ изъ бретонскихъ хроникъ (см. соч. Трессана, т. VII, стр. 10—11). Онъ прямо заявилъ, что всѣ лица, фигурирующія въ рассказахъ о Тристанѣ — историческія. «S'il est certain que les vrais romans de la Table-Ronde sont dus à des bardes bretons, et ont été composés dans leur propre langue, il n'est pas moins certain qu'ils ne sont autre chose que de très anciennes chroniques du pays, embellies par le merveilleux qui dominait toujours alors dans les récits, mais dont les faits principaux, les personnages, les noms et les situations géographiques sont véritablement historiques». (*Mémoires et Dissertations sur les antiquités nationales et étrangères publiés par la société royale des antiquaires de France*. T. dixième. Paris MDCCCXXIV, in—8°. *Mémoire sur le château de la loyouse—Garde*, par le chev. de Fréminville, p. 239—243). Fréminville заявилъ также, что «dans le principe» эти поэмы были составлены въ VI в.—Вообще идея Вильмарве и Санъ-Марте о заимствованіи сюжетовъ бретонскихъ романовъ изъ *Mabinogion* была рѣшительно не новая; она высказы-

въ 30-хъ и 40-хъ годахъ настоящаго столѣтїя Mabinogion¹⁾. На первыхъ порахъ количество ея сторонниковъ было не велико, и въ XIX т. „Histoire littéraire de la France“, выпедшемъ въ 1838 г.²⁾, она была принята не въ чистомъ видѣ, а съ примѣсью прежнихъ теорій. Число ея поборниковъ стало видимо увеличиваться съ 40-хъ годовъ, когда передовыми бойцами за нее явились у нѣмцевъ San-Marte (A. Schulz)³⁾, а у французозъ Hers. de la Villemarqué⁴⁾, положившіе начало обстоятельной и научной разработкѣ вопроса.

Параллельно кельтской теоріи держалась провансальская, главнымъ представителемъ которой былъ Форіэль. Признавая кельтскую основу сказаній объ Артурѣ и его сподвижникахъ, Форіэль думалъ однако, что эти сказанія получили романическую форму въ Провансѣ.

Мало по малу, кельтская теорія получила значительный кредитъ въ наукѣ, но все-таки не восторжествовала окончательно надъ про-

вазась и до нихъ, только отрывочно. (Tristan. Recueil de ce qui reste des poèmes relatifs à ses aventures, composés en françois, en anglo-normand et en grec dans le XII et XIII siècles publié par Francisque Michel, Londres MDCCLXXXV, I, p. lxxiv—lxxv). Зародыши теорій Вильмарке, Санъ-Марте и ихъ послѣдователей проглядываютъ отчасти и у Lappenberg'a *Geschichte von England*, I-ter Bd., Hamburg 1834, S. 57).

¹⁾ The Mabinogion, from the Llyfr Coch o Hergest and other ancient Welsh manuscripts by Lady Charlotte Guest. London, Llandoverly, 1838—49.

²⁾ P. 626—629, 689, 729.

³⁾ Первые труды его, посвященные бретонскому циклу, относятся еще къ 30-мъ годамъ: мы разумѣемъ изложеніе содержанія Парцивалля Вольфрама фонъ-Эшенбаха, выпедшее въ 1833 г., и I т. его книги: *Leben und Dichten Wolframs v. Eschebach* (Magdeburg, Creutz. 1836). Непосредственное отношеніе къ нашему вопросу имѣла слѣдующая его работа, выпедшая на англійскомъ яз. подъ заглавіемъ: *An Essay on the influence of Welsh tradition upon the literature of Germany, France and Scandinavia*. Llandoverly, by William Rees. 1841 и увѣнчанная Cymmreigiddion Society. Въ 1842 г. она явилась въ измѣненномъ видѣ на нѣмецкомъ яз. подъ заглавіемъ: *Die Arthursage und die Märchen des rothen Buchs von Hergest* (Abth. II. Bd. II der Besseschen Bibliothek der gesammten deutschen Nationalliteratur).

⁴⁾ О первыхъ его работахъ см. въ его *Introduction* къ *des romans de la Table Ronde et les contes des anciens Bretons* (Paris 1860) и въ введеніи къ его же *Myrdhinn*'y.

долженіями прежнихъ и вновь явившимися гипотезами, а въ послѣднее время встрѣчаетъ опять значительную оппозицію.

Такимъ образомъ, вопросъ, которымъ уже немало времени занимается европейская наука, несмотря на то, что, въ ряду посвященныхъ ему ученыхъ работъ, есть довольно солидныя, остается вопросомъ и до настоящаго времени, такъ какъ, при существованіи противорѣчащихъ одно другому рѣшеній, ни одно изъ нихъ не получило первенства и ни одно не считаетъ себя подорваннымъ другимъ. До какой степени этотъ предметъ не установился еще въ наукѣ, можно видѣть изъ того, что занимающійся почти сорокъ лѣтъ романами Круглаго Стола Paulin Paris выставилъ въ 1872 г. мнѣніе касательно легенды о Гралѣ совершенно несогласное съ тѣмъ, которое было высказано имъ въ 1868 г. На ходъ вопроса объ основѣ бретонскихъ романовъ, какъ и на ходъ множества другихъ вопросовъ, мы наглядно убѣждаемся въ медленномъ приближеніи человѣчества къ открытію научныхъ истинъ.

Причина неудовлетворительности явившихся доселѣ работъ по вопросу о бретонскихъ романахъ — частію въ узкости круга вѣсточниковъ, которые принимались во вниманіе (въ особенности это можно связать о французскихъ ученыхъ), частію — въ распространеніи положеній, вѣрныхъ относительно одной частности вопроса, на весь вопросъ (это мы замѣчаемъ въ теоріяхъ кельтской и выдвинутой противъ нея въ послѣднее время), а частію — въ неправильности метода, которымъ пользовались многіе ученые.

Какъ извѣстно, романы Круглаго Стола — одно изъ крупнѣйшихъ явленій въ средневѣковой литературѣ не только Франціи, но и всей западной Европы, и принадлежатъ къ самымъ виднымъ созданіямъ наиболее блестящей поры этой литературы. Достаточно извѣстны долгое время увлеченіе, съ которымъ они принимались публикою Франціи и другихъ странъ, въ которыя проникали, и ихъ громадное вліяніе на тогдашнее общество и литературу. По словамъ L. Moland'a ¹⁾, нѣсколько, впрочемъ, преувѣличивающимъ дѣло, „быть можетъ, ни въ какой другой странѣ и ни въ какой другой исторіи не найдется столь значительный и рѣшительный примѣръ вліянія нравовъ на литературу

¹⁾ Origines littéraires de la France, Paris 1862, p. 70.

и воздѣйствія послѣдней на нравы“. Французскій романъ игралъ въ тогдашнемъ западноевропейскомъ обществѣ такую же роль, какая досталась ему опять въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтїяхъ, даже болѣе, и, по словамъ того же писателя ¹⁾, „по мѣрѣ того какъ исторїи даютъ болѣе мѣста философскоу духу, они все болѣе и болѣе признають важное значеніе, какое должно приписать этимъ романамъ“. Бретонскіе романы имѣли огромное значеніе въ исторїи рыцарства. По словамъ Гольцмана ²⁾, „это—первые продукты и проявленія новаго духа; они были учебниками, изъ которыхъ обуч лись духу рыцарства, съ его условными понятїями о чести, съ его занятїями поэзіей и его галантнымъ обращенїемъ съ женщинами, французы, также какъ позже не слишкомъ въ томъ понятливые ученики ихъ нѣмцы“. Романы Круглаго Стола, изъ которыхъ романъ о Гралѣ былъ выданъ обработавшимъ первоначальную сагу даже за божественное откровеніе, имѣли успѣхъ вездѣ, гдѣ только процвѣтало рыцарство. Находили они доступъ и въ другія страны, напр. въ Исландїю, и San-Marte не несправедливо выразился о нихъ, что „это была настоящая міровая литература“ (Weltliteratur) ³⁾. Въ теченіе четырехъ столѣтїй эти книги являлись творенїями, въ которыхъ всецѣло воплощался идеаль знати ⁴⁾. Ими на-

¹⁾ Orig. litt., 14.

²⁾ См. ст. его объ Артурѣ въ XII т. «Germania».

³⁾ Die Arthur-Sage, S. 61.

⁴⁾ Въ *Roman du Hen Sarrasin'a* читаемъ:

De chiaus de la reonde table
 Uous a-on mainte fois conté,
 Qu'ils furent de si grant bonté
 Et de si grant chevalerie,
 Qu'en toutes cours doit estre oïe
 La prouece et la vertu,
 Qui fu u vaillant roi Artu
 Et ès chevaliers de sa court.

Въ Préface de Guiron le courtois говорится: „...je veuil por les bons si mon livre franslater que li bons y praignent bon exemple des haus faits des bons chevaliers anciens«.—Hartmann von Aue, въ началѣ своего Jwein'a, прямо говоритъ объ Артурѣ: „кто послѣдуетъ его примѣру, тотъ будетъ вести безукоризненную жизнь“. Thomasin von Zirclar (въ «Der Welsche Gast») упоминаетъ о нѣкоторыхъ герояхъ и героиняхъ рыцарскихъ романовъ, какъ объ

полнялись библиотеки аристократов¹⁾ и ими же развлекались, послѣ обильныхъ столовъ, гости знатныхъ феодаловъ²⁾. Незнаніе разсказовъ изъ бретонской исторіи считалось, по словамъ одного тогдашняго писателя (Alfred'a de Beverley)³⁾, признакомъ невѣжества, и эти басни вошли до такой степени въ жизнь, что именами нѣкоторыхъ изъ дѣйствовавшихъ въ нихъ лицъ называли дѣтей при крещеніи, подѣ тронатъ этихъ романтическихъ героевъ отдавали турниры, иногда даже судебные поединки, и нарочно надѣляли ихъ гербами, которые брали потомъ у нихъ⁴⁾. Въ одномъ dit⁵⁾ Мерлинъ является ревнителемъ христіанскихъ началъ⁶⁾ и, одаривъ бѣднаго vilain'a богатствомъ и почестями, лишаетъ его всего этого, когда тотъ возгордился и оказался неблагодарнымъ. Въ пророчества Мерлинга вѣрили довольно долго⁷⁾, и они были литературною формою, которою пользовались различныя политическія партіи⁸⁾. Бретонскіе романы читались даже монахами,

образцахъ для молодежи. Можно бы привести немало подобныхъ замѣчаній, начиная со времени появленія первыхъ романовъ и оканчивая XV-мъ стол.

¹⁾ Histoire littéraire de la France, XIX. A Paris MDCCCXXXVIII, pp. 623—625.

²⁾ Ibid. 710.

³⁾ P. Paris, Les romans de la Table Ronde, t. I, (Paris MDCCCLXVIII), p. 91.

⁴⁾ О приуроченіи итальянскихъ генеалогій къ героямъ французскаго и бретонскаго цикловъ см. въ ст. P. Rajna «Le origini delle famiglie Padovane», помѣщенной въ »Romania« 1875 (№ 14, Avril). Къ исторіямъ Круглаго Стола старались привязать и крестовые походы. Potvin, l. c., p. 29.

⁵⁾ См. Ach. Jubinal'я Nouveau recueil de contes, dits, fabliaux, I. (Paris 1839), 128—137. Сл. Méon, Nouveau rec. de Fabliaux et contes inédites (Paris 1823), t. II, pp. 236—255.

⁶⁾ Онъ спрашиваетъ своего protégé:

Si je t'avoie jà de povreté geté,
Serviroies—tu de cuer la sainte Trinité
Et ameras les povres en fine charité?

Сл. роль Мерлина въ Персеваля, приписываемомъ de Вогон'у.

⁷⁾ Эти пророчества имѣли ходъ еще въ XVII стол.

⁸⁾ Въ русской литературѣ см. объ этомъ въ статьѣ известнаго нашего ученаго, проф. А. Н. Веселовскаго: „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды“, помѣщенной въ 5 № „Журнала Мин. Нар. Просв.“ 1875 г.

иногда довольно явно обнаруживающими свое знакомство съ названными произведениями ¹⁾. Извѣстность нѣкоторыхъ героевъ Круглаго Стола достигла весьма широкихъ размѣровъ. Уже Alanus ab Insulis (въ концѣ XII-го стол.) писалъ объ Артурѣ: „Въ какое изъ мѣстъ, куда простирается христіанское владычество, крылатая слава не занесла и гдѣ не сдѣлала извѣстнымъ имени Бритта Артура? Кто, спрошу, не толкуеть о немъ, когда онъ, какъ говорятъ намъ паломники, возвращающіеся съ востока, почти извѣстнѣе Азіатскимъ народамъ, чѣмъ Бриттамъ? Объ Артурѣ говорятъ жители востока, какъ и жители запада, хотя ихъ раздѣляетъ пространство всей земли. О немъ говоритъ Египеть, не молчитъ уединенный Босфоръ. Дѣянія его воспѣваетъ владыка государствъ Римъ, да и сопернику нѣкогда Рима Карагену извѣстны брани Артура. Дѣянія Артура прославляетъ Антиохія, Арменія, Палестина“ ²⁾. Въ свое время это вліяніе бретонскихъ романовъ на общество было не безъ пользы для послѣдняго.— Въ западно-европейской словесности они имѣли еще большее значеніе, совершивъ громадный переворотъ въ ней. Извѣстно, какъ мало было свѣтскихъ элементовъ въ литературѣ до XII-го стол. Рыцарскіе романы порѣшили навсегда господство церковнаго элемента въ общественной литературѣ. Они положили начало *этическому* изображенію *современнаго* человѣка, хотя все еще ставили его въ далекомъ прошедшемъ. Въ нихъ мы усматриваемъ одно изъ первыхъ проявленій ключа *жизни* новоевропейской литературы, а не поддѣльной и искусственно возвращенной; правда, и въ этихъ романахъ немало чужаго и наноснаго, но, при всемъ томъ, они были полны жизни. Это первыя *литературныя* произведения новаго времени, въ которыхъ *широко* пробилась *обыденная* жизнь. Съ появленіемъ романовъ бретонскаго цикла, въ новоевропейской литературѣ упрочилось существованіе этого рода литературныхъ произведеній, играющаго въ настоящее время—и совершенно справед-

¹⁾ Впрочемъ, въ монастыри допускались и менестрели.

²⁾ VII Libr. Explanat. in Merlini Ambros. Britanni prophet. anglic.—Объ извѣстности Тристана см. у Fr. Michel'я: Tristan, I, vii—xxviii. По словамъ Dunlop'a о степени извѣстности Ланселота во время изобрѣтенія игорныхъ картъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что «einer der Buben in Frankreich den Namen Lancelot trägt» (Dunlop—Liebrecht, S. 75).

ливо¹⁾ — такую видную роль. Уже Dunlop указал²⁾ — на ту заслугу романовъ Круглаго Стола, что они „вдохнули вкусъ къ чтенію“. Сильно заинтересовавши общество, они сообщили литературѣ огромную распространенность, раздвинули кругъ значенія ея въ обществѣ и привлекли къ ней множество дѣятелей. Они породили цѣлую литературу, до сихъ поръ еще не номѣстившуюся въ печати, что и не мудрено. Наконецъ, въ бретонскихъ романахъ въ первый разъ получили значеніе въ крупныхъ размѣрахъ чисто литературные элементы: свобода фантази, красота отдѣльныхъ эпизодовъ, а также „описаніе любовныхъ томленій и ласкъ“, „тонкій анализъ чувства“ и „краснорѣчіе многословное, расплывчатое и изысканное, но проникающее страстью, отличающее труверовъ бретонскаго цикла“. Въ этомъ ихъ „достоинство, совершенно отличное отъ достоинства *Chansons de Geste* и заставившее поблекнуть славу феодальнаго и карловингскаго цикла“³⁾. — Въ хѣстностяхъ съ кельтскимъ населеніемъ романы Круглаго Стола проникли въ народъ въ первоначальномъ и чистомъ видѣ и вызвали цѣлый рядъ сказаній, не народное происхожденіе которыхъ доказано только въ послѣднее время⁴⁾. Артуръ доселѣ еще живетъ въ народной памяти⁵⁾, равно и Мерлинъ⁶⁾. Послѣдній, скажемъ словами одного

1) Широта жизни и разнообразныя отношенія ея со всѣми ихъ мелочами и проявленіями не могутъ быть представлены ни въ какомъ другомъ родѣ литературныхъ произведеній такъ хорошо и всеобъемлюще, какъ въ романахъ.

2) S. 188.

3) *Les origines de la langue et de la poésie françaises d'après les travaux les plus récents* par M. Charles Aubertin, Paris 1874, p. 235.

4) Такой переходъ литературныхъ произведеній бретонскаго цикла въ народъ допускаетъ отчасти даже Villemarqué. *Les romans de la Table Ronde*, Par. 1860, p. 175.

5) *Hers de la Villemarqué*, *Les rom. de la Table Ronde*, p. 36.—*The nursery rhymes of England*, ed. by James O. Halliwell (London; безъ значенія года), тт. II и LXI. — *Trois. et dernière encyclop. théolog.*, publiée par l'abbé Migne, t. XX (1856), pp. 60 et 184.

6) Имена Артура и Мерлина приурочиваются и теперь ко многимъ хѣстностямъ. См. *Arthurian localities—I. I. Stuart Glennie* (при III т. *Merlin's*, изд. *Early English Text Society*. London 1869).

писателя, пользуется въ народѣ, въ особенности въ деревняхъ, почти европейскою извѣстностію. Сворѣе забудется исторія—ясная и точная—человѣка, память о которомъ не носитъ на себѣ ничего чудеснаго; но какъ забыть эту фигуру, которая, какъ бы она неопредѣлительна ни была, безпрестанно носится во время вечернихъ сумерекъ, когда передъ глазами запоздаваемаго крестьянина рисуется на туманномъ горизонтѣ чернѣйшій абрисъ одного изъ этихъ странныхъ друидскихъ памятниконъ, которыхъ отдаленное происхожденіе оставляетъ для догадокъ вполне свободное поле? ¹⁾ Нѣсколько поздно бретонскіе романы повліяли на испанскую литературу, но за то нашли тамъ крайне восприимчивую почву ²⁾. Въ Англійи обработка сюжетовъ, данныхъ въ этихъ романахъ, не прерывалась все время начиная съ среднихъ вѣ-

¹⁾ Имя Мерлина во франц. яз. сдѣлалось даже нарицательнымъ (такъ называется, между проч., волшебникъ, чародѣй).

²⁾ См. объ этомъ отчасти въ письмѣ Т. Волфа въ книгѣ W. L. Holland'a: *Christian von Troies*. Tübingen 1854, (S. 208—209).—Только на русскую словесность бретонскіе романы оказали вліяніе не непосредственно, а чрезъ позднѣйшій отголосокъ ихъ въ итальянскихъ рыцарскихъ романахъ, — не творчески, а вызвавши лишь нѣсколько народныхъ разсказовъ, и — очень поздно. Замѣтимъ, что въ вѣка процвѣтанія западнаго рыцарства оно не встрѣчало особеннаго сочувствія въ русской землѣ: въ нашихъ земляхъ и у нашихъ дружинниковъ рисовался нѣсколько иной идеалъ. У нашихъ предковъ не пошли въ ходъ даже рыцарскіе турниры, бывшіе, впрочемъ, извѣстными имъ далеко не въ самомъ блестящемъ ихъ видѣ, хотя лѣтописцы и говорятъ, что когда „угре на фарахъ и на спомоухъ играхуть, на Ярославли дворѣ, многое множество“, то „княже двялхутся Угромие множество, и кметства ихъ, и кономемъ ихъ“ (Ип. сп. 288—289), и попытки внести въ нашу жизнь обычай западнаго рыцарства (напр., въ 1149 г. „пасаше Болеславъ сыны боярски мечемъ многи“), при отсутствіи въ ней началъ, могшихъ содѣйствовать развитію этого явленія, не имѣли замѣтнаго успѣха. Въ Переяславской лѣтописи рыцарскіе обычай (служеніе дамамъ, пощеніе ихъ девивовъ и цвѣтовъ, употребленіе короткихъ одеждъ) причисляются даже къ „безстудію“ [„Лѣтоп. Переяславля — Суздальскаго“, изд. Оболенскимъ (М. 1851), стр. 3]. Проф. Буслаевъ. [„Историч. очерки русской народной словесности и искусства“, т. II, (1861), стр. 336] считаетъ это довольно поздною вставкою.

новъ¹⁾, и Артура избирали нерѣдко героямъ драматическихъ и эпическихъ произведеній²⁾. Въ другихъ странахъ занимающіе насъ памятники также не скоро сошли со сцены³⁾. Романы Круглаго Стола и ихъ сюжеты даже въ послѣднее время предлагаются читающему обществу въ поэтическихъ переработкахъ, не только въ оригиналахъ и переводахъ⁴⁾. Раннимъ образомъ, позднѣйшія произведенія этой литературы держались почти до послѣдняго времени и въ средѣ низшихъ классовъ, при чемъ романы испытали общую судьбу всѣхъ великихъ и передовыхъ въ свой вѣкъ произведеній.

Изъ всего сказаннаго достаточно, надѣмся, ясна важность бретонскихъ романовъ въ исторіи литературы, а, въ мѣстѣ съ тѣмъ, и весь интересъ вопроса объ источникахъ ихъ.

Рѣшеніе этого вопроса имѣетъ значеніе не только по отношенію къ спеціальнымъ памятникамъ, но можетъ быть не безъ пользы и для уясненія приемовъ средневѣковаго поэтического творчества и характера

¹⁾ Въ послѣднее время нѣкоторыя изъ старо-англійскихъ обработокъ и передѣлокъ французскихъ романовъ бретонскаго цикла изданы Early English Text Society, а также—для другихъ ученыхъ обществъ и отдѣльными лицами.

²⁾ Перечень англійскихъ литературныхъ произведеній, явившихся послѣ бретонскихъ романовъ, но въ которыхъ продолжали фигурировать герои и сюжеты этихъ самыхъ романовъ, см., между проч., въ Watt's Bibliotheca Britannica, vol. III and IV, Edinburgh, 1824.

³⁾ Нѣкоторые видятъ отраженіе основнаго ихъ духа даже въ трагедіи Корнеля. „Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка“ Геттнера, переводъ А. Н. Пыпина, т. I, стр. 383.

⁴⁾ Мы назовемъ англичанъ Southey, Теннисона (*Idylls of the king*; это лучшая изъ новѣйшихъ обработокъ Артуровской саги и вмѣстѣ замѣчательнѣйшее изъ произведеній этого поэта—Лаурета), Arnold'a (*Tristram and Iseult*), Morris'a (*Defence of Guenivere*), француза—Edg. Kinet, нѣмцевъ Карла Иммерманна (Мерлингъ, Тристанъ и Изольда) и Цшокке («*Der heilige Gral. Romantisches Gedicht in vierzehn Gesängen*»), наконецъ Richard'a Wagner'a «*Poèmes d'Opera*» *Lohengrin* и *Tristan et Iseult*. Кинетъ придалъ весьма широкіе размѣры своей темѣ и исторію Мерлина, который, по его опредѣленію,—«легенда души человѣческой до смерти и даже послѣ нея», связавъ съ исторіей народовъ и въ частности Франціи.

средневековой литературы вообще. Известно, что наряду с двумя другими огромными кругами средневековых эпопей романы Круглого Стола составляли цѣлый отдѣльный цивль.

Мы уже говорили о бретонскихъ романахъ, какъ о самыхъ раннихъ памятникахъ рыцарства. вмѣстѣ съ вопросомъ объ исторіи основныхъ ихъ сказаній поднимается нераздѣльно вопросъ о началѣ идеала, господствовавшаго нѣсколько столѣтій въ высшихъ классахъ западно-европейскаго общества. Выработка болѣе общихъ идеаловъ относится къ позднѣйшему времени.

Какъ сказано прежде, видная доля участія въ созданіи главныхъ мотивовъ бретонскихъ романовъ отводилась и теперь еще отводится нѣкоторыми учеными кельтскому племени, занимавшему нѣкогда немалую часть европейскаго материка. Этимъ способомъ кельтофилы хотятъ какъ бы вознаградить покровительствуемую ими народность за то невниманіе, какое она встрѣчаетъ въ политической исторіи. Оказывается такимъ образомъ, что въ томъ или иномъ приговорѣ по вопросу объ источникахъ бретонскихъ романовъ заинтересована до известной степени честь цѣлаго кельтскаго племени.

Наконецъ, этотъ вопросъ не безъ значенія и для древнѣйшей исторіи Британіи. Съ отрицаніемъ національнаго происхожденія и содержанія разбираемыхъ легендъ, съ предположеніемъ, наоборотъ, проникновенія ихъ сюжетовъ въ народъ уже впоследствии, придется сказать, что старыя преданія Бриттовъ не дошли до насъ вовсе.

И такъ, въ романахъ Круглого Стола наукѣ данъ весьма интересный сфинксъ.

Въ настоящее время, когда сказанія, легшія въ основу бретонскихъ романовъ, вызвали опыты объясненія съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, нерѣдко рѣшительно противоположныхъ одна другой и не приведенныхъ къ соглашенію, и когда являются попытки совершенно отринуть преобладавшіе до сихъ поръ взгляды, не бесполезно, по нашему мнѣнію, для успѣшнаго движенія въ послѣдующемъ, окинуть однимъ критическимъ взоромъ добытые до сихъ поръ результаты.

Задача настоящаго труда въ томъ и состоитъ, чтобы критически разсмотрѣть существующія въ современной наукѣ и имѣющія ходъ въ ней теоріи касательно основы романовъ Круглого Стола и тѣмъ содѣйствовать постановкѣ или, по крайней мѣрѣ, движенію этого вопроса на правильную дорогу; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы осмѣлились пред-

ставить въ настоящемъ изслѣдованіи и съ своей стороны нѣсколько соображеній, могущихъ, по нашему мнѣнію, способствовать рѣшенію вопроса.

Сообразно съ цѣлью нашей работы, мы будемъ касаться лишь новѣйшихъ гипотезъ, начиная съ кельтской, и притомъ важнѣйшихъ, т. е. болѣе или менѣе оригинальныхъ и обставленныхъ научно; представляющихъ передѣлку и повтореніе мнѣній, высказанныхъ другими, мы не будемъ и упоминать. Въ оцѣнкѣ теорій мы будемъ обращать вниманіе преимущественно на слабыя ихъ стороны; о томъ же, что мы сочтемъ вѣрнымъ, мы будемъ говорить настолько, насколько это будетъ необходимо для опроверженія противоположныхъ мнѣній, которыя мы признаемъ несправедливыми.

Въ романахъ бретонскаго цикла фигурируютъ на первомъ планѣ: Грааль, переходящій отъ поколѣнія къ поколѣнію и окруженный общиною хранителей и служителей, затѣмъ король Артуръ съ рыцарями Круглаго Стола и волшебникъ Мерлинъ. Нерѣдко героями отдѣльныхъ романовъ этого цикла являются витязи, не принадлежащіе къ братству Круглаго Стола и только приходящіе въ то или другое соотношеніе съ Артуромъ и его дружинниками; но первостепенными во всемъ циклѣ вообще по справедливости могутъ быть названы только что перечисленные нами дѣятели ¹⁾. Сказанія о нихъ были основнымъ ядромъ, около котораго сгруппировались остальные, и мы займемся въ настоящемъ изслѣдованіи, главнымъ образомъ, ими, предоставляя себѣ въ будущемъ подробнѣе остановиться на любимѣйшихъ тогдашнихъ романическихъ типахъ, каковыми были Тристанъ и Ланселотъ.

Основные легенды бретонскихъ романовъ, отдѣляемыя одна отъ другой и иными изслѣдователями ²⁾, возникли, по нашему мнѣнію, не въ одной средѣ и не одинаково. Связь, какая придана имъ въ дошедшихъ до насъ романахъ, принадлежитъ позднѣйшему времени ³⁾. По-

¹⁾ Такого же мнѣнія и San-Marte: *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste* herausg. von Ersch und Gruber, 1 Section, 77 Theil (Leipzig 1864), S. 136; *Die Sagen von Merlin* (Halle 1853), S. 3.

²⁾ *Romania*, № 4, p. 467; № 13, p. 138.

³⁾ И по мнѣнію P. Paris (*Les romans de la Table Ronde*, I, 90; *Romania*,

этому мы остановимъ вниманіе отдѣльно на каждомъ изъ основныхъ сказаній занимающихъ насъ романовъ. Въ разграниченіи и раздѣльномъ изученіи этихъ сказаній, намъ кажется, — единственный путь въ правильной постановкѣ нашего вопроса.

М 4, р. 482, «пять романическихъ вѣтвей, составляющихъ первоначальный цвѣль Круглаго Стола, хотя и соединяются обыкновенно въ древнихъ манускриптахъ, были написаны отдѣльно, безъ всякаго намѣренія вначалѣ поставить въ связь одну съ другой».

I.

Сказаніе о св. Гралѣ.

Les merveilleuses aventures, estranges faits.
Préface de Guiron le courtois.
Hat über keine Sage des Mittelalters grössere
Verwirrung geherrscht, als über die Gralsage.
Gerwinus.

Въ цѣлѣ повѣствованій, содержащихся въ бретонскихъ романахъ, исходный пунктъ (reunière branche) составляетъ сказаніе о св. Гралѣ, вслѣдствіе чего мы и даемъ ему первое мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи, хотя романъ о Гралѣ не былъ первымъ въ хронологическомъ отношеніи.

Послѣ вывода Граля съ востока, около 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія ¹⁾ первообразъ его начали открывать у кельтовъ.

Представитель крайняго кельтизма въ нашемъ вопросѣ Вильмарке даетъ слѣдующее происхожденіе Гралю.

Легенда о Гралѣ перешла въ романы изъ латинскаго пересказа ея, составленнаго какимъ-то британскимъ отшельникомъ въ XIII стол.; анахоретъ же почерпнулъ идею чудеснаго сосуда у бардовъ, въ произведеніяхъ которыхъ встрѣчается чаша, обладающая именемъ и качествами св. Граля. Высказывая предположеніе, что британскій отшельникъ велъ жизнь бардовъ и зналъ ихъ преданія, Вильмарке ссылаетъ

¹⁾ Литературу Граля до 40-хъ годовъ см. у Michel'я: *Le roman du saint Graal*, A Bordeaux MDCCCXLI, pp. viij—xij. См. также у I. G. Th. Grässe (*Die grossen Sagenkreise des Mittelalters*, Dresden und Leipzig 1842, S. 137—138).

ся при этомъ на *Catalogus scriptor. majoris Britanniae* Бале, которому насколько можно довѣрять—извѣстно¹⁾.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Вильмарке, переходнымъ звеномъ между разсказами бардовъ и романами была легенда, записанная въ VIII стол.

Намъ кажется, что это переходное звено принадлежало не дѣйствительности, а подлогу трувера, прибѣгнушаго въ этомъ случаѣ къ обычному въ то время литературному приему.

Вильмарке и его послѣдователи едвали имѣютъ право относиться съ полнымъ довѣріемъ къ свидѣтельству о записи легенды въ VIII стол. Извѣстно немало фактовъ переработки языческихъ мифовъ въ христіанскіе,—духовенствомъ ли, или самимъ народомъ, при чемъ въ особенномъ ходу было приспособленіе языческихъ повѣрій къ лицамъ христіанской исторіи. Но что такой переработкѣ подпали въ легендѣ о чашѣ Іосифа Аримаеяйскаго кельтскія сказанія о чудесномъ сосудѣ, это не можетъ считаться доказаннымъ и даже вѣроятнымъ.

Вильмарке, какъ и другіе кельтофилы, опирается на свидѣтельство Гелинанда, сообщающаго подъ 720 г. о видѣніи относительно Граля, бывшемъ бриттскому отшельнику, который и описалъ потомъ все открытое ему. Кельтофилы принимаютъ это за дѣйствительный фактъ.

Но Гелинандъ прямо сознается, что не видалъ латинскаго списка легенды. На основаніи свидѣтельства Гелинанда можно думать, что онъ передаетъ извѣстіе французскаго пересказа легенды, который былъ или читанъ имъ, или извѣстенъ ему по слухамъ²⁾. Послѣ этого не подлежитъ сомнѣнію, что сообщеніе Гелинанда основано на прологѣ къ роману о св. Гралѣ, написанному Мар'омъ³⁾.

Разсмотрѣніе пролога, въ которомъ рѣчь ведется отъ лица того,

¹⁾ Изложенная нами теорія Вильмарке о Гралѣ взята нами изъ его «*Les romans de la Table Ronde et les contes des anciens Bretons*».

²⁾ *Joseph of Arimathie*, ed. by the Rev. Walter W. Skeat (Early English Text Society), London MDCCLXXI, p. XXX—XXXI.

³⁾ Отраженіе этого пролога находимъ въ *Histoire du St. Graal*, напечат. въ 1523 г. Послѣ Гелинанда начали вѣрить въ дѣйствительное существованіе отшельника VIII стол.

кто сподобился будто бы откровенія о св. Гралѣ, приводитъ лишь къ рѣшительному признанію подлога въ его основѣ.

Paulin Paris видитъ въ прологѣ только нѣсколько интерполяцій, къ которымъ онъ относитъ, между проч., выводъ отшельникомъ своей генеалогіи отъ лицъ романа ¹⁾, но вообще готовъ считать прологъ подлиннымъ. Намъ же кажутся подозрительными не однѣ лишь подробности, и мы заключаемъ о непринадлежности пролога даже по основѣ тому лицу, которому онъ усвоется, принимая въ соображеніе все содержаніе его.

Прежде всего является страннымъ, что авторъ пролога считаетъ нужнымъ умышленно скрывать свое имя. Указаніемъ причинъ, по которымъ онъ поступилъ такъ, онъ совершенно подрываетъ довѣріе къ исходящему отъ него свидѣтельству не только о видѣнномъ и узнанномъ, но и о самомъ себѣ. Онъ сознаетъ себя слишкомъ низкимъ лицомъ для того откровенія, котораго будто бы удостоился, и понимаетъ, что—назви онъ себя—ему мало повѣрили бы; поэтому для него лучше молчать. А вѣдь правое дѣло не укрывается, и человекъ, твердо вѣрившій въ истину своихъ рѣчей, поступилъ бы иначе. Во вторыхъ, авторъ пролога боится заранѣе, какъ бы не поймали его въ чемъ-нибудь, и старается напередъ свалить вину на переписчиковъ ²⁾. — Онъ самъ понималъ всю дерзость и смѣлость своего разсказа, который, дѣйствительно, былъ необыкновененъ для того даже вѣка. Писатель пролога шагнулъ за предѣлы Дантовскаго замысла. Различныя видѣнія были тогда въ большомъ ходу. Укажемъ на примѣръ близкій бриттамъ. О св. Патривіи разсказывалось, что онъ сподобился видѣть Господа и возсѣсть по правую отъ Него руку; Самъ Богъ повелѣлъ ему отправиться въ Ирландію для проповѣди ³⁾. У нашего автора все это доведено до крайности. Онъ не только бесѣдовалъ съ Богомъ и былъ озаренъ свыше, при чемъ уста его исполнились безчисленныхъ языковъ; ему была открыта величайшая тайна міра („le plus grand secret du

¹⁾ P. Paris, *Les rom. de la Table Ronde*, I, p. 169.

²⁾ *Ibid.*, 156.

³⁾ *La Legende celtique*, par le vic. Hers. de la Villemarqué, 1859, p. 32. См. также начало одной французской поэмы у Wright'a: *Biogr. Brit. liter., Anglo-Norman period*, London, 1846, p. 336.

monde¹⁾). О врученной ему книгѣ Граля Спаситель сказалъ: „Я до-
вѣряю тебѣ величайшее чудо, какое только можетъ воспріять человѣкъ.
Вотъ книга, которая написана моею рукою и которую должно читать
сердцемъ; никакой смертный языкъ не можетъ произносить ея словъ
безъ того, чтобы не дѣйствовать на четыре стихіи, не смущать небесъ,
не волновать воздуха, не раздѣлять земной утробы и не перемѣнять
цвѣта водъ. Тѣлесная и душевная радость достанется въ удѣлъ вся-
кому, кто откроетъ книгу съ чистымъ сердцемъ, и кто ее узритъ, то-
му нечего бояться внезапной смерти, какъ бы ни были велики его
грѣхи“²⁾. Пустынникъ былъ не только вознесенъ на третье небо; онъ
удостоился даже того, чего не удостоился ап. Павелъ, — онъ видѣлъ
Троицу и нашелъ возможнымъ, по этому случаю, исправить сказанное
ап. Іоанномъ, который говоритъ, что для смертныхъ очей невысказано
зрѣть св. Троицу³⁾. Мы не говоримъ уже о томъ, что и принадлеж-
ности, которыя были необходимы для письменнаго изложенія легенды,
были вручены Богомъ⁴⁾. Самый выспренный и преисполненный фан-
тазиі, но въ тоже время строгій отшельникъ не усвоилъ бы себѣ по-
добной чести. Въ прологѣ не видно и слѣдовъ смиренія и благоговѣнія
аскета. Не таково было бы произведеніе, написанное въ отшельнической
тиши съ цѣлью изобразить дѣйствительно, по мнѣнію автора, пред-
ставлявшееся ему видѣніе, или изложить религіозную легенду. Очевидно, что
разсматриваемый прологъ былъ составленъ отъ начала до конца чело-
вѣкомъ, которому было необходимо во что бы то ни стало сообщить
кредитъ своему вымыслу, — человѣкомъ, рассчитывавшимъ на эффектъ и
желавшимъ поразить читателя картиною, подобною тѣмъ, которыя не-
рѣдки въ большомъ романѣ о св. Гралѣ. Написаніе пролога могло
точно также исключительно принадлежать богатому фантазіею творцу
большаго Граля, какъ и изобрѣтеніе множества другихъ эпизодовъ.

Таково впечатлѣніе, производимое на читателя прологомъ къ
роману о св. Гралѣ, вслѣдствіе довѣрія къ показанію котораго со-
ставилась фабула о легендѣ VIII в., переданная у Гелинанда⁵⁾.

¹⁾ P. Paris, Les rom. de la T. R., I, 157.

²⁾ Ibid., 157—158.

³⁾ Ibid., 161.

⁴⁾ Ibid., 169.

⁵⁾ Гелиландъ могъ говорить о существованіи исторіи, quae dicitur de
Gradali, только на основаніи пролога.

Помимо всего содержания пролога, недовѣріе къ существованію основы для него въ какой-нибудь легендѣ VIII в. возбуждаютъ и другія обстоятельства.

Нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ и съ полною вѣроятностію можно отрицать особенную популярность и даже простую извѣстность легенды о чашѣ Іосифа Аримаѳейскаго въ средѣ членовъ британской церкви, — въ письменномъ ли изложеніи, или въ устныхъ пересказахъ, до XI-го стол.

Сказаніе, подобное сказанію о Гралѣ, могъ составить въ Англіи въ періодъ отъ начала XI в. до Мар'а развѣ какой-нибудь Гластонбѣрійскій монахъ. Но авторъ романа, къ которому принадлежитъ прологъ, говоритъ, что латинская легенда, послужившая ему оригиналомъ, была найдена имъ въ Салисбѣри, да и все произведение Мар'а отличается пользованіемъ не Гластонбѣрійской легендой¹⁾. Поэма de Wagon'a, которую Вильмарке считаетъ²⁾ обработкою легенды, изложенной отшельникомъ³⁾, служитъ также подтвержденіемъ, что сказаніе о Гралѣ, которое было подъ руками у писателей романовъ, вращалось предъ появленіемъ послѣднихъ не въ этой мнимой галльской редакціи.

Ниже мы постараемся, кромѣ того, показать, что у Мар'а или вовсе не было никакой латинской легенды, или была такая, которая не имѣла ничего общаго съ галльскимъ преданіемъ.

Итакъ, нельзя сказать, что авторы романовъ о св. Гралѣ пользовались сказаніемъ о немъ, составленнымъ британскимъ отшельникомъ въ VIII стол.: свидѣтельство объ этомъ сказаніи не имѣетъ значенія.

Могутъ сказать, что галльскія повѣрья о сосудѣ, приводимыя у Вильмарке, могли лечь въ основу романовъ и безъ такого сказанія, — и мѣ какимъ-нибудь путемъ: они могли уцѣлѣть не только до VIII в., но и до позднѣйшаго времени. Относительно сказки о Передурѣ Вильмарке и прибѣгаетъ къ такого рода предположенію.

Но рассмотримъ самыя повѣрья: дѣйствительно ли они древнѣе романа о Гралѣ и на самомъ ли дѣлѣ въ нихъ встрѣчается прототипъ послѣдняго?

¹⁾ См. ниже.

²⁾ *Les rom. etc.*, p. 147.

³⁾ Wagon поэмы, по мнѣнію Вильмарке, — Бранъ приводимыхъ у послѣдняго кельтскихъ сказаній. Вильмарке игнорируетъ, что имя Брона носили нѣкоторые епископы древней британской церкви.

Болѣ древнія изъ галльскихъ преданій о сосудѣ, — такіа, которыя могли предшествовать мнимои легендѣ VIII в., Вилльмарке видятъ въ пѣсняхъ Taliein'a, относимыхъ имъ, какъ и другими крайними вельтофилами, къ VI стол.

Но возраженія, выставленныя безпристрастною критикою послѣдняго времени ¹⁾ прогивъ такого хронологическаго опредѣленія, остались безъ опроверженій, пѣсни Тальезина и фабулы о немъ, наравнѣ съ произведеніями другихъ бардовъ VI в., потеряли значеніе памятниконъ такой ранней поры, и нѣтъ основаній думать, что бриттскій анахоретъ VIII в. могъ имѣть предъ собою то, что встрѣчается въ mabinogi о Тальезинѣ ²⁾. Принятіе для этого mabinogi и приписываемыхъ Тальезину произведеній болѣе древней, чѣмъ они сами, основы ³⁾ не исключаетъ возможности измѣненій и интерполяцій въ древнихъ разсказахъ. Въ исторіи Тальезина, какъ она дошла до насъ, нельзя не отмѣтить вліянія астрологическихъ бредней ⁴⁾.

По словамъ Вилльмарке, „сосудъ бардовъ, прославленный и воспѣтый въ VI в., становится темою большаго количества народныхъ галльскихъ легендъ“.

Вилльмарке указываетъ на двѣ изъ нихъ. О второй онъ прямо говоритъ, что она „была составлена въ первые годы XII-го стол., если не ранѣе“ ⁵⁾, хотя самъ же отмѣчаетъ въ ней рыцарскій и романтическій колоритъ ⁶⁾.

Но нѣтъ права относить и эти легенды, *въ теперешнемъ ихъ видѣ,*

¹⁾ См. въ особенности книгу Nash'a: *Talesin; or the Bards and Druids of Britain*. London M.DCCCLVIII.

²⁾ Объ авторахъ этого mabinogi см. у Stephens'a: *The literature of the Kymry* (Llandoveru, MDCCCXLIX), p. 425—426.

³⁾ Nash, l. c., 39, 60, 151.

⁴⁾ О Керидвенѣ говорится: «So she resolved, according to the arts of the Fferyllt, to boil a cauldron of Inspiration and Science for her son.—And she herself according to the books of the astronomers, and in planetary hours, gathered every day of all charm — bearing herbs». Nash, l. c., 152. Nash также допускаетъ позднѣйшую выработку балладъ, вошедшихъ въ исторію Тальезина (p. 199). См. мнѣніе Stephens'a: *The literature of the Kymry*, p. 433.

⁵⁾ *Les rom. de la T. R.*, p. 144.

⁶⁾ *Ibid.*, 142.

во времени до появления романовъ. Уже издательница Mabinogion, Lady Charlotte Guest замѣтила распадѣніе Mabinogion на два разряда: древнѣйшихъ и позднѣйшихъ. Въ послѣднее время нѣкоторые ученые указываютъ даже источникъ для сказки о Передурѣ—въ романахъ ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, романы весьма скоро начали проникать въ островныя Британіи ²⁾.

Обращаясь къ самому сосуду, о которомъ говорится въ приводимыхъ Вильмарке легендахъ, мы замѣчаемъ, что сближеніе его съ Гралемъ не имѣетъ прочныхъ основаній.

По словамъ Вильмарке, сосудъ бардовъ носилъ имя, означающее тоже, что и Граль. Вильмарке указываетъ на то, что слово *per*, встречающееся въ памятникахъ поэзіи, считаемыхъ имъ произведеніями бардовъ VI-го вѣка, и означающее, по толкованію словаря, дошедшаго до насъ въ *спискѣ ХЛ-го стол.*, широкій сосудъ, чашу, изъясняется въ *настѣйшемъ* галльскомъ словарѣ подобнымъ же образомъ, какъ у Гелиманда изъясняется Граль. Но это совпаденіе оказывается натянутымъ и выдуманымъ. Слово *per* означало преимущественно кухонный сосудъ,

¹⁾ Симрокъ, Halliwell, Stephens; сл. Holland'a l. c., S. 207, а также Rochat (Ueber einen bisher unbekanntem Percheval li Galois, Zürich 1855). San-Marco (Allgem. Encyclop. von Ersch und Gruber, 1 Sect., 77 Th., S. 138; сл. Die Arthur-Sage, S. 43) возражаетъ противъ этого, что валлійская сказка «einen exclusiv wälischen Charakter trägt und die Bedeutung Grals so gänzlich verwischt, dass es nicht wohl glaublich ist, es sei die verwälische auszugweise Bearbeitung eines französischen Romans». Но сильная національная окраска и сглаживаніе значенія Граля—слишкомъ слабыя доводы въ глазахъ всякаго знакомаго съ исторіей странствующихъ и вообще заикствуемыхъ сказаній.— Вильмарке (pp. 144—145) указываетъ на довольно ранніе, по его мнѣнію, памятники, упоминающіе о Передурѣ: произведенія Anougin'a, Annales Cambriae, Легенду царей, Готфрида Монмутскаго и Vita Merlini. Но на основаніи всѣхъ этихъ памятниковъ можно утверждать существованіе рассказовъ о Передурѣ не ранѣе XI стол. Притомъ повѣствуемое о Передурѣ въ приводимыхъ Вильмарке памятникахъ не связывается съ сказкою, которая могла быть позднѣйшимъ приуроченіемъ къ Передуру повѣствованій, передававшихся о комъ-нибудь другомъ.

²⁾ Въ предисловіи къ Mabinogion сообщается, что въ Hengwrt Library есть манускриптъ Граля, относящійся къ XII стол. Онъ датированъ 1106 г. Сл. у Stephens'a, p. 438.

въ которомъ приготавливали что-нибудь ¹⁾, тогда какъ Гралемъ называлось, по словамъ Гелинанда, блюдо, на которомъ подавались изысканныя кушанья у богачей. О формѣ *raig* бардовъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

Сближеніе свойствъ сосуда бардовъ и Граля также не выдерживаетъ критики. Сосудъ Керидвены сообщалъ поэтическое дарованіе и знаніе—и только ²⁾. Всякій имѣющій понятіе о романическомъ Гралѣ признаетъ, что этого крайне недостаточно для отождествленія *raig* Керидвены съ Гралемъ, равно и той черты, что „края бардскаго сосуда, какъ и Граля, были украшены каймой жемчуга и алмазовъ“ ³⁾. Въ первыхъ произведеніяхъ о Гралѣ мы не встрѣтили этой черты, какъ и въ древнѣйшихъ о *raig* Ceridwen.

Въ *Hanes Taliesin* даже не сосудъ на первомъ планѣ, а три капли варившейся въ немъ жидкости. Nash замѣчаетъ совершенно вѣрно ⁴⁾, что въ первоначальной исторіи котель Керидвены—настояшій котель вѣдьмы, содержимое въ которомъ готовится согласно наставленіямъ, даннымъ въ книгахъ *Feyllt*, или мудрыхъ людей, подобно тому какъ во всѣхъ другихъ исторіяхъ такого характера ⁵⁾.

Противъ отождествленія сосуда Керидвены съ другими сосудами, упоминающимися въ вельтскихъ сказаніяхъ, и съ Гралемъ—и позднѣйшая исторія *raig* Ceridwen. Этотъ магическій котель, исторія чудесныхъ его даровъ были приспособляемы позднѣйшими бардами къ представленію греческаго Геликона. Позднѣйшіе барды постоянно говорятъ о котлѣ вдохновенія и объ *Awen* или вдохновеніи, которое *Llymelun*

¹⁾ Таковъ былъ и сосудъ (*raig=per*) Керидвены.

²⁾ Въ исторіи о Тальезинѣ жидкости, варившейся въ котлѣ Керидвены, приписывается лишь свойство сообщать «knowledge of the mysteries of the future state of the world». Тальезину вложена въ уста слѣд. рѣчь:

I have obtained the muse
From the cauldron of Keridwen.

(Stephens, p. 187).

³⁾ Villemarqué, *Les rom. de la T. R.*, p. 142.

⁴⁾ P. 195.

⁵⁾ Котель Керидвены могъ быть взятъ изъ какой-нибудь бродячей сказки; о превращеніяхъ, о которыхъ говорится въ *mabinogi* о Тальезинѣ см. у Nash'a (p. 183). Вообще подробности этого *mabinogi*—сказочныя и не распространеныя.

Siôn въ семнадцатомъ стол. изображалъ истекающимъ отъ Духа Св. Христіанскіе барды тринадцатаго и четырнадцатаго вѣковъ обращались неоднократно въ Дѣвѣ Маріи, какъ въ сосуду или источнику вдохновенія, въ чему они были приведены, кажется, отчасти игрою, какая могла имѣть мѣсто относительно слова *raig*, вотель. Черезъ смягченіе начальной еѣ буквы получалось *maig*, означающее Марію; отсюда Марія была *maig*, „мать Христа, вмѣстилище Св. Духа, и *raig*“, сосудъ или вмѣстилище и источникъ христіанскаго вдохновенія¹⁾. Мы видимъ, что, при всѣхъ измѣненіяхъ, каковымъ подвергался *raig Ceridwen* въ теченіе столѣтій, онъ не приближался къ Гралю. Сама Керидвена обратилась мало по малу въ главу поговъ²⁾.

Какъ же послѣ этого думать, что Граль VIII в. выработался изъ этого сосуда?

Упомянувши о *raig Ceridwen*, Вильмарке собираетъ другія сказанія, въ которыхъ говорится о какомъ—нибудь сосудѣ, и, несмотря на то, что въ нихъ дѣло идетъ несомнѣнно о различныхъ сосудахъ³⁾, французскій

¹⁾ Nash, 195—196.

²⁾ Ibid., 38—39. См. у *San-Marte* въ прибавленіи къ переведенной имъ книгѣ *Stephens'a* (Halle, 1864) S. 562.

³⁾ Какая, напримѣръ, связь между сосудомъ, въ которомъ варился напитокъ, могшій сообщить знаніе будущаго, иначе вода вдохновенія (*Water of Inspiration*), и блюдомъ съ головою? Вильмарке долженъ былъ доказать эту связь. *Baring—Gould*, повторяя мнѣніе Вильмарке о Гралѣ, выразилъ предположеніе, что посвященіе въ таинства у кельтовъ сопровождалось жертвоприношеніями, и оттого-то сосудъ представляется въ *tabinogi* наполненнымъ кровью; оттуда же нистеканіе крови съ копья (*Curious Myths of the Middle Ages, second series, p. 357*). Мы думаемъ, что такая догадка не нуждается въ опроверженіи. Самъ же *Baring—Gould* приводитъ рассказъ, по которому чудесный сосудъ Брана потерялъ свою силу, когда въ него была брошена голова.—Какая, далѣе, связь между блюдомъ съ головою, если приписывать ему различныя благодатныя свойства, и копьемъ, которое, по *Baring—Gould'u* (p. 358), «was probably a symbol of war»? [Вильмарке (p. 146) высказываетъ подобную же догадку о копьѣ]. Въ «*Cad Godden*» говорится:

There is neither old nor young,
 Except me as to their poems
 Any other singer who knows the hole of the nine hundred
 Which are known to me,
 Concerning the blood—spotted sword.

ученый рассматриваетъ всё эти повѣствованія, какъ относящіяся къ одному и тому же сосуду, который выступаетъ прежде всего у Тальезина.

По нашему мнѣнiю, нѣтъ основанiй роднить сосудъ, встрѣчающійся въ легендѣ о Бранѣ ¹⁾, съ чашей Керидвены; въ фабулѣ его нѣтъ ничего, что могло бы связывать этотъ сосудъ съ сказанiемъ о Гралѣ, кромѣ *одной черты*—способности исцѣлять смертныя раны и воскрешать умершихъ, безъ возможности однако говорить. Вильмарке указываетъ и на это послѣднее обстоятельство; но Граль налагаетъ обязанность на лицъ, посылаемыхъ имъ въ качествѣ правителей, молчать о мѣстѣ, откуда они пришли, лишь въ нѣмецкихъ пересказахъ.

Вильмарке ведетъ далѣе рѣчь о сосудѣ, считавшемся въ числѣ унесенныхъ Мерлиномъ 13 чудесъ Британiи. О подобномъ сосудѣ, говоритъ онъ, упоминается въ Армориканской сказкѣ; ему усваивается способность наполняться всѣми родами яствъ, и однажды онъ исчезаетъ подобно Гралю и сосуду, унесенному Мерлиномъ. По нашему мнѣнiю, этотъ сосудъ—объеменованная сказочная диковинка,—тоже, что ска-терть самобранка. Вообще въ Mabinogion немало различныхъ диковинокъ ²⁾.

Самъ Вильмарке сознаетъ, что въ сказкѣ о Передурѣ нѣтъ Граля, но онъ объясняетъ это тѣмъ, что рассказчикъ исказилъ мистическiй характеръ предметовъ, открытiе которыхъ предпринимаетъ Передуръ ³⁾. Несмотря на то, что являющiйся въ mabinogi сосудъ „не есть болѣе таинственный сосудъ бардовъ, и его края не обложены болѣе перлами

О послѣднихъ словахъ Nash замѣчаетъ: „Perhaps the blood—dropping lance in the tale of Peredur mab Eurganс“. Если это такъ, то копье или мечъ были, повидимому, предметомъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ легендъ.—Вильмарке представляетъ сказки о Бранѣ и Передурѣ вѣтвями и частями одного и того же рассказа. Знакомый съ этими произведенiями можетъ видѣть всю ложь, какую допускаетъ Вильмарке.

¹⁾ Villemarqué, Les rom. de la T. R. etc., 142—144.—Эти сосуды родили уже Davies.

²⁾ Перечень ихъ можно найти въ ст. Ренана Poésies des races celtiques, помѣщенной сначала въ одномъ журналѣ, а потомъ перепечатанной въ Ренановыхъ „Essais de morale et de critique“ (1859). Выдержка изъ нея на русскомъ яз. есть у Стасюлевича, въ его „Исторiи среднихъ вѣковъ“ (т. I, Спб. 1863, стр. 498—509).—О сосудѣ Брана см. у San-Marie въ его переводѣ книги Stephens'a (стр. 472). Къ сближенiямъ, сдѣланнымъ нѣмецкимъ ученымъ, прибавимъ указанiе на котель нашихъ сказокъ.

³⁾ Les rom. de la T. R. etc., p. 145.

и алмазами“, Вилльмарке все-таки связываетъ его съ первоначальнымъ преданіемъ на томъ основаніи, что на блюдѣ находится окровавленная голова. Но въ табиогі все значеніе блюда—въ этой головѣ, тогда какъ въ сказаніи о Бранѣ сосудъ *разбился*, какъ скоро голова упала въ него. Упомянутое у Тальезина о Передурѣ, какъ о „героѣ кровавой головы“, могло быть отголоскомъ разбираемой сказки.

По мнѣнію Вилльмарке, имя Персеваля—синонимъ Передура и также кельтскаго происхожденія; оно означаетъ, какъ и имя Передуръ, спутника сосуда ¹⁾. Иначе объясняютъ имя Персеваля романы, и въ самомъ дѣлѣ оно могло быть романскаго корня; разногласіе труверовъ въ толкованіи этого слова также ничего не значитъ, какъ и разнообразіе толкованій слова Граль.

Сказка о Передурѣ играетъ важную роль въ вопросѣ о происхожденіи бретонскихъ романовъ, встрѣчающееся въ ней блюдо съ головою нерѣдко отождествляется съ Гралемъ, выработаннымъ будто бы изъ этого блюда, или замѣнившимъ этотъ сосудъ, и мы считаемъ излишнимъ коснуться здѣсь пресловутаго блюда.

Въ табиогі нѣтъ и рѣчи о Гралѣ. Тамъ рассказывается, что, во время странствованій Передура по бѣлу свѣту, онъ увидѣлъ у одного изъ своихъ дядей, хромаго короля, странныя вещи: сначала было принесено двумя юношами чрезъ залу, при воплѣ присутствовавшихъ, большое копье, съ острія котораго текла кровь тремя потоками, а потомъ явились двѣ дѣвушки съ блюдомъ, на которомъ лежала окровавленная голова. Слѣдуя наставленію, данному другимъ дядею, не вдаваться въ распросы, Передуръ не рѣшился спросить о значеніи видѣннаго, присутствовавшіе также не разъяснили ему смысла разыгравшейся предъ нимъ сцены, и нашъ герой уѣхалъ, не давъ себѣ отчета въ происшедшемъ. Нѣсколько времени спустя, когда онъ былъ при дворѣ Артура, явилась какая-то дѣвушка отвратительной наружности и, между проч., выразила негодованіе на то, что Передуръ не предложилъ вопросовъ относительно видѣннаго, бывши у хромаго короля; сдѣлай Передуръ это, король выздоровѣлъ бы, и все пошло бы хорошо въ его

¹⁾ У Гервинуса замѣчено по поводу этого: „...der Deutung des Namen Peredur (*per-gedur*) auf „Graalsucher“, die ohnehin von anderen Auslegern geeignet wird, trauen wir so wenig, wie den eben so sinnigen als falschen Herleitungen aller Namen im Parzival aus dem persischen, die Göttes durchgeführt hatte“. *Geschichte der Deutschen Dichtung*, vierte Ausgabe, Leipzig 1853, I, 385.

царствѣ; если теперь все было наоборотъ, то въ томъ былъ виноватъ не кто иной, какъ Передуръ. Этотъ послѣдній пожелалъ выяснитъ представившуюся загадку и тотчасъ же отправился въ путь. Послѣ цѣлаго ряда приключеній, онъ достигъ, наконецъ, чудеснаго замка, и тамъ бѣловурыи юноша такъ объяснилъ ему его встрѣчи: „Господинъ, это я представалъ въ образѣ черной дѣвушки при дворѣ Артура, потомъ—когда ты бросалъ въ озеро шахматную доску, убивалъ чернаго человека изъ Ysbidinongyl'а, стрѣлялъ въ оленя и состязался съ чернымъ человекомъ въ роуцѣ. (Дальнѣйшую рѣчь юноши, для большей точности, приводимъ подлинными словами San-Marte) Ich kam mit dem blutigen Kopf auf der Schüssel, und mit der Lanze, aus welcher Blutströme von der Spitze herabquollen; und der Kopf war der meines Veters, der durch die Hexe von Gloucester getödtet wurde, die auch deinen Oheim gelähmt hatte. Ich bin dein Vetter. Eine Prophezeigung sagt: das du berufen seiest, um alle diese Dinge zu rächen ¹⁾).

Ученые считаютъ Гралемъ упомянутое только что блюдо съ головою лишь потому, что оно фигурируетъ въ томъ самомъ эпизодѣ mabinogi, въ которомъ въ послужившихъ источникомъ для mabinogi романахъ выступаетъ Граль наряду съ кровавымъ трофеемъ, имѣвшимъ отношеніе къ страданію присутствовавшихъ и встрѣчающимся и въ mabinogi,—Граль, который не упоминается въ mabinogi и, очевидно, утерянъ имъ ²⁾. Но голова на блюдѣ была *вымыслена съ pendant* къ вошью, какъ скоро оно получило назначеніе напоминать объ убіеніи дяди Передура; она явилась также кровавымъ монументомъ этого событія, а блюдо, бывшее подъ нею, замѣнило собою tailloer dargent Кретьена де Труа. Голова была *придумана для объясненія* главнаго подвига Передура, также какъ подробность о дядѣ Передура, запретившемъ ему просить у кого-нибудь объясненія видѣннаго.

Итакъ, въ доказательство того, что Граль былъ взятъ у Галловъ, Вильмарке представилъ нѣсколько галльскихъ легендъ о чудесныхъ

¹⁾ San-Marte, Die Arthursage und die Märchen des rothen Buchs von Hergest Quedlinburg und Leipzig, 1842.—The Mabinogion, I.—Villemarqué, Les romans cel., 324—394. На русскомъ яз. сказку о Передурѣ можно читать въ „Очеркахъ изъ исторіи средневѣковой литературы“ Кирпичникова (М. 1869).

²⁾ Съ этимъ согласуется, что идея mabinogi совсѣмъ не та, что—романъ, хотя подробности послѣдняго и mabinogi совпадаютъ весьма часто.

сосудахъ. Въ каждой изъ нихъ сосуду усвоется одно или два изъ качествъ, приписывавшихся Гралю, но ни въ одной не представляются всѣ эти качества, или, по крайней мѣрѣ, значительное ихъ количество въ соединеніи.

Послѣднія въ ряду приведенныхъ Вилльмарке легендъ могли образоваться въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ розказней, ходившихъ о романтическомъ Гралѣ¹⁾. Равнымъ образомъ, *нѣтъ доказательствъ*, чтобы и всѣ остальные легенды предшествовали роману о немъ.

Но еслибы даже эти повѣрья о чудесныхъ сосудахъ были въ обращеніи у Кельтовъ задолго до появленія романа о Гралѣ, все-таки сближеніе этого послѣдняго съ названными сосудами, вслѣдствіе общности имъ *нѣкоторыхъ чудесныхъ* свойствъ, не имѣетъ значенія въ наукѣ для доказательства выработки повѣрій о Гралѣ изъ кельтскихъ легендъ о сосудахъ. Извѣстно, сколько общаго въ представленіи чудеснаго у различныхъ народовъ. Методъ *сближенія*—въ томъ видѣ, въ какомъ онъ употребленъ у Вилльмарке—приносилъ лишь вредъ въ занимающемъ насъ вопросѣ и не привелъ къ положительнымъ результатамъ. Сближенія на основаніи *отдѣльныхъ* только *чертъ* сходства, давали, какъ увидимъ, возможность другимъ ученымъ выводить Граля изъ блюда съ головою І. Крестителя, изъ суевѣрій о воралѣ, изъ легендъ о земномъ раѣ и приводить въ связь съ тайноученіемъ тамплиеровъ. На такихъ же сближеніяхъ основывались совершенно отжившія въ наукѣ теоріи касательно сюжетовъ бретонскихъ романовъ вообще: восточная, скандинавская и классическая (назовемъ ихъ такъ). По образцу и при посредствѣ такого рода сближеній можно бы построить еще нѣсколько гипотезъ. Да и почему, держась такого метода, не выводить Граля изъ чапъ, на которыя указывалъ Götter?

Въ прологѣ въ роману о св. Гралѣ, у Гелинанда²⁾, а равно и въ романахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на образованіе Граля изъ сосуда бардскихъ преданій, нѣтъ ничего, что давало бы право связы-

¹⁾ Тоже можно сказать объ Армориканскомъ сказаніи о Пероникѣ (Villemarqué, *Les rom. etc.*, p. 396).

²⁾ Онъ говоритъ о *Бриттскомъ* отшельникѣ на основаніи пролога. Вообще, какъ видно изъ *Legenda aurea*, въ XIII стол. романъ о Гралѣ считали англійскимъ произведеніемъ, имѣя въ виду, вѣроятно, составленіе его труверомъ, жившимъ въ Англии.

вагъ Граль, по фавулѣ, съ этими преданіями, а слѣдовательно и вывести изъ нихъ. Напротивъ, мы надѣемся указать элементы легенды о Гралѣ внѣ кельтскихъ повѣрій. Въ христіанскомъ мірѣ была своя чаша, могшая занять воображеніе безъ помощи съ ихъ стороны, и тѣ или инныя чудеса могли быть приписаны ей безъ заимствованія матеріаловъ для того у Кельтовъ.

Мы остановились такъ долго на мнѣніи Вильмарке потому, что оно принято многими учеными, а въ послѣднее время получило новую поддержку и развитіе въ книгѣ Hucher, составляющей новѣйшую работу по нашему вопросу ¹⁾. Hucher называетъ свои соображенія подкрѣпленіемъ и пополненіемъ теоріи Вильмарке ²⁾.

Признавая относительную новизну концепціи романа о св. Гралѣ и христіанскій и рыцарскій его колоритъ, Hucher думаетъ однако, что въ основу романа легли древніе матеріалы, „элементы, принадлежавшіе старой бардской почвѣ, галльскимъ преданіямъ“ ³⁾.

Изложивши вкратцѣ сказанное объ этомъ Вильмарке, Hucher рѣшился прибавить, съ своей стороны, данныя, встрѣченныя имъ при работахъ по галльской нумизматикѣ.

По мнѣнію Hucher, сосудъ, намѣченный у бардовъ VI в., можно встрѣтить ранѣе, именно на старой галльской почвѣ, по ту сторону римскаго періода. Болѣе чѣмъ за два вѣка до христіанской эры, на самыхъ древнихъ нумизматическихъ памятникахъ Арморики проглядываетъ идея священнаго, или, по крайней мѣрѣ, весьма драгоцѣннаго сосуда ⁴⁾. Впрочемъ, самъ Hucher признаетъ далѣе этотъ сосудъ не чѣмъ инымъ, какъ походнымъ котломъ галльскихъ вождей ⁵⁾.

Съ началомъ римскаго вліянія въ Галліи, при соприкосновеніи съ утонченною цивилизаціей, преобразился и сосудъ, утратившій грубый первоначальный видъ; подъ греческимъ вліяніемъ, на медаляхъ появляется сосудъ инаго рода, съ инымъ значеніемъ. Hucher указываетъ, между проч., на сосудъ, который сильно приближается своими

1) Le saint Graal, publié par E. Hucher. T. I. Au Mans Ed. Monnoyer, A Paris chez tous les Libraires, MDCCCLXXV.

2) P. 8.

3) P. 1.

4) P. 3.

5) P. 4.

ручками, служеиіемъ въ средней части и значительностію своего поддона къ мервингскимъ чашамъ, считаемымъ евхаристическими. Nucher обращаетъ вниманіе на это обстоятельство, какъ на связывающее евхаристическій Граль съ Гралями бардовъ. По мнѣнію Nucher, оно подтверждаетъ мысль, что въ Галліи и въ особенности въ Арморикѣ былъ употребляемъ съ древнѣйшихъ временъ при совершеніи извѣстныхъ священныхъ обрядовъ драгоцѣнный сосудъ, который могли отождествить въ позднѣйшее время съ христіанскою чашей.

Мы сказали уже, что ни для одной изъ легендъ, на которыя ссылается Вильмарке, не можетъ быть *доказано* существованіе ея во время, предшествовавшее появленію романовъ.

Факты, собранные Nucher, и его заключенія не могутъ поддерживать кельтскую теорію, какъ ни кажется вѣскою съ перваго раза аргументація на основаніи памятниковъ, древность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Данныя, которыми задумалъ воспользоваться Nucher, слишкомъ недостаточны для того, чтобы можно было строить теорію, опираясь исключительно на эти данныя.

Nucher устанавливаетъ на основаніи роли, какую играетъ сосудъ на галльскихъ медаляхъ, что онъ долженъ былъ обладать у галловъ драгоцѣнными свойствами; „можетъ быть, онъ доставлялъ побѣду, подобно сосуду Брана, или мудрость, какъ сосудъ, воспѣтый Тальезиномъ“. Но все это догадки. Прежде всего сосудъ галльскихъ медалей могъ имѣть значеніе простаго символа. Могъ онъ, далѣе, имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ отношеніе къ дѣйствительности. Если же онъ связывался съ легендами, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что легенды были тѣ самыя, которыя занесены въ рукописи XIII и послѣдующихъ вѣковъ; мы не можемъ узнать легенды изъ медалей и сказать, насколько онѣ дали бы намъ права сближать Граль съ кельтскимъ сосудомъ. Опираясь на нумизматическія данныя, можно приписать особенное чествованіе какаго-то сосуда не однимъ галламъ, такъ какъ изображеніе сосудовъ встрѣчается не на ихъ только монетахъ.

Но сдѣлаемъ уступку Nucher и допустимъ, что изображенный на медаляхъ сосудъ былъ предметомъ легендъ у галловъ. Будемъ ли мы имѣть въ силу того право думать, что именно кельтскій сосудъ подаль идею Граля? Отчего „пунктъ отправленія христіанскаго мѣта о св. Граль“ былъ непремѣнно въ кельтскихъ повѣрьяхъ? Въ параллель подобному предположенію, можно сослаться съ равнымъ правомъ, напр.,

на сосудъ, встрѣчающійся въ лѣвой рукѣ Христа на мозаическомъ изображеніи въ одной изъ Равеннскихъ базиликъ.

Указываемый Nucher мотивъ, служащій будто бы звеномъ соединенія галльскихъ и христіанскихъ сосудовъ ¹⁾, не можетъ быть принять во вниманіе. Nucher ссылается на то, что сосуды галльскихъ медалей приближаются, по своему виду, къ меровингскимъ, считаемымъ евхаристическими. Но слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что меровингскіе евхаристическіе сосуды заимствовали форму у галльскихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получили въ наслѣдство и извѣстную долю легендарныхъ исторій? Сосуды съ ушвами и ручьями и значительными поддонами употреблялись въ качествѣ потировъ въ христіанской церкви съ первыхъ временъ ея существованія не на западѣ только, а повсюду, и орнамента въ нихъ была также перѣдка, какъ и въ галльскихъ. На іудейскихъ монетахъ встрѣчается изображеніе сосудовъ, чрезвычайно близкихъ, по своей формѣ, къ христіанскимъ потирамъ ²⁾, а также „vase à deux anses“ ³⁾.

Извѣстный германскій изслѣдователь сюжетовъ Артуровскаго цикла San—Marte, посвятившій свои занятія этому предмету почти одновременно съ Villemarqué, высказывался нѣсколько разъ относительно легенды о Гралѣ. Послѣдняя формулировка его мнѣнія заключается въ статьѣ, помѣщенной въ Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste Ersch'a и Gruber'a ⁴⁾, и мы будемъ излагать и разбирать взглядъ San-Marte на сказаніе о Гралѣ по этой статьѣ.

¹⁾ Очевидно, что, съ точки зрѣнія Nucher, нужно предположить, что христіанскіе элементы легенды о Гралѣ существовали уже до отождествленія его съ галльскимъ сосудомъ. И, въ самомъ дѣлѣ, уже въ VI и VII вв. мы встрѣчаемъ въ Палестинѣ сосудъ съ двумя ручьями, который выдавали за употребленный Спасителемъ на Тайной Вечери. См. ст. графа А. С. Уварова: „Потиръ“ въ I т. „Древностей“ (М. 1865, стр. 9). Не скажетъ ли Nucher, что и этотъ сосудъ былъ взятъ у галльскихъ кельтовъ, или же у жителей Галатіи?

²⁾ Экземпляры монетъ съ такимъ изображеніемъ мы видѣли въ кабинетѣ монетъ и медалей Университета Св. Владиміра. Въ замѣткѣ г. Герца къ ст. гр. Уварова о потирѣ („Древности“, т. I, матеріалы для археологическаго словаря, стр. 63) мы не встрѣтили рисунковъ такихъ чашъ.

³⁾ Les médailles antiques, par Mionnet, t. V (Paris MDCCCXI), pp. 558, 560, 561.

⁴⁾ I. Section, 77 Theil, Leipz. 1864, S. 136—137.

San-Marte говоритъ о возникновеніи занимающей насъ легенды весьма общё.

Онъ полагаетъ различіе основы легенды о Гралѣ отъ основы сказаній объ Артурѣ, Карлѣ V. и нѣмецкихъ герояхъ въ томъ, что въ закладку первой легенды, не такъ какъ въ послѣднихъ сагахъ, не легли историческія лица и событія, по крайней мѣрѣ эти послѣднія до сихъ поръ не открыты въ отдаленнѣйшемъ фонѣ, а глубоко благочестивая мысль была плодотворнымъ зерномъ, которое, пересаживаясь чрезъ поэтовъ въ поэтѣмъ, изъ земли въ землю и изъ столѣтія въ столѣтіе и бывъ возвращаемо чувствомъ, получило, наконецъ, содержаніе, которое хотя поэты усиливались передать потомству, какъ исторію священнаго сосуда, свидѣтельствуя однако, что этотъ сосудъ нашель свое значеніе только въ домогательствѣ благочестиво-христіанскаго духа обосновать неизслѣдуемыя тайны вѣры, чудеса, производимыя христіанствомъ во всемъ мірѣ, и обильно спасительныя ученія Новаго Завѣта, сдѣлать ихъ наглядными въ символахъ и привязать ихъ къ поэтическимъ и историческимъ преданіямъ въ духѣ христіанскаго рыцарства ¹⁾.

Отдѣлавшись такими слишкомъ общими выраженіями отъ нелегкаго вопроса о генезисѣ легенды Граля **San-Marte**—согласно своему основному воззрѣнію—не представляетъ развитія фабулы Граля до проникновенія ея въ романы. Игнорируя изданный уже въ 1841 г. **Ft. Michel'**емъ романъ о Гралѣ, онъ замѣчаетъ, что сага о Гралѣ дошла до насъ не въ чистомъ и самостоятельномъ видѣ въ какомъ-нибудь письменномъ произведеніи, а—уже въ тѣсной связи съ исторіей Парцивала и всѣмъ Артуровскимъ цикломъ сказаній, и оттого нельзя ясно различить, какое вліяніе эта связь имѣла на первоначальную форму и насколько эта послѣдняя выиграла или потеряла отъ этой связи. **San—Marte** ограничивается замѣчаніемъ, совершенно справедливымъ ²⁾, что легенда о Гралѣ, или, можетъ быть точнѣе выражаясь,

¹⁾ S. 136.

²⁾ **San-Marte** основаль, впрочемъ, это замѣчаніе на невѣрномъ утвержденіи, будто „die ersten Berichterstatter in ihren Schilderungen des heiligen Grals, seines Wesens und seiner Bedeutung in der Hauptsache übereinstimmen, in der Geschichte Parcival's und in den übrigen damit und mit dem Gral verflochtenen zahllosen und weitschichtigen Abenteuern anderer Helden aber die grössten Abweichungen und Verschiedenheiten stattfinden“. По нашему мнѣнію, первая часть этой послылки несостоятельна: много ли согласія между сказаніемъ о Гралѣ у **Вольфрама** и извѣстными намъ французскими изводами легенды? 5

„идея о Градѣ“ „была первоначально отдѣльна отъ исторій Парцивала и прочихъ Артуровскихъ витязей“¹⁾.

Немного далѣе San-Marte касается нѣкоторыхъ элементовъ сказанія о Градѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно является у нѣмецкихъ поэтовъ.

San-Marte готовъ отмѣтить, какъ восточный элементъ, проглядывающую въ легендѣ о Градѣ сагу о земномъ раѣ, о которой замѣчаетъ однако: „такого рода представленія распространены въ человѣчествѣ глубоко и одинаково во всѣхъ нрѣсахъ“. Вотъ потому-то, думаемъ, и нечего толковать въ этомъ случаѣ о востокѣ. San-Marte продолжаетъ: возможно также, что предсудутый *черный камень* въ юго-восточномъ углу Каабы въ Меккѣ стоитъ въ темномъ отношеніи къ нашему св. Градо. San-Marte имѣетъ тутъ въ виду Градъ Вольфрама von Eschenbach. Нѣмецкій ученый останавливаетъ свое вниманіе на этомъ камнѣ, который иные называютъ даже „правую руку Бога на землѣ“ и о которомъ передаютъ, что это — одинъ изъ *дромитическихъ камней рая*, упавшій на землю вмѣстѣ съ Адамомъ. San-Marte находитъ въ исторіи и представленіяхъ этого камня нѣсколько чертъ, *сближающихъ* его съ исторіей и представленіями Града. Затѣмъ онъ говоритъ, что въ нашу сагу могъ войти староегипетскій Гермесовъ кубокъ, кубокъ Джемшида, Геркулеса и Вакха мистерій²⁾. Письмо Ferd. Wolf'a, о которомъ мы скажемъ въ свое время, не позволяетъ, по словамъ San-Marte, говорить объ „отдѣльныхъ мавританскихъ мифологическихъ элементахъ“. Талмудическое и старораввинское творчество также не знаетъ ничего подобнаго Градо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаетъ San-Marte³⁾, насколько послѣдовательно — предоставляемъ судить читателю, получаетъ болѣе подтвержденія взглядъ, что Градъ и храмовничество, какъ оно изображено у Вольфрама и въ младшемъ Титурелѣ, составляютъ твореніе фантазіи, принадлежащее свободному вымыслу и лишенное почвы дѣйствительной народной вѣры, но для котораго окраска заимствована съ весьма различныхъ сторонъ. Другими словами: оболочка той „глубокой религіозной мысли“, о которой говорилъ прежде San-Marte и которая передавалась, по его мнѣнію, отъ

¹⁾ S. 137.

²⁾ S. 145.

³⁾ S. 146.

пожелѣнія въ пожелѣнію и изъ страны въ страну, прежде чѣмъ получила содержаніе, излагавшееся въ видѣ пространной исторіи свѣдѣнаго сосуда, принадлежить вымыслу единичныхъ поэтовъ, воспользовавшихся матеріалами, какіе представлялись въ различныхъ повѣрхяхъ.

Мы думаемъ, что нѣтъ надобности долго останавливаться на рѣчахъ San-Marte о странствованіи „глубокой религіозной идеи“ и объ отрѣшенности фантазіи поэтовъ отъ почвы народнои вѣры въ творчествѣ легендарной оболочки Граля. Первое положеніе, справедливое, не въ томъ, какъ мы надѣемся показать далѣе, смыслъ, въ какомъ сѣвить его San-Marte, ничѣмъ не доказывается у него, а второе не ширится съ указанными выше фактами, приведенными самимъ San-Marte¹⁾, и съ отголосками вѣмецкихъ жибовъ въ Нарцивалѣ Вольфрама.

Мы коснемся лишь одной подробности мѣнія San-Marte.

Онъ сводитъ дѣло къ постепенному развитію и долгой выработкѣ замысла исторіи Граля, самая же исторія Граля являлась не сразу, а какъ бы въ концѣ развитія.

Въ этомъ случаѣ San-Marte идетъ вслѣдъ за Rochat, который²⁾ также принимаетъ отдѣльное существованіе вначалѣ „мисіонной“ идеи, стремившейся воплотиться въ саяг³⁾.

Мы позволимъ себѣ спросить у почтенныхъ авторовъ, на какихъ фактахъ они обосновали все это мистическое построеніе? San-Marte самъ замѣчаетъ, что „трудно найти первые слѣды образованія саяга о Гралѣ и его культа и дать твердую и закрѣпленную подкладку первоначальной исторіи развитія этой саяги“⁴⁾. Эта трудность совершенно понятна съ точки зрѣнія San-Marte; она должна вытекать изъ каре-

¹⁾ Въ дополненіе къ димъ нужно прибавить замѣченное San-Marte въ другомъ мѣстѣ статьи, именно, что валлійское сказаніе о Цередуль было также одною изъ оболочекъ, какими былъ надѣленъ Граль впоследствии, хотя и въ немъ уже замѣчается, впрочемъ—въ очень малой степени, предчувствіе той идеи, которая была потомъ воплощена въ это сказаніе.

²⁾ Ueber einen bisher unbekanntes Percheval li Galois, Zürich 1855, S. 126.

³⁾ Вотъ слова Rochat: «es war die Idee eines höheren Strébens, als das irdische, eines Preises höherer Art als derjenige, den man durch körperliche Stärke und ritterliche Kraft sich errang; es war der andauernde Streit des innern Menschen, der geistige Kampf der Seele auf einen Sieg gerichtet der fern vom gewöhnlichen Turnierplatze und Waffengeklir dem Glaubensritter vorgeschwebte».

⁴⁾ Allgem.-Encycl., I, c., S. 137.

ветера той первой причины, той основы, на которой, по мнѣнію San-Marte, возникла легенда о Гральѣ.

Благочестивая мысль ¹⁾, указываемая довольно многими изслѣдователями, несомнѣнно проглядываетъ въ Гральѣ, но она вылезалась не въ этой только легендѣ, и, въ такомъ общемъ опредѣленіи этой мысли, не снабженномъ никакими ссылками на факты, не можетъ выясниться пунктъ отправленія легенды и развитіе ея фабулы, которая сразу должна была соединиться съ благочестивою мыслию, нераздѣльною съ Гралемъ, какое бы ни признать сказаніе о немъ первобытнымъ. Мысль легенды („Gedanke“) нельзя отличать отъ содержанія („Inhalt“) ея и идею Граля („Gralidee“) — отъ его саги („Gralsage“), къ чему склоненъ, повидимому, San-Marte. Можно разграничивать только послѣдовательныя ступени въ развитіи этой идеи *вмѣстѣ съ сагою*.

На первыхъ порахъ, именно въ начальныхъ произведеніяхъ французскихъ труверовъ, элементъ саги переѣшываетъ элементъ чистой идеи, и особенное значеніе Граля, внутренняя его подкладка, не только не затушевываетъ этихъ историческихъ подробностей, но даже и не слишкомъ выступаетъ. То, что San-Marte отмѣчаетъ въ легендѣ о Гральѣ, дѣйствительно, встрѣчается въ ней, но все это ярко обрисовывается лишь у Вольфрама, и уже по одному тому, что произведеніе славнаго нѣмецкаго поэта принадлежитъ къ глубокомысленнѣйшимъ созданіямъ среднихъ вѣковъ, представленіе его о Гральѣ не можетъ считаться общимъ достояніемъ, и нѣтъ основаній думать, что легенда о Гральѣ, въ своемъ постепенномъ образованіи до Вольфрама, держалась на той высотѣ, на какой застаемъ ее у послѣдняго. Насколько Фаустъ Гёте не похожъ на своего предка въ старой легендѣ, настолько, безъ сомнѣнія, далежъ и Граль Вольфрама отъ своего прототипа. San-Marte примыкаетъ въ выводѣ легенды Граля къ Görge'sy и его послѣдователямъ, научные приемы которыхъ считалъ отжившими уже Gerwinus. Gerwinus говоритъ ²⁾, что, благодаря разъясненію началъ саги о Гральѣ съ открытіемъ памятниковъ бретонско-валлійскаго творчества, „получило жестокий ударъ все направленіе нѣмецкихъ саго-изслѣдователей по которому они тщательно выискиваютъ чистоту сагъ въ заднемъ грунтѣ нашихъ старыхъ эпосовъ, надѣются усмотрѣть „первоначальный смыслъ“

¹⁾ Въ *глубоко-благочестивую* она обратилась лишь въ послѣдствіи.

²⁾ Geschichte der Deutschen Dichtung, vierte Ausg., I, 383—384.

саги въ древнѣйшихъ источникахъ, и вновь утвердился историческій взглядъ, находящій, что смыслъ и чистый видъ сообщаются сагамъ въ заключительныхъ обработкахъ у овладѣвающихъ содержаніемъ поэтовъ, а въ древнѣйшихъ открывающій вездѣ только грубѣйшія основныя матеріи⁴.

Мы готовы отдѣлить идею Граля, просвѣчивающую у Вольфрама, отъ первоначальной оболочки Граля, въ которой эта идея выступаетъ слабѣе, но только мы не поставимъ этой идеи впереди съ тѣмъ, чтобы считать исторію Граля подысканною потомъ къ идеѣ, такъ какъ нѣтъ оснований на это. Наоборотъ, Вольфрамова идея выработывалась естественнымъ ростомъ изъ самой легенды и въ самой легендѣ Граля, или, лучше сказать, вносилаь постепенно въ исторію его, по мѣрѣ того какъ въ головахъ поэтовъ становилась зрѣлѣе и зрѣлѣе мысль, заставившая помѣстить Граля въ сферѣ рыцарства и поставить его средоточіемъ высшихъ подвиговъ рыцарства. Идея Граля была отдѣльна отъ фабулы его и предшествовала ей въ такой степени, въ какой всякая идея можетъ назваться отдѣльною отъ искони присущей ей формы проявленія. Противъ Rochat и San-Marte говорить выдвигаемый ими же самими фактъ, что улавливаемая ими идея Граля ярко проглядываетъ впервые у Вольфрама¹). Не значить ли это, что идея вырѣла до совершенной въ предѣлахъ возможности формы только въ пору Вольфрама и у него? У нѣмецкаго поэта, дѣйствительно, очень глубокая мысль; у него соединенъ съ служеніемъ Гралю и художественно выраженъ высшій идеаль, какой только могъ быть тогда, но то ли мы видимъ и въ произведеніяхъ о Гралѣ, предшествовавшихъ Вольфрамову? Чтѣ ни говорить объ источникахъ Вольфрама, останется все-таки несомнѣннымъ, что многое принадлежало исключительно ему, и изъ этого многого на первый планъ должно выдѣлить идею, которою оживлено его произведеніе, глубоко продуманное отъ начала до конца. Въ силу преобладанія этой идеи у Вольфрама не мало аллегоріи, которая, впрочемъ, скрыта и нисколько не портитъ впечатлѣнія художественности.

Вся несостоятельность воззрѣній San-Marte произошла отъ того, что онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на французскіе изводы легенды о Гралѣ: онъ передаетъ ихъ лишь какъ варианты къ Воль-

¹) Что мысль, проникающая твореніе Вольфрама, встрѣчается лишь у него, это можетъ быть названо общимъ мнѣніемъ ученыхъ.

фразу и неправильно уяснил себѣ вопросъ о положеніи ихъ въ развитіи легенды о Гралѣ, съ *древнѣйшими* изъ французскихъ пересказовъ которой онъ мало знакомъ ¹⁾.

San-Marte не думаетъ, повидимому, что Іосифъ Аримаѣйскій игралъ видную роль въ сагѣ Граля на первыхъ порахъ. Онъ полагаетъ, что Іосифъ получилъ мѣсто въ народной легендѣ не ранѣе 1130 г., въ романахъ же онъ занялъ выдающееся положеніе собственно съ XIII стол. ²⁾. Такое утвержденіе находится въ связи съ замѣчаніемъ, что „сага о Гралѣ получила живѣйшую обработку у французовъ впервые во второй половинѣ XIII-го стол.“ ³⁾. Для опроверженія этого, мы думаемъ, достаточно сослаться на французскіе романы о Гралѣ XII-го стол. Будучи самыми древними произведеніями о Гралѣ, они должны быть исходнымъ пунктомъ въ изслѣдованіи генезиса легенды. Между тѣмъ San-Marte считаетъ эту вариацию легенды развившеюся позже и какъ бы боковою вѣтвью сказанія, а не главнымъ его стволомъ, хотя самъ же говоритъ, что слово Граль означаетъ *сосудъ*, и это обстоятельство должно было навести его на мысль, что и первоначальная легенда о Гралѣ говорила о сосудѣ, а не о камнѣ, встрѣчающемся у Вольфрама.

По мнѣнію San-Marte, вѣтвь легенды, выдвинутая Іосифа, была разработана учеными монахами, заимствовавшіе у которыхъ труверы начали вносить легенду объ Аримаѣйскомъ праведникѣ въ романы въ предпоследнее десятилѣтіе XII-го стол. ⁴⁾. Въ началѣ Іосифъ былъ внѣ всякой связи съ Гралемъ, разумѣть ли подъ послѣднимъ евхаристическую чашу или блюдо. „Послѣднее толкованіе и—что *въ Гралѣ была прилита кровь Христа*, кажется, находится въ связи съ историческими фактами“. „Мистическое значеніе Граля, говоритъ далѣе San-Marte, перенло въ романы изъ исторіи и изъ романовъ обратно въ исторію“ ⁵⁾.

San-Marte пытается установить *начало* сказанія о Гралѣ *въ связи* его съ *легендою* объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ при помощи историческихъ свидѣтельствъ о нахожденіи различныхъ реликвій.—Упомянувъ о сосудѣ, найденномъ въ Кесаріи, San-Marte замѣчаетъ, что въ XII стол.

¹⁾ См. Allgem. Encyclop., I Sect., 77 Th., S. 137, 146...

²⁾ Ibid. S. 150.

³⁾ S. 152.

⁴⁾ S. 150.

⁵⁾ S. 151.

ни одинъ писатель не говорить о собраніи въ него крови Христовой. Но значить ли это, что не было вообще подобной легенды? Она могла существовать, но только не прилагаться къ генуэзскому сосуду, о которомъ могли ходить иныя преданія, повторенныя въ позднѣйшее время Fra Gaetano въ цѣлой книгѣ, связывающей этотъ сосудъ съ Никодимомъ¹⁾. Къ генуэзскому сосуду сразу стали относиться, какъ къ нѣкой реликвиі²⁾, и, безъ сомнѣнія, онъ сразу получилъ легенду.

San-Marte думаетъ, повидимому, что Иосифъ Аримаѣйскій выступилъ въ романахъ, когда развилась легенда о собраніи крови Христовой въ генуэзскій сосудъ. Въ XII стол. этой легенды не передавали о генуэзскомъ сосудѣ, и легенда о Гралѣ французскихъ романовъ XIII стол. была, по его мнѣнію, новою легендой. Въ доказательство этого San—Marte приводитъ слова Гелинанда³⁾, но изъ свидѣтельства послѣдняго нисколько не вытекаетъ то, что утверждаетъ San—Marte, т. е. новизна легенды и малое распространеніе ея во время около 1227 г.

Начало французской редакціи сказанія о Гралѣ не отъ генуэзскаго сосуда, какъ скоро эта редакція существовала уже въ XII стол., когда ее не прилагали къ генуэзскому сосуду. Въ основательности приложенія легенды, бывшей въ обращеніи въ XIII стол., къ знаменитому *sacro satino* не всѣ были убѣждены и въ XIII в., какъ видно изъ одного выраженія Иакова de Voragine.

Что касается источавшаго кровь копыя, то оно, въ самомъ дѣлѣ, могло перейти въ романы изъ исторій, по *поводомъ* къ внесенію его туда была естественность помѣщенія, рядомъ съ чашею, принявшею кровь Христову, и самою кровью, того орудія, которымъ была исторгнута эта кровь⁴⁾. Въ первыхъ романахъ Круглаго Стола копые не выдупаетъ въ качествѣ священной реликвиі Христовыхъ страданій⁵⁾.

¹⁾ Уже Isoprus de Voragine приписывалъ не Иосифу Аримаѣйскому собраніе крови Христовой въ сосудъ, перенесенный въ Кесарію, а Никодиму.

²⁾ Интересно, что Вильгельмъ Тирскій и Albericus Trium Fontium обратили вниманіе на то, что онъ «in modum parobsidis formatum».

³⁾ Они относятся къ тому мѣсту Гелинанда, на которое ссылается и Villemarqué, и которое цитруется во всѣхъ трактатахъ о Гралѣ.

⁴⁾ Въ романѣ о Гралѣ, напечатанномъ въ 1523 г., говорится о собраніи въ священный сосудъ крови, текшей съ копыя.

⁵⁾ См. у Nucher, l. c., pp. 404—405.

San-Marte видитъ неполноту и какъ-бы умышенное сглаживание нѣкоторыхъ подробностей Вольфрамова повѣствованія во французскомъ сказаніи о Персевалѣ. Подъ вліяніемъ мысли объ этомъ, онъ производитъ рядъ сопоставленій, не принимая въ соображеніе, что предполагаемая имъ неполнота французскихъ пересказовъ и меньшая сила мотивировки подробностей въ нихъ могла произойти отъ того, что французское сказаніе было предшествовавшей ступеню, да и авторы, излагавшіе это сказаніе, не обладали такимъ талантомъ, какъ Вольфрамъ, могшій распространить сагу и сообщить ей дальнѣйшее развитіе ¹⁾).

Остальное, что говорится у San-Marte по поводу Граля, относится уже къ исторіи этого сюжета въ литературныхъ произведеніяхъ, и потому мы не станемъ разбирать слѣдующую за разсмотрѣнною часть статьи San-Marte. Замѣтимъ только, что длинное выясненіе „идеи“ Граля по Вольфраму ²⁾ не можетъ имѣть приложенія ко всѣмъ произ-

¹⁾ San-Marte обращаетъ вниманіе, напримѣръ, (S. 152) на отсутствіе тамплиеровъ во французскихъ романахъ о Гралѣ. Онъ думаетъ, что храмовники были изгнаны изъ французскихъ романовъ по политической причинѣ. Но о подобномъ изгнаніи не можетъ быть и рѣчи, какъ скоро они съ самаго начала вовсе не были внесены въ легенду (они встрѣчаются въ одномъ изъ позднѣйшихъ романовъ). Притомъ Orregt, мнѣніе котораго мы разберемъ ниже, разъяснилъ совершенно удовлетворительно, какихъ тамплиеровъ Вольфрамъ имѣлъ въ виду. — San-Marte говоритъ о неискусномъ сочетаніи и влетеніи подробностей во французскихъ пересказахъ. См., напр., стр. 153: «Das Geheimniss der Gralsburg und die verhängnissvolle Frage sind offenbar bei Wolfram das eigentliche Herz der Dichtung, von dem aus alles Lebensblut in die fernsten Adern des tief sinnigen Meisterwerks rinnt und dahin zurückkehrt. Aber die Franzosen wussten auch hiermit Nichts anzufangen und verirrtten sich zu Widersprüchen und Inconsequenzen, die den Zauber dieser Mystik bedauerlich zerstören». Мы согласны, что допущеніе Gauvain'a въ замокъ Граля въ романѣ, приписываемомъ Кретьену, идетъ не такъ къ цѣли повѣствованія, какъ недопущеніе его туда, но послѣднее не есть ли плодъ болѣе вдуманности въ сюжетъ со стороны Вольфрама? По поводу замѣчанія San-Marte о вопросахъ, предлагаемыхъ королю Граля, можно сказать, что они, равно какъ и исканіе Граля, имѣютъ самый натуральный смыслъ лишь во французской редакціи сказанія о Персевалѣ, приписываемой de Boron'y; см. о ней у Huohet.

²⁾ Allgem. Encyclop., I. c., S. 138—144.

веденіямъ, посвященнымъ Гралю, и въ особенности въ древнѣйшимъ, которыя собственно и интересуютъ насъ, и мы сочтемъ нужнымъ поговорить въ надлежащемъ мѣстѣ о сущности Граля въ *древнѣйшихъ романахъ* о немъ, которая предстанетъ въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ у Вольфрама.

Изъ переданнаго нами содержанія теоріи San-Marte относительно Граля ясно, по всей вѣроятности, что изъ двухъ главныхъ пересказовъ легенды о Гралѣ нѣмецкій ученый останавливается преимущественно на томъ, который встрѣчается у Вольфрама. Онъ отдаетъ ему предпочтеніе, не заявляя, впрочемъ, въ послѣдней своей статьѣ о Гралѣ, что у Вольфрама самая первобытная редакція сказанія о немъ¹⁾.

За San-Marte пошли другіе нѣмецкіе ученые, построившіе теоріи о Гралѣ, также руководясь, главнымъ образомъ, Вольфрамовымъ произведеніемъ, но отличаясь меньшею осторожностію.

Въ ряду этихъ ученыхъ заслуживаетъ вниманія прежде всего Симрокъ, мнѣніе котораго, если не въ цѣломъ, то въ частностяхъ, нашло значительное распространеніе.

Въ вопросѣ о сагѣ Граля Симрокъ применилъ къ ученымъ, отставившимъ возникновеніе ея въ неправовѣрной средѣ и распространеніе чрезъ югъ Франціи.

Симрокъ выводитъ Граля отъ восточныхъ еретиковъ, склоняясь, хотя не вполне рѣшительно²⁾, усматривать слѣды чествованія его и у храмовниковъ; „къ почитанію реликвіи привязались первобытныя языческія представленія о чудодѣйственной и творческой ея силѣ“³⁾.

Не удовлетворяясь, какъ сначала было⁴⁾, данными, находящимися у Вольфрама⁵⁾, Симрокъ беретъ его сказаніе, приписавъ ему предварительно пониманіе Граля въ видѣ блюда, лишь за точку отправленія. Mabinogi о Передурѣ, гдѣ говорится о блюдѣ съ лежащею на немъ

¹⁾ Прежде San-Marte утверждалъ это прямо.

²⁾ Parzival und Titurel. Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach. Uebers. und erläutert von Dr. K. Simrock. Dritte Ausgabe, Stuttgart und Augsburg. 1857. S. 793.

³⁾ Ibid., S. 796.

⁴⁾ Именно—при первомъ изданіи перевода Вольфрамовыхъ Парцивала и Титуреля.

⁵⁾ S. 775.

окровавленной головою, напоминает Симрокъ голову Іоанна Крестителя и вмѣстѣ ту, въ поклоненіи которой обвиняли тамплиеровъ, а также, приводитъ на мысль то обстоятельство, что Генуэзцы пожертвовали сосудъ, найденный въ Кесаріи, капеллѣ Іоанна Крестителя. Затѣмъ Симрокъ перечисляетъ факты, указывающіе, повидимому, на особенное чествованіе Іоаннова дня у рыцарей Граля.

На основаніи всего этого, нѣмецкій ученый думаетъ, что въ древнѣйшей формѣ саги Граля можно отыскивать слѣды почитанія Іоанна Крестителя.

Переходя затѣмъ къ выясненію начала саги, Симрокъ обращаетъ вниманіе на свидѣтельства о почитаніи Іоанновой главы сектой Македоніанъ. Является вопросъ, говоритъ Симрокъ, не стояли ли Іоанниты въ связи съ Мондеями? Эти послѣдніе жили долго съ Несторіанами, а какъ Несторіане составляли царство пресвитера Іоанна, то ихъ именно должно считать тѣми Іоанновыми христіанами, которые были посетителями культа Іоанна Предтечи на востокѣ, — культа, замѣчаемаго и въ древнѣйшей формѣ саги Граля ¹⁾.

Обращаясь потомъ къ объясненію значенія послѣдняго, Симрокъ прибѣгаетъ къ даннымъ мифологій, изъ которыхъ видно, „какъ уже заранѣе были близки къ воспріятію мифа о Гралѣ“ ²⁾, и производитъ сближенія подробностей его съ различными нѣмецкими повѣрьями.

Нѣмецкій ученый ставитъ краеугольнымъ камнемъ своей теоріи представленіе Вольфрамова Граля въ видѣ блюда, при чемъ не обращаетъ должнаго вниманія въ фабулѣ Граля на то, что разсказывается о немъ у французскихъ романистовъ.

Само по себѣ, изображеніе Граля въ видѣ блюда не имѣетъ еще значенія. Ортодоксальная среда могла рисовать себѣ двояко сосудъ, въ который была собрана кровь Христова, смотря по тому, во что-кому казалось — удобнѣе было собрать эту кровь.

Но, во 1-хъ, нѣтъ основаній считать Вольфрамовъ Граль непременно блюдомъ. У нѣмецкаго поэта нѣтъ описанія формы Граля ³⁾,

¹⁾ Simrock, Parz. и Tit., S. 776—777.

²⁾ «Wie in allen jenen Mythen dem Blute des sterbenden Gottes schöpferische Kraft beiwohnt, so geht Leben, Fülle und Ueberfluss von der Schüssel aus, auf der das Haut des Iohannes lag». S. 779.

³⁾ См. Parz. V, 350 fg.

который нигдѣ не называется сосудомъ, а именуется просто камнемъ¹⁾, и который постоянно носить на Achmagdi (арабская зеленая шелковая ткань) сестра короля Anfortas'a. Кажется, что буквально какъ камень и нужно принимать Граль Вольфрама. Граль называется у него *Lapis exilis*—т. е. такъ, какъ вообще говорилось о камняхъ въ лапидаріяхъ, съ которыми Вольфрамъ былъ; повидимому, званомъ²⁾. Если Симрокъ находить возможнымъ считать Граль блюдомъ потому, что рыцари Граля получали отъ него яства и напитки³⁾, то съ такимъ же правомъ

¹⁾ Parz. IX, 1083—1084:

sie lebet von einem steine:
des geslächte ist vil reine.

1094—1096:

ouch wart nie mēschēn sō wê,
swelhes tages ez den stein gesiht
die wochen mac ez sterben niht.

Слово *stein* употребляется для означенія Граля и далѣе. 1108 ст. гласить:
der stein ist ouch genant der grâl.

²⁾ См. Parz. XVI, 121 fg. и примѣч. Bartsch'a (Deutsche Classiker des Mittelalters. Wolfram's von Eschenbach Parzival und Titurel, III, Leipzig 1874, S. 170).—Въ лапидаріяхъ предъ названіемъ каждаго камня ставилось слово *lapis*.

³⁾ Parz. V, 422 fg.:

hundert knappen man gebôt:
die nâmen in wîze twehelen brôt
mit zûhten vorme grâle.
....vorem grâle waere bereit

.....
swâ nâch ener bôt die hant,
daz er al bereitē vant
spise warm, spise kalt,
spise niuwe unt dar zuo alt,
daz zam unt daz wilde.

Сл. ст. 456—457.—Впрочемъ, Симрокъ, говоря постоянно о Гралѣ, какъ о блюдѣ, могъ имѣть въ виду толкованіе слова Граль у Гелиманда, на которомъ основалъ разсужденія о Гралѣ и Bartsch (I. c., I, S. XXIII. Сл. на 248 стр. прим. въ 353 ст.). Но нѣмецкій поэтъ могъ употреблять слово Граль, какъ собственное имя, не соединяя съ нимъ непременно понятія о блюдѣ или вообще о какомъ-нибудь сосудѣ. По крайней мѣрѣ, на такое пониманіе Граля, какъ мы сказали, нѣтъ намека ни въ одной строкѣ Вольфрамова

можно давать Гралю и инныя формы, смотря по тому, на какія изъ его благодѣяній (которыя не ограничивали въ доставленіемъ пищи) обращать вниманіе.

Во 2-хъ, Симрокъ едвали правъ, когда утверждаетъ, что сага о Гралѣ и исторіи Парцивала и Шюнатуландера сохранились въ самой подлинной и вмѣстѣ самой прекрасной формѣ въ обоихъ произведеніяхъ Вольфрама; всѣ прочія обработки легенды составляютъ болѣе или менѣе искаженія, въ которыхъ уже Вольфрамъ причислялъ произведеніе Кретьена ¹⁾.

Въ этомъ положеніи, которымъ проникнута теорія Симрока, открыто придается слишкомъ много значенія Вольфрамову повѣствованію, и мы находимъ весьма умѣстнымъ сказать здѣсь, какимъ представляется намъ это повѣствованіе по своему происхожденію.

Тотъ или иной взглядъ на Вольфрамовы свидѣтельства имѣеть огромное значеніе въ выясненіи геническа легенды о Гралѣ. Извѣстно, что послѣднему, въ разсказѣ Вольфрама дается совершенно отличная легенда отъ той, которая встрѣчается о Гралѣ у англо-нормандскихъ и французскихъ труверовъ, хотя нѣсколько общихъ свойствъ, присвоиваемыхъ ему одинаково тѣмъ и другимъ сказаніемъ, указываютъ на родство этихъ варіацій легенды. Такъ, и у Вольфрама, какъ мы видѣли, Гралю приписывается способность насыщать своихъ хранителей всѣми родами яствъ ²⁾; у французскихъ поэтовъ только чистые могли видѣть Гралъ и услаждаться имъ, и точно также и у Вольфрама сподобиться этого могли лишь призванные въ тому по заслугамъ; Гралъ приводится и у Вольфрама до извѣстной степени въ связь съ нашимъ искушеніемъ ³⁾. Французскіе романы о Гралѣ древнѣе нѣмецкаго Парцивала, но въ основу послѣдняго нѣкоторые кладутъ съ полною увѣ-

произведенія.—Производство слова Гралъ отъ Grès неосновательно и, слѣдовательно, съ Гралемъ не соединялось у французовъ представленіе о камнѣ.

¹⁾ S. 796.—Сл. Die Arthur-Sage, S. 59.

²⁾ См. выше и Parz. IX, 1083.

³⁾ См. ниже Сл. у San-Marte въ «Rückblicke auf Dichtungen und Sagen des deutschen Mittelalters (Biblioth. der gesammten deutsch. Nat.-Literatur, Abtheil. II, Band 6, Quedlinburg und Leipzig 1872)», гдѣ перепечатаны статьи о Вольфрамѣ, помѣщенные прежде въ журналѣ «Germania».

ренностью произведение, которое, если только оно существовало въ дѣйствительности, могло бы посчитаться древностію съ самыми ранними изъ французскихъ романовъ.

Является вопросъ о сравнительной древности обѣихъ редакцій сказанія о Гральѣ и о взаимномъ отношеніи ихъ — вопросъ, который давно уже поднятъ въ наукѣ.

Въ рѣшеніи его Симрокъ противорѣчитъ самъ себѣ, толкуя о важномъ значеніи повѣствованія Вольфрама и отрицая въ тоже время пользованіе со стороны послѣдняго какимъ-нибудь другимъ французскимъ романомъ, кромѣ романа французскаго поэта Кретьена де Труа.

Вольфрамъ старался показать, что онъ имѣлъ предъ собою сказаніе о Гральѣ въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ какомъ оно является у Кретьена де Труа. Онъ хотѣлъ, повидимому, убѣдить читателя, что онъ имѣлъ подъ руками первое произведение, какое выдвинуло Граля изъ неизвѣстности, — произведение писавшаго по французски провансальца Куотъ который открылъ будто-бы находившееся въ забвеніи въ Толедо повѣствованіе Флегетаниса о Гральѣ и продолжилъ это повѣствованіе данными о дальнѣйшей судьбѣ Граля, встрѣченными имъ послѣ розысковъ въ хроникѣ Анжу.

Симрокъ и Rochat предполагаютъ, что Куотъ выдуманъ Вольфрамомъ для того, чтобы послѣдній могъ опереться на какой-нибудь авторитетъ въ отступленіяхъ отъ Кретьена де Труа ¹⁾, а нѣкоторые ученые ²⁾ думаютъ, что Вольфрамъ нашелъ Куотъ выставленнымъ въ своемъ источникѣ. Другіе нѣмецкіе ученые, въ томъ числѣ Bartsch, готовы считать Куотъ дѣйствительно существовавшимъ лицомъ, и при этомъ Wackernagel³⁾ и San—Marte⁴⁾ отождествляютъ Куотъ съ Guiot de Provins, хотя во французской литературѣ не сохранилось и намековъ на то,

¹⁾ Bartsch возражаетъ, что Вольфраму не было надобности въ такомъ авторитетѣ для отступленій, примѣры которыхъ нерѣдки. По нашему мнѣнію, все-таки ссылка на Куотъ могла придать въ то время болѣе значенія Вольфрамову произведенію. — San-Marte (»Rückblicke«, S. 146) находитъ смѣлымъ бросать тѣнь на характеръ Вольфрама, приписывая ему выдумку относительно источника Парцивала. Но такія выдумки не считались тогда предосудительными.

²⁾ Какъ W. Müller—въ Gött. Gel. Anz. 1843.

³⁾ Altfranzösische Lieder und Leiche, Basel, MDCCCXXXVI, S. 191.

⁴⁾ Parzival—Studien, Heft I, Halle, Waisenhaus 1861; Rückblicke etc.

чтобы послѣдній писалъ что-нибудь подобное роману о Персевалѣ ¹⁾, да и сочиненія его, кромѣ встрѣчающейся въ нихъ похвалы тамплиерамъ, не даютъ поводовъ къ такому заключенію ²⁾. Притомъ, согласно съ *Wartsch'омъ* ³⁾, то, что говорится о Куѳъ у Вольфрама, заставляетъ относить родину Куѳъ къ Анжу, и, съ отождествленіемъ Куѳъ и Guiot de Provins, не будетъ понятно прозвище, данное первому у Вольфрама ⁴⁾.

¹⁾ Предположимъ, что самое произведеніе Куѳъ погибло вслѣдствіе причинъ, указанныхъ *Bergmann'омъ*, о мнѣніи котораго относительно Граля мы скажемъ ниже: «Il faut attribuer à l'hétérodoxie de Guyot la perte ou la destruction de son roman, lequel devait avoir le même sort que les livres des Albigeois et les ouvrages des Templiers».

²⁾ Въ „Библии“ *Guiot* могъ хоть какъ-нибудь намекнуть о Персевалѣ, который долженъ былъ быть имъ написанъ предъ „Библией“, а между тѣмъ онъ не сдѣлалъ этого. *San-Marie* («*Rückblicke*», S. 142) напрасно считаетъ ничего не значущую эту сравнительность на томъ основаніи, что «eine sachliche Nothwendigkeit gebot ihm solche Bezugnahme nicht». *San-Marie* основываетъ свое предположеніе о написаніи *Guiot* романа о Персевалѣ на такихъ шаткихъ доказательствахъ, какъ: «Es entspricht der allgemeinen Geistesentwicklung, dass *Guiot* in seiner Jugend und während seines Wanderlebens sich der heitern Lyrik hingab, im gereiften Mannesalter an einem Epos ein tief in der Seele entsprungenes Ideal ritterlich-christlichen Lebens darzustellen sich gedrungen fühlte, im höheren Alter, vielleicht nach vielfachen Enttäuschungen, dagegen sich zur reinen Wirklichkeit in einem Lehr und Strafgericht wandte». *Guiot de Provins* едвали написалъ романъ о Персевалѣ; но, тѣмъ не менѣе, весьма могло быть, что *Вольфрамъ* разумѣлъ этого *Guiot*, говоря о Куѳъ: *Guiot de Provins* могъ по справедливости назваться «meister wis wol bekant», принадлежалъ къ *Chantoures* и *Ménétriers* и съ „Библией“ его *Вольфрама* былъ знакомъ. Къ такому мнѣнію склоняется и *Симрокъ*. *Вольфрамъ* могъ спокойно въ Германіи приписать *Guiot* небывалое произведеніе.

³⁾ *Pariv. und Tit. I, Th., XXVIII.*

⁴⁾ *Bergmann* объясняетъ это прозвище Куѳъ такъ: «Son goût pour la littérature du midi, ses voyages et son séjour dans ce pays, alors le plus civilisé et le plus éclairé du monde, et peut-être, plus que toute autre chose, les tendances religieuses et philosophiques qu'il y avait puisées, ont sans doute été cause que ses compatriotes lui firent donner le surnom ou le sobriquet de *Provençal*. Въ другомъ мѣстѣ *Bergmann* говоритъ: «c'est sans doute à cause de cette conformité de vues avec les sectaires du midi qu'il reçut de ses contemporains le surnom ou le sobriquet de *Provençal*. Все это едвали вѣроятно.

Изъ существующихъ на лицо фактовъ одни говорятъ въ пользу, а другіе противъ существованія Куот, отличнаго отъ Guiot de Provens, и его произведенія.

Съ одной стороны, въ романъ Вольфрама выступаетъ не малое количество французскихъ мѣстностей; встрѣчающіяся у него чисто французскія названія какъ бы говорятъ о томъ, что Вольфрамъ пользовался какимъ-то источникомъ помимо произведенія Кретьена ¹⁾. Прибавки къ тому, что читаемъ у Кретьена, иногда довольно значительныхъ размѣровъ, и подобныя эпизоды Gadriel указывалъ у нѣкоторыхъ трубадуровъ. Къ тому же циклу сказаній, къ которому принадлежитъ начало Вольфрамова Парцивала, относятся отрывки другаго произведенія Вольфрама, обыкновенно называемаго Титурелемъ. Въ XII стол. весьма легко могло явиться такое произведеніе, каковымъ можно представить себѣ, по Вольфраму, сочиненіе Куот. Вольфрамъ выводитъ королей Граля изъ Анжуйскаго дома, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, дано одно происхожденіе съ домою, изъ котораго произошелъ Артуръ. Изъ того же Анжуйскаго дома былъ, какъ извѣстно, англійскій король Генрихъ II (1154—1189), которому принадлежали одновременно Нормандія, Анжу, Touraine и Maine, Guienne, Poitou и Saintonge. Такая редакция могла быть дана сказанію о Гралѣ какимъ-нибудь изъ французскихъ подданныхъ Генриха II съ цѣлю польстить ему. Въ тѣ времена было обычно придумываніе различныхъ генеалогій. Относитъ королей Граля къ Анжуйскому дому было естественнѣе всего французскому мѣстностей, подвластныхъ этому дому ²⁾.

Но, съ другой стороны, это могъ сдѣлать самъ Вольфрамъ, имѣющій Граля на югѣ Франціи ³⁾. Самъ Вольфрамъ могъ приурочить

¹⁾ Gaston Paris (Romania, № 13, 1875, Janvier, p. 150) говоритъ: «Je crois qu'on ne peut tirer de conclusions bien sѣres des noms propres employes par Wolfram, parce qu'ils sont trop altérés; mais tout porte à croire qu'il les a trouvés dans une source française».

²⁾ См. то, что говорится у Вильмарке о бретонскихъ пѣнахъ: Les romans de la Table Ronde et les contes des anciens Bretons, p. 171.—Въ отношеніи къ возведенію Анжуйскаго дома къ Артуру интересно, что Артуромъ назывался сынъ Готфрида Плайтгенета. О сохранившихся генеалогіяхъ Генриха II см. въ «Descriptive catalogue of materials relating to the history of Great Britain and Ireland, by Th. Duffus Hardy, vol. II (Lond. 1865 г.)».

³⁾ Многие ученые утверждаютъ, что Вольфрамъ подалъ замокъ

туда Граля, который не помѣщать же ему было въ Германіи. Имена французскихъ мѣстностей на половину вымышлены и могли быть взяты

Граля въ Испаніи. Между тѣмъ, у Вольфрама не сказано опредѣленно, гдѣ находился этотъ замокъ, о которомъ говорится у него (Parz IX, 1205—1211):

dá wont ein werdiu bruoderschaft
die hánt mit werlicher kraft
erwert mit ir handen
der diet von al den landen,
daz der grál ist anerkennt,
wan die dar sint benennet
ze Munsalvaesche an's gráles schar.

На основаніи Вольфрамовыхъ словъ, можно сказать о замкѣ Граля только то, что онъ находился на континентѣ югозападной Европы, но гдѣ именно, — въ южной ли Франціи, или же въ Испаніи, неизвѣстно. Bartsch (Wolfram's von Eschenbach Parzival und Titurel, II Theil, S. 157, примѣч. къ ст. 1393 г.) говоритъ о королѣ Граля: «die Begegnung mit einem Heiden in der Nähe der Gralburg weist auch darauf hin, dass sich Wolfram den Sitz derselben in Spanien dachte». Но язычникъ, съ которымъ встрѣтился Anfortas, былъ не испанскій: онъ былъ

geboren von Ethnise,
dá úsem paradise
rinnet diu Tigris.
der selbe heiden was gewis
sín ellen solt den grál behaben.

Parz. IX, 1395—1399. Очевидно, что язычникъ, о которомъ идетъ рѣчь, прибылъ къ замку Граля нарочно съ востока. Избѣгая точнаго обозначенія мѣстности замка Граля, Вольфрамъ отдѣливается шуточками. Въ послѣдней пѣснѣ Парцивала немало такихъ оборотовъ. Говоря въ одномъ мѣстѣ о поѣздкѣ Парцивала съ братомъ и посланницею Граля къ замку послѣдняго, Вольфрамъ замѣчаетъ (XVI, 164—165):

mir ist niht für wár gesaget
wie yerr' da enzwischen waere.

Въ другомъ мѣстѣ (XVI, 297—300) онъ говоритъ:

íne weiz wie manege raste
Condwir amúrs dô was geriten
gein Munsalvaesch' mit fróude siten.

Вольфрамъ могъ изобразить въ рыцаряхъ Граля испанскихъ рыцарей (см. ниже), но самъ Граль могъ полагать во Франціи. Другое дѣло — замокъ Граля въ младшемъ Титурелѣ.

(См. въ своемъ мѣстѣ Parz. IX, 1205—1211.)

и не изъ литературнаго произведенія, а составлены Вольфрамомъ, хорошо знавшимъ французскій языкъ, изъ дѣйствительныхъ же мѣстностей названы самны общія. Вслѣдъ за San-Marte Bartsch показалъ ¹⁾, что Вольфрамъ превращалъ иногда въ собственныя имена фразы и эпитеты, которые встрѣчалъ у Кретьена. Предпослать исторію Персевалева отца также могъ самъ Вольфрамъ ²⁾ по образу Кретьена, который началъ съ таковой предварительной исторіи въ Cliget, несомнѣнно извѣстномъ Вольфраму, и вообще по установившемуся тогда въ литературѣ романовъ обычаю. Интересно въ этомъ отношеніи, что одинъ изъ предковъ Парцивала былъ призванъ по „отдаленному“ городу Ganeline:

cliu selbe stât lit aldâ
dâ diu greian in die Trâ,
mit golde ein wazzer rinnet ³⁾.

Замѣчательно, что лица этой предпосланной исторіи не встрѣчаются во французскихъ произведеніяхъ ⁴⁾, и въ ней есть подробности,

¹⁾ Germanistische Studien, herausgeg. von K. Bartsch. Supplement zur Germania. II. Die Eigennamen in Wolframs Parzival und Titurel.

²⁾ Не считать же его рабскимъ переводчикомъ. См. объ этомъ у San-Marte: Ueber Wolfram's von Eschenbach Rittergedicht Wilhelm von Orange (Bibliothek der gesamt deutsch Nat-Lit, Abtheil. II, Band 5), Quedlinburg und Leipzig, 1871, S. 111—113, а также въ отзывахъ другихъ ученыхъ о Вольфрамѣ.

³⁾ Parz. IX, 1979—1981.

⁴⁾ Что они являются въ отрывкахъ Титуреля, это ничего не значитъ, такъ какъ мы не встрѣчаемъ тамъ упоминанія о Guiot, и самъ Вольфрамъ могъ быть исключительнымъ творцомъ канвы и этихъ отрывковъ, задумавъ исторію королей Граля. San-Marte напрасно называетъ дошедшіе до насъ отдѣлы Титуреля «auf Kyot fassende Titurelfragmente» (цитир. ст. въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, стр. 137). Имѣя въ виду эти отрывки, San-Marte ⁴¹¹ думаетъ, что у Kyot было немало такихъ рассказовъ, которые Вольфрамъ не внесъ въ свой романъ о Парцивалѣ ради лучшей его округленности. Это подтверждается, по мнѣнію San-Marte, еще такъ называемымъ *младшимъ Титурелемъ*. На основаніи его содержанія должно принять *вѣсть* съ Lachmannомъ противъ Симрока, что Альбрехтъ слѣдовалъ если не произведенію Kyot, то примыкающимъ къ нему обработкамъ этого безконечно богато раз-

напоминающія нѣмецкую сагу. Куѳ, насколько можно видѣть изъ приведенныхъ ниже словъ Вольфрама, писалъ о томъ, о чемъ и Кретьенъ, и, въ сущности, повѣствованіе Вольфрама, съ фабулярной его стороны, сходится съ повѣствованіемъ Кретьена. Это нельзя объяснять тѣмъ, что Куѳ, какъ думаетъ Bartsch ¹⁾, служилъ источникомъ и Кретьену ²⁾. Вольфрамъ говоритъ о непосредственномъ знакомствѣ съ Кретьеномъ, иногда у него встрѣчаются стихи, представляющіе зна-

роспагося матеріала (нѣсколько осторожнѣе San-Marie выразился въ «Rückblicke», S. 149).—Но прибавки въ младшемъ Титурелѣ вовсе не обнаруживаютъ богатства фантазіи и представляютъ распространеніе Вольфрамова разсказа, которое можетъ быть объяснено совершенно удовлетворительно безъ допущенія пользованія со стороны автора младшаго Титуреля произведеніемъ Куѳ въ другихъ пересказахъ, кромѣ Вольфрамова.—San-Marie говоритъ далѣе: имена, встрѣчающіяся въ „Эрекѣ“ Hartmann'a von Ave (написанъ между 1189 и 1204 гг.): Titurel, Galoés, Marliviôt, Schoanbôr, Ganatlander, доказываютъ, что эти личности, не встрѣченныя въ извѣстной до сихъ поръ литературѣ французскаго романа, имѣли въ ней мѣсто, хотя они являются только какъ фигуранты и не выступаютъ въ Кретьеновомъ Эрекѣ. (Ст. о Гралѣ въ энциклопедіи Эрша и Грубера, стр. 137. Сл. Arthur-Sage, Quedlinb. und Leipz. 1842, S. 326. «Wolfram von Eschenbach und Guiot de Provins» въ Fr. Pfeiffer's Germania (1838, III, S. 463) и въ «Rückblicke»....—Мы замѣтимъ на это, что упоминаніе приведенныхъ именъ въ Эрекѣ могло быть позднѣйшею вставкою, а кромѣ того до сихъ поръ не опредѣлено съ достовѣрностію время появленія отрывковъ Вольфрамова Титуреля. (Koberstein, Grundriss der Geschichte der deutschen Nationalliteratur, fünfte umgearbeitete Auflage von Karl Bartsch, I-ter Band, Leipzig 1872, S. 169). Теперь склоняются къ тому, что это—самое раннее произведеніе Вольфрама. По мнѣнію Bartsch'a, „отрывки Титуреля могли быть сочинены въ послѣдніе годы 12 столѣтія“ (Wolfram's von Eschenbach Parzival und Titurel, I, XVII). Мы не касаемся указываемыхъ нѣкоторыми учеными чертъ нѣмецкаго происхожденія исторій, являющихся въ началѣ Вольфрамова повѣствованія.

¹⁾ Parz. und Tit., I, XXVIII.

²⁾ San-Marie думаетъ («Rückblicke» etc., S. 142), что Куѳ (по его мнѣнію Guiot de Provins) писалъ послѣ Кретьена. Къ тому же склонился и Wackernagel. При такомъ взглядѣ, первенство нѣмецкой редакціи сказанія о Гралѣ падаетъ само собою.

чительную близость въ стихамъ послѣдняго, да и для чего могъ бы писать Кретьенъ, еслибы данное ему какъ матеріалъ произведеніе было также изложено стихами ¹⁾ и еслибы онъ не могъ, или не думалъ значительно отступать отъ оригинала? У Куотъ должно было быть только совершенно иное пониманіе Граля, чѣмъ у Кретьена,—пониманіе, съ которымъ Кретьенъ не обнаруживаетъ однако знакомства. Почему Кретьенъ измѣнилъ въ этомъ случаѣ фабулу? Кромѣ различія между французскимъ и нѣмецкимъ поэтами въ представленіи Граля, существенное несогласіе между ними замѣчается еще въ нѣкоторыхъ пунктахъ вторыхъ половинъ французскаго и нѣмецкаго романовъ. Оно объясняется тѣмъ, что во второй половинѣ Кретьенова произведенія есть вставки, какъ думаетъ Potvin ²⁾, склоняющіяся къ предположенію, что романъ о Персевалѣ былъ оконченъ самимъ Кретьеномъ де Труа. Если же мы удержимъ прежнее мнѣніе, что романъ не былъ оконченъ Кретьеномъ ³⁾, тогда изъ несогласія между вторыми частями романовъ станетъ очевиднымъ, что продолжатели романа, начатаго Кретьеномъ, съ одной стороны, и съ другой Куотъ и Вольфрамъ, знавшій, какъ утверждаютъ, только то, что было написано Кретьеномъ, работали не по одному источнику въ частяхъ, составленіе которыхъ не принадлежало Кретьену, какъ скоро разошлись въ подробностяхъ, съ которыми не могли познакомиться другъ у друга. А усвоивши такой взглядъ, нельзя будетъ объяснять сходство, замѣчаемое между повѣствованіями

¹⁾ Куотъ называется у Вольфрама (Parz. VIII, 561) *la chantiare*.

²⁾ И въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ 33-й главы Монскаго манускрипта говорится:

— *Gauvains, ce conte li estore
Qui de lui est mis en memore,
Avec le roi son oncle estoit.*

³⁾ Впрочемъ, это не доказано еще вполне. Potvin'овымъ замѣчаніемъ противорѣчить слѣдующее свидѣтельство Herbert'a:

*Ce nus dist Crestiens de Troie
Qui de Percevaux comencha,
Mais la mors, qui l'adevancha,
Ne li laissa pas traire affin,
Qu'ele l'ama tant de cuer fin,
Quant le vit al comencement etc.*

Кретьена де Труа и Вольфрама, не постояннымъ заимствованіемъ со стороны послѣдняго, а просто единствомъ источника Кретьена де Труа и Куѳт, трудомъ котораго будто бы пользовался Вольфрамъ. Вообще, если выключить изъ канвы Вольфрамова повѣствованія все, что можно отнести съ вѣроятностію къ нѣмецкимъ источникамъ и Кретьену де Труа, на долю Куѳт останется не особенно значительное количество подробностей.—Въ недавнее время въ одномъ изъ текстовъ Кретьенова романа о Персеваля найдена и исторія Персевалева отца. Bartsch сомнѣвается въ принадлежности ея Кретьену, но за эту принадлежность стоитъ издатель этой находки Potvin, занимавшійся специальнымъ изученіемъ произведеній Кретьена де Труа. Potvin замѣчаетъ ¹⁾, кажется намъ, справедливо, что романъ не могъ начинаться такъ, какъ онъ начинается теперь въ большинствѣ рукописей. Самъ Bartsch не считаетъ это вступленіе измышленнымъ, а думаетъ, что позднѣйшій писатель могъ воспользоваться тѣмъ источникомъ, который послужилъ и Кретьену ²⁾. Но отчего, спросимъ мы, самъ Кретьенъ не могъ черпать въ этомъ случаѣ изъ своего источника и неужели онъ былъ такъ недалекъ, что не видѣлъ пригодности этого эпизода? Неужели изъ того, что прибавка о Персевалевомъ отцѣ найдена въ одной только рукописи Кретьена ³⁾, слѣдуетъ, что она не подлинна? Передѣлки и поправки поэтическихъ произведеній были тогда нередки ⁴⁾. Едвали могло быть такъ, что введеніе, написанное сначала Кретьеномъ, было потомъ выброшено имъ. Большая или меньшая извѣстность сюжета не дава бы переписчикамъ повода исключать это введеніе. Но еслибы даже оно было подложно, то все-таки Вольфрамъ могъ имѣть подъ руками именно такой списокъ Кретьена, въ которомъ встрѣчалось это введеніе. Blihis, по мнѣнію Potvin'a ⁵⁾,—прототипъ Флегетаниса. Это несправедливо; но, во всякомъ случаѣ, основа 1-й главы

¹⁾ P. 23.

²⁾ Wolfr. von Eschenbach Parz. und. Tit., I, XXVII.

³⁾ Вступительная часть эта встрѣчается, кромѣ того въ произведеніяхъ, которыя могли выдти изъ Кретьенова (Potvin, l. c., pp. 24—25) и, что замѣчательно въ особенностяхъ—въ прозаическомъ Персеваля XII стол. (Potvin, 169—170). Potvin даже думаетъ, что такой текстъ, какой найдетъ въ Монсѣ, былъ наиболѣе распространенъ.

⁴⁾ Romania, № 4, p. 481.

⁵⁾ P. 185.

Монсскаго манускрипта въ сущности таже, что и—начала Вольфрамова повѣствованія: и тамъ мы встрѣчаемъ гибель Персевалева отца въ бою, удаленіе матери Персеваля *ex loco* и стараніе уберечь его отъ знакомства съ рыцарствомъ. Эта же первая глава Кретьенова романа могла дать Вольфраму идею большаго лѣса, окружавшаго замокъ Граля. Исторія Персевалева отца передана у Вольфрама нѣсколько сложнѣе, чѣмъ во французскомъ романѣ, у швейцкаго поэта въ разсказъ вмѣшаны востокъ и Испанія; но то и другое могъ внести самъ Вольфрамъ. Впрочемъ уже въ упомянутомъ текстѣ Кретьена какъ бы намекается на возможность сказать и больше о Персевалевомъ отцѣ:

Del signor ne voel plus conter,
Ci lairai la parole ester ¹⁾).

Изъ дальнѣйшаго повѣствованія романа о Персевалѣ мы узнаемъ, что у Персеваля былъ братъ ²⁾. Въ этомъ опять соотвѣтствіе съ Вольфрамомъ, но за то 1-я глава Монсскаго манускрипта вовсе не говоритъ о братѣ Персеваля. Не былъ ли это такой же братъ, какаго встрѣчаемъ въ разсказѣ Вольфрама? Интересно предположеніе Симрова ³⁾, что первыя двѣ книги Парцивала Вольфрамъ могъ прибавить позже.

Обращаясь къ продолженію рѣчи о Кудѣ, скажемъ, что упоминанія о немъ отличаются противорѣчіями, если не отождествлять его съ Guiot de Provins. Самъ Кудъ былъ провансаль ⁴⁾ и его произведеніе было получено Вольфрамомъ изъ Прованса ⁵⁾, а между тѣмъ оно было написано по французски ⁶⁾. Это противорѣчіе не уничтожается

¹⁾ Potvin, p. 106, vv. 935—936.

²⁾ Potvin, p. 150, vv. 159—161; p. 165, vv. 464—466.

³⁾ L. c., S. 815.

⁴⁾ Parz. VIII, 565; XVI, 550, 1205.—Вольфрамъ постоянно называетъ Кудѣ провансаломъ:

⁵⁾ Parz. XVI, 1209 fg.

Von Provenz in tiuschiu lant
diu rehten macre uns sint gesant,
und dirre âventiur endes zil.

⁶⁾ Parz. VIII, 568. Съ этимъ послѣднимъ фактомъ согласуется то, что Вольфрамъ былъ знакомъ только съ сѣверно-французскимъ говоромъ. Wilhelm von Orange, 237, 3. Cf. San-Marte Ueber Wolfram von Eschenbach Ritterged. Wilhelm von Orange, S. 417..

предположеніемъ, давно уже выставленнымъ и поддерживаемымъ теперь Bartsch'емъ, что произведение Куѳт было написано на одномъ изъ смѣшанныхъ діалектовъ, имѣвшихъ мѣсто на границѣ сѣверно-французскаго и провансальскаго говоромъ ¹⁾). Называя Куѳт провансаломъ, Вольфрамъ могъ называть провансальскимъ и языкъ его произведенія, еслибы даже послѣдній былъ не совсѣмъ чистъ, и какъ скоро Вольфрамъ не сдѣлалъ этого, то очевидно, что діалектъ Куѳт представлялъ рѣзкую противоположность провансальскому. Если же такъ, то отчего провансаль вздумалъ авторствовать на французскомъ яз.? Въ „Germanistische Studien“ ²⁾ Bartsch выдѣлилъ изъ поэмъ Вольфрама цѣлый рядъ собственныхъ именъ романскаго происхожденія и подвергъ ихъ разсмотрѣнію въ надеждѣ, что они могутъ дать понятіе о діалектѣ, на которомъ писалъ Куѳт. G. Paris замѣтилъ по этому поводу, что одного названія собаки *Gardivias* или *Gardevias*, которое Вольфрамъ переводитъ *hüete der verte* и которое звучало бы по провансальски *Gardavias*, недостаточно, чтобы засвидѣтельствовать южный или смѣшанный „оттѣнокъ языка“ Куѳт. Другія формы, которыми Bartsch пользуется для поддержки того же заключенія, не важутся Gaston'у Paris имѣющими для того силу ³⁾).

Мы не касаемся обстоятельства, что до сихъ поръ ни у кого, кромѣ Вольфрама, не найдено ни малѣйшаго упоминанія о Куѳт, который названъ у Вольфрама ⁴⁾ „der meister wol bekant“, а равно и

¹⁾ Parz. und Tit., I, XXVIII.

²⁾ II, 114—159: »Die Eigennamen in Wolframs Parzival und Titurel«.

³⁾ Romania № 13. Janvier 1875 г., p. 149. Подробное мнѣніе объ именахъ, встрѣчающихся у Вольфрама, высказалъ не одинъ G. Paris. Bartsch вообще старается удержать Парцивала за Провансомъ. Въ »Grundriss zur Geschichte der provenzalischen Literatur (Elberfeld 1872)« онъ говоритъ: »Die ältesten Beziehungen auf die Sage in Südfrankreich gehen ins zwölfte Jahrhundert zurück«.

⁴⁾ Parz. IX, 611. Вольфрамъ замѣчаетъ о немъ:

Kiôt la sohantiure hiez,
den sîn Kunst des niht erliez,
er ensunge unde spraeche sô
des noch genüoge werdent frô.

Parz. VIII, 561—564.

слѣдовъ его произведенія. Упомянутое о немъ въ „Младшемъ Титурелѣ“ ничего не значить, такъ какъ авторъ послѣдняго, какъ доказано Сиромомъ ¹⁾, не имѣлъ предъ собою книги Куотъ; равнымъ образомъ, нѣтъ основаній настаивать съ San-Marte, что авторъ „Младшаго Титуреля“ Альбрехтъ пользовался обработками саги, примыкавшими къ Куотъ. По мнѣнью San-Marte, исторія предковъ Титуреля, встрѣчающаяся у Альбрехта, заимствована послѣднимъ изъ Куотъ, потому что самъ Альбрехтъ не отличался изобрѣтательностію;—доводъ слишкомъ слабъ: при всей неталантливости автора „Младшаго Титуреля“, онъ могъ скопировать подобную исторію, какъ расширилъ Вольфрамово повѣствованіе и въ концѣ. Составленіе генеалогій, бывшее тогда нерѣдкимъ ²⁾, не свидѣтельствуетъ еще о поэтическомъ дарованіи и не требовало его. Позднѣйшая придѣланность исторіи Титурелевыхъ предковъ къ первоначальной канвѣ несомнѣнна ³⁾. Еслибы произведеніе Куотъ было написано на провансальскомъ, а потомъ переведено на французскій яз. ⁴⁾, то слѣды его нашлись бы хоть въ одной изъ двухъ главныхъ литературъ Франціи, а между тѣмъ этого нѣтъ.

Что касается порицанія Вольфрамомъ Кретьена де Труа, то Вольфрамъ могъ осуждать французскаго поэта, пользуясь имъ въ то же время въ качествѣ источника, какъ онъ порицалъ какаго то Кретьена въ Willehalm'ѣ ⁵⁾.

Какъ бы то ни было, вымышлены ли Куотъ и его произведеніе, или же они существовали на самомъ дѣлѣ, и у Куотъ ли Вольфрамъ заимствовалъ то, чего не встрѣчаемъ у Кретьена, или же это отчасти измышлено, а отчасти заимствовано имъ изъ другихъ источниковъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что сказаніе о Граль, переданное Вольфрамомъ, не имѣетъ за собою авторитета древности или хронологиче-

¹⁾ S. 765.

²⁾ Родословная табель англійскихъ королей, восходящая къ Адаму, напечатана Böhdeker'омъ въ LIII т. (1874) журнала »Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen« (S. 205—218).

³⁾ О введеніяхъ въ романы см. замѣчаніе у Gerwinus'a: *Gesch. d. Deutsch. Dicht.*, I, 262.

⁴⁾ См. у Сирома, S. 763.

⁵⁾ См. Holland'a l. c., S. 237—239. San-Marte (Ueber Wolfram's von Eschenbach Rittergedicht Wilhelm von Orange, S. 24) склоняется къ тому, что этотъ Христіанъ былъ нѣмецкій поэтъ.

скаго первенства въ сравненіи съ сказаніемъ о томъ же предметѣ, дошедшимъ до насъ чрезъ французскіе памятники. Легенда, развитая Вольфрамомъ, явилась послѣ того, какъ Граль былъ выдвинутъ, прославленъ и вошелъ въ моду благодаря сказанію, извѣстному изъ французскихъ романовъ.

Противъ древности легенды, обработанной Вольфрамомъ, и объ-
зкомъ кругѣ обращенія ея говорить уже передача ея лишь въ нѣко-
торыхъ нѣмецкихъ произведеніяхъ.

Предположимъ сначала Куѳъ дѣйствительно существовавшимъ ли-
цомъ и примемъ на вѣру то, что говорится о немъ у Вольфрама.

Изъ словъ Вольфрама:

Ob von Troys meister Cristian
disem maere hat unreht getân,
daz mac wol zûrnen Kuѳt,
der uns diu rehten maere enbôt¹⁾,

Bartsch заключаетъ, что Куѳъ писалъ до Кретьена, по мнѣнію же
Симрока на основаніи этихъ словъ можно думать наоборотъ²⁾. Такъ
или иначе³⁾, произведеніе Куѳъ, если только оно существовало когда-
нибудь, могло явиться лишь во второй половинѣ XII стол. San-Marte
замѣчалъ въ Вольфрамовомъ Парцивалѣ намеки на положеніе дѣлъ въ
Испаніи, которое могло имѣть тамъ мѣсто съ начала XII стол.⁴⁾ То,
что представляется у Вольфрама заимствованнымъ изъ Анжуйской хро-
ники (напр., общее происхожденіе королей Анжуйскихъ и Бриттскихъ),
могло быть вымыслено въ это только время, и такой вымыселъ есте-
ственнѣе всего приписать Куѳъ, который, по Вольфраму, называлъ
себя находчикомъ саги, что должно принимать въ смыслѣ изобрѣтенія

¹⁾ Parz. XVI, 1201—1204.

²⁾ Мнѣнія другихъ ученыхъ см. у Holland'a, I. c., S. 222. Намъ ка-
жется, что изъ этихъ словъ нельзя вывести ничего, такъ какъ они даютъ
мѣсто до извѣстной степени обоимъ толкованіямъ.

³⁾ Что исторія Парцивала была доведена у Куѳъ до конца (Parz. XVI,
1205—1208), это ничего не значить еще.

⁴⁾ Der Mythos vom heiligen Gral (отдѣльный оттискъ статьи, напеча-
танной въ III т. (drittes Heft) «Neue Mittheilungen aus dem Gebiet historisch-
antiquarischer Forschungen, herausgeg. von dem Thüringisch-Sachsischen Verein
für Erforschung des vaterlaendischen Alterthums»), S. 12. fg.

ея. Къ тому же приводятъ и другія черты сказанія Куôt. Bartsch замѣтилъ совершенно справедливо, что выработка ордена рыцарей Граля въ сагѣ могла произойти не ранѣ первой половины 12 стол., и къ тому же времени относится приуроченіе ея къ Испаніи ¹⁾. Но измышленію Куôt могла принадлежать только *исторія королей Граля* ²⁾, а не самый Граль, который, по словамъ Вольфрама, былъ полученъ Куôt уже готовымъ и могъ быть хорошо извѣстенъ ему, какъ французу, изъ романовъ труверовъ. Это необходимо предположить. Мы думаемъ, что Куôt указалъ невѣрно только источникъ, изъ котораго узналъ впервые о Гралѣ. Этимъ источникомъ было, по его словамъ, повѣствованіе уже извѣстнаго намъ Flegetanis'a. Изъ того, что говорится у Вольфрама объ этомъ повѣствованіи, можно лишь убѣдиться, что если оно и существовало, въ записанномъ ли видѣ, или въ устномъ преданіи, то оно едвали вышло непременно отъ Flegetanis'a, котораго не могло быть на свѣтѣ, и не содержало исторіи *того* Граля, который выступаетъ въ романахъ. Прежде всего, мыслимое ли дѣло, чтобы французъ, попавшій въ Толедо ³⁾, напедши непонятную для него и заброшенную арабскую рукопись, сталъ учиться арабскому яз. нарочно для того, чтобы узвать содержаніе ея. Вольфрамово объясненіе:

ez half daz im der touf was. bt:

anders wâer' diz maer' noch unvertunnen ⁴⁾

только усиливаетъ недовѣріе. Флегетанисъ представляется язычникомъ ⁵⁾, жившимъ до Христа ⁶⁾ и однако говорившимъ о почитаніи Граля христианами ⁷⁾. Онъ вычиталъ все это будто бы въ звѣздахъ. На основаніи

¹⁾ Parz. und Tit., I, XXVI. Сл. у Гервинуса: *Gesch. d. Deutsch. Dicht.*, I, 386.

²⁾ Parz. IX, 662 fg.

³⁾ Сношенія французовъ съ Испаніей были тогда очень часты. См. напр., въ «*Poëme du Sid. par Damas Hinard, Paris MDCCCLVIII*», p. l.XI suiv

⁴⁾ Parz. XVI, 618—619.

⁵⁾ Parz. IX, 623.

⁶⁾ *Ibid.*, 628--629.

⁷⁾ Parz. IX, 657—658.—Въ первой изъ своихъ статей о Гралѣ и San-Marte говорилъ: «Von vornherein muss es auffallen, dass Flegetanis, der Heide, schon von *getouftin fruht* gesprochen haben soll». *Der Mythos vom heiligen Gral*, S. 6.

словъ Вольфрама о времени, въ которое жилъ Флегетанисъ, и о томъ, что онъ писалъ ¹⁾, можно ясно представить, чѣмъ была легенда, послужившая Куотъ. Должно думать, что повѣствованіе Флегетаниса было просто рассказомъ о камнѣ, упавшемъ съ неба и имѣвшемъ отношеніе къ первымъ временамъ міровой исторіи, и этотъ рассказъ не касался судьбы реликвиіи и исторіи ея на землѣ, а ограничивался фавулою о томъ, какъ она была принесена на землю ²⁾. Давая вѣру словамъ о личности Флегетаниса, можно допустить еще, что рассказъ о мнимомъ Гралѣ былъ почерпнутъ Куотъ изъ какой-нибудь книги по звѣдочѣтству ³⁾. Таковъ прямой смыслъ сообщенія о Куотъ въ IX книгѣ Вольфрамова Парцивала. Въ VIII-й же о Куотъ говорится:

der dise aventiur von Parzival
heidensch geschriben sach.

..... er en franzóys dá von gesprach ⁴⁾.

На основаніи данныхъ IX книги, это сказаніе о Парцивалѣ, если только не разумѣть подъ нимъ вмѣстѣ съ Симрокомъ ⁵⁾ сказаніе о Гралѣ вообще, должно считать отдѣльнымъ отъ того, которое Куотъ нашелъ специально о Гралѣ. Думая же, что Вольфрамъ разумѣлъ въ приведенныхъ строкахъ сказаніе о Персевалѣ въ буквальный смыслъ, придется обратитъ вниманіе на утвержденіе Вольфрама въ другомъ мѣстѣ, что Куотъ нашелъ данныя о судьбахъ Граля въ Анжу. — Можетъ быть, и во всемъ другомъ произведеніе Куотъ было настолько зависимо отъ арабскихъ источниковъ, насколько было арабскимъ по происхожденію сказаніе о Персевалѣ, и изъ толковъ о принадлежности Флегетанису рассказа о послѣднемъ можно видѣть, насколько были вообще достовѣрны и точны рассказы о Флегетанисѣ. — Если у ара-

¹⁾ Вольфрамъ разграничиваетъ довольно точно, что принадлежало Флегетанису, а что — Куотъ:

Sus schreip iber von Flegētānis.

Parz. IX, 66f.

²⁾ Parz. IX, 654 fg.

³⁾ Съ этимъ согласуется толкованіе имени Flegētānis, какъ латинской транскрипціи слова Felēke-Dānāh, означающаго астролога, или астронома.

⁴⁾ Ibid. 368—369.

⁵⁾ Симрокъ думаетъ (S. 174), что приведенныя слова VIII пѣсни — просто неточное выраженіе.

бозь ¹⁾ и вообще въ Испаніи ²⁾ и было что-нибудь подобное Флегетанисову сказанію, то такое сказаніе не можетъ быть названо легендою

¹⁾ У насъ не было недостатка въ легендахъ, привозимыхъ въ библейскія повѣствованія. Новѣйшую статью объ этихъ легендахъ можно прочесть въ 3-й книжкѣ «Theologische Studien und Kritiken» 1876 г.—Кромѣ легенды о камнѣ Каабы (Dr. Muthes von heilig. Geol. 5.7), указанъ въ рассказъ, встрѣченный нами въ известномъ „Сказкахъ попуга“,—ведьмо древцу произведеніи. Къ Соломону явился однажды Гавриилъ съ чашею воды изъ источника жизни и съ предложеніемъ, еслибы Соломонъ пожелалъ, остаться на землѣ съ юношескими силами до дня воскресенія. Точно также попугай, чтобы отблагодарить царствовавшему въ Иранѣ Кобаду, полетѣлъ, по данному ему совѣту, въ землю тѣней, сорвалъ самый зрѣлый плодъ съ дерева жизни и принесъ его къ Кобаду. „Пользованіе имъ упрочиваетъ юношеское существованіе на землѣ до послѣдняго дня“. Когда Кобада отказался принять предложенное для этой цѣли яблоко, то попугай посоветовалъ выростить изъ него дерево, плоды котораго хотя не увеличивали бы продолжительности жизни, но производили бы однако то дѣйствіе, что пользовавшійся ими, какъ бы ни былъ старъ, провелъ бы остальное время жизни на землѣ юношей и чувствовалъ бы себя какъ бы возрожденнымъ до конца своей жизни“. Король исполнилъ данный совѣтъ и не обманулся. Die Paradiesgärten erzählt von Moriz Wickerhausen, Leipzig, Friedrich Fleischer, 1858, S. 105—111. См. у Фабриція: Codex pseudepigraphus Veteris Testamenti, Hamburgi et Lipsiae, 1713, p. 46. (О такъ называвшихся райскихъ деревьяхъ см. у него же на стр. 83). Мы встрѣчаемъ, такимъ образомъ, въ восточныхъ сказаніяхъ несомнѣнные слѣды представленія, что, при посредствѣ напитка или фрукта изъ рая, можно продлить жизнь на землѣ. См. между проч., въ Giraldi Cambrensis opera, vol. V, Lond. 1867, p. 81. Что касается феникса, то прилетеніе его къ Гралю не указываетъ еще на восточное происхожденіе подробностей Вольфрамова повѣствованія. Упомянутое о фениксѣ не согласуется съ помѣщеніемъ Граля въ Испанію и не говоритъ ли скорѣе о томъ, что Вольфраму не имѣлъ въ виду точно означить мѣстность Граля?

²⁾ Тамъ случались, повидному, находки, подобныя книгѣ Флегетаниса. См. наприм., Cod. pseudep. Vet. Testam., collectus, castigatus, Testimonioso, Salmaticis et Animadversionibus illustratus a Iohanne Alberto Fabricio, pp. 156—157.—Въ Испаніи показывали, между проч., крестъ, приготовленный ангелами. См. о немъ у Klein'a: Gesch. des Drama's, B. VIII, (Leipzig 1871), S. 62—63. Впрочемъ, подобные кресты выставлялись и въ другихъ мѣстахъ.

о Граль и считается подавшимъ поводъ къ возникновенію ея. Весьма интересно, что Куотъ приписывалъ нехристіанское происхожденіе оригиналу своихъ разсказовъ, который былъ, по его словамъ, *heidenische schrift* ¹⁾: это даетъ намъ новое право думать, что упомянутой оригиналь, если только онъ былъ у Куотъ, не могъ имѣть своимъ предметомъ реликвию, относящуюся къ лицамъ христіанской исторіи, а составлялъ одно изъ сказаній, въ которыхъ думалъ видѣть источникъ легенды о Граль Оррегт.

Вѣрнѣе думать, что Куотъ изъ какихъ-нибудь другихъ источниковъ (хотя бы и изъ молвы) узналъ о Граль ²⁾, который у всѣхъ писателей, кромѣ Вольфрама, имѣетъ исключительное отношеніе къ христіанству и самое названіе котораго указываетъ на выработку его изъ легенды о сосудѣ не въ арабской средѣ ³⁾; но Куотъ приурочилъ почему-то къ Гралю то, что говорилось о какой-то другой диковинкѣ, или, лучше сказать, подставилъ подъ названіе Граля другой чудесный предметъ, свѣдѣніе о которомъ могъ получить какъ-нибудь отъ арабовъ. Если это послѣднее справедливо, то онъ выдумалъ Флегетаниса для того, чтобы выставить поавторитетнѣе свой источникъ. По сказанію Вольфрама, Куотъ нашелъ исторію, которую отыскивалъ, въ Анжу ⁴⁾. Это

¹⁾ Parz. IX, 613.

²⁾ Очевидно, что Граль долженъ былъ быть извѣстенъ Куотъ до поисковъ, которые были сдѣланы послѣднимъ для открытія исторіи Граля, не досказанной Flegetanis'омъ, т. е. до приступленія Куотъ къ собственному произведенію о Граль.

³⁾ Въ послѣднее время производство слова Граль считается рѣшеннымъ, несмотря на нѣкоторыя противорѣчающія попытки. San—Marte напрасно говорилъ, что изъ слова Граль нельзя рѣшительно ничего заключать о началѣ саги и о первоначальномъ мистическомъ значеніи священнаго сосуда (Der Myth. von heilig. gral, S. 5). Вѣдь не всѣ перечисленныя у San—Marte словопроизводства Граля равно неосновательны, или имѣютъ одинаковую цѣну. Слово Граль несомнѣнно романскаго происхожденія, и для пониманія значенія его во французскихъ романахъ должно имѣть въ виду прежде всего употребленіе этого слова въ тогдашнемъ французскомъ языкѣ. Формы *graalz* и *graal* указываютъ на появленіе легенды въ литературѣ впервые въ сѣверной Франціи.

⁴⁾ Parz. IX, 672.—(Сравно однако, что замокъ Граля не былъ помѣщенъ Куотъ прямо въ Анжу.)

нужно понимать такъ, что онъ самъ приурочилъ сагу къ Анжу, которая едвали до того приурочивалась туда. — Исходнымъ пунктомъ при допускаемой нами замѣнѣ одного сказанія другимъ могла служить подробность о матеріалѣ, изъ котораго была сдѣлана чаша или блюдо, именно—какъ о *дрюицъннѣмъ камнѣ*. Известно, что генуэзцы представляли *Sacro catino* смарагдовымъ. О чашѣ, въ которой было вино на Тайной Вечери, говорили, что она была агатовая. И какъ чашѣ, въ которой вкушалъ Христосъ на этой Вечери, старались дать длинную предшествовавшую исторію¹⁾, такъ могли изобрѣсти данную исторію и для этого камня. Появленіе Граля у Вольфрама, послѣ пребыванія въ небесныхъ сферахъ, прямо въ Анжу—довольно интересный фактъ, сообщающій значительную вѣроятность предположенію объ отдѣльности по происхожденію сказанія, усвоеннаго Флететанису. За исключеніемъ этого сказанія, въ остальномъ повѣствованіи *Kuôt* должно было быть близко къ повѣствованію Кретьена. Поэтому изложенная имъ легенда о Гралѣ была въ сущности французскою по изобрѣтенію²⁾. Не думать же, что остальные сказанія о Гралѣ вышли изъ рассказовъ *Kuôt* и *Flegetanis'a*, который будто бы первый писалъ о Гралѣ. Если сага получила начало въ Провансѣ, и если Кретьенъ, что несомнѣнно, былъ незнакомъ съ произведеніемъ, какимъ можно представить себѣ, по Вольфраму, сочиненіе *Kuôt*, то откуда совпаденіе между двумя повѣстями? Равнымъ образомъ, нельзя никакъ полагать, что обѣ эти редакціи, трактовавшія объ одномъ и томъ же предметѣ, хотя и различно, и выработавшіяся въ весьма близкихъ одна къ другой мѣстностяхъ, между которыми существовало постоянное сообщеніе, развились независимо³⁾. — *Kuôt* не могъ быть передатчикомъ легенды, которая помѣщала Граля въ Испаніи и была тамъ составлена⁴⁾. Въ

¹⁾ Говорили, что эта чаша была подарена Соломону; потомъ царя употребляли ее только въ Пасху.

²⁾ По французски была она и передана, какъ видно изъ словъ Вольфрама.

³⁾ Эту независимость допускалъ W. Müller. См. *Gottingische del. Anzeigen* 1843, 102. 103 ff. S. 1013.

⁴⁾ Почему Испанія явилась театромъ находки легенды, см. въ цѣлкомъ повѣствованіи нашъ письмъ F. Wolfa, помѣщенномъ въ *журналѣ* Голландца о Кретьенѣ де Труа. Что касается самаго Толедо, то сл. что говорится о немъ въ романѣ о *Maugis* и *Morigante Maggiore* а. 25. *Épisode de Morlai* (ок.

отношении къ приручению Граля къ Испаніи не безинтересно, что въ этой послѣдней обрацалась легенда, занесенная въ одинъ документъ XIV стол. 1), на которой св. чаша была сохранена известнымъ архідиакономъ Лаврентіемъ (она была будто бы передана ему Сикстомъ), какъ утверждали испанскимъ уроженцемъ. Эту чашу показывали въ Валенсіи.

Въ романѣ о Персевалѣ Кретьена де Труа о Гралѣ повторяется то, что говорится о немъ въ романѣ Мар'а. Какъ скоро Куотъ пожелалъ приручить королей Граля къ Анжуйскому дому, ему, очевидно, сдѣлалось необходимымъ отступить отъ англо-нормандской легенды о Гралѣ, выводящей родословную королей Граля помимо Анжуйскаго дома, и приписать Гралю иное происхождение, чѣмъ какое было усвоено ему въ англо-нормандскомъ сказаніи. Граль уже не могъ быть редицей, оставшеюся отъ Іосифа Аримасейскаго и помѣщавшеюся въ Англии. Вотъ объясненія отличія сказанія Куотъ отъ сказанія Кретьенова разсказа.

Къ подобнымъ же выводамъ мы придемъ и въ томъ случаѣ, когда отринемъ существованіе Куотъ; разнида будетъ та, что большую часть добытыхъ результатовъ придется отнести къ Вольфраму. Внесеніе въ разсказъ о Персевалѣ всего того, что не содержится у Кретьена, при отсутствіи другихъ французскихъ романовъ, пользование которыми должно принадлежать Вольфраму, должно будетъ причислить къ добавкамъ и измѣненіямъ, сдѣланнымъ самимъ нѣмецкимъ поэтомъ, который несомнѣнно вставилъ немало своего въ заимствованный имъ сюжетъ о Персевалѣ и въ частности о Гралѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно будетъ думать, что Граль былъ превращенъ Вольфрамомъ въ камень съ цѣлью придать ему вѣщимъ какое-то особенное значеніе, подобно тому какъ и нѣкоторыя имена въ Вольфрамовомъ Парцивалѣ имѣютъ прямую связь съ характеристическими чертами подставленныхъ подъ эти имена личностей (таково, напр., имя *Herzeloide*). Не можетъ быть, чтобы постоянное названіе Граля камнемъ не было соединено съ особенными

1175 г.) говорилъ: *doctrina Arabum... maxime his diebus apud Tolotum celebratur... Cum itaque, ut fit in primo amiseram conventu, a domino episcopo de mirabilibus et disciplinis Theolothicis satis quaesivisse consp.* etc. Wlight, Biogr. Brit. lit. Anglo-Norman period, p. 228. Cl. Anglo-Saxon pop., p. 65.

1) *Acta Sanctorum Augusti, t. III (Venetiae MDCCII), p. 504—506.*

представлениями у Вольфрама, сообщившего особенное внутреннее значение многим из подробностей заимствованной саги ¹⁾. Мы склонны думать, что и обстановка, данная Грамо у Вольфрама, расписана в значительной степени этию послѣдним ²⁾. Можетъ быть емуособиан въ этомъ случаѣ различные сказочные мотивы. дѣтѣ уже замѣчено, что у Вольфрама встрѣчаются черты, находящіяся въ сказках ³⁾. Сказки были тогда ⁴⁾. Замокъ Грама и его окрестности представляются какими-то волшебнымъ царствомъ. Нѣчто, напоминающее этотъ замокъ, встрѣ-

¹⁾ Объясненіе внутренняго значенія *многоразъ* изъ этию подробностей; предложенное Göschel'емъ (Die Sage von Parsival und vom Graue nach Wolfram von Eschenbach. Berlin, 1855), можетъ быть, не безосновательно, хотя вообще брошюра Göschel'a написана проповѣднически.

²⁾ У Кретьена де Труа нѣтъ такихъ подробностей, такой торжественности и такого великолѣпія.

³⁾ Можно бы подыскать немало сходныхъ сказочныхъ мотивовъ. Напр., въ одной нѣмецкой сказкѣ говорится про заклятый замокъ, въ которомъ находились заколдованныя принцессы и гдѣ являлись всѣ удобства по желанію тѣхъ, которые были готовы остаться въ замкѣ для освобожденія заколдованныхъ принцессъ отъ чаръ. H. Fröbe, Märchen für die Jugend, Halle 1854, № 36.

⁴⁾ Kni Mählhof, Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig Holstein und Lauenburg, Kiel, 1843, S. XVI fg. — Намъ кажется, что многое изъ чудеснаго въ романахъ должно приписать вторженію сказочнаго элемента въ литературу, при чемъ былъ перерабатываемъ какъ на лицо до того бывшій сказочный матеріалъ, такъ и притомъ путемъ различныхъ вліяній. До того времени сказочный матеріалъ не имѣлъ возможности прорваться въ *литературу*; въ вошедшихъ же въ литературу легендахъ объ Артурѣ и Мерлинѣ было немало сказочнаго, а не только чудеснаго, какъ оно имѣло мѣсто вообще почти во всѣхъ средневѣковыхъ памятникахъ, и вотъ объясненіе внезапнаго появленія *въ литературу* впервые чрезъ бретонскіе романы цѣлаго міра диковинокъ. Чисто сказочные мотивы нрѣдки не только у Вольфрама, но и у французскихъ поэтовъ бретонскаго цикла. Gauvain и Lancelot въ Кретьеновомъ романѣ о послѣднемъ раздѣляются при преслѣдованіи Мелюзана, при чемъ каждая изъ дѣвушъ предоставляет опасность. Въ позицію Ганзотты также можно найти аналогію въ сказкахъ. Въ Zerbibchen'a драконъ унаотенъ поелъ Ланцелотова бѣдѣду и обращается въ прекраснѣйшую женщину. И т. д.

чается и въ Ланцелотѣ Ulrich'a von Zalzkoven¹⁾. Царство фен, унесенной Ланцелота, находится на блаженномъ островѣ, гдѣ она владычествуетъ надъ десятью тысячами женщинъ. Островъ окруженъ непроходимой стѣною. На немъ вѣчное майское цвѣтеніе. Злато-блестящій замокъ владычицы находится на Кристальной горѣ. Мирно весело живутъ тамъ жены до своей кончины. Обоиъ поэтамъ матеріалъ для ихъ описаній доставили, вѣроятно, мифическія представленія. Вѣрованіе въ существованіе на землѣ мѣстности, гдѣ не бываетъ смерти, было, кажется, довольно распространено. Мы встрѣчаемъ это повѣрье, между проч., въ извѣстныхъ *Otia Imperialia* Гervasія Тильберійскаго²⁾. Король Граля представляетъ нѣкоторое подобіе Артуру фабулы, приведенной у того же писателя³⁾. У Zatzikoven'a упоминается замокъ *Schatel-le-mort*, представляющій нѣкоторую аналогію съ замкомъ волшебника у Вольфрама. Царство Граля могло быть разрисовано даже безъ помощи сказочнаго матеріала. Для характеристики тогдашнихъ воззрѣній способа возникновенія фабулы Граля не безынтересенъ слѣдующій рассказъ въ сочиненіяхъ Giraldus Cambrensis⁴⁾: „Iacet autem extra Lhyn insula modica (Bardsey), quam monachi habitant religiosissimi, quos Coelibes vel Colideos vocant. Haec autem insula ab aeris salubritate, quam ex Hiberniae confinio sortitur, vel potius aliquo ex miraculo ex Sanctorum meritis, hoc mirandum habet, quod in ea seniores praemoriuntur, quia morbi in ea rarissimi, et raro vel nunquam hic nusquam moritur, nisi longa senectute confectus“.—Флегетанскіе также могъ быть легко выдуманъ Вольфрамомъ, какъ думаетъ Симрокъ, — для того, чтобы объяснить чудодѣйственную силу Граля, легендарной исторіи котораго, какъ она передавалась у англо-нормандскихъ труве-

¹⁾ V. 190—240.

²⁾ Des Gervasius von Tilbury *Imperialia*. In einer Auswahl neu herausgeg. und. mit Anmerkungen begleitet von Felix Liebrecht. Hannover. Carl Rümpler. 1856. S. 3.

³⁾ *Ibid.*, sec. dec., XII, S. 12.

⁴⁾ *Itinerarii Cambriae* lib. II, cap. VI: *Anglica, Normannica, Hibernica, Cambria, a veteribus scripta...* ex Bibliotheca Gaiiilmi Camdeni, Francofurti, M. D. CIII, p. 866. Сл. *Topographia Hibern.*, dist. II, cap. IV (*giraldi Cambrensis opera* ed. by James F. Dimoch, vol. V, Lond 1867, p. 81).

ровъ, Вольфрамъ могъ и не знать во всей ея полнотѣ ¹⁾. Сказаніе Флететаниса могъ измѣлнить самъ Вольфрамъ по нѣмецкимъ и вообще по бывшимъ тогда въ ходу повѣрьямъ и господствовавшимъ тогда представленіямъ. У Марбодія авторомъ книги о драгоценныхъ камняхъ является *Evaux rex Arabum*. Разказы о камняхъ и чудесныхъ свойствахъ ихъ издревле обращались не только на Востока, но и въ Европѣ ²⁾. По справедливому замѣчанію Гервинуса ³⁾, камни, поставленные въ какія-то чудесныя отношенія къ человеческой душѣ—вещь обыкновенная въ бретонскихъ романахъ ⁴⁾. Наконецъ, въ одной нѣ-

¹⁾ Какъ замѣчаютъ ученые, Вольфрамъ не обнаруживаетъ знакомства съ нею. Онъ могъ имѣть понятіе о ней по роману Кретьена, которымъ пользовался, но тамъ легенда объ Іосифѣ Аримаейскомъ не на первомъ планѣ. Вспомнимъ еще, что Вольфрамъ не читалъ по французски.

²⁾ Въ восточныхъ сказкахъ нередко говорится о чудесныхъ свойствахъ камней. См., напр., *Die Mithras des Sakhi-Kür*, herg. von B. Itlg, S. 112. О карбункулѣ говорили, что онъ дѣлаетъ несправедливымъ своего носителя. Равнымъ образомъ, и агату и нѣкоторые др. камни приписывали необыкновенныя свойства уже въ древности. См. Шенкеля *Bibel—Lexicon*, II Bd. (Lpz. 1869), S. 40. Въ романѣ Геліадора разказывается, что Хариклея была спасена однажды отъ сожженія камнемъ, который носила на пальцѣ. И т. п. Нѣкоторыя изъ кельтскихъ повѣрій приведены въ „*Geschichte der französischen Literatur im Mittelalter*“ neben ihren Beziehungen auf die Gegenwart von Dr. Hermann Sömmig (Leipzig 1869), S. 10. Въ нѣмецкой поэмѣ объ Ортнитѣ упоминается камень, валившійся въ ротъ, можно было объясняться на какомъ угодно изъ: Когда Ортнитъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, то получилъ въ отвѣтъ, что „Богъ творитъ изъ камня и изъ земли все, что хочетъ“.

³⁾ *Gesch. d. Deutsch. Dicht.*, I, 264.

⁴⁾ Во французскомъ романѣ о Персевалѣ разказывается, что Персеваль попалъ на дорогу къ замку Грали благодаря полученному имъ драгоценному камню. У Кретьена de Troies въ романѣ о *Chevalier de la charrete* говорится:

Mes cil, dou plus dire vos doi,
Avoit un anel au son doi,
Don la pierre tel force avoit,
Qu'anchantemanz ne le pooit
Tenir, pais qu'il l'avoit veue.

мецкой апокрифической книгѣ о паденіи ангеловъ разсказывалось приблизительно тоже, что и въ романѣ Вольфрама ¹⁾.—Могъ Вольфрамъ и умышленно игнорировать французскія сказанія о Гралѣ, нашедши ихъ по чему-либо несоотвѣтствовавшими его замыслу, или вообще неудовлетворительными.

Итакъ, сказаніе о Гралѣ, являющееся у Вольфрама,—или умышленная передѣлка и замѣна повѣствованія англо-нормандскихъ труверовъ, или же обязано своимъ содержаніемъ малому знанію легенды, обращавшейся у этихъ послѣднихъ, и въ тоже время желанію дать какую-нибудь фабулу Гралю, названіе и чудодѣйственная сила котораго должны были быть однако, во всякомъ случаѣ, извѣстны нѣмецкому поэту ²⁾.

О подобномъ же кольцѣ говорится и въ прозаическомъ романѣ о Ланселотѣ. У Zatzikhoven'a упоминается камень Galaziá, о которомъ читаемъ (Lanz. 8524 fg.):

„— (ez) was ein stein von fremder slah
und ist Galaziá genant.
Umb den ist ez só gewant,
dez er ist kálter danne ein is.

.....
— der stein Galaziá
ist edel unde tiure.
Und laeg er inme fiure
ein jâr, ern wurde nimer warm.
swer in treit, dern wirt niht arm.
und swá er bi den liuten ist,
da entschadet dehein zouberlist
den mannen noch den wiben“.

Этотъ камень былъ поднесенъ Ланцелоту вмѣстѣ съ иными драгоценными камнями, когда Ланцелотъ вступалъ въ обладаніе Додоною. Онъ упоминается у Плинія, у Исидора Севильскаго (Chalazias, въ исп. Libro de Alexandre—Galacio). Galaziá, кажется, напоминаетъ Bächtold'у, писавшему о Ланцелотѣ Zatzikhoven'a, Граль (Der Lanzelet von Zatzikhoven von Dr. Jakob Bächtold, 1870, S. 53), и въ самомъ дѣлѣ между этимъ камнемъ и Гралемъ Вольфрама есть какая-то связь.

¹⁾ Fabricii Cod. pseudop. Vet. Test., 36 sequ.

²⁾ Если содержаніе французскихъ произведеній о Гралѣ было извѣстно Вольфраму лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, что весьма могло случиться,

На основаніи всего сказаннаго, попытки установленія генезиса легенды о Гралѣ при помощи произведенія Вольфрама кажутся намъ весьма шаткими. Та редакція легенды, какую встрѣчаемъ у нѣмецкаго поэта, не можетъ быть названа первоначальною и исконною и представляетъ атрибутъ, приданный Гралю впоследствии. Точно также не имѣетъ для насъ значенія, послѣ сказаннаго, и свидѣтельство Вольфрама о возникновеніи легенды (мы разумѣемъ слова его о Флегетанисѣ). Самъ Симрокъ говоритъ¹⁾, что показаніе Вольфрама отражаетъ лишь собственное представленіе его о томъ, или представленіе его источника, такъ какъ мы не знаемъ, самъ ли Вольфрамъ выдумалъ извѣстіе о Флегетанисѣ, или же откуда-нибудь заимствовалъ.

Легенда о Гралѣ, изложенная Вольфрамомъ, не можетъ быть точкою опоры при изслѣдованіи происхожденія Граля, такую вѣрную точкой, отъ которой можно было бы отправляться впередъ и назадъ, а между тѣмъ Симрокъ относится совершенно иначе къ Вольфрамову повѣствованію.

то онъ самъ могъ приурочить Граль и родъ его королей къ Анжу, зная, что родъ этихъ королей связывался съ Артуромъ, но не имѣя въ частности представленія объ исторіи этихъ королей, какая передавалась въ раманахъ. Мы принимаемъ процессъ подстановки обратно противоположный допускаемому San-Marte, который думаетъ, что французскія сказанія были привязаны къ Гралю позже.—*Легенда* о Гралѣ до помѣщенія его въ Анжу, какою она является у Вольфрама (мы не говоримъ объ идеѣ, воплощенной въ Граль нѣмецкимъ поэтомъ), даже довольно нескладна. Граль Вольфрама — камень, принесенный съ неба ангелами, которые, оставшись нейтральными въ возстаніи Люцифера противъ Троицы, *должны были* служить Гралю. Потомъ начали служить послѣднему избираемые нарочно для того люди. Въ концѣ Вольфрамова повѣствованія это служеніе ангеловъ Гралю опровергается устами того самаго, который прежде сообщилъ о немъ, и сумма легенды въ сущности остается весьма скудною. Въ Титурелѣ (1-й отрывокъ, *Signe und Schionatulander*, str. 6) Граль вовсе не связывается съ паденіемъ ангеловъ, и Титурель просто говоритъ:

Dô ich den grâl enphienc von der botscheftē
die mir der engel hère enbôt mit siner hôhen krafte,
dâ vant ich geschriben ai mî'nen orden.

Это напоминаетъ нѣсколько прологъ къ большому французскому роману о св. Гралѣ.

¹⁾ S. 775.

По его мнѣнію, у Вольфрама замѣтно видоизмѣненіе и смягченіе первоначальной саги, и самое сказаніе Флегетаниса о Гралѣ могло быть измышлено лишь тогда, когда Граль былъ не болѣе какъ блюдо, а кровавая голова была выброшена, можетъ быть вслѣдствіе впечатлѣнія, наводившаго ужасъ. Вотъ для того-то, чтобы, послѣ исчезновенія головы, объяснить какъ-нибудь своимъ читателямъ чудесную силу Граля, самъ Вольфрамъ могъ вставить сказаніе о Флегетанисѣ. Впрочемъ, онъ могъ, по мнѣнію Симрока¹⁾, и найти гдѣ-нибудь это сказаніе.

Такимъ образомъ, по предположенію Симрока, сага о Гралѣ могла быть измѣнена и смягчена Вольфрамомъ, или вѣсть-нибудь до него.

Допустить потерю такого важнаго атрибута, какъ голова, и полное забвеніе связи Граля съ Іоанномъ Предтечею²⁾ мы находимъ невозможнымъ, въ особенности когда, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, къ которому склоняется и Симрокъ, существованіе этой головы было въ ходу у тамплиеровъ еще въ XIV стол., и изображеніе ея встрѣчалось на ихъ печатахъ. У Симрока приведено также извѣстіе, что голова Іоанна Предтечи была приносима въ 1027 г. во дворецъ Византійскаго императора³⁾. Въ виду этихъ фактовъ излишне предполагать и надобность въ смягченіи саги ради ея впечатлѣнія, особенно когда въ томъ, уничтоженіе чего предполагается, заключалась вся суть чудодѣйственной силы Граля. Если Вольфрамъ смягчилъ сагу, то—что живимъ-нибудь другимъ основаніямъ.

Но мы позволимъ себѣ спросить, откуда Симрокъ узналъ, что легенда о Гралѣ существовала до Вольфрама въ томъ видѣ, смягченіе котораго Симрокъ предполагаетъ у него, и что Вольфрамовъ Граль (камень, но допустимъ даже, что подъ нимъ разумѣлось блюдо) образованъ изъ блюда съ головою Іоанна Крестителя? Изъ того, что на

¹⁾ S. 796.

²⁾ Приводимое у Симрока въ доказательство этой связи не имѣетъ значенія.

³⁾ Симрокъ задается при этомъ вопросомъ: *Glaubte man etwa der Anblick des heiligen Hauptes werde den Kaiser nicht sterben lassen? Von dem Gral wird uns gemeldet, dass Niemand desselben Tages sterben konnte, da er ihn sah, und die nächste Woche nicht.* Голова могли приписывать въ этомъ случаѣ ту силу, какую обыкновенно усволяли реликвіямъ.

востокъ было *особенное* (обыкновенное было повсюду¹⁾) почитаніе главы Іоанна Крестителя, — при посредствѣ еретиковъ, оно было зачесено на западъ²⁾, — что тутъ были различныя повѣрья на счетъ этой главы³⁾, изъ того, наконецъ, что есть слѣды особеннаго чествованія какой-то

¹⁾ Во Франціи мы находимъ съ довольно давняго времени главы І. Крестителя, которыя вообще были почитаемы повсюду, но поклоненіе этимъ главамъ не представляло чего-нибудь необыкновеннаго, а равно извѣстій о реликвиі блюда, на которое была положена глава І. Предтечи, насколько намъ извѣстно, не встрѣчается въ древнѣйшее время. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ упомянутая глава представляется сохранявшеюся въ сосудѣ (*Monologium Graecorum jussu Basilii Imperatoris graece olim editum etc Studio et opera Annibalis tit. S. Clementis presbyteri card. Albani. Pars II. (Urbini MDCCXXXVII), p. 209*). Въ Гаскони показывали еще во время революціи кровь, собранную при усѣкновеніи главы І. Предтечи, но мы не знаемъ, съ какого времени она вела начало. Туже кровь и теперь еще показываютъ, кажется, въ Венеціи и Неаполѣ Пракъ І. Предтечи указывали въ различныхъ мѣстахъ запада, а также и части остатковъ Крестителя. Вообще реликвиі І. Предтечи встрѣчаются на западѣ съ очень давняго времени. См. у Григорія Турскаго *de gl'og. Martyr. cap. 14 sequ.* О какомъ-то писаніи, рассказывавшемъ объ обрѣженіи главы І. Предтечи, упоминается уже въ декретѣ Геласія (*Μηνολογιον των ευαγγελιων εορταστικον sive Kalendarium ecclesiae Constantinopolitanae cl. annorum vetustate insigne primitus in lucem editum cura Steph. Antonii Morcelli. Vol. II. Romae M. DCC. LXXXVIII. P. 65*). Лонгобарды считали І. Предтечу своимъ патрономъ. О почитаніи его вообще есть цѣлая книга: *Paulli M. Paciaudii De cultu S. Iohannis Baptistae Antiquitates Christianae.*

²⁾ Могло это случиться и безъ еретиковъ.

³⁾ О виновникахъ убіенія Крестителя Беда говоритъ (*Monumenta historica Britannica, or Materials for the history of Britain, from the earliest period. Volume I. Prepared and illustrated with notes by the late Henry Petrie; assisted by the Rev. John Sharpe MDCC. XLV, III. Chronicon sixe de sex aetatibus saeculi, p. 84—85*): „Herodes tetrarcha et ipse Gaei amicitiam petens, cogente Herodiade Romam venit, sed acensatus ab Agrippa etiam tetrarchiam perdidit, fugiensque in Hispaniam cum Herodiade, moerore periit“. *Giraldus Cambrensis (Topographia Hibernica, dist. II, cap. VII (Gir Camb. op., ed. by James F. Dimock, vol. V, p. 87)* сообщалъ: „Est fons in Pictavia, apud sanctum Iohannem Dangele, ubi caput Baptistae reconditum habetur, qui in hieme nullis, in aestate vero (contra communem fontium naturam) uberrimis solet manare fluentis“. И т. п.

головы ¹⁾, изъ всего этого нельзя еще выводить то, что утверждаемое Симрокомъ: нужно обстоятельно доказать, что первоначально Граль былъ именно блюдомъ съ головою Иоанна Крестителя, а это послѣднее висколько не вытекаетъ изъ того, что Граль представляли въ нѣкоторыхъ случаяхъ блюдомъ. Блюдо блюду рознь, да и нигдѣ не говорится о Гралѣ, какъ о блюдѣ съ головою. Лишь въ одномъ изъ *tabinogi* Граль замѣненъ совершенно безсознательно такимъ блюдомъ; но значить ли это, что Граль былъ отождествляемъ вѣмъ-нибудь съ блюдомъ съ головою? Съ самаго начала могли разумѣть то блюдо, которое было употреблено Спасителемъ на Тайной Вечери, такъ какъ Граль во всѣхъ памятникахъ является въ связи съ евхаристією ²⁾, и если Воль-

¹⁾ Мы не знаемъ объ особенномъ чествованіи головъ І. Крестителя, бывшихъ на западѣ, но Симрокъ думаетъ (S. 793 и 776), что подъ головою, которую чтли тампьеры, должно разумѣть главу І. Крестителя.

²⁾ У Вольфрама, что весьма замѣчательно, Граль получаетъ всю силу какъ бы отъ евхаристіи—въ великую пятницу. Эта черта затѣняетъ до извѣстной степени то значеніе Граля, которое приписывается послѣднему въ другомъ мѣстѣ Вольфрамова произведенія въ силу происхожденія Граля. Пустынникъ *Trevigizent* говорилъ Парцивалю о Гралѣ (Parz, IX, 1109—1125):

Dar uf kumt hiute ein bótschâft
dar an doch lât sin hoechste kraft
 ez ist hiute der karfritac,
 daz man für wâr dá warten
 ein tûb von himel swinget:
 uf den stein diu bringet
 eine kleine wîz oblât.
 uf dem steine sie die lât:
 diu tûbe ist durchliuhtec blanc,
 ze himel tuot sie widerwanc.
 iemer alle kârfrítage
 bringt si uf den stein, als ich iu sage,
dâ v n den stein enpfachet
 swaz guot uf erden drachet
 von trinken und von spise,
 als den wünsch von párdi'se:
 ich mein' swaz d'erde mac geben.

фрамовъ Граль былъ образованъ непосредственно изъ блюда, то онъ могъ выйти и изъ *блюда* Тайной Вечери, а не только изъ блюда съ головою Иоанна Крестителя. Первое могло занимать вѣрующихъ съ давней поры, какъ и послѣднее. — Въ вопросѣ о генезисѣ сказанія о Гралѣ Симрокъ напрасно оставилъ безъ должнаго вниманія легенду, связанную съ Гралемъ во французскихъ романахъ. Подобно San-Marte, онъ приписываетъ ей позднѣйшее происхожденіе, какъ и вымыслу о Флегетанисѣ: и сказаніе о Флегетанисѣ, и то, что передавалось о Гралѣ у французскихъ романистовъ, придуманы, по мнѣнію Симрока, для объясненія чудодѣйственной силы Граля послѣ того, какъ былъ потерянъ имъ столь важный атрибутъ, какъ голоза. Повидимому Симрокъ готовъ думать, что французское сказаніе о Гралѣ составилось даже позже легенды о Флегетанисѣ, которая была предшествовавшею ступенью. Кретьенъ де Труа, по мнѣнію Симрока, могъ и не знать французской легенды ¹⁾. Мы уже показали всю трудность, какая имѣетъ мѣсто, если допустить принимаемое Симрокомъ превращеніе легенды, переданной Вольфрамомъ. Граль, какъ блюдо съ головою, или же какъ камень, не могъ *безъ страннаго скачка* церейти и въ чашу Тайной Вечери. Какъ скоро легенды о послѣдней были въ обращеніи задолго до романовъ, то почему не допустить, что Граль образовался изъ нея сразу? Французская легенда могла быть старше нѣмецкой. Сюжеты, которые были обрабатываемы въ бретонскихъ романахъ, не были въ застоѣ и постоянно подвергались то тѣмъ, то другимъ измѣненіямъ: эти измѣненія были тѣмъ больше, чѣмъ далѣе были виновники ихъ отъ первоначальнаго сказанія. Легенда о Гралѣ могла имѣть общую участь сюжетовъ бретонскаго цикла.

Нѣкоторую аналогію къ происхожденію голубя на Граль въ великую пятницу встрѣчаемъ въ разсказѣ одного французскаго лапидарія: „Moult de fois les pierres précieuses ont esté corrompues en leurs vertues; toutes—fois comme le personne est réparée par baptesme et pénitence et peut revenir à l'estat de la première création, en cette manière, par la sanctification, les pierres précieuses sont réparées en la forme de leurs vertus en la manière de la sanctification et consécration, si comme on trouve au dit liure; et pourtant, quant vous voyoz que vos pierres ont perdu leurs vertus, vous les devez mettre en un drap de lin bien net et puis les mettre sur l'autel jusques à tant que trois messes soient consacrées dessus“. Le Roux de Lincy, Le livre des légendes, Paris 1836, p. 339.

Симрокъ не представилъ ясныхъ фактовъ особеннаго чествованія и значительнаго обращенія въ легендарной сферѣ блюда съ головою І. Крестителя *до Вольфрама* и происхожденія оттуда Граля: къ существованію всего этого до Вольфрама онъ заключаетъ, главнымъ образомъ, изъ позднѣйшихъ фактовъ, да и изъ этихъ фактовъ одинъ вовсе не имѣетъ значенія, по крайней мѣрѣ, слишкомъ сомнителенъ, а другой нуждается еще въ разъясненіи: это—*tabinogi* о Передурѣ и одно изъ обвиненій, которыя изводили на тамплиеровъ; фактъ же, относящійся къ болѣе раннему времени, составляетъ весьма слабое доказательство.

Симрокъ думаетъ, что, для восстановленія первообраза легенды о Гралѣ, нужно къ (мнимому) блюду Вольфрама прибавить голову, которая встрѣчается на немъ въ *tabinogi*. По мнѣнію Симрока, въ *tabinogi* уцѣлѣла въ этомъ случаѣ „подлинная и древняя черта“¹⁾. Насколько основательно разсуждаетъ Симрокъ, понятно изъ прежде сказаннаго о блюдѣ съ головою въ *tabinogi* о Передурѣ. Но еслибы даже дѣло шло о Гралѣ въ *tabinogi*²⁾, то все-таки указываемая въ немъ черта не имѣла бы значенія. Она могла играть роль только въ виду прежняго взгляда на *tabinogion*, какъ на источники рыцарскихъ романовъ. Въ настоящее время думаютъ, что было наоборотъ, и такъ какъ *tabinogi*, гдѣ говорится о блюдѣ съ головою, также сложился изъ романовъ, въ которыхъ нѣтъ ничего подобнаго³⁾, то и этому блюду нужно

¹⁾ S. 787.

²⁾ Съ точки зрѣнія кельтофиловъ должно предположить, что блюдо съ головою не тождественно съ Гралемъ и было *замѣнено* послѣднимъ при включеніи фабулы о Персевалѣ въ циклъ исторій Граля и Круглаго Стола.

³⁾ Нѣтъ основаній догадываться, что въ древнихъ пересказахъ упоминалась на блюдѣ и голова. Мы сомнѣваемся даже, чтобы и само по себѣ блюдо встрѣчалось съ названіемъ Граля въ какомъ-нибудь романѣ. Познѣе слова Граль, предложенное Гелландомъ, имѣвшимъ, вѣроятно, въ виду генуэзскій сосудъ, не рѣшаетъ дѣла, такъ какъ *Charpentier* показалъ, въ дополненіяхъ въ латинскому словарю Дю-Канжа, что подъ *gradalis* съ его видоизмѣненіями разумѣли не только блюдо, но и широкую, круглую и неглубокую чашу. [Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Carolo Dufresno Domino Du-Cange cum supplementis integris monachorum ordinis S. Benedicti D. P. Carpentarii, Adelungii, aliorum, suisque digessit G. A. L. Henschel. T. III (Parisii 1843); см. замѣчанія при словахъ *gradale*, *gradalus*, *grasala*]. Такую форму и имѣетъ Граль въ древнѣйшихъ романахъ. См.: ниже.

приписать позднѣйшее происхожденіе. Самъ Симрокъ считаетъ сказку о Передурѣ передѣлкою произведенія сѣверно-французскаго трувера¹⁾, а между тѣмъ все-таки думаетъ, что блюдо съ окровавленной головою— „подлинная и древняя черта, говорящая въ пользу тождественности рыцарей Граля (Templeisen) и храмовниковъ (Tempelritter)“. Но научно ли относить къ древнѣйшему складу саги черту, встрѣчающуюся въ одномъ изъ позднѣйшихъ пересказовъ ея, сложившемся по источникамъ, которые не знаютъ этой черты? Въ извѣстныхъ доселѣ романахъ ея нѣтъ, и едвали основательно думать, что она могла бы найтись въ какомъ-нибудь изъ утерянныхъ. Mabini о Передурѣ обнаруживаетъ значительное искаженіе и забвеніе подробностей, имѣвшихъ мѣсто въ его источникѣ, хотя, съ другой стороны, въ немъ удержаны нѣкоторыя мелочныя черты оригинала²⁾; очевидно, что оно составилось и выработалось не въ письменныхъ только пересказахъ и приняло мѣстный оттѣнокъ, и несправедливо усматривать вмѣстѣ съ Симрокомъ у автора его желаніе „закрыть иноземное происхожденіе рассказа“³⁾. Симрокъ говоритъ, что почитаніе обезглавленнаго Крестителя отъливается въ древнѣйшей формѣ саги Граля⁴⁾. Ужъ не mabini ли представляетъ эту древнѣйшую форму ея? По крайней мѣрѣ, мы не нашли у Симрока ничего другаго, что можно было бы назвать съ его точки зрѣнія „älteste Gestalt der Gralsage“ (древнѣйшій складъ саги Граля). У de Boron'a и у Mar'a, считааемыхъ древнѣйшими авторами романовъ о Гралѣ, нѣтъ ничего, что говорило бы о связи послѣдняго съ Иоанномъ Предтечею.

Второй намекъ объ этой связи и выработкѣ Граля изъ вѣдѣта Иоанновой главы Симрокъ видитъ въ обвиненіи, взведенномъ на тамплиеровъ, въ поклоненіи демону въ образѣ головы, которое Симрокъ принимаетъ—не такъ какъ нашъ, русскій ученый, г. Веселовскій⁵⁾,—въ буквальный смыслъ. Еслибы встрѣчались постороннія свидѣтель-

¹⁾ S. 789.

²⁾ Напр., о копьѣ говорится и у Кретьена де Труа:

s'en ist une gouste de sanc.

³⁾ S. 789.

⁴⁾ S. 777.

⁵⁾ Мы думаемъ, что объясненіе г. Веселовскаго удачлѣе.

ства о Гралѣ, какъ о блюдѣ съ головою, тогда могло бы быть еще какое-нибудь право на отнесеніе упомянутого обвиненія къ чествованію Грали, какъ блюда съ головою. Но о Гралѣ нигдѣ не говорится *прямо* въ такомъ смыслѣ. Поэтому, еслибы и доказано было чествованіе храмовниками головы ¹⁾; то этимъ не было бы еще установлено, что то былъ Граль, или что этотъ послѣдній имѣлъ какую-нибудь связь съ упомянутою головою. Указываютъ на одинаковыя свойства Граля и христовнической головы, но эта почва очень шатка. Между предметами и порожденіями фантазіи можетъ быть точка соприкосновенія южннмо генетической родственности ихъ. Отдѣльно взятыя черты, даже цѣлая

¹⁾ Къ извѣстіямъ о вѣрованіяхъ и доктринахъ тамплиеровъ должно относиться съ крайнею осторожностію. См., напр., въ ст. Ревилли («Les Albigeois.—Origines, développement et disparition du catharisme dans la France méridionale d'après de nouvelles recherches»), помѣщенной въ «Revue des Deux Mondes»; 1 Mai 1874 г., p. 44.—Можетъ быть, храмовники еовсѣмъ не почитали головы, о которой толкуютъ. Кажется, что подобное обвиненіе принадлежало къ обычнымъ народнымъ приемамъ по отношенію къ преслѣдуемымъ. Такъ, въ первыя времена христіанства язычники укоряли христіанъ въ поклоненіи ослиной головой.—О Varhom'ъ (ин. Bafom'ъ) въ «Les aventures de Mosenher G. de la Barre» упоминается въ связи съ Sargazis: P. Meyer, Recueil d'anciens textes, 1-re partie (Paris 1874), p. 127—130. См. также «Guillaume de la Barre. Par Paul Meyer. Paris 1868». Намъ кажется совершенно справедливымъ разумѣть подъ Бафохетомъ Магомета (сл. у Grasse, l. c., S. 183—184. Henschel, Glossar., t. I, Paris. 1840, p. 579). Maury (Essai sur les légendes pieuses du moyen âge, Paris 1843, p. 110) говоритъ: «Au moyen âge une ignorance de la nature de l'islamisme transformait des musulmans en adorateurs de la statue du prophète, idée d'autant plus étrange qu'elle est en opposition complète avec l'esprit iconoclaste de l'islamisme *). Les Chroniques de Saint-Denis, lib. 3, p. 2, parlent d'une certaine statue de Mahomet nommée Salamcadis, qui était adorée par les Sarrazins, et qu'habitait une légion de diables». Сл. у L. Gautier: La chanson de Roland, cinquième édition, Tours M DCCC LXXV, p. 4. Слово Mahommét съ теченіемъ времени начало означать «toute espèce d'idole» (Henschel, Glossar., t. VII, Paris. 1850, p. 220; сл. t. IV, Par. 1845, p. 187). Самого Магомета породнили съ демономъ, какъ вообще представляли чертями божества иновѣрцевъ. Укажемъ, для примѣра, на слова Вильгельма Тирскаго въ 1-й же главѣ его «Historia belli sacri»: «Tradunt veteres historiae, et idipsum etiam habent Orienta-

*) Катари также отриняли чествованіе головы.

группа въѣ, могутъ имѣть множество аналогій, но слѣдуетъ ли на основаніи послѣднихъ гадать сейчасъ о происхожденіи легенды? И въ настоящемъ случаѣ, причиною сходства качествъ чаши Граля и храмовнической головы могла быть одинаковость тенденціи при разрисовкѣ той и другой.

Симроузъ не отказывается усматривать вмѣстѣ со многими другими учеными какое-то соотношеніе между сказаніями о Гралѣ и доктринами тамплиеровъ¹⁾. Онъ ссылается, между проч., на указываемое учеными сходство названія служителей Граля съ названіемъ членовъ упомянутого ордена и на нѣкоторое подобіе обычаевъ первыхъ по Вольфраму обычаямъ тамплиеровъ.

По нашему мнѣнію, все это даетъ лишь право думать, что нѣкоторые романисты имѣли въ виду тамплиеровъ при внесеніи тѣхъ или другихъ подробностей въ свои произведенія и при изображеніи рыцарей Граля, и нѣтъ основаній заключать, что все сказаніе и его идея заимствованы у храмовниковъ, которые, впрочемъ, могли быть знакомы съ этой легендой и даже обработать ее по своему. Тамплиеры являются не во всѣхъ романахъ о Гралѣ, и въ первыхъ изъ этихъ романовъ идея рыцарскаго ордена Граля не выступаетъ ясно.

Граль у Вольфрама—блюдо (sic); въ *mafinogi* о Передурѣ *смысто Граля* является голова на блюдѣ; при этомъ вспоминается голова I. Крестителя, которую чтли тамплиеры; *следовательно*, Граль былъ первоначально блюдомъ съ головою I. Крестителя.

hunc traditiones, quod tempore quo Heraclius Augustus Romanum administrabat imperium, *Mahumeth primogeniti Sathanae*—ita inualuerat doctrina pestilens etc. *Historia belli sacri verissima* etc. Basileae apud Nicolaum Brylingerum, Anno M. D. LXIII, p. 4. Въ литературныхъ памятникахъ встрѣчаются еще слѣд. формы Магометова имени: Mahume, mahom, Mahon, mached, Bagomede. Въ отношеніи къ *Varhomet* не безинтересно, что у насъ Магометъ назывался встарь Бохмидъ, а Волжскіе болгары—Бохъмичи (Лѣтоп. по Ил. сп., стр. 57).—О чествованіи храмовниками *блюда*, какъ мы сказали, нѣтъ нѣвѣстій. *Wagner-Purgstall* считалъ одно блюдо, на которомъ есть надпись: «*Haver ait garal XII*» и которое употреблялось при крещеніи, храмовническимъ, но, какъ доказано уже, это—произвольное предположеніе.

¹⁾ Это соотношеніе предполагали и въ тридцатыхъ годахъ настоящаго стол. Уже *Von der Hagen* говорилъ, что подл рыцарями Граля должны разумѣть тамплиеровъ.

Таковъ вкратцѣ у Симрока ходъ изложенныхъ нами пока доказательствъ основнаго его положенія.

Въ пользу предположенія, что Граль, на болѣе древней ступени развитія легенды о немъ, былъ блудомъ съ головою І. Предтечи, говорить, далѣе, по мнѣнію Симрока, то обстоятельство, что генуэзцы посвятили капеллѣ І. Крестителя доставшуюся имъ при взятіи Келарія драгоцѣнную чашу, которую уже Гелинандъ приурочивалъ къ Гралю¹⁾. Мы полагаемъ, что это посвященіе случилось безъ приведенія въ соотношеніе чаши съ І. Предтечею; по крайней мѣрѣ, ничто не заставляетъ думать наоборотъ. О генуэзскомъ сосудѣ, сколько намъ извѣстно, никогда не было легенды, которая связывала бы его хоть какъ-нибудь съ І. Крестителемъ, да и *saeto catino*, какъ сказано уже, начали отождествлять съ Гралемъ лишь въ XIII стол. Чашу, которую признавали драгоцѣннѣйшею реликвию, естественно было помѣстить въ храмъ І. Крестителя, который считался покровителемъ Генуи и котораго мощи почивали тамъ съ 1098 г. ²⁾ Нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что были сохраняемы подъ однимъ кровомъ двѣ важнѣйшія городскія святыни, почти одновременно прибывшія въ Геную. Могутъ сказать, что помѣщеніе знаменитой чаши въ капеллѣ І. Крестителя получаетъ значеніе *ex parte* другихъ фактовъ, говорящихъ о связи Граля съ Іоанномъ Предтечею, но мы видѣли уже, что это за факты.

Въ доказательство соприкосновенія Граля съ почитаніемъ Предтечи, Симровъ обращаетъ вниманіе еще на то, что въ романѣ о Гралѣ важныя событія совершаются дважды въ Іоанновъ день, а не въ Пятидесятницу, когда обыкновенно происходилъ собранія и пиры ви-

¹⁾ S. 776 и 793.

²⁾ Fra Gaetano, *Il catino di smeraldo orientale gemma consacrata da N. S. Gesu Cristo nell' ultima cena degli Azimi, e custodita con religiosa pietà dalla Serma Repub ca di Genova...* In Genova, MDCCXXVI, p. 2.—Мы встрѣтили аналогичный фактъ, относящійся къ болѣе раннему времени. Королева Теоделинда помѣстила полученную ею отъ папы корону съ гвоздемъ,—однимъ изъ тѣхъ, которыми былъ прикрѣпленъ ко кресту Спаситель, въ устроенной его церкви въ Monza. Въ этой церкви есть барельефъ, изображающій, какъ королева подноситъ реликвию Іоанну Крестителю. Слѣдуя методу Симрока, должно бы думать, что реликвія имѣла отношеніе къ Іоанну Крестителю.

тязей Круглаго Стола. Но романъ Кретьена де Труа объ Эрекѣ начинается такъ:

Un jor de pasques, al tans novel,
A Karadigan, son castel,
Ot li rois Artus cort tenue.

Въ прозаическомъ Персевалѣ, изданномъ Potvin'омъ, говорится по поводу назначенія Артуромъ собранія на Иоанновъ день: „Et por ce, la veust—il retenir à cel jor que la Pantecouste estoit trop prochie, ne n'i péussent pas tuit estre cil qui adonc i seront“¹⁾. Англійская аллитеративная поэма „Sir Gawayne and The Green Knight“²⁾ начинается описаніемъ празднованія Рождества Христова Артуромъ и рыцарями Круглаго Стола. Изъ этого видно, что, хотя Пятидесятница наичаще является въ романахъ временемъ собраній Круглаго Стола, избираются для того иногда и другіе дни, какъ не въ одну Пятидесятницу происходили торжественныя придворныя собранія во Франціи и въ Англии, бывавшія на самомъ дѣлѣ³⁾.

Въ разборѣ мнѣній важна прежде всего критика основъ ихъ; падуть эти послѣднія—потеряетъ значеніе и все построенное на нихъ и примкнувшее къ нимъ; уцѣлѣють онѣ—тогда удержатся и выводы изъ нихъ и примѣненія ихъ. Поэтому, разобравши основную часть Симроковой гипотезы относительно Граля и остановившись подробно на доказательствахъ Симрока потому, что они приняты и приводятся у довольно авторитетныхъ ученыхъ, мы, для избѣжанія чрезмѣрной пространности нашего труда, не станемъ касаться дальнѣйшаго раскрытія Симрокомъ его гипотезы. Мы оставимъ въ сторонѣ предложенное Симрокомъ „Объясненіе миеа о Гралѣ“⁴⁾, а по поводу указанныхъ имъ „Отголосковъ нѣмецкихъ миеовъ“⁵⁾ замѣтимъ, что эти сближенія

¹⁾ Perceval le Gallois ou le Conte du Graal publié par Ch. Potvin. I Vol., 1 partie (MDCCLXVII), p. 24.

²⁾ Second edition (Early English Text Society), 1869.

³⁾ Объ этихъ собраніяхъ см. у Дю—Канжа: Glossar. mod. et inf. lat., t. VII (изд. Henschel'я), Dissertations sur l'histoire de saint Louys, diss. IV. Тутъ указано время, когда Пятидесятница начала быть днемъ торжественныхъ собраній. См. еще въ Англо-Саксонской хроникѣ: Monum. hist. Brit., p. 394—395.

⁴⁾ S. 777—779. ⁵⁾ S. 779—780.

имѣютъ значеніе только по отношенію къ повѣствованію Вольфрама, а не по отношенію къ сказанію, послужившему источникомъ для Парцивала. Нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ допустить предположеніе, въ которому склоняется Симрокъ, что „сага о Гралѣ возникла изъ соединенія нѣмецкихъ и христіанскихъ элементовъ“¹⁾.

Что касается мѣстности зарожденія легенды, то Симрокъ колеблется между Провансомъ въ томъ широкомъ значеніи, какое имѣло тогда это слово, и югомъ и сѣверомъ Франціи²⁾, но готовъ, невидимому отдать предпочтеніе Провансу.

Разсужденія Симрока объ этомъ не заслуживаютъ разбора, потому что онъ основывается, главнымъ образомъ, на Вольфрамѣ и отправляется постоянно отъ Парцивала, который насколько имѣетъ значенія въ этомъ случаѣ, мы уже показали. Притомъ Симрокъ не высказывается рѣшительно.

Фактами, накопленными у Симрока, воспользовался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ знатковъ старонѣмецкой и старофранцузской литературъ, Bartsch. Въ его мнѣніи относительно Граля весьма мало новаго, да и это новое вытекло, большею частію, изъ довольно шаткаго приложенія къ матеріалу, найденному у Симрока, данныхъ, встрѣченныхъ Bartsch'емъ въ сочиненіяхъ другихъ ученыхъ.

Bartsch считаетъ Куотъ дѣйствительно существовавшимъ лицомъ и говоритъ, что, во всякомъ случаѣ, рассказъ Вольфрама о Флегетанисѣ и нахожденіи книги Граля въ Толедо устанавливаетъ путь, который сага о Гралѣ получила чрезъ Испанію. Bartsch относится съ такимъ довѣріемъ въ сказанію о Флегетанисѣ, который, по его словамъ, „едвали вымышленъ“³⁾, что рѣшился утверждать „восточно-іудейское начало“ саги, „которая проникла на западъ, вѣроятно, чрезъ посредство испанскихъ арабовъ“. Можно спросить у почтеннаго ученаго, о какой сагѣ онъ ведетъ рѣчь? Излагая кратко содержаніе легенды, онъ включаетъ въ нее Іосифа Аримаѳейскаго и собраніе крови Спасителя: неужели все это явилось съ востока чрезъ арабовъ? Мы показали уже, чѣмъ могло быть произведеніе Куотъ, а также усвояемый ему источникъ. Отъ сказанія, которое выдается за найденное въ Толедо, еще далеко до

1) S. 789. .

2) S. 789--792.

3) Wolfram's von Eschenbach Parzival und Titurel, I, XXIV.

легенды о Гралѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Мы думаемъ также, что съ точки зрѣнія Bartsch'a далеко не безразлично принятіе или непринятіе показанія Kyöt объ его источникѣ.

Что говорится у Bartsch'a о распространеніи сказанія о Гралѣ на западѣ Европы и о примѣси въ это сказаніе кельто—бриттскихъ стихій, представляется совершенно лишеннымъ основанія и показываетъ только незнаніе фактической стороны дѣла. Bartsch допускаетъ, что сага о Гралѣ распространилась и пустила крѣпкіе корни въ Бретани ранѣе первой половины XII стол. Тамъ она смѣшалась съ мѣстными преданіями. Связь ея во всѣхъ обработкахъ съ Артуровскою сагою указываетъ, по мнѣнію Bartsch'a, уже сама по себѣ на кельтскую основу.

Bartsch обращаетъ вниманіе на аналогію братства Граля съ братствами духовно-рыцарскихъ орденовъ и въ особенности съ храмовниками, указываетъ на то, что послѣдніе имѣли большія владѣнія въ мѣстностяхъ, гдѣ романисты помѣщали замокъ Граля, и усматриваетъ, подобно Симроку, слѣды Граля у тамплиеровъ, при чемъ основывается на упомянутомъ нами обвиненіи. Bartsch также обращаетъ вниманіе на эпизодъ tabinogi о блюдѣ, но видитъ въ представленіи Граля блюдомъ съ головою не первичную редакцію легенды, какъ Симрокъ, а „другую передачу саги“ ¹⁾. Такая традиція опять приводитъ, по его мнѣнію, къ тамплиерамъ, которые читли въ особенности Іоанна: на литургіи они читали начальныя слова Іоаннова Евангелія.

Отступленія Bartsch'a отъ предположеній Симрока обставлены плохо, и вообще все замѣчаніе Bartsch'a о Гралѣ крайне несостоятельно. Bartsch слылъ воедино сказаніе о Гралѣ французскихъ труверовъ съ тѣмъ, второе изложилъ Симрокъ; Bartsch имѣлъ въ виду, вѣроятно, „Младшій Титурель“, столь мало значущій въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Наряду съ упомянутыми нами учеными, происхожденіе легенды о Гралѣ устанавливаютъ на основаніи Вольфрамова повѣствованія и другіе нѣмецкіе ученые.

Нѣкоторые изъ нихъ, оставляя въ сторонѣ показаніе Вольфрама объ его источникѣ, выискиваютъ начала легенды о Гралѣ при помощи тѣхъ или иныхъ подробностей Вольфрамова описанія Граля и его обстановки. Фантазія, можетъ быть, и безъ вѣдома этихъ ученыхъ,

¹⁾ S. XXVI.

играть слишкомъ значительную роль въ ихъ теоріяхъ и приводить иногда къ крупнымъ несообразностямъ.

Какъ создаются эти теоріи и насколько онѣ прочны, можно видѣть изъ разбора мнѣнія Gust. Oppert'a; этотъ разборъ ярко покажетъ также степень запутанности нашего вопроса. Надѣмся, что намъ не поставятъ въ вину критику странностей, которыя мы выведемъ сейчасъ передъ читателемъ¹⁾.

Оппертъ является сторонникомъ и продолжателемъ тѣхъ отринутыхъ теперь мнѣній, которыя выводили Граля изъ рассказовъ о восточныхъ диковинкахъ.

Отправляясь отъ *Вольфрамова* Граля, Оппертъ строитъ теорію о Гралѣ вообще.

Онъ такъ резюмируетъ сущность своихъ розысканій²⁾: „Изображеніе чудодѣйственнаго камня, получившаго названіе *Граля*, соотвѣтствуетъ описаніямъ цѣлительнаго камня *коралла*, представляющаго въ переносномъ смыслѣ *кровь Христову*, названіе замка *Граля* (*Gralpalast*) напоминаетъ стариспанскій *Corral*³⁾; оба слова: *Coral* и *Corral* имѣютъ неоспоримое сходство съ словомъ *Gral*, *рыцарство* храмовниковъ *Salvaterra* есть, какъ можно замѣтить изъ историческихъ данныхъ, прославленное и храброе *рыцарство Salvatierra*, названное такъ по крѣпкому замку *Salvatierra*, расположенному въ тепер. Mancha въ Sierra Morena; Тудельскій архіепископъ называетъ этотъ замокъ *Castrum Salutis*, а историкъ Luis de Marmol—*Castil de Dios*; *Munsalvaesch* нѣмецкаго поэта напоминаетъ своимъ именемъ замокъ *Monsalud*, гдѣ былъ конвентъ ордена до переселенія его въ *Salvatierra* и гдѣ былъ погребенъ четвертый его гроссмейстеръ... Замѣчательно также, что славящіяся источники извѣстнаго своими минеральными водами Campo de Calatrava называются *Hervederos de Fuen-Santa*, что напоминаетъ *Fontan la Salvatsche*“.

¹⁾ Fel. Liebrecht, разбирая книгу Опперта, коснулся его гипотезы о Гралѣ лишь въ нѣсколькихъ словахъ. См. Götting. gel. Anz. 1864, St. 52.

²⁾ Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. Zweite verbess. Auflage. Berlin, 1870. S. 218—219.

³⁾ Такъ назывался обыкновенно орденской домъ, находившійся въ мѣстности, принадлежавшей ордену; слово *corral* могло относиться и къ монастырю, и къ замку. *Ib.*, 218.

Обратимся въ повѣрѣ положеній, выставленныхъ Оппертомъ.

Кораллу, дѣйствительно, приписывалось до извѣстной степени нѣсколько качествъ, которыя усвоились и Гралю, но сходство между тѣмъ и другимъ въ этомъ отношеніи не простирается такъ далеко и не таково, чтобы могло дать право на отождествленіе или выводъ одного изъ другаго.

У приведенныхъ Оппертомъ писателей коралль представляется камнемъ или растеніемъ, уничтожающимъ боль желудка, останавливающимъ теченіе крови, эпилепсію, пособляющимъ при нарывахъ и внутреннихъ болѣзняхъ, укрѣпляющимъ глаза, исправляющимъ зубы, укрѣпляющимъ десна; о немъ сообщается также, что онъ отвращаетъ молнію, грозы, градъ, содѣйствуетъ плодородію; онъ охраняетъ отъ всякаго вреднаго дѣйствія демоновъ, имѣетъ силу относительно призраковъ, отгоняетъ демонскія тѣни и представляющіяся во снѣ бредни, доставляетъ легкій входъ и благополучный исходъ.

Даже собирая все это во-едино, можно видѣть, какъ невѣренъ выводъ Опперта, будто, по повѣрьямъ, „ношеніе коралловъ доставляетъ счастье и здоровье“¹⁾. Кораллу приписывалось не общее такое вліяніе, а способность оказывать содѣйствіе лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Не должно забывать при этомъ, что сведенныя нами повѣрья о кораллѣ не встрѣчаются всѣ вмѣстѣ у писателей, которые излагаютъ то тѣ, то другія изъ этихъ повѣрій. Коралль нѣсколько не выдѣлялся въ этомъ случаѣ изъ ряда другихъ камней, которые были надѣлены въ лапидаріяхъ тѣми же или подобными свойствами. Указанныя нами повѣрья соединены въ одну картину впервые въ знаменитой энциклопедіи Винцентія Бовезсаго. Можно было бы прослѣдить, какъ постепенно слагались представленія о кораллѣ и на чемъ основывалась вѣра въ его свойства, но мы не желаемъ удаляться въ сторону отъ прямиаго пути нашего изслѣдованія. Нѣтъ сомнѣнія, что, по суммѣ благотворныхъ свойствъ, какъ бы значительны они ни были, кораллу далеко до Граля. Коралль является у писателей постоянно въ качествѣ талисмана, и въ этомъ отношеніи у него не мало соперниковъ²⁾.

¹⁾ S. 200.

²⁾ Такъ, въ одномъ лапидаріѣ читаемъ: «*Ceraunius lapis est cristallo similis, infectus ceruleo, de Germania. alter de Hispania, rutilans ut flamma. hii cadunt de locis tonitru, et valent ad dulces somnos et ad prelia et causas vin-*

Для произведенія коралломъ того или другаго благотворнаго дѣйствія въ пользу какого-нибудь лица необходимо, чтобы онъ находился при этомъ лицѣ. У одного писателя прямо говорится, что о чудесныхъ свойствахъ коралла толкуютъ маги („magi affirmant“). Послѣ этого невозможно отыскивать въ ланидаріяхъ зерно такъ разросшейся впоследствіи легенды о Гралѣ.

Кромѣ повѣрій о благодѣтельныхъ для человѣка качествахъ коралла, Оппертъ указываетъ и другія черты въ сказаніяхъ о кораллѣ, сближающія, по его мнѣнію, послѣдній съ Гралемъ.

„Какъ Граль избираетъ въ свои хранительницы только чистыхъ дѣвушекъ (sic), такъ и коралловый камень полезенъ только хорошимъ женщинамъ“¹⁾. Оппертъ выдвигаетъ два обстоятельства, которыми кораллъ приводится будто бы въ связь съ христіанствомъ. По одному повѣрью, онъ страшенъ демонамъ *потому*, что вѣтви его часто расстилаются крестообразно. Онъ былъ удерживаемъ въ качествѣ поясняющаго примѣра грѣшнаго человѣчества и былъ разсматриваемъ какъ символъ крови Христовой²⁾.

Что касается уподобленія грѣшника кораллу, то оно относилось къ „doctrina moralis“ и вообще не вошло въ составъ народнаго вѣрованія. Это одно изъ тѣхъ многочисленныхъ нравственно-поучительныхъ уподобленій, которыя были въ ходу у богослововъ до послѣдняго времени³⁾. Тоже можно сказать и о разсматриваніи коралла, какъ

condas. et loca omnia in quibus est a fulmine et tempestate conservantur». Zeitschr. f. deutsches Alterthum, Neue Folge, sechsten B. drittes Hest (Berlin, 1875), ст. Rose: Aristoteles De lapidibus und Arnoldus Saxo», S. 432.— О другомъ камнѣ говорится: «Crisoprassus lapis est. color ut porri succus. renidens est aureis guttis. hunc transmittit India. virtus eius est: nam visum clarificat et avariciam pellit et dat perseveranciam in bonis omnibus». lb., 433.

¹⁾ Der Presbyt. Johannes, S. 204.

²⁾ Ibid.

³⁾ Символика имѣла огромное значеніе въ христіанствѣ съ древнѣйшихъ временъ. По словамъ Th. Wright'a (Essays on subject connected with the literature, popular superstitions and history of England in the Middle Ages. Vol. II, London MDCCCXLVI, p. 64), въ XII стол. „открывали въ каждой вещи символическую идею моральныхъ обязанностей человѣка или глубочайшихъ тайнъ религіи. Морализировали или символизировали такимъ способомъ свой-

символа крови Христовой. Вотъ подлинныя слова приводимой Оппертюмъ выдержки: „...Si Corallii virtus consideretur, hoc domi forisque gestatum tempestates et fulmina arcet, fluxum sanguinis cohibet, et adversus daemoniaca phantasmata valere dicitur. Corallium in hac morali doctrina *memoriam sanguinis Christi repraesentare potest*, quae in mente humana ubique gestata adversus vitiorum tempestates, et fulmina aeternae damnationis praemuniens medicamentum euadit: Quinimo diabolica testamenta dissipat, et fluxum sanguinei luxus coercet“. Изъ этихъ словъ можно видѣть, какого рода было уподобленіе коралла крови Христовой (говорилось только, что кораллъ можетъ напоминать ее) и на чемъ оно основалось (оно шло въ параллель съ представленіемъ о вышеприведенныхъ чисто физическихъ свойствахъ коралла). О чудесномъ происхожденіи коралла, отъ крови ли, или какимъ-нибудь инымъ способомъ, *христіанскіе писатели* не сообщаютъ ничего; мы не нашли также положительнаго и распространеннаго вѣрованія о какомъ-нибудь отношеніи коралла къ крови Христовой. Это весьма важно. Уподобленіе же коралла крови вообще могло явиться благодаря внѣшнему виду коралла (это можно усмотрѣть во многихъ памятникахъ), безъ реминисценцій язычества, въ которомъ также сложилась легенда о кораллѣ на основаніи вида послѣдняго. Замѣтимъ еще, что и кровокрасный ахатъ напоминалъ нѣкоторымъ смерть Іисуса.

Оппертъ обращаетъ далѣе вниманіе на то, что Гралю приписывалось укрѣпленіе сердца, откуда выводили и его наименованіе (*coralere*) въ смыслѣ питателя сердца; потому-то Вольфрамъ могъ назвать Граля раздавателемъ пищи храмовникамъ, такъ какъ онъ питаетъ души. Опять довольно смѣлый выводъ: кораллу приписывали чисто физическое воздѣйствіе на сердце, какъ у арабовъ послѣднее и теперь еще усвоится рубину. Другія изъ свойствъ, которыми надѣляли кораллъ

ства животнаго творенія, качества растений, законъ планетныхъ движеній, части строепія и различныя члены человѣческаго тѣла, рассказы и народныя исторіи и даже повѣствованія объ историческихъ событіяхъ“. Благочестивыя размысленія по поводу предметовъ внѣшняго міра и примѣненіе ихъ въ той или другой сторонѣ христіанства нерѣдки и даже, можно сказать, весьма обычны у средневѣковыхъ книжниковъ. См., напр., «*Liber physiologus*», напечатанный Morris'омъ въ «*An Old English Miscellany*». (London MDCCLXXII, Early English Text Society, p. 201—209).

приведенныя у Опперта повѣрья, даются арабами и теперь различнымъ камнямъ ¹⁾; безъ сомнѣнїя, такъ было и встарь, и тогда тѣ же свойства или подобныя тѣмъ, которыя считались принадлежностію коралла, приписывались и другимъ камнямъ, и мы не видимъ, почему, при созданіи грандіозной легенды о Гралѣ, должны были остановиться именно на кораллѣ.

Оппертъ готовъ предположить, что, вмѣсто извѣстныхъ словъ „Lapsit exillis“ у Вольфрама могло быть „Lapis corallis“. Мы замѣтимъ на это, что подобное чтеніе слишкомъ удаляется отъ рукописей, въ которыхъ, какъ варианты къ exillis, встрѣчаются erillis, exilis, exilix, exilix ²⁾, да и невозможно потому еще, что кораллъ является у Вольфрама въ ряду множества драгоценныхъ камней, украшавшихъ ложе Anfortas'a ³⁾.

Таковы черты, сближающія, по мнѣнію Опперта, Граль съ коралломъ. Послѣ разбора положеній Опперта оказывается, что у коралла и Граля немного общаго, да и это общее не вполне совпадаетъ ⁴⁾, и нельзя сказать вмѣстѣ съ Оппертомъ, что „самыя выдающіяся свойства Граля приписываются и кораллу“ ⁵⁾.

Оппертъ думаетъ, что, съ отождествленіемъ Граля съ коралломъ, могутъ быть объяснены нѣкоторыя подробности Вольфрамова сказанія о Гралѣ. Нѣмецкій поэтъ говоритъ, что, при посредствѣ Граля, сожигается фениксъ. Оппертъ полагаетъ, что въ этомъ случаѣ можно разумѣть кораллъ потому, что о фениксѣ говорили, что онъ сожигается въ Геліополисѣ въ гнѣздѣ изъ благоуханныхъ травъ, кораллъ же считался въ средніе вѣка травой, запахъ которой не непріятенъ и которая растетъ въ Красномъ морѣ. „Естественная особенность коралловъ, говоритъ Оппертъ далѣе, и мѣстоположеніе Геліополиса увеличили еще вѣроятность того, что саги о Гралѣ развились изъ повѣствованій о

¹⁾ Le Roux de Lincy, Le livre des légendes, 124—125.

²⁾ Не слѣдуетъ ли читать »lapis exilix«?

³⁾ Parz. XVI, 124.

⁴⁾ См. выше о свойствахъ коралла и Граля по отношенію къ добродѣтельнымъ женщинамъ; кораллъ, думали, укрѣплялъ сердце, а Граль питалъ вообще.

⁵⁾ Der Presbyt. Iohannes, S. 203.

кораллѣ“. Но Оппертъ не доказалъ существованія повѣрья о стараніи феникса именно въ кораллѣ. Упомянанаго объ очень рано вошедшемъ въ христіанскую письменность ¹⁾ фениксѣ встрѣчаются перѣдко въ средневѣковыхъ памятникахъ. Сожженіе его при помощи Граля, можетъ быть, должно объяснять тѣмъ, что о камнѣ, который былъ подставленъ подъ Граль, передавалось то же, что объ ахатѣ ²⁾. Можно объяснять это и иначе. Уже въ латинской поэмѣ „de Phoenice“ трущъ испускавшаго духъ феникса, раскаляясь собственною теплою, воспламенялся съ помощію эфирнаго свѣта. У Кретъена же де Труа читаемъ, что, когда вошла съ Гралемъ „une damoisèle“

Atout le graal qu'ele tint,
 Une si grans clartés i vint
 Que si pierdirent les candoiles
 Lor clarté, com font les estoiles
 Quant li solaus liève ou la lune ³⁾.

¹⁾ См. Ebert'a *Geschichte der christlich — lateinischen Literatur* (Leipzig 1874), S. 94 fgde.

²⁾ У одного писателя встрѣчается слѣдующее: »Agathen ex Alberto gemma est susci, et nigri coloris, quem ex nimia combustione sortitur, nam ut idem asserit, niger color in lapidibus frequentissime causatur ex terrestri combusto; Agathaeus ergo fuit Calix Domini, ut significaret, quem abscondit, Pretiosissimum Sanguinem ex Christi corpore amoris flamma combusto in Ecclesiae vasa decurgere«. Объ алмазѣ въ одномъ древнемъ памятникѣ сообщалось: »*Adamans* lapis ferro durior, de quo Physiologus ita dicit, si tamen credendum est. Est lapis quae dicitur Adamans; iste in monte quedam in Oriente invenitur, ita tamen ut noctibus queratur, non per diem, quoniam in nocte lucet« etc. Sinner, *Catalogus Codicum Mss. Bibliothecae Bernensis*, t. I, p. 391 (цитата заимствована нами).

³⁾ *Perceval le Gallois ou le Conte du Graal* publié par Ch. Potvin. Deuxième partie, tome I (MDCCCLXVII), p. 148. Сл. соответствующія строки у Вольфрама фонъ Эшенбахъ. По поводу сопоставленія феникса и Граля не мѣшаетъ вспомнить, что въ одной рукописи Британскаго музея о раѣ говорится: »Therein dwelleth a beautiful bird called Phoenix; he is large und grand, as the Mighty One formed him; he is the lord over birds«. Baring—Gould, *Curious Myths*, first series, p. 256.

Оппертъ заподозриваетъ предложенныя доселѣ производствa слова Граль ¹⁾. Мы же думаемъ, что граал скорѣе могло образоваться изъ gradale, чѣмъ изъ cogal. Изъ того, что „всѣ почти средневѣковыя этимологическія толкованія невѣрны“, не слѣдуетъ, что неосновательно и предложенное Гелинандомъ. Слово graal и теперь есть въ народномъ языкѣ, какъ было во времена Гелинанда ²⁾, и употребляется приблизительно въ томъ же значеніи. Оппертъ отвергаетъ Гелинандово объясненіе на томъ основаніи, что Вольфрамъ нигдѣ не приводитъ Граль въ связь съ Іосифомъ Аримаѳейскимъ. Нѣмецкій ученый толкуетъ объ искаженіи саги и обвиняетъ въ немъ даже Кретьена де Труа. Но, напротивъ, Граль объясняется нанудовлетворительнѣе, какъ романское или—точнѣе—французское слово. Формы, въ которыхъ выражался переходъ gradalis ³⁾, gradalus, gradale, уменьшит. gradaletus, въ graal ⁴⁾,

¹⁾ S. 197.

²⁾ Гелинандъ говоритъ о gradalis: »dicitur et vulgari nomine *graal*«. Частая прибавка въ занимающихъ насъ романахъ къ этому слову эпитета *seint, sainct, seint, san, seynt* также говоритъ о томъ, что graal, само по себѣ, не было собственное имя. Выраженіе *saint graal* въ романахъ = »*seint vaissel*«. Оно представляетъ новую улику противъ Симрока: блюдо Иродіады такъ не называли бы.

³⁾ Ясный слѣдъ образованія graal изъ этого слова можно видѣть въ формахъ *graalz (gra-al-z)* и *grazaus*.

⁴⁾ Gradalis же и gradale, говорятъ, образовались изъ crater. Crater и cratus встрѣчаются, дѣйствительно, въ глоссаріяхъ, въ которыхъ есть и cratera; но мы не нашли въ этихъ глоссаріяхъ ни cratella, о которой говоритъ P. Paris (*Les rom. de la Table Ronde*, I, 379) и Skeat (*Joseph of Arimathie*, XXXVII), ни cratalis и cratale, что въ особенноти важно. Ученые указываютъ примѣры, по аналогіи которыхъ можно заключать о возможности образованія формы cratera (ин. creterra), которую мы нашли у Forcellini (*Totius latinitatis lexicon*, t. I, Patavii MDCCCXV). Мы не признаемъ возможнымъ согласиться съ такимъ производствомъ gradalis, помимо упомянутого затрудненія, еще потому, что значеніе этого слова не совпадаетъ точно съ значеніемъ crater. Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на одно выраженіе Гелинанда, которое мы печатаемъ курсивомъ: »Gradalis autem vel gradale gallico dicitur soutella lata et aliquantulum profunda, in qua *preciosae dapes* diuitibus *solum* arponi *gradatim*, unus *morsellus* post alium in diuersis ordinibus«. Толкованію Гелинанда вполне соответствуетъ выдержка изъ *Assises de Jérusalem*

могутъ быть восстановлены ¹⁾. Формы *gaaal*, *gaaus*, *gaaail*, *gaaax*, *gaaail*, *gréal*, *gréaus*, прованс. *grazaus*, ит. *gradale*, *gradaletto* ²⁾, не благопріятствуютъ производству, выставленному Оппертомъ. Мы не знаемъ вариантовъ выговора слова *gaaal*, которые свидѣтельствовали бы въ пользу Оппертовой гипотезы. Могутъ привести исп. *garral*, но, наряду съ этою формой, встрѣчаемъ въ исп. *gresal*, *grial* *greal* ³⁾— формы слишкомъ далеки отъ испанскаго *soaal*.

Наконецъ, не должно забывать, что въ произведеніи о камняхъ, написанномъ незадолго до появленія бретонскихъ романовъ и получившемъ большое распространеніе, коралль является простымъ талисманомъ.

Оппертъ говоритъ: „Хотя саги о кораллѣ, фениксѣ ⁴⁾ и др. указываютъ, какъ на свою родину, на востокъ, но Вольфрамъ выбралъ несомнѣнно сценою царства Граля Испанію“ ⁵⁾. Мы замѣтимъ по поводу этого, что, если Граль вышелъ изъ легендъ о восточныхъ дивахъ и однако приуроченъ къ западу, то, очевидно, Вольфрамъ находился подъ вліяніемъ легендъ, помѣщавшихъ Граля на западѣ, которыя существовали уже во второй половинѣ XII-го стол.

приведенная у Roquefort'a (*Glossaire de la langue romane*, t. I (A Paris, MDCCCXIII, p. 703). Выраженіе Гелинанда *gradatim*, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, стоитъ въ связи съ значеніемъ слова *gradalis*. У Forcellini (t. II, p. 388) мы встрѣтили: »*Gradalis*, e, adj. a *gradibus*. *gradalis pugna* dicitur a *Diom.* in qua pede collato miles *gradatim sensim* procedit, *urgetque* hostem«. Намъ кажется, что не слѣдуетъ, въ вопросѣ о происхожденіи слова *gaaal*, оставлять безъ вниманія употребленіе слова *gradalis*, отмѣченное нами по Forcellini.

¹⁾ Это: *gracellus*, *grassala*, *grassale*, *grassellus*, *grassella*, *grasilhia*, *grasalus*, *grasala*, *grasale*, *grazala* (сходно съ прованс. *grasal*, *grazal*, *grazaus*), *grayale* (сл. у Roquefort'a, *Gloss.* I, 708, слово *grajal*), *grasaletus*, *graletus*. Производство *gaaal* отъ *gradale*=*graduale* (P. Paris, *Les rom. de la T. R.*, I, *Addenda*) мало вѣроятно. Слово *gaaal* является въ формахъ, которыя могли бы имѣть отношеніе къ *graduel*, сравнительно рѣдко.

²⁾ *Polidori*, *La tavola ritonda*, parte seconda, Bologna 1865, p. 92.

³⁾ *Fr. Michel*, *Le rom. du Saint-Graal*, p. X. *Diez*, *Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen*, 2-ter Theil, Bonn 1870, S. 327.

⁴⁾ О фениксѣ см. сказанное нами выше.

⁵⁾ S. 203.

Въ теоріи Опперта мы не имѣемъ ничего сказать лишь противъ поставленія въ связь рыцарей Граля съ испанскими рыцарями ¹⁾. Можетъ быть, вслѣдствіе заимствованія въ романъ нѣкоторыхъ подробностей изъ исторіи послѣднихъ, придумано и связаніе о нахожденіи легенды Граля въ Испаніи.

Теорія о Гралѣ, которую выставилъ Paulus Cassel ²⁾, относится къ тому же разряду, въ которому мы причислили гипотезу Опперта, и едвали можетъ имѣть цѣну въ наукѣ. Поэтому мы коснемся ея лишь въ немногихъ словахъ, не вдаваясь въ обстоятельное опроверженіе ея, котораго она не заслуживаетъ.

Кассель избралъ пунктомъ отправленія Вольфрамову передачу саги Граля, и именно—картину, нарисованную въ V-й книгѣ Парцивала, гдѣ изображается обстановка, въ которой Граль предсталъ Парцивалю, когда тотъ прибылъ въ первый разъ въ замокъ Граля.

Очевидно, что, еслибы даже Касселевы объясненія этой части Вольфрамова разсказа были совершенно правильны, все-таки разоблаченіе аллегоризма Вольфрамова повѣствованія не рѣшило бы еще вопроса о происхожденіи легенды Граля вообще. Но Кассель освѣщаетъ невѣрно и сущность Вольфрамова сказанія, уясняя неправильно аллегорію его, раскрытую удовлетворительнѣе у другихъ нѣмецкихъ ученыхъ ³⁾.

По мнѣнію Касселя, глазамъ Парцивала представилась въ указанное нами время божественная литургія въ символическомъ изображеніи, и Вольфрамъ описалъ не романтическое, а величайшее христіанское событіе; подъ носительницею Граля (*Oure pense de Joie*) должно разумѣть Пресв. Дѣву, а подъ Гралемъ разумѣлся тотъ камень, о которомъ говорится въ Св. Писаніи, какъ о главѣ угла, основномъ камнѣ, и тотъ самый, который упоминается и у нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей и у Сивиллы, именно--Христосъ.

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторыя изъ названій, которыя находили до сихъ поръ въ Испаніи, можетъ быть, отыщутся въ другихъ мѣстахъ. Мы нашли указаніе на ст. I. Grangier въ *Anzeiger für Schweizer. Alterthumskunde* (№ 4. Oct. 1874) подъ заглавіемъ: »*Tumulus de Montsalvens*«.

²⁾ *Der Gräl und sein Name*. Von Paulus Cassel. Berlin 1865.

³⁾ Впрочемъ, между ними нѣтъ согласія относительно этого, и предлагаемыя ими толкованія довольно разнообразны.

Если вѣрить Касселевымъ объясненіямъ, то почти всѣ мелочи Вольфрамова разсказа имѣють символическое значеніе и выказываютъ въ авторѣ отличное знаніе всей библіи, по рецепту которой, если можно такъ выразиться, они составлены, а также—обычаевъ, обрядовъ и ученія церкви, только—не западной, а восточной, отъ которой будто бы старофранцузская церковь отошла не особенно далеко.

Для проведенія своихъ сближеній, Кассель нерѣдко прибѣгаетъ къ очевиднымъ натяжкамъ и произвольнымъ гаданіямъ. Достаточно двухъ примѣровъ. У Вольфрама говорится, что носительница Граля вошла въ залу въ сопровожденіи шести дѣвушекъ, несшихъ лампы. Для полученія числа семи, Кассель готовъ и самый Граль съ его носительницею причислить къ свѣтильникамъ, хотя нѣтъ никакого основанія для этого, кромѣ обстоятельства, что у носительницы Граля

ir antlitze gap den schin,
sie wänden alle ez wolde tagen ¹⁾.

У Вольфрама сообщается, что за оруженосцемъ, пронесшимъ копье, въ залу Граля вступили двѣ дѣвушки, изъ которыхъ каждая несла по подсвѣчнику:

ietweder úfer hende
truoc von golde ein kerzestal ²⁾.

Кассель же говоритъ: „хотя такъ и не сказано, но должно предположить, что это были двусвѣчникъ и трисвѣчникъ“. Вслѣдъ затѣмъ Кассель упоминаетъ объ употребленіи такихъ подсвѣчниковъ при богослуженіи въ византійской церкви и указываетъ дальнѣйшія аналогіи.

То, что въ Вольфрамовомъ повѣствованіи противорѣчитъ гипотезѣ Касселя, послѣдній оставляетъ въ сторонѣ. Такъ, онъ опустилъ безъ объясненія первую сцену (пронесеніе копья), какую Нарцивалъ увидѣлъ въ залѣ, въ которую былъ внесень Граль, очевидно—потому, что прямое объясненіе смысла этой сцены, данное самимъ Вольфрамомъ и не согласующееся съ гипотезой Касселя, не позволяло извратить смыслъ этого перваго явленія по произволу.

¹⁾ Parz. V, 346—347. Точно также оказываются искаженіемъ дѣла толки Касселя о двадцати четырехъ дѣвахъ, которыхъ самъ Вольфрамъ насчитываетъ двадцать пять (Parz. XVI, 660).

²⁾ Parz. V, 258—259.

Безспорно, литургическая обрядность и торжественность церковных служб должна была отозваться до известной степени въ описаніи Вольфрама ¹⁾, такъ какъ онъ изображаетъ въ чествованіи Граля въ известной мѣрѣ христіанское богослуженіе, церемоніаль котораго былъ, повидимому, постоянно одинаковъ ²⁾. Но слѣдуетъ ли отсюда, что въ этихъ литургическихъ чертахъ должно искать смысла всей картины? Въ большомъ французскомъ романѣ о Гралѣ описывается богественная литургія не символически, а прямо ³⁾, и между тѣмъ тамъ нѣтъ ничего, что наводило бы на заключенія, къ которымъ пришелъ Кассель.

Открытіе центра, около котораго должно группироваться изслѣдованіе, и выборъ надлежащаго исходнаго пункта—дѣло первой важности при всякомъ научномъ изысканіи. Кассель погрѣшилъ, ставши на ложную дорогу въ томъ и другомъ. Для выясненія того, что должно разумѣть подѣ Гралемъ, онъ выхватилъ *одинъ эпизодъ* Парцивала и попытался объяснить его, оставивъ безъ вниманія общую идею произведенія и все содержаніе его.

Желая доказать, что подѣ *Utteranse de Schoye* должно разумѣть Пресв. Дѣву, Кассель истолковалъ неправильно известныя французскія кликъ *Mantjoic* ⁴⁾.

Кассель предложилъ свои соображенія и относительно слова *graal*.

Не зная, что въ пользу наиболѣе распространеннаго теперь этимологическаго вывода его говоритъ преимущественная древность известнаго Касселю французскихъ сказаній о Гралѣ предѣ остальными, нѣмецкій ученый подвергаетъ сначала разбору толкованіе слова, какъ блюда, съ точки зрѣнія созданной имъ самимъ теоріи относительно Вольфрамова Граля: считая эту теорію какъ бы окончательно рѣшившею вопросъ, Кассель разсматриваетъ, подходитъ ли принятіе Граля, какъ блюда, къ его гипотезѣ, или нѣтъ, и отвѣчаетъ на это отрицательно.

Кассель говоритъ, что *gradale* употреблялось въ смыслѣ блюда рѣдко и почти не имѣло мѣста въ церковномъ обиходѣ. Первое пред-

¹⁾ Зеленому *Achwardi* Вольфрама соответствуетъ въ романахъ Мар'а зеленая ткань, которою былъ обвить Граль (P. Paris, *Les rom. de la T. R.*, I, 180): совпаденіе довольно интересное.

²⁾ *Parz.* XVI, 653 *fgde.*

³⁾ P. Paris, *des rom. de la T. R.*, I, 180. *quiv.*

⁴⁾ См. объ этомъ словѣ *Дю-Канжа* т. VII, *dis.*

положеніе ничѣмъ не доказано у Кесселя, которому советуемъ, для убѣжденія въ противномъ, просмотрѣть замѣчанія о *gradale* и *gradalis* въ III-мъ т. Геншелева изданія литинскаго словаря Дю-Канжа ¹⁾. Что же касается церковныхъ сосудовъ, то для обозначенія ихъ въ церквѣ были издавна другіе термины ²⁾. Притомъ не должно забывать, что въ XII стол. могли, повидимому, называть *graal* емъ и церковную чашу ³⁾.

Кассель производитъ слово *graal* отъ *gradilis* (*panis gradilis*). Но слово *gradilis* употреблялось для обозначенія хлѣба нераздѣльно съ словомъ *panis* и въ позднѣйшее время не было въ обращеніи, какъ нельзя найти примѣровъ употребленія слова *graal* въ смыслѣ хлѣба: такое значеніе придавъ этому слову лишь Кассель на основаніи своеобразнаго пониманія Вольфрамова Граля. Кромѣ того, слово, которое образовалось бы изъ *gradilis*, звучало бы иначе.

Къ теоріямъ Опперта и Кесселя должно причислить, по сходству метода вывода, гипотезу, пытающуюся вывести легенду о Гралѣ изъ болѣе древняго мифа, слѣды котораго, по мнѣнію автора этой гипотезы, *Bächtold*'а, ученика Конрада Гофманна, можно открыть въ Ланцелотѣ *Ulrich*'а von *Zatzikhoven*.

Bächtold думаетъ, что въ этомъ романѣ сохранился въ чистомъ видѣ старый мифъ, изъ котораго развилась идея о св. Гралѣ. *Bächtold* разумѣетъ первобытную индо-германскую племенную сагу о мѣстѣ на землѣ, куда не достигаютъ удары житейскихъ волнъ и гдѣ господствуютъ райскія радости. Граль является какъ бы воспоминаніемъ, реликвіей этого утраченнаго Эдема. Въ нѣмецкомъ Ланцелотѣ можно прослѣдить съ точностію, по мнѣнію *Bächtold*'а, такой переходъ саги ⁴⁾.

¹⁾ См. у *Brinckmeier*'а: *Glossarium diplomaticum*, 1 B., Gotha 1856, S. 929.

²⁾ Есть впрочемъ, возможность думать, что *gradale* употреблялось и въ церковномъ обиходѣ. См. у Дю-Канжа при словѣ *gradalis* (т. III, p. 545). Поставленный тамъ вопросъ, не слѣдуетъ ли разумѣть подъ словомъ *gradales* въ приведенномъ тамъ отрывкѣ—*gradualia*, кажется, можно рѣшить отрицательно на основаніи того, что рядомъ стоитъ слово *anapros*.

³⁾ *Hucher*, *le saint Graal*, I, 227: «...grant sacrement que l'an feit sor lou Graal c'est-à-dire sor lou caalice...»

⁴⁾ *Bächtold*, *Der Lanzelet von Zatzikhoven*, 52—53.

Мнѣ о блаженномъ мѣстѣ на землѣ встрѣчается въ разнообразныхъ формахъ до упомянутаго Ланцелота, и мы не видимъ, почему самый древній и неискаженный пересказъ этой легенды должно признавать у Ulrich'a von Zatzikhoven.

Во 2-хъ, мы не согласны съ выводомъ саги Граля изъ легенды о земномъ раѣ. Отдѣляя постепенныя наслоенія въ легендахъ и существовавшее отъ прибавокъ, которыя могли быть внесены позже, нельзя придавать особенное значеніе чертамъ, на которыя указываютъ у Вольфрама, какъ на свидѣтельствующія о происхожденіи легенды о Гралѣ изъ сказаній о земномъ раѣ.

Если граль Вольфрама вышелъ сколько-нибудь изъ легенды о раѣ²⁾, то эти послѣднія должно считать имѣвшими отношеніе къ библейскимъ повѣствованіямъ, отголосокъ которыхъ встрѣчается, повидимому, у Вольфрама, между тѣмъ какъ преданія, о которыхъ говоритъ Bächtold, не имѣли видимой связи съ библейскими сказаніями.

Рай отличается у Вольфрама отъ царства Граля¹⁾, да и не считался въ тѣ времена потеряннымъ: кромѣ мифологическихъ розсказней, о немъ были положительныя географическія указанія³⁾.

¹⁾ Вольфрамъ говоритъ о Гралѣ (Parz. V, 353 fg.):
daz was ein dinc, daz hiez der Grál,
erden wunsch es überwal.

Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ (Parz. V, 441):
wan der grál was der saelden frucht,
der werelde süeze ein söh genuht,
er was vil nâch geliche
als man sâget von himelriche.

См. приведенные выше ст. 1121—1125 кн. IX Парцивала.

²⁾ Такъ, рассказывавшіе о мѣрахъ, какія принимались для заживленія раны Anfortas'a, говорили (Parz. IX, 1459—1464):

wir gewunnen Gôôn
ze helfe unde Tisôn,
Eufrát es unde Tigris,
die vier wázzer územ pardis
só nâhn hin zuo, ir süezer smac
dennoch niht sîn verrochen mac.

³⁾ Baring-Gould, *Courious myths of the middle ages*, first series, p. 250. Въ одномъ глоссаріумѣ (XIV или XV стол.), въ отдѣлѣ «de terris in generali» помѣщенъ «paradisus». *Archiv für das Stud. d. neuer. Spr. n. Liter*, XLVII Bd. (1871), S. 405.

Свидѣтельствами, главнымъ образомъ, Вольфрамовой поэмы пользовались для рѣшенія вопроса о происхожденіи легенды Граля не только въ Германіи, но и во Франціи, хотя въ послѣдней не такъ часто.

Первое мѣсто въ ряду французскихъ ученыхъ, работавшихъ въ такомъ направленіи надъ нашимъ вопросомъ, занимаетъ Форіэль, который былъ очень радъ найти въ нѣмецкомъ произведеніи подтвержденіе любимаго своего тезиса о томъ, что провансалы были путеводцами европейскаго запада въ дѣлѣ поэзіи и начинателями, и не только—въ рыцарской лирикѣ, но и въ эпикѣ, въ которой французы (разумеются сѣверные) были только подражателями.

Въ 1832 г. Форіэль напечаталъ съ нѣкоторыми пропусками курсъ лекцій, защищавшихъ это положеніе, и собранные въ одну книгу отписки его статей ¹⁾ скоро обратили на себя вниманіе ученыхъ. Теорія Форіэля о первенствѣ провансальскаго романа, которую одинъ нѣмецъ назвалъ Phago-Graum, вошла и въ „Histoire de la poésie provençale“ ²⁾, изданную послѣ смерти Форіэля.

По мнѣнію Форіэля, романы о Гралѣ составляютъ отдѣльную вѣтвь въ цѣлѣ Круглаго Стола: въ нихъ выразилось стремленіе церкви къ созданію особеннаго—религіознаго—рыцарства.

О цѣли или тенденціи вымысла Форіэль заключалъ на основаніи произведеній Вольфрама. Граль казался Форіэлю матеріальнымъ символомъ христіанской вѣры, а рыцарство, приставленное къ его храненію,—религіознымъ, совершенно противоположнымъ свѣтскому; по мнѣнію Форіэля, въ немъ замѣтенъ намекъ на тамплиеровъ, которыхъ церковь признавала въ XII стол. едиными истинными рыцарями; „цѣль, религіозный характеръ, названіе, все въ рыцарствѣ Граля имѣетъ, по словамъ Форіэля, отношеніе къ храмовникамъ“. Предметъ бретонскихъ романовъ—восхваленіе рыцарства, противоположнаго свѣтскому.

Фабула о Гралѣ была изобрѣтена романистами континента и занесена въ Великобританію вмѣстѣ съ другими сагами. Основу и мо-

¹⁾ Заглавіе этой книги: »De l'origine de l'épopée chevaleresque du moyen âge, par M. Fauriel. Extrait de la Revue des Deux Mondes. Paris. MDCXXXIII«.

²⁾ Т. II et III, Paris 1847.—Изложеніе сущности послѣдняго сочиненія можно прочесть на русскомъ яз. въ ст. В. И. Модестова: „Провансальская поэзія“, помѣщенныхъ въ „Библиотекѣ для чтенія“ 1858 (№№ 10 и 11).

тивъ ея могли найти въ какомъ-нибудь монашеской легендѣ, или въ какомъ-нибудь народномъ преданіи, привязывавшемся къ связанію о прибытіи въ Марсель Лазаря и Магдалины.

Романы о Граля получили начало; по мнѣнію Форіэля, въ Провансѣ, и Форіэль думаетъ, что, для доказательства этого, достаточно выяснитъ провансальское происхожденіе основы трехъ древнѣйшихъ романовъ французской вѣтви связаній о Граля, а именно—Персевалѣ Кретьена де Труа и Парцивалѣ и Титурелѣ Вольфрама фонъ Эшенбахъ.

Форіэль попытался однако доказать такое происхожденіе лишь относительно произведеній Вольфрама, что и не представляло особеннаго затрудненія при поверхностномъ вниканіи въ предметъ.

Форіэль обратилъ вниманіе на театр дѣйствія въ Парцивалѣ и Титурелѣ (этимъ театромъ онъ считаетъ Испанію),—на рыцарство Граля, на вѣроятность прославленія храмовниковъ провансальскими поэтами, на неправильность этимологическаго производства и пониманія слова Граля у французскихъ поэтовъ и, наконецъ, на свидѣтельство Вольфрама. Форіэль говоритъ также, что онъ нашелъ у трубадуровъ нѣсколько упоминаній, относящихся къ той самой (sic) редакціи сказанія о Персевалѣ, которая встрѣчается у Вольфрама.

Таковы предположенія Форіэля относительно происхожденія Граля и романовъ о немъ. Нѣкоторыя изъ заключеній Форіэля сохранили силу въ глазахъ ученыхъ, повидимому, и до настоящаго времени, и потому—то мы сочли нужнымъ упомянуть о нихъ.

Большая часть положеній Форіэля могутъ считаться отжившими своей вѣкѣ.

Несостоятельность его теории происствѣла, между прочимъ, изъ невѣрности основныхъ его тезисовъ и недостаточнаго знанія фактовъ. Форіэль не различалъ строго двухъ совершенно несходныхъ пересказовъ легенды Граля, именно—Вольфрамова и пересказа англо-нормандскихъ и сѣверно-французскихъ труверовъ, хотя полагалъ, что французское, или галльское, какъ онъ выражался, сказаніе о Граля древнѣе сказанія англо-нормандскихъ труверовъ. Форіэль не былъ обстоятельно знакомъ съ исторіей бретонскаго цикла въ Провансѣ, что естественно. Наконецъ, должно имѣть въ виду мнѣніе Форіэля, что въ сказаніяхъ Вольфрама заключаются „характерическія особенности, при помощи которыхъ возможно постепенно добратъся до настоящаго

начала этой странной фабулы, или, по крайней мѣрѣ, до первой известной ея редакціи*.

Отвѣтъ съ нашей стороны на нѣкоторые изъ доводовъ Форіэля читатель можетъ найти въ сказанномъ доселѣ при разборѣ мнѣніи другихъ ученыхъ. Мы воснемся здѣсь кратко лишь тѣхъ доказательствъ въ пользу провансальскаго начала Граля, которыхъ мы не разобрали еще, оставивъ изъ нихъ безъ критики только ссылку Форіэля на упоминанія о Персевалѣ у провансальскихъ поэтовъ, неосновательность которой уже выяснена.

Форіэлево опредѣленіе характера рыцарства Граля, чисто религиознаго направленія котораго нельзя отринуть, довольно вѣрно. Въ древнѣйшихъ романахъ о Гралѣ прославляется въ сущности тотъ же идеалъ, что и въ болѣе позднихъ: цѣломудріе и дѣвство выдвигаются и въ первыхъ ¹⁾, равно какъ въ нихъ пробивается вообще суровый монашескій взглядъ ²⁾. Но очевидно, что все это могло быть выставлено и одобряемо повсюду, какъ скоро вошло въ общее сознаніе, и для писателей романовъ не необходимо было копировать въ этомъ случаѣ тамплиеровъ. Одно изъ самыхъ яркихъ выраженій притязательности тогдашняго религиознаго направленія по отношенію къ рыцарству можно видѣть въ прозаическомъ Персевалѣ, написанномъ въ концѣ XII-го стол. для представленія чрезъ епископа Камбре Жану de Nesle, который былъ *chatelain de Bruges*, и проникнутомъ крайнею нетерпимостью по отношенію къ иновѣрцамъ. Цѣль этого романа—наставленіе рыцарства въ религиозномъ духѣ—ясно намѣчена въ началѣ произведенія ³⁾.

Отмѣченное Форіэлемъ неправильное толкованіе нѣкоторыми изъ

¹⁾ Potvin, *Perceval le Gallois*, sixième vol. (Paris, Mons, MDCCLXXII), Introduction, p. XXIV.

²⁾ Напр., въ большомъ романѣ о св. Гралѣ читаемъ: „Глаза составляютъ зрѣніе тела, и одно сердце составляетъ взоръ души“. P. Paris, *Les rom. de la T. R.*, I, 210.

³⁾ „Josephus le mist en remembrance par l'anoncion de la voiz d'un ange, par ce que la vérité fust seue par son escript de bons chevaliers et de bons preudeshommes, conuant il voudront souffrir poigne et travailler de la loi Ihesucrist avancer, que il vost renonyeler par sa mort et par son crucefiement“. Potvin, *Percev. le Gallois*, 1 vol., p. 4.

Французскихъ романистовъ слова *graal* не доказываетъ непониманія французами этого слова и первоначальнаго отсутствія его во французскомъ говорѣ. О тогдашнихъ романистахъ, да и ученыхъ, нельзя судить съ точки зрѣнія современнаго филолога: они могли легко ошибаться въ производствѣ самыхъ обыденныхъ словъ, и если подобныя ошибки и нелѣпыя филологическія производства встрѣчаются въ новое время, то что сказать о средневѣковыхъ писателяхъ? Могла также наводить на то или другое объясненіе просто игра словъ.

Что легенда о Гралѣ *возникла* не въ средѣ провансальскихъ еретиковъ, объ этомъ мы скажемъ далѣе. Здѣсь мы обратимъ вниманіе на фактъ, не позволяющій усвоить созданіе ея и ортодоксаламъ Прованса.

Будь авторъ легенды Провансалъ, онъ далъ бы ей иную постановку и приурочилъ бы ее къ св. мужамъ и женамъ, бывшимъ, по преданію, первопроповѣдниками христіанства на югѣ Франціи. Вѣдь была же легенда о томъ, что Марія Магдалина принесла съ собою чашу со слезою Спасителя, пролитою надъ Лазаремъ. Въ XI стол. воспоминанія о проповѣднической дѣятельности Лазаря, Маріи и Марѳы въ Провансѣ были въ полной силѣ ¹⁾, мощи Магдалины были почитаемы въ Провансѣ съ первыхъ вѣковъ христіанства ²⁾, и о ней извѣстна даже довольно древняя прованс. поэма ³⁾. Къ Маріи Магдалинѣ было столь же удобно отнести св. чашу, какъ и къ Иосифу Аримаѳейскому. По сказанію каноническихъ Евангелій, она не только присутствовала при погребеніи Спасителя, но и въ то время, когда было прободено ребро Его, изъ котораго полились кровь и вода, а эта-то кровь, по словамъ нѣкоторыхъ романистовъ, и была собрана въ чашу Граля ⁴⁾. Правда, по одному варианту преданія, о которомъ мы гово-

¹⁾ Dictionnaire des origines du christianisme, par L.—F. Jehan, 1856, p. 489.

²⁾ Ibid., 1201.

³⁾ Впрочемъ, Bartsch (Grundriss z. Gesch. d. prov. Lit., S. 8) сомнѣвается чтобы житіе Магдалины было сочинено ранѣе XII стол.

⁴⁾ P. Paris, Les romans etc., I, 179.—По другимъ сказаніямъ, въ чашу была собрана кровь, текшая вообще изъ ранъ Спасителя. (Hucher, Le Saint—Grael, I, 219).—Мы встрѣтили указаніе, что въ Провансѣ хранили нѣсколько камешковъ, обогранныхъ кровью І. Христа и собранныхъ у креста Магдалиною.

римъ, вмѣстѣ съ Лазаремъ, Марією Магдалиною и Марѳою въ Провансъ прибылъ и Іосифъ Аримаѳейскій¹⁾, но вообще Іосифъ Аримаѳейскій не пользовался особеннымъ почитаніемъ въ Провансъ, да и въ романѣ о Граль нигдѣ не намекается на то, чтобы Іосифъ останавливался съ Гралемъ во Франціи.

Къ мнѣнію Форіэля о Граль довольно близко мнѣніе Bergmann'a²⁾.

По словамъ Бергманна, честь изобрѣтенія фабулы Граля по справедливости восходитъ къ Guyot le Provençal, въ существованіи котораго названный ученый рѣшительно не сомнѣвается, хотя замѣчаетъ, что все, что извѣстно объ этомъ поэтѣ и его произведеніи, опирается единственно на нѣсколькихъ данныхъ, сообщенныхъ нѣмецкимъ подражателемъ его, Вольфрамомъ фонъ Эшенбахъ, да и эти довольно неясныя данныя, большею частію, вымышлены или ошибочны. Guyot, по мнѣнію Бергманна,—первый изъ авторовъ романовъ о Граль, и, принимая два главныхъ источника, изъ которыхъ вышли всѣ остальные произведенія о Граль, этотъ ученый рѣшаетъ вопросъ о сравнительной древности редакціи Guyot и редакціи англо-французскихъ труверовъ въ пользу первой. Кретъень де Труа былъ, по мнѣнію Бергманна, непосредственнымъ подражателемъ Guyot, а Walter Mapes былъ обязанъ послѣднему мыслию написать романъ о Граль. Эти замѣчанія Бергманна о Кретъень де Труа и Мар'ѣ, равно какъ и крайне слабыя доказательства того, что Кретъень де Труа пользовался трудомъ Guyot, обнаруживаютъ незнакомство Бергманна съ произведеніями этихъ поэтовъ. О de Boron'ѣ Бергманнъ, повидимому, не знаетъ.

Поставивъ тезисъ относительно Guyot, Bergmann пускается тотчасъ же въ творчество.

Онъ утверждаетъ самымъ положительнымъ тономъ, что Guyot родился около половины XII-го стол. въ Анжу, пользовался извѣстно-

¹⁾ Acta Sanctorum Martii, t. II, (Venetiis MDCCXXXV), p. 509.

²⁾ Congrès scientifique de France. Dixième session tenue à Strasbourg en Septembre et Octobre 1842, t. II, Strasbourg, Paris, 1843, p. 438—460: «Sur l'origine et la signification des Romans du Saint—Graal, par M. Bergmann». На англійскомъ яз. подъ заглавіемъ: «The San Gréal; an inquiry into the origin and signification of the Romans of the San Gréal».

стію во время отъ 1160 до 1180 г. и не принадлежалъ ни къ знати, ни къ клиру. Бергманнъ высказываетъ потомъ догадку объ образованіи, полученномъ Guyot.

Творчество Guyot должно принимать, по Бергманну, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ, по мнѣнію названнаго ученаго, исторія или фабула Граля не существовала ни въ арабскихъ книгахъ, ни въ испанскихъ, ни въ латинскихъ хроникахъ Франціи или Бретани, а обязана своимъ происхожденіемъ Guyot, который изобрѣлъ ее и составилъ при помощи поэтическихъ элементовъ, большая часть которыхъ была традиціонна, это правда, но которые онъ сложилъ новымъ способомъ, привязывая ихъ къ философской идеѣ, бывшей одновременно и его достояніемъ, и выраженіемъ и естественнымъ результатомъ тенденцій и духа его времени.

Идея Guyot, идея о рыцарствѣ и духовномъ королевствѣ,—хранителяхъ временнаго и духовнаго блага человѣчества, зародилась, по мнѣнію Бергманна, въ головѣ поэта во время пребыванія его въ Провансѣ, гдѣ онъ почерпнулъ свои религіозныя и философскія тенденціи. Бергманнъ думаетъ, что Guyot имѣлъ въ виду въ своемъ романѣ тамплиеровъ и находился подъ вліяніемъ ихъ и Альбигойцевъ. Вліяніе Прованса замѣчается у Guyot въ противорѣчии тогдашней ортодоксіи, состоящемъ въ отсутствіи ненависти къ монашеству и составленіе храмовниками Граля общества внѣ церкви. Намъ кажется, что и тотъ и другой признакъ не могутъ считаться рѣшающими дѣло въ пользу Прованса: проявленіе вѣротерпимости замѣчается не у тамплиеровъ только; равнымъ образомъ, хранители и служители Граля составляютъ особенныя общины и у de Boron'a и Мар'a, не испытавшихъ на себѣ, какъ увидимъ, вліяній тамплиеровъ и вообще еретиковъ и бывшихъ оригинальными писателями о Гралѣ. Кромѣ того, Бергманнъ относится постоянно такъ къ Вольфраму, какъ будто бы все встрѣчающееся у послѣдняго было и у Guyot ¹⁾. Еще неизвѣстно, насколько отмѣченное Бергманномъ противорѣчіе ортодоксіи принадлежало французскому поэту. Впрочемъ, повторяемъ, мы не отрицаемъ возможности существованія провансальскихъ обработокъ

¹⁾ Бергманнъ говоритъ о Вольфрамѣ: „ce poëte allemand... s'est entièrement rapproché du poëte angevin, et c'est pourquoi nous avons pu juger, d'après son poëme, du caractère et de la composition du roman original de Guyot“. P. 449; cf. 451-452.

сказанія о Гралѣ, въ которыхъ хранителями Граля являлись бы тампьеры.

По словамъ Бергманна, Guuot выразилъ благовременное и духовное, охраненіе котораго долженствовало быть ввѣреннымъ священствующему рыцарству въ символѣ священнаго сосуда. Въ символизмѣ востока и среднихъ вѣковъ элементъ чистый и прозрачный, вода, а также и сосудъ, содержащій ее, были образами чистоты и истины и, слѣдоват., символами мудрости и блага. Guuot избралъ сосудъ символомъ подѣ влияніемъ мѣа о Джемшидовой чашѣ, или же подѣ впечатлѣніемъ сказанія какой-нибудь бретонской книги о сосудѣ Керидвены. Въ такихъ предположеніяхъ опять видно недостаточное знакомство Бергманна съ памятниками, о которыхъ онъ говоритъ. Произведеніе Guuot оказывается у Бергманна совершенно тенденціознымъ, и легенда о Гралѣ—сразу аллегоріей и вполне искусственнымъ явленіемъ.

Какъ можно видѣть изъ нашего изложенія, трактатъ Бергманна о Гралѣ наполненъ бездоказательными положеніями; вѣрны болѣе или менѣе только нѣсколько второстепенныхъ замѣчаній.

Изъ французскихъ ученыхъ, послѣ Бергманна, котораго, впрочемъ, правильнѣе назвать не французомъ, а полу-французомъ, пользовался повѣствованіемъ Вольфрама для вывода легенды Граля еще *S. A. Heinrich*, отдающій предпочтеніе нѣмецкому пересказу легенды¹⁾.

Отчасти къ провансальской, если можно такъ выразиться, теоріи о Гралѣ и отчасти къ мнѣнію Симрока применилъ русскій ученый, проф. *А. Н. Веселовскій*.

Онъ коснулся основныхъ сказаній бретонскихъ романовъ, въ томъ числѣ и легенды о Гралѣ, не въ специальномъ изслѣдованіи, а въ весьма интересной диссертациі о Соломоновскомъ циклѣ сказаній²⁾, отраженіе котораго онъ видитъ и въ романахъ Круглаго Стола. Въ качествѣ дополненія и провѣрки части положеній своей книги, г. Веселовскій напечаталъ еще статью подѣ заглавіемъ: „Наблюденія надѣ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы“³⁾.

1) *Le Perceval de Wolfram d'Eschenbach et la legende du St. Graal*. Paris 1855.

2) Изъ исторіи литературнаго общенія востока и запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Спб. 1872.

3) Журналъ Минист. Нар. Просв. 1873 г., № 2.

Г. Веселовскій, повторивъ во многомъ сказанное другими учеными ¹⁾, мнѣнія которыхъ подходили къ общей идеѣ его книги, бесспорно двинулъ впередъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принятія соображенія и далъ нѣкоторымъ пунктамъ вопроса новую постановку. Его гипотезы могутъ быть разсматриваемы, какъ вѣское выраженіе и послѣднее слово одного изъ крайнихъ направлений въ рѣшеніи нашего вопроса. Это обстоятельство, а также значеніе книги г. Веселовскаго въ русской литературѣ побудили насъ дать мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи обстоятельному разбору предположеній почтеннаго ученаго ²⁾. Самъ г. Веселовскій какъ бы приглашаетъ къ повѣркѣ и дальнѣйшей разработкѣ собранныхъ имъ данныхъ. Вотъ его слова: „многое, о чемъ въ моей книгѣ говорится аподиктически, можно бы оставить пока съ знакомъ вопроса, подѣ страхомъ сомнѣнія“ ³⁾.

Изъ сказаній бретонскихъ романовъ то, которое занимается судьбами св. Граля, привлекло послѣ Мерлиновской легенды наиболѣе вниманіе г. Веселовскаго.

Особенный характеръ этой легенды, ярко выступающій въ древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ пересказовъ ея, былъ замѣченъ уже давно ⁴⁾, и нѣкоторые ученые не упускали его изъ виду, несмотря на теоріи, извращавшія дѣло.

Г. Веселовскій справедливо говоритъ, что „религіозный колоритъ легенды о Гралѣ едва-ли позволяетъ выводить ее прямо съ востока, или изъ какого-нибудь круга мифическихъ, нехристіанскихъ представлений, забывая при этомъ спеціальныи характеръ памятника“ ⁵⁾.

¹⁾ Религіозный характеръ сказаній о Гралѣ былъ замѣченъ давно, равно какъ были уже догадки объ еретическомъ ихъ происхожденіи и обращеніи въ средѣ храмовниковъ. Относительно типа Артура г. Веселовскій, какъ самъ указываетъ, принялъ выводъ Гольцманна; восточное происхожденіе типа Мерлина также уже было предположено. Г. Веселовскому принадлежит выясненіе родства Мерлина съ Асмодеемъ—Морольфомъ.

²⁾ Рецензія на книгу г. Веселовскаго, написанная въ «Отчетѣ о шестнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова» (Спб., 1874 г.), будучи посвящена, главн. образомъ, критикѣ общихъ положеній и метода г. Веселовскаго, не представила подробнаго и обстоятельнаго разбора выводовъ, къ которымъ пришелъ г. Веселовскій по отношенію къ бретонскому циклу.

³⁾ Слов. сказ. о Солом. и Кит. и зап. лег. о Мор. и Мерлинѣ, IX -X

⁴⁾ Dunlop-Liebrecht, S. 69.

⁵⁾ „Слав. сказ. о Сол. и Кит.“ и пр., стр. 198.

Мы не можем согласиться съ г. Веселовскимъ только въ болѣе точномъ опредѣленіи среды, сздавшей эту легенду, которую уже до г. Веселовскаго нѣкоторые разсматривали какъ „библію оппозиціи“, какъ „эпопею еретическаго идеала“ и участіе въ созданіи которой приписывали различнымъ еретическимъ сектамъ. Г. Веселовскій попытался вновь выдвинуть предположеніе объ еретическихъ тенденціяхъ начальной легенды Граля.

Разборъ гипотезы г. Веселовскаго относительно Граля будетъ бесполезенъ потому, что дастъ возможность болѣе или менѣе полно коснуться вопроса вообще о слѣдахъ тенденцій южнофранцузскихъ сектъ, которые указываются нѣкоторыми учеными въ романахъ о Гралѣ.

По мнѣнію г. Веселовскаго, связаніе о Гралѣ основано на такихъ же источникахъ, на какихъ и легенда о Мерлинѣ.

Г. Веселовскій сближаетъ оба эти повѣствованія. „Обратимъ вниманіе, говоритъ онъ, на слѣдующее обстоятельство: романы о св. Гралѣ и Мерлинѣ являются ранѣе прочихъ (sic) и именно въ этой послѣдовательности; Robert de Borн считаетъ Мерлина одною изъ вѣтвей цикла о Гралѣ“. Г. Веселовскій цитируетъ страницы книгъ P. Paris и Moland'a „изъ которыхъ видно, что краткое изложеніе романа о Гралѣ часто служитъ введеніемъ въ романъ о Мерлинѣ“. „Когда въ романѣ, носящемъ его имя, говоритъ далѣе г. Веселовскій, Мерлинъ побуждаетъ пустытника Блазія записать на картѣ свои похождения, онъ рассказываетъ ему въ началѣ о любви І. Христа къ І. Аримаѳейскому, о потомкахъ послѣдняго и о тѣхъ изъ нихъ, которые сподобились стать хранителями св. Граля; уже затѣмъ онъ переходитъ къ совѣту демоновъ, на которомъ рѣшено произвести на свѣтъ его — Мерлина. Такое сопоставленіе позволяетъ заключить, что источникъ сказанія о послѣднемъ могъ быть однороденъ съ источникомъ романа о св. Гралѣ, т. е. такой же апокрифъ. И въ самомъ дѣлѣ: если сказаніе о св. чапѣ основано на мотивахъ первой части Никодимова евангелія, то легенда о Мерлинѣ представляется намъ какъ бы распространеніемъ его второй половины“¹⁾. — Мы думаемъ, что факты, на которые обратилъ

¹⁾ Слав. сказ. о Сол. и Кит. и проч., 203, 202; 203—204. Paulin'у Paris казалось, что начало Мерлина напоминаетъ первыя главы книги Іова (Les manuscrits françois de la bibliothèque du roi, I, Paris 1836 г., p. 173).

вниманіе г. Веселовскій и которые отмѣчены также у Nucher¹⁾, не даютъ права на выводы, къ которымъ пришелъ нашъ ученый. Легенда о Мерлинѣ не была связана сразу съ сказаніемъ о Гралѣ. Мы будемъ имѣть случай сказать также, что начало романа о Мерлинѣ, проникнутое весьма распространенными тогда дуалистическими воззрѣніями, было приставлено къ фабулѣ позже. P. Paris совершенно убѣдительно доказалъ на тѣхъ же самыхъ страницахъ, на одну изъ которыхъ сослался г. Веселовскій²⁾, что рассказъ, приписываемый Блазію, означенъ именемъ этого лица, вымышленнаго самимъ de Vogon'омъ, — для того, чтобы на этомъ мнимый источникъ безпрепятственно можно было свалить отвѣтственность за все, что вдумалось изобрѣсть самому поэту. Такимъ образомъ, повѣствованіе, дающее г. Веселовскому поводъ сближать сказаніе о Гралѣ и легенду о Мерлинѣ, оказывается явившимся впервые у de Vogon'a, котораго никто, конечно, не назоветъ творцомъ Мерлинской легенды и которому, какъ писавшему и о Гралѣ, и о Мерлинѣ, весьма естественно было тѣмъ или инымъ способомъ связать эти свои произведенія. Въ томъ самомъ рассказѣ, который цитируетъ г. Веселовскій, сохранились слѣды позднѣйшаго слитія обѣихъ легендъ: „Tu joindras, говоритъ Мерлинъ Блазію, l'histoire de Joseph d'Armathie à la mienne, et de ceux deux récits tu formeras un seul livre....“³⁾ Единствомъ автора *Малаго Граля* и *Мерлина* и стремленіемъ его представить однимъ цѣлымъ свои произведенія объясняется указанное г. Веселовскимъ отношеніе послѣднихъ къ Никодимову евангелію. Исторію Іосифа Аримаеяйскаго и Мерлиновскую сблизили, стремясь привести къ единству содержаніе бретонскаго цикла, и сопоставленіе трехъ столовъ, о которыхъ говорится въ бретонскихъ романахъ и, между проч., въ рассказѣ Мерлина, записанномъ Блазіемъ, должно приписать этой систематизаціи⁴⁾. При тогдашнемъ обычаѣ начинать все ab ovo, нашли неумѣстнымъ отсту-

¹⁾ Le Saint—Gaal, I, 134—135.

²⁾ Les rom. de la Table Ronde, II, 32—38.

³⁾ P. Paris, des rom. etc., II, 35. Въ манускриптахъ есть строки весьма интересныя по отношенію къ этой сшивкѣ. См. у P. Paris, Les man. franc., I, 122. Сл. Nucher, l. c., I, 135.

⁴⁾ Ср. о ней Форіэла Hist. de la poésie provenç. II, 244.

пать отъ данной систематизаціи, выводящей исторіи Круглаго Стола въ стройномъ порядкѣ и долженствовавшей подойти во вкусу, и вотъ объясненіе того явленія, что „краткое изложеніе романа о Гралѣ“, который называется въ одномъ манускриптѣ „le fondement de toute la Table ronde“, „чисто служить введеніемъ въ романъ о Мерлинѣ“. Г. Веселовскій выставляетъ на видъ то обстоятельство, что „Robert de Bogen считаетъ Мерлина одною изъ вѣтвей цикла о Гралѣ“ и „непосредственно за Іосифомъ, предоставляя себѣ обратиться впоследствии къ другимъ вѣтвямъ сказанія о чапѣ, переходитъ къ его пятой вѣтви и пишетъ въ стихахъ романъ о Мерлинѣ“. Послѣ сказаннаго это не имѣетъ значенія: самому de Bogen'у угодно было назвать сказаніе о Мерлинѣ пятою частію сказанія о Гралѣ. Въ введеніи Монесскаго манускрипта Кретьенова Персеваля насчитывается семь вѣтвей сказанія о Гралѣ¹⁾. Вообще разстановка branches и сочетаніе ихъ были произвольны и не установлены.—Есть рукописи, въ которыхъ романъ о Мерлинѣ является въ отдѣльности²⁾, и кто знаетъ, какъ часто онъ былъ соединяемъ съ романомъ о Гралѣ въ недошедшихъ до насъ манускриптахъ XII стол.?

О Мерлиновской легендѣ г. Веселовскій продолжаетъ: „Все, что рассказывается потомъ (вслѣдъ за прологомъ) о юности Мерлина, повторяетъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ отдѣльныя черты земной жизни Спасителя: тоже сверхъестественное зачатіе, тоже обвиненіе, что онъ прижить въ грѣхѣ, какому подвергается и Христосъ въ Никодимовомъ евангеліи (с. II); его также ищутъ, чтобы убить, какъ Иродъ искалъ Спасителя; онъ творитъ чудеса и предсказываетъ будущее“. Мы позволимъ себѣ замѣтить на это, что аналогіи съ подробностями біографическихъ сказаній о Спасителѣ безчисленны въ средневѣковыхъ легендахъ, и повтореніе нѣкоторыхъ изъ такихъ подробностей въ сказаніяхъ о Мерлинѣ не уполномочиваетъ на особенныя заключенія.

Мы коснемся положеній г. Веселовскаго относительно повѣствованія о Мерлинѣ въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего разсужденія, а теперь обратимся къ гипотезѣ г. Веселовскаго о Гралѣ.

¹⁾ Percov. le Gall., deux. vol., p. 13 suiv.

²⁾ P. Paris, Les manuscr. franç., II (Paris 1838), p. 343.

³⁾ A. Maury, Essai sur les légendes pieuses du moyen age, p. 6.

Г. Веселовскій думаетъ, что авторы романовъ о Граль польовались, какъ источникомъ, апокрифическою легендою, которая могла быть записана, или нѣтъ.

Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго нашего изложенія, это весьма вѣроятно, и, кажется, можно сказать, что, поставивъ такой тезисъ, нашъ ученый подошелъ къ истинѣ ближе другихъ изслѣдователей ¹⁾. Къ сожалѣнію, кажется, нѣтъ возможности согласиться съ г. Веселовскимъ относительно подробностей, которыми онъ обставилъ свое предположеніе:

Г. Веселовскій, какъ и нѣкоторые др. ученые, утверждаетъ, что апокрифическое сказаніе, надъ которымъ работали авторы романовъ о Граль, представляло видоизмѣненіе и распространеніе легенды объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ, изложенной въ Никодимовомъ евангеліи. Образование этого сказанія совершилось, по словамъ г. Веселовскаго, „уже въ XII столѣтіи, если не ранѣе“ ²⁾.

Ниже мы стараемся доказать, что пунктъ отправленія легенды о Граль должно искать не въ Никодимовомъ евангеліи: разсказъ послѣдняго объ Іосифѣ вошелъ въ сказаніе о Граль, но это случилось не въ началѣ развитія легенды, отъ которой отправились романы, а въ срединѣ или даже въ концѣ. Равнымъ образомъ, едвали вѣрно указано г. Веселовскимъ и обстоятельство, вызвавшее переработку и дополненіе новыми подробностями данныхъ Никодимова ев. (находя въ 1101 г. *zascu satino*). При разборѣ мнѣнія *San-Marte*, мы уже имѣли случай сказать, что легенда о Граль не приурочивалась въ XII стол. къ генуэзскому сосуду. Сверхъ того, полагая, что она развилась послѣ нахожденія послѣдняго, нельзя будетъ удовлетворительно объяснить содержаніе ея.

Устанавливая тезисъ объ апокрифическомъ источникѣ легенды о Граль, г. Веселовскій старается обратить вниманіе на бросающіяся

¹⁾ Предшественниками г. Веселовскаго являются въ этомъ случаѣ *Гервинусъ*, склонявшійся къ тому, что сага объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ и о священной чашѣ евхаристіи была въ обращеніи до появленія романовъ (*Gesch. d. Dicht.* 1, 386), и *Didron*, полагавшій, что Граль впервые „явился въ апокрифическихъ книгахъ, которыя всѣ азіатскаго или греческаго происхожденія“.

²⁾ Стр. 190—191.

въ глаза особенности ея. По словамъ г. Веселовскаго, эта легенда „представляла нѣкоторыя своеобразныя черты, которыя и теперь можно возстановить изъ позднѣйшаго пересказа“.

Посмотримъ же, какія особенныя черты находить въ разсматриваемомъ сказаніи г. Веселовскій.

„Необходимо предположить, замѣчаетъ онъ, что въ средѣ, гдѣ сложился нашъ апокрифическій рассказъ, евангеліе отъ Іоанна пользовалось особеннымъ уваженіемъ и евхаристія понималась не такъ, какъ учила господствующая церковь“. По мнѣнію г. Веселовскаго, повторяющаго сказанное Paulin'омъ Paris, „составителямъ ея было знакомо одно лишь евангеліе отъ Іоанна“, въ которомъ „ничего не говорится о тайной вечери, а только объ омовеніи ногъ“. Подтвержденіе признанія со стороны авторовъ легенды о Гралѣ одного названнаго евангелія г. Веселовскій видитъ въ томъ, что въ источникѣ, откуда черпалъ Robert de Borron, у котораго св. чашей названъ будто бы „тотъ сосудъ, въ которомъ Спаситель омылъ руки по совершеніи трапезы“, св. Граль не представляется сосудомъ, послужившимъ при установленіи евхаристіи; не представляется онъ таиннымъ сосудомъ и въ источникахъ Вольфрама фонъ Эшенбахъ и Wartburgkriegъ; ни, наконецъ, въ валлійской *maibnogi*.

Изъ названныхъ писателей, послѣ сказаннаго о *maibnogi* и о Гралѣ Вольфрама, особеннаго вниманія заслуживаетъ Robert de Borron, принадлежащій къ самымъ раннимъ авторамъ романовъ Круглаго Стола.

Въ пересказѣ въ стихахъ de Borron'овой поэмы объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, который Paulin Paris положилъ въ основу своего изложенія, знаменитый сосудъ названъ

..... un veissel moult gent
Où Criz feisoit son sacrement. 1)

P. Paris нашелъ нужнымъ счесть слово *sacrement* ошибкою со стороны переписчика 2), хотя странно настаивать на этомъ въ виду согласія

1) *Fr. Michel, Le rom. du Saint-Graal*, p. 17, vv. 395—396.

2) Въ примѣчаніи къ выписаннымъ стихамъ P. Paris говорить: „было бы естественно понимать подъ этимъ словомъ *Sacrement* установленіе евхаристіи. Но кажется, что авторъ обозначаетъ здѣсь скорѣе сосудъ, въ кото-

прозаическаго текста съ стихотворнымъ ¹⁾. P. Paris основалъ свое заключение, вѣроятно, на выраженіи „*mout grant*“ ²⁾, а также на томъ, что въ этомъ сосудѣ омылъ потомъ руки Пилать, сказавшій, что *для той же цѣли* сосудъ былъ употребленъ и Иисусомъ. Этого послѣдняго факта мы не нашли въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ de Vogton'ова произведенія: онъ созданъ самимъ Paulin'омъ Paris на томъ основаніи, что о принесеніи сосуда тайной вечери въ Пилату разсказывается непосредственно вслѣдъ за упоминаніемъ объ омовеніи рукъ Пилатомъ³⁾. Очевидно, что сосудъ, о которомъ говорится у de Vogton'a, былъ не тотъ, въ которомъ совершилось омовеніе на Вечери, и P. Paris напрасно заключаетъ о знаніи составителями легенды о Гралѣ одного лишь евангелія отъ Іоанна ⁴⁾. Точно также остается произвольною догадкой и мнѣніе P. Paris о томъ, что вм. *sacrement* должно читать *lavement*. Г. же Веселовскій принималъ за несомнѣнный фактъ то, что P. Paris только предполагалъ. Но еслибы даже нашъ ученый былъ

ромъ Иисусъ Христосъ омылъ свои руки, вознося молитву послѣ Вечери. Тогда въ этомъ выраженіи была бы ошибка со стороны переписчика, поставившаго *sacrement* вм. *lavement*. Извѣстно, что одинъ Іоаннъ сказалъ намъ объ *умовеніи* ногъ и что онъ не сообщилъ ничего объ евхаристіи. Можетъ быть именно вслѣдствіе того, что изобрѣтшіе легенду о Гралѣ знали исключительно евангеліе Іоанна, они возымѣли идею евхаристическаго сосуда, дававшаго иное объясненіе дѣйствительнаго присутствія въ священнодѣйствіи мессы“. P. Paris, *Les rom. de la T. R.*, 5, 127, прим. 2.

1) Въ Бернскомъ манускр. Персеваля также говорится о Гралѣ:

Et sacrement fist en Jeshu
Le jor del jundi absolu.

2) Въ другомъ мѣстѣ стихотворнаго текста Граль названъ „*precieus et grant*“ (р. 36, в. 852). Слова *grant* нѣтъ въ обоихъ случаяхъ въ прозаическомъ текстѣ.

3) Слова: „*Li Juis le veissel tenoit*“ (в. 433) не значать, что еврей держалъ сосудъ предъ Пилатомъ: онъ «держалъ» его у себя. Вообще P. Paris не совсѣмъ точно передаетъ подлинныя тексты.

4) Французскій ученый указываетъ на омовеніе, о которомъ говорится у Іоанна. Но омовеніе рукъ совершалось при литургіи съ древнѣйшихъ временъ («Собраніе древнихъ литургій, восточныхъ и западныхъ, въ переводѣ на русскій языкъ, составленное редакціею «Христіанскаго Чтенія», Спб. 1874, стр. 113).

правъ въ этомъ случаѣ, то все-таки для той цѣли, какую онъ имѣлъ въ виду, ему нужно было доказать еще, что представленіе Граля, усвояемое имъ de Voggon'у, было древнѣйшимъ, и въ то время, когда писалъ названный поэтъ, не было другихъ, отличныхъ отъ этого понятій о св. чашѣ, а если и были, то не заслуживаютъ вниманія. Между тѣмъ у г. Веселовскаго не доказано, что Граль не должно считать тѣмъ сосудомъ, о которомъ говорилось до de Voggon'а, какъ о сосудѣ, въ которомъ былъ предложенъ пасхальный агнецъ на Тайной вечери, или въ которомъ была установлена евхаристія. Напротивъ, самъ г. Веселовскій приводитъ повѣрье XII-го стол. о такомъ сосудѣ, составившее, по неосновательному его мнѣнію, одно изъ звеньевъ въ образованіи сказанія о Гралѣ: „По взятіи Цесареи крестоносцами 1101 г. нашли сосудъ изъ цѣльнаго смарагда (генуэзское *vasco satino*); повѣрье отождествило его съ чашей тайной вечери. Подъ впечатлѣніемъ этой вѣсти, сохраненной Вильгельмомъ Тирскимъ, продолжаетъ г. Веселовскій, могли рассказывать, что Іосифъ не былъ чудеснымъ образомъ выведенъ изъ темницы, а наоборотъ оставался въ ней долгіе годы, поддерживаемый чудеснымъ даромъ явившагося въ ней Спасителя: той самой чашей, которая послужила ему въ послѣдней трапезѣ; въ которую Іосифъ собралъ капли крови, вокругъ которой будутъ совершаться въ позднѣйшихъ романахъ безконечныя чудеса“¹⁾. Мы не видимъ, почему подъ влияніемъ указываемой г. Веселовскимъ вѣсти, могли рассказывать то, о чемъ онъ говоритъ, а не случилось наоборотъ.

У de Voggon'а для обозначенія Граля постоянно употребляется слово „*vaissel*“ (*veissel, vaissiaux*). По сказанію Мар'а, при началѣ перваго священнодѣйствія, Іосифъ увидѣлъ маленькій алтарь, покрытый бѣлою тканью и по ней краснымъ сукномъ. На немъ лежали три гвоздя и желѣзко копья. Посрединѣ находился золотой сосудъ въ формѣ вапар. ²⁾ Этотъ сосудъ тождественъ или, по крайней мѣрѣ, замѣнилъ собою „*l'écuelle de Ioseph, recueillant le sang*“: онъ оказывается рядомъ съ тѣми самыми рельевами, между которыми передъ тѣмъ помѣщена эта „*écuelle*“ (*ecspele*).

Таковъ Граль въ древнѣйшихъ романахъ о немъ. Онъ является *блудомъ* только у Гелинанда, но этотъ писатель готовъ назвать его и

¹⁾ Стр. 190.

²⁾ Объ этомъ словѣ см. у *P. Paris, Les rom. etc.*, II, 401.

нѣсколько иначе (*catinus* ¹⁾), да и не говорить объ омовеніи; по его словамъ, Грааль—тотъ сосудъ, изъ котораго Спаситель *окушалъ* на Тайной Вечери („*in quo Dominus coenavit cum discipulis suis*“). Ясно, что и державшимся господствовавшей догмы Грааль могъ казаться блюдомъ. Еслибы нашлась даже редакція, которая выдавала бы Грааль за блюдо, то и она не могла бы считаться возникшей, въ еретической средѣ, такъ какъ не одна послѣдняя чтитъ евангеліе Іоанна. Очевидно, что и у ортодоксаловъ могли существовать различныя представленія о цѣли, для которой былъ употребленъ на Тайной вечери сосудъ, воспріявшій кровь Христову, въ особенности когда этотъ сосудъ могъ быть воображаемъ широкою чашею ²⁾ (углубленнымъ блюдомъ), какою онъ и является въ рукописяхъ ³⁾. О назначеніи такой чаши должны были

¹⁾ Въ одномъ латино-франц. глоссаріѣ XIII или XIV стол. слову *catinus* соотвѣтствуетъ *escuelle*. *Sitzungsberichte der königl. bayer. Academie der Wissenschaften zu München*, Jahrg. 1868 B. I, S. 128. Опредѣляя Грааль, Гелиландъ поставилъ слово *catinus* предъ *ragopsis*.

²⁾ Мы не находимъ основаній думать вмѣстѣ съ P. Paris, что этотъ сосудъ долженъ былъ быть закрытой чашею—*calice fermé*. (P. Paris, *Les rom. etc.* I, 378, et 380). Этимъ и видомъ Граля въ манускриптахъ устраняется предположеніе франц. ученаго, что чашу не могли, сначала называть *graal*—словомъ, означавшимъ будто бы только блюдо (*ib.*, 379—380). По мнѣнію P. Paris (*ib.*, 106), не знавшій по латыни *de Vortan* назвалъ Грааль именемъ богослужбной книги. Подтверженіе этого P. Paris видитъ въ слѣдующемъ мѣстѣ прованскаго редакціи: «*Et ce non de graal abeli à Joseph; et, ensi venoient à tierce, et disoient qu'il alloient au service du graal. Et des lors en ça fu donnée à ceste histoire le nom de graal*». P. P. цитируетъ при этомъ Ms. Didot, но въ этомъ манускриптѣ нѣтъ послѣдней фразы (Hucher, *de Saint-Graal*, I, 318), а есть она въ Ms. Cangé (*ib.* 256). Очевидно, что эта фраза—поддѣльная вставка.

³⁾ *Moland*, *Origines litt. de la France*, p. 27: «*Les manuscrits du treizième siècle donnent à ce mot (graal) pour équivalent exact celui d'écuelle, qui n'avait pas alors le sens humble qui s'y attacha par la suite*». См. въ ст. Мартомма: «*Observations sur l'origine de la légende du saint graal, помещенной въ Mémoires de la société royale des antiquaires de France*, t. XVIII (Paris, 1846). На одномъ изъ снимковъ, помещенныхъ во II-мъ т. «*Moynage et Renaissance*» (Paris 1849, Romans, fol. XII) св. Грааль является, дѣйствительно, широкою чашею, имѣвшею крышку. На этомъ основаніи мы позволяемъ себѣ считать неточнымъ и умышленно извращающимъ дѣло замѣчаніе P. Paris: «*il faut*

различно гадать уже благодаря такой формѣ ея, не исключавшей различныхъ толкованій ¹⁾).

Что сказаніе de Voragone'a о послѣднихъ дняхъ земной жизни Иисуса Христа написано не на одномъ евангелии Іоанна, это можно видѣть изъ сличенія этого сказанія съ повѣствованіемъ 4-хъ евангелистовъ. У Іоанна (гл. XIII) не говорится о томъ, гдѣ была уготована Вечера. О возліяніи мѣры на Иисуса передано de Voragone'омъ и по первымъ двумъ евангелистамъ, у которыхъ, какъ и у de Voragone'a, тотчасъ же разсказывается о предательствѣ (Матѣ. XXV, 6—15; Марк. XIV, 3—11). По этимъ евангелистамъ описано обнаруженіе Спасителемъ Иудина замысла и взятіе Иисуса. Вообще нельзя замѣтить, что сказаніе de Voragone'a объ Иисусѣ Христѣ не было составлено преимущественно по одному какому-нибудь изъ евангелій. Кроме того, оно заключаетъ въ себѣ въ сравненіи съ ними, немало передѣлокъ ²⁾), выдумокъ и прибавокъ ³⁾). Очевидно, что оно писалось безъ достоянныхъ

bien remarquer que la forme attribute dans tous les manuscrits au vase où le sang du Sauveur avait été recueilli répondait à celle d'un calice».

¹⁾ Это различіе толкованій имѣло мѣсто на самомъ дѣлѣ. На него указалъ уже *Roquefort* (Glossaire, I, 703). — Подъ «sacrament» поэмы («sacramentum» прозаическаго текста) должно разумѣть, вѣроятно, преломленіе хлѣба. Гелиандъ же могъ разумѣть какъ вкушеніе пасхальнаго агнца, такъ и то, о которомъ говоритъ de Voragine въ разсказѣ о гонимомъ сосудѣ: *Est enim illud vas, factum ad instar, catini, unde vulgariter dicitur, quod fuit ille catinus, in quo Christus cum suis discipulis, in cena comedit, de quo Christus dixit, qui intigit meam manum, in catino, hic me tradet.*

²⁾ Сл. de Voragone'ова описаніе омовенія ногъ съ повѣствованіемъ Іоанна (XIII, 4—18), у de Voragone'a (*Hucher de Saint-Graal*, I, 214—215), вопрошателемъ о значеніи омовенія, является Іоаннъ, а не евангелии Іоанна (XIII, 12) Самъ Иисусъ Христосъ пожелалъ разъяснить смыслъ омовенія. Что Вечера была совершена въ домѣ Симона, это противорѣчитъ прямымъ словамъ трехъ евангелистовъ, какъ и сообщеніе de Voragone'a, по которому Спаситель былъ взятъ въ томъ же домѣ (между тѣмъ какъ это случилось въ Гесимаіи).

³⁾ Къ прибавкамъ относятся: объясненіе предательства со стороны Иуды, безъду, его, съ врагами Иисуса, и слова Иуды о сходствѣ Иисуса съ Иакобомъ. Слова Иуды объ Иисусѣ переданы у Марка (XIV, 44): «ведите осторожно» истолкованы тѣмъ, что І. Христосъ былъ силенъ

справокъ съ св. писаниемъ ¹⁾). Прозанческій текстъ въ одномъ мѣстѣ указываетъ положительно на допускаемую имъ амплификацію каноническихъ писаній ²⁾).

Не сходится de Voggon'ово сказаніе и съ кодексомъ Іоаннова евангелія, который нѣкоторые считаютъ принадлежавшимъ тамплиерамъ ³⁾. Такъ, въ этомъ кодексѣ нѣтъ предсказанія Спасителя о предательствѣ Іуды ⁴⁾, чтò встрѣчаемъ у de Voggon'a; равнымъ образомъ, выброшены слова подлиннаго евангельскаго текста: „τότε ἐίςτῆλθεν εἰς ἐκείνον ὁ Σατανᾶς“ ⁵⁾, удержанныя (въ переводѣ конечно) de Voggon'омъ, и т. п.

Вслѣдъ за Р. Paris г. Веселовскій утверждаетъ, что въ средѣ, гдѣ сложился нашъ апокрифическій рассказъ, евхаристія понималась не такъ, какъ учила господствующая церковь ⁶⁾, и упоминаетъ, что „отрицанію богомъ таинства пресуществованія отвѣчалъ у храмовниковъ запретъ произносить при совершеніи евхаристіи слова: hoc est enim corpus meum“ ⁷⁾. Мы замѣтимъ на это, что, по рассказу большого романа о св. Гралѣ, совершая священнодѣйствіе, Іосифъ произноситъ эти самыя слова, и хлѣбъ и вино претворяются въ плоть и кровь Христовы. Если de Voggon не упомянулъ объ установленіи евхаристіи, то это произошло вслѣдствіе того, что онъ не распространялся о подробностяхъ совершившагося во время Тайной вечери ⁸⁾. Но и у него

¹⁾ Напр., днемъ Тайной вечери названа среда. Такія ошибки не могутъ быть приписаны безграмотности *перетисчита*.

²⁾ »Eusine remest Joseph en la prison, ne de ceste prison ne parolent pas li aposte, ne cil qui establirent les escriptures, que il n'en soient rien, fors tant que nostres sires vost que ses cors li fust donez, c'aucune amor avoit il en lui«. *Hucher, Le S.—Gaal, I, 228.*

³⁾ Объ этомъ кодексѣ см. у *Thilo, Codex apocryphus Novi Testamenti, tom. primus, Lipsiae MDCCCXXXII, p. 819—881.*

⁴⁾ *Ibid.*, 850.

⁵⁾ *Ibid.* 852; въ *Liber S. Joannis apocryphus* эти слова уцѣлѣли (*Thilo, 885*).

⁶⁾ „Слав. сказ. о Сол. и кит.“ и пр., стр. 192.

⁷⁾ *Ibid.*, 194.

⁸⁾ *Hucher, Le S.—Gaal, I, 213—214:* »Lou mescredi à soir, fu nostres sires chiés Symon lou liépreux, et parla à ses déciples, et lor mostra essamples que je ne puis ne ne doi toz retraire«. Въ стихотворномъ текстѣ говорится объ установленіи евхаристіи (*Le rom. du Saint—Gaal, publ. par Fr. Michel, p. 38, v, 893 suiv.*).

есть указанія на евхаристію, какъ понимала ее господствовавшая церковь ¹⁾).

Г. Веселовскій продолжаетъ: „чудное дѣйствіе Граля на вѣрующихъ и избранныхъ, которыхъ онъ наполняетъ неизреченной сладостью, благоуханіемъ какихъ-то невидимыхъ яствъ, также не имѣетъ ничего общаго съ строго христіанской догмой о таинствѣ причащенія, и скорѣе относится къ разряду иновѣрныхъ представленій“ ²⁾). Конечно, такіе вымыслы не содержатся въ *строю христіанской* догмѣ, но, тѣмъ не менѣе, они были въ духѣ того времени и не изъ иновѣрной только среды могли выдти, а и отъ лицъ, пронзенныхъ христіанскимъ мистицизмомъ, который очевиденъ въ первыхъ романахъ о Гралѣ. Если особенныя качества приписывались крови мучениковъ, если встарину нѣкоторые дѣлали знаменіе креста кровью евхаристіи на челѣ и глазахъ ³⁾, если передавали различныя чудеса объ этой евхаристіи, то что должны были думать о крови божественной? Укажемъ на мысли древнѣйшихъ христіанскихъ писателей объ евхаристіи. Вотъ, для примѣра, слова Ириней Ліонскаго: „когда чаша растворенная и приготовленный хлѣбъ принимаютъ Слово Божіе и дѣлаются евхаристією тѣла и крови Христа, *отъ которыхъ укрѣпляется и поддерживается существо нашей плоти*; то какъ еретики говорятъ, что плоть не причастна дара Божія, т. е. жизни вѣчной,—плоть, которая питается тѣломъ и кровью Господа и есть членъ Его?... Эта *плоть питается отъ чаши Его*, которая *есть кровь Его* и растетъ отъ хлѣба, который *есть тѣло Его*“... Тотъ же Ириней говоритъ, что „приношеніе евхаристіи есть не плотское, но духовное“ ⁴⁾... Въ вѣкъ появленія бретонскихъ романовъ слова нерѣдко принимались въ буквальный смыслъ, и сказанное въ Св. Писаніи, а также у богослововъ объ евхаристіи ⁵⁾, могло доставить матеріалъ при созданіи саги о чашѣ съ кровію Христа.

¹⁾ *Hucher, Le S.—Graal*, I, 226.

²⁾ „Сказ. о Сол. и вѣт.“ и пр., стр. 191. Подобное встрѣчаемъ у P. Paris (*Les rom de la T. R. I*, 197).

³⁾ *Dictionn. des orig du christ*, col. 262 et. 1249. Уже св. Кириллъ Іерусалимскій говорилъ: „.... когда влага еще чувствуется на устахъ твоихъ, коснись ея руками и освяти ею глаза, чело и прочія чувства. „*Собр. древн. лит.*“, стр. 134.

⁴⁾ „*Собр. древн. лит.*“, 47 и 49.

⁵⁾ Напр., Іоан. VI, 56, 58.

На эту нашу переноску до известной степени то, что говорилось о чашѣ евхаристіи. По разсказу Мар'а, отъ евхаристіи Іосифъ испытывалъ дѣше ощущенія, какія замѣчаются въ вѣрующіихъ при служеніи Гралю. Какъ только онъ воспринималъ тѣло Христова, онъ почувствовалъ себя исполненнымъ всѣхъ сладостей и несказанныхъ пріятностей ¹⁾. Кто скажетъ, что это предствленіе евхаристіи носитъ въ себѣ слѣды иновѣрнаго вліянія? Не мѣшаетъ вспомнить здѣсь объ агалахъ, составлявшихъ въ древности одно цѣлое съ евхаристіею. Въ Британіи, какъ въ Галліи и Германіи, онѣ держались очень долго. Какъ, по словамъ божественнаго гласа, тотъ не можетъ быть достойнымъ божественной милости (являющейся въ евхаристіи), кто не чистъ въ дѣлахъ и помысленіяхъ и не имѣетъ крѣпкой вѣры ²⁾, такъ и къ Гралю допускались лишь чистые сердцемъ и крѣпкіе вѣроу. Насыщеніе Градемъ, котораго достаточно было для прокормленія въ теченіе 40 дней заключенныхъ христіанъ ³⁾ и съ которыми Іосифъ Аримаѣйскій прожилъ безъ посторонней пищи 42 года, а Персеваль (по роману Кретьена) 5 лѣтъ, это насыщеніе не напоминаетъ ли чудесно умножавшійся хлѣбъ, которымъ питались некоторые святые и который не что иное, какъ евхаристіа ⁴⁾? Питаніе отъ Граля, какъ замѣчаетъ Göschel ⁵⁾, составляетъ какъ бы продолженіе питанія непотныхъ хлѣбами евангельскихъ пяти и четырехъ тысячъ народа. Чудеса Граля носятъ обыкновенный въ то время характеръ и не разнятся сильно отъ другихъ чудесъ, о которыхъ были въ ходу разсказы въ средніе вѣка. Они могли быть порожденіемъ фантазіи глубоко-благочестиваго католика, конкретно изображающаго воздѣйствіе евхаристіи на человѣка. Иногда прямо говорится, что питавшимся только *каваломъ*, будто они насыщаются. Въ этомъ очевидно прославленіе пищи, вся сущность которой заключается въ духовномъ ея значеніи.—Все сказанное подтверждается взглядомъ самихъ романистовъ на чудеса Граля. У de Borron'a разсказывается,

¹⁾ The History of The Holy Grail, englished by Henry Lohenhorst. Re-edited by F. J. Furnissall (Early Engl. Text Soc., Extra Series XX) P. I, London MDCCCLXIV, p. 94.

²⁾ Ibid., 92.

³⁾ P. Paris, Les rom. de la T. R., I, 275.

⁴⁾ Maury Essai sur les légendes, 69.

⁵⁾ Die Sage von Parcival und vom Gral nach Wolfr. v. Eschenb., S. 33.

что, когда начали усаживаться у стола, на который былъ поставленъ Граль, нѣкоторымъ не нашлось мѣста. Бывшіе за столомъ почувствовали „услажденіе и сердечное удовлетвореніе (исполненіе)“. Одинъ изъ нихъ, Петръ, спросилъ у оставшихся внѣ стола, не испытываютъ ли и они *grâce* ¹⁾, какою замѣчали въ себѣ пребывавшіе у стола, и когда оказалось, что она недоступна имъ, то онъ объяснилъ это грѣховностію ихъ. О „*granz grâce, qui einsinc gaamplost le cors d'ome*“, Петръ сказалъ, что („*ele vient de celui qui sauva Joseph en la prison XLII anz*“ ²⁾). „Она исходитъ отъ того, который сохранилъ Іосифа въ темницѣ въ теченіе сорока двухъ лѣтъ“. Удаленные отъ Граля просятъ сказать имъ, какъ они должны говорить объ оставшихся съ Гралемъ, и имъ отвѣтили: („*Nos somes remex en la grâce dou père et dou fil et dou saint esperit*“ ³⁾) „мы остались съ благодатию Отца и Сына и Святаго Духа“. Іосифъ говорилъ объ этой благодати: („*nostre sires la done à cels lui siet et qui sanz péchié sont, icil la doivent avoir*“ ⁴⁾) „Господь даетъ ее тѣмъ, кому ему угодно, и свободные отъ грѣха—тѣ должны имѣть ее“. Въ одномъ мѣстѣ „благодать нашего Господа“ отождествляется прямо съ „Святымъ Духомъ“ ⁵⁾. Такимъ образомъ, особенныя ощущенія пребывавшихъ съ Гралемъ поставляются въ связь съ *grâce*, начало которой чисто христіанское.—Точно также не видно и у Вольфрама слѣдовъ какого-нибудь ученія объ евхаристіи, несогласнаго съ ученіемъ господствовавшей церкви.

Оба признака, которые г. Веселовскій выдѣлилъ въ легендѣ о Гралѣ, какъ могущіе намекать до извѣстной степени на создавшую ее среду, оказываются не имѣющими значенія въ этомъ отношеніи; они не указываютъ ни на иновѣрную, ни на еретическую среду, и г. Веселовскій напрасно, придавая имъ авторитетъ несомнѣнности, идетъ

¹⁾ У de Borron'a постоянно говорится объ этой *grâce*.

²⁾ *Hucher, Le Saint—Gaal*, I, 255. *Fr. Michel, Le rom. du S.—Gaal*, p. 110.

³⁾ *Hucher, Le S.—Gaal*, I, 256. *Fr. Michel, Le rom. du S.—Gaal*, p. 111.

⁴⁾ *Hucher, Le S.—Gr.*, 258. *Fr. Michel*, p. 115.

⁵⁾ *Hucher, Le S.—Gr.*, 268.—Соотвѣтственно этому, призываніе Св. Духа на предлагаемые на литургіи дары совершалось съ древнѣйшихъ временъ. Въ молитвѣ, въ которой совершалось это призываніе, просили объ исполненіи Св. Духомъ всѣхъ священнослужителей („Собр. древн. лит.“, стр. 125—127).

дальше въ своемъ замѣчаніи. „Тотъ и другой признакъ, говоритъ онъ, представляются соединенными въ еретическомъ ученіи катаровъ, между которыми обращалось много апокрифовъ, въ числѣ другихъ, можетъ быть, и Никодимо евангеліе“¹⁾, передающее исторію Іосифа Аримаеяйскаго послѣ вѣстной смерти Спасителя, вошедшую съ видоизмѣненіями въ романъ Граля. Мы замѣтимъ на это, что особенный взглядъ на евангелія былъ, повидимому, и въ древне-британской церкви²⁾, равно какъ въ Британіи пользовалось большою извѣстностію и Никодимово евангеліе. Но если подъ Гралемъ разумѣлся первоначально и въ ббльшинствѣ случаевъ сосудъ, въ которомъ было совершено священнодѣйствіе на Тайной Вечери, то начало легенды о немъ нечего искать непременно тамъ, гдѣ существовалъ особенный взглядъ на это таинство, и гдѣ признавалось лишь евангеліе, не упоминающее объ его установленіи. Что же касается заимствованія романомъ о Гралѣ изъ Никодимова евангелія, то нужно сказать, что это евангеліе вращалось и у ортодоксаловъ и, послѣ сказанія о Рождествѣ Богоматери, было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ и популярнѣйшихъ апокрифическихъ памятниковъ: оно пользовалось уваженіемъ почти наравнѣ съ каноническими евангеліями. Въ одно время это евангеліе, какъ видно изъ греческаго его текста по Венеціанскому манускрипту, который имѣлъ подъ руками Thilo, читалось даже въ греческихъ церквахъ, какъ памятникъ, заслуживающій уваженіе³⁾. Оно повліяло на обрядности нѣкоторыхъ церковныхъ службъ (напр., пасхальныхъ⁴⁾) и вошло затѣмъ въ мистеріи⁵⁾. Послѣ этого и начало Мерлиновской легенды нисколько еще не указываетъ на еретичество ея авторовъ или пересказчиковъ. Вошедшіе въ Никодимово еванг. Акты Пилата, сообщающіе объ Іосифѣ Аримаеяйскомъ подробности, не встрѣчающіяся въ канонической письменности, возникли ранѣе половины II стол., и ими пользовалось до

1) Слав. сказ. о Солом. и Кит. и зап. лег. о Мор. и Мерл., стр. 192.

2) P. Paris, Les romans de la T. R., I, 97.

3) Dictionn. des apocryphes, publiée par M. l'abbé Migne (Paris 1856), t. I, 1092.

4) Ib., XXX.

5) Ib., XXXII. Одна изъ древнѣйшихъ англійскихъ мистерій, принадлежащая къ Chester Plays, въ своемъ заглавіи носитъ открытое обозначеніе того, что она составлена secundum evangelium Nicodemi.

вольно значительное количество древнѣйшихъ христіанскихъ писателей ¹⁾).

Защитники выработки романовъ о Граалѣ въ еретической средѣ могутъ указать на начало de Voggon'ова произведенія, которому подыщется аналогія у богомиловъ ²⁾, но все, что читается въ началѣ de Voggon'овой поэмы, встрѣчается и въ писаніяхъ ортодоксаловъ, и сказаніе de Voggon'a объ искупленіи вполне согласно съ догмой господствовавшей церкви. Могутъ обратить вниманіе еще на упоминаніе двоякаго крещенія ³⁾ но подѣ вторымъ крещеніемъ у романиста разумѣется таинство покаянія ⁴⁾, и мы не видимъ у de Voggon'a неуваженія собственно къ крещенію ⁵⁾.

Болѣе мы не открыли въ сказаніяхъ о Граалѣ ничего, что могло бы напоминать сколько-нибудь еретическія ученія.

Кромѣ отсутствія признаковъ такихъ ученій, въ пользу возникновенія первыхъ романовъ о Граалѣ въ правовѣровавшей средѣ говорить все содержаніе ихъ.

Мы укажемъ важнѣйшія черты.—Въ произведеніи de Voggon'a отмѣтимъ ученіе о св. Троицѣ ⁶⁾, рассказъ о діаволѣ ⁷⁾, признаніе авторитета ап. Петра ⁸⁾, между тѣмъ какъ у богомиловъ и тамплиеровъ вѣрховнымъ между апостолами считался Іоаннъ, внушеніе повиновенія „святой церкви“ ⁹⁾ и ея „menistres“, на грѣхи которыхъ вѣрующимъ

¹⁾ О Никодимовомъ ев. въ западной литературѣ см. въ соч. Wülcker'a (Das Evang. Nic. in d. abendl. Litt.)

²⁾ См. «Правосл. Обзор.» 1875, № 8, ст. г. Кипріановича: «Жизнь и ученіе богомиловъ по Цанопліи Евфимія Зигабена и другимъ источникамъ», стр. 538.

³⁾ О различеніи богомилами крещенія водою отъ крещенія духомъ см. въ цит. ст. Кипріановича, стр. 549.

⁴⁾ Hucher, Le S.—Gaal, I, 241.—Fr. Michel, Le rom. du S.—Gaal, p. 9, v. 184 suiv.

⁵⁾ Hucher, Le S.—Gaal, I, 249.

⁶⁾ Hucher, l. c., 210, 225.—Fr. Michel, p. 5, vv. 91—100; p. 37—38, v. 871 suiv.

⁷⁾ Hucher, 241.—Fr. Michel, p. 8, v. 173 suiv.

⁸⁾ Hucher, 241.—Fr. Michel, p. 9, v. 184 suiv.

⁹⁾ Hucher, 263.

не слѣдуетъ обращать вниманіе ¹⁾). Вообще въ поэмѣ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ повсюду проглядываетъ полное уваженіе къ церкви и ея установленіямъ. О сыновьяхъ Брона говорится, что они женились „selonc la loi Jhésu-Crist et au commendement de sainte église“ ²⁾. — Въ романѣ Мар'а неизвѣстный, явившійся къ Мордрэну, сказалъ, между прочимъ, по поводу одного заблужденія, что говорящіе такъ — болѣе еретики, нежели *porélicans* ³⁾.

Г. Веселовскій старается найти подкрѣпленіе своимъ предположеніямъ о возникновеніи легенды о Гралѣ въ средѣ катаровъ въ предсловутомъ свидѣтельствѣ Вольфрама о Куот, котораго, какъ уроженца Анжу или жителя той области, можно приурочить, по мнѣнію г. Веселовскаго, „къ мѣстностямъ, гдѣ изстари преобладалъ катарскій элементъ“.

Даже не обращая вниманія на коренную разницу между сказаніемъ о Гралѣ Вольфрама и сказаніемъ англо-французскихъ труверовъ и на отношеніе перваго къ послѣднему ⁴⁾, все-таки для того, чтобы дать ходъ гипотезѣ нашего ученаго, придется обращаться къ довольно безпочвеннымъ предположеніямъ, напр., — о катарствѣ Гю.

Возникновеніе занимающей насъ легенды „на романскомъ югѣ, между сѣверной Испаніей и Луарой“, становится, по мнѣнію г. Веселовскаго, еще яснѣе и опредѣленнѣе, если взять во вниманіе торжественную обстановку Граля въ романахъ. Г. Веселовскій не отвергаетъ довольно правдоподобнаго соображенія, по которому „авторы романовъ о Гралѣ внесли въ нихъ многое изъ храмовнической символики, на сколько она была имъ знакома“, но, по его мнѣнію, „есть еще другая возможность объясненія“, на которую онъ и указываетъ. Вслѣдъ за др. учеными, „имѣя въ виду снова указать на отношенія, которыя

¹⁾ *Hucher*, 215. *Fr. Michel*, p. 15—16. Въ евангеліи (Іоан. XIII, 13) объясненіе умовенія ногъ строже по отношенію къ іерархін, чѣмъ у de Vognon'a.

²⁾ *Hucher*, 264. — *Michel*, p. 124.

³⁾ О *porélicans* см. у P. Paris, II, 402—403.

⁴⁾ Связь ихъ несомнѣнна, какъ имъ замаскировано заимствованіе въ Вольфрамовой передачѣ. Къ сказанному прежде добавимъ, что и по словамъ франц. труверовъ, Граль сохраняетъ молодость и даетъ долголѣтіе, какъ видно на примѣрѣ Іосифа и Брона.

теперь слишком часто забывают“, г. Веселовскій находитъ у храмовниковъ слѣды самой легенды о Гралѣ. Упомянувши о демонѣ тамплиеровъ, г. Веселовскій говоритъ: „Устраните отсюда фактъ поклоненія, во всякомъ случаѣ сомнительный, и вы *встрѣтитесь съ богомильскимъ ученіемъ о демонѣ*, какъ властитель міра и податель земныхъ благъ, скорѣе всего *вспомните чудесные дары Граля*, который въ позднѣйшемъ саллійскомъ *tabinogi* является блюдомъ съ лежащей на немъ *головою*“. Безспорно, встрѣчаясь съ богомильскимъ ученіемъ, едвали въ тоже время можно найти тутъ что-нибудь имѣющее отношеніе къ Гралю. Не видно принимаемаго г. Веселовскимъ такого довольно точнаго совпаденія благодѣяній, оказываемыхъ демономъ, съ чудесными дарами Граля¹⁾, которое заслуживало бы вниманія и которое было бы убѣдительно (а это совпаденіе необходимо для доказательства положенія г. Веселовскаго, при отсутствіи аналогій въ остальномъ). Въ представленіи Граля блюдомъ съ головою г. Веселовскій видитъ „позднѣйшее искаженіе мотива, совершившееся подъ вліяніемъ народнаго суевѣрія, которому давала пищу тайна, окружавшая ересь храмовниковъ. Оно то смѣшало образы и дало смѣшенію демонической колоритъ“²⁾. *Вмѣсто апокрифической чашы* (? г. Веселовскій говорилъ прежде о блюдѣ, народный страхъ увидѣлъ *окровавленную голову*, замѣчаетъ далѣе г. Веселовскій³⁾). Прежде всего г. Веселовскій напрасно беретъ во вниманіе *tabinogi*. Встрѣчающееся въ этой сказкѣ представленіе Граля относится, по словамъ г. Веселовскаго, къ позднѣйшей ступени въ развитіи его легенды, въ хронологическомъ отношеніи идущей за тою, которая замѣчается въ романахъ. Оно возникло лишь вслѣдствіе искаженія и своеобразной передѣлки одного изъ эпизодовъ легенды и не могло быть принято въ литературные памятники, которымъ тогда пришлось бы довольно круто измѣнять сложившійся образъ Граля. По этимъ соображеніямъ, подробность *tabinogi* о Гралѣ (правильно ли ее относить къ нему, мы уже видѣли) должна была возникнуть на валлійской почвѣ. Но въ такомъ случаѣ она не могла быть отраженіемъ на-

¹⁾ Мы предлагаемъ съ своей стороны сблизить дары Граля съ тѣмъ, что говорится въ древнихъ литургическихъ молитвахъ. „Собр. древн. лит.“, 135—136.

²⁾ „Слав. сказ. о Сол. и Кит.“ и пр., 195.

³⁾ *ib.*, 199.

роднаго страха французѣвъ, которые сами его не передавали валлиспамъ и которые, еслибы и воображали такимъ пугаломъ неузнанную или чашу Граля, то не стали бы вносить это пугало въ сказанія о чашѣ. Обвиненіе въ поклоненіи сатанѣ, который вездѣ тогда мерещился, можетъ быть, и не должно принимать въ буквальный смыслъ. Во всякомъ случаѣ, оно едвали могло основаться на служеніи Гралю, какъ ни склонна мѣла впадать въ нелѣпыя толки. Считаая вмѣстѣ съ г. Веселовскимъ демоническую голову созданіемъ народной фантазіи, къ признанію чего давно уже склонялись ученые ¹⁾), мы расходимся съ почтеннымъ ученымъ въ томъ, что отрицаемъ реальный субстратъ этой головы въ чествованіи Граля (чаши); потому что нѣтъ данныхъ для принятія этого субстрата.

На основаніи изложеннаго осмѣливаемся думать, что едвали могутъ считаться обставленными научно всѣ дальнѣйшія соображенія г. Веселовскаго, который готовъ допустить, что упомянутая легенда перешла къ тамплиерамъ отъ дуалистическихъ сектъ. Г. Веселовскій откровенно сознается, что „свидѣтельства о ереси тамплиеровъ относятся къ очень поздней порѣ, когда легенда о Гралѣ давно уже успѣла сложиться въ романѣ, такъ что трудно становится утверждать, опираясь на хронологію, зависимость послѣдняго явленія отъ предъидущаго“. Но, во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, христіанскій міръ воспринялъ легенду о Гралѣ въ видѣ апокрифа, развившагося подъ извѣстными иновѣрными влияніями, сущность которыхъ мы и теперь еще можемъ опредѣлить“ ²⁾).

Легенда о Гралѣ первоначально, дѣйствительно, была апокрифомъ³⁾, если подъ этимъ словомъ разумѣть всякій рассказъ, измѣняющій, рас-

¹⁾ О томъ, что разбираемое нами обвиненіе принадлежало къ числу общераспространенныхъ, см. между проч., въ *Guillaume Soldan's* «Mémoire sur les templiers et sur le culte special qui leur a été imputé», помѣщ. въ цитиров. выше книгѣ «*Congrès scientifique de France*». Идолы фигурировали перѣдно въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ. Присутствіе въ нихъ демоновъ было, кажется, тоже ходяче.

²⁾ „Слав. сказ. о Солом. и Кит.“, 198—199.

³⁾ Въ одной изъ новѣйшихъ своихъ работъ г. Веселовскій повторяетъ, что идея Граля коренится въ апокрифическихъ представленіяхъ.

пространяющей и дополняющей сказанія канонической письменности¹⁾. Только мы полагаемъ, что, на основаніи сказаннаго, еще нельзя считать доказаннымъ возникновеніе этого апокрифа въ еретической или иновѣрной средѣ. Если у еретиковъ была легенда о чашѣ, слѣды которой стараются открыть, то они получили ее готовою отъ православившихъ и только перелѣдали на свой ладъ, сообразно съ собственнымъ ученіемъ.

Другой нашъ знатокъ общей литературы, проф. *Буслаевъ*, склонялся было принять для легенды о Гралѣ источникъ, подобный тому, каковой допускаетъ проф. *Веселовскій*²⁾; но, разбирая книгу г. *Веселовскаго*, въ противовѣсъ доводамъ послѣдняго объ еретическомъ началѣ легенды, г. *Буслаевъ* привелъ извѣстныя слова *Лавова de Voragine*, въ которыхъ этотъ ультра—католическій писатель благосклонно относится къ поэтическому сказанію о Гралѣ (съ которымъ, повидимому, не былъ хорошо знакомъ). Слабость аргумента г. *Буслаева* очевидна: зародившись у еретиковъ, легенда о Гралѣ могла однако быть принята ортодоксалами, какъ имѣли ходъ у православныхъ и др. еретическіе апокрифы, на которые указалъ самъ же г. *Буслаевъ* ³⁾.

Г. *Буслаевъ*, также относя не разъ упомянутую нами подробность въ *tabinogi* о *Передурѣ* къ западнымъ вариантамъ сказанія о *Сангралѣ*, сближаетъ ее съ нѣкоторыми фактами восточно-христіанской иконографіи, при чемъ замѣчаетъ о г. *Веселовскомъ*, что „еслибы этотъ ученый провѣрилъ свои выводы фактами древне-христіанской иконографіи, то, можетъ быть, на другихъ бы основаніяхъ построилъ свою теорію о *Сангралѣ*“ ⁴⁾.

Г. *Буслаевъ* говоритъ: „доселѣ извѣстенъ у русскихъ иконошцевъ типъ *крылатаго* *Іоанна Предтечи*, нѣкогда распространенный подъ влияніемъ Византіи и на Западѣ. Въ рукѣ онъ держитъ чашу, въ во-

¹⁾ Подъ опредѣленіе апокрифа, выставленное г. *Веселовскимъ* (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1873 г., № 2, стр. 148), невозможно подвести легенду о *Гралѣ*.

²⁾ Въ ст.: „Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи“ (*Р. Вѣстникъ* 1874 г., апрѣль, стр. 646).

³⁾ Отчетъ о шестнадц. прис. наградъ гр. *Уварова*, стр. 46.

⁴⁾ *Р. Вѣстникъ* 1874 г., № 4, стр. 647. „Отчетъ...“, 62—63. Мы свели въ одно слова г. *Буслаева* изъ обѣихъ его статей.

торой лежитъ или *его усткнутая голова*, или же *младенецъ Христосъ*. т. е. *Agnus Dei*, не только св. Дары, первоначально именно общеніе *кроме Христовы*, но и тотъ агнецъ, *вземлющій грѣха міра*, который по древне-христіанскимъ изображеніямъ, изливаетъ свою кровь въ чашу, и котораго своимъ перстомъ указываетъ Іоаннъ Предтеча; этотъ послѣдній символъ, какъ извѣстно, былъ подвергнутъ запрещенію на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ, предписавшемъ вмѣсто агнца изображать самого Іисуса Христа, по человѣческому подобію, и такимъ образомъ вмѣсто агнца изображается у насъ младенецъ Христосъ. Такъ просто и наглядно объясняются противорѣчивые варианты западныхъ сказаній о Сангралѣ, которыя наше иконописное преданіе сохранило въ простѣйшемъ ихъ видѣ. Сверхъ того, восточная иконографія знаетъ еще и такую чашу, которая будто бы послужила *плотью* для души самого Іисуса Христа¹⁾.

Г. Буслаевъ придаетъ, повидимому, большое значеніе фактамъ, указаннымъ въ только что приведенныхъ строкахъ.

Авторитетъ нашего почтеннаго ученаго заставляетъ насъ остановиться нѣсколько на этихъ фактахъ, чтобы разсмотрѣть, дѣйствительно ли они столь важны въ вопросѣ о Гралѣ.

Еслибы подтвердилось мнѣніе Симрока, то въ замѣчаніяхъ г. Буслаева оно нашло бы новое подспорье: г. Буслаевъ выдвинулъ на видъ, что Іоаннъ Предтеча, съ чествованіемъ котораго Симрокъ связываетъ легенду о Гралѣ, изображался съ чашею, въ которой находилась или голова Предтечи, или же младенецъ Христосъ, подобно тому какъ и въ большомъ романѣ о св. Гралѣ, когда Іосифъ совершалъ литургію и произнесъ слова Спасителя, установившія свхаристію, хлѣбъ превратился въ тѣло и вино въ кровь. Іосифъ ясно увидѣлъ, что держалъ дитя, и казалось, что кровь, бывшая въ чашѣ, истекала изъ тѣла дитяти²⁾. Еслибы Симрокъ былъ правъ, тогда объяснились бы варианты

¹⁾ Ibid.

²⁾ *Furnivall, The History of The Holy Grail, I, 90.* Вслѣдъ за переданнымъ нами романъ о Гралѣ сообщаетъ, что Іосифъ былъ смущенъ, просилъ Господа не подвергать его необходимости а *»desmenbrer si biele figure«*, но Господь велѣлъ ему творить повелѣнное. Тогда Іосифъ взялъ тѣло, отдѣлилъ голову отъ туловища—такъ легко, какъ будто бы тѣло дитяти было совершенно мягко, какъ мясо, оставленное долго на огнѣ; но онъ повинно-

въ представленіи Граля и оказалось бы, что блюдо съ головой или чаша—варианты, вышедшіе изъ одного источника. Но мы видѣли, какъ паткѣ обосновано мнѣніе Симрова, и г. Буслаевъ, примыкающій къ нему, едвали основательно думаетъ, что указываемыя имъ изображенія имѣютъ отношеніе къ легендѣ о Гралѣ.

Выяснимъ смыслъ этихъ изображеній. Какъ въ романѣ о Гралѣ, такъ и на памятникахъ, какіе имѣетъ въ виду г. Буслаевъ, младенецъ Христосъ, являющійся въ чашѣ, означаетъ дѣйствительное принесеніе Себя въ жертву Сыномъ Божиимъ—на крестѣ и въ чашѣ евхаристіи. Сынъ Божій предстаётъ въ видѣ младенца, можетъ быть, въ силу того, что вообще въ библейской письменности было обычно представленіе Отдавшаго себя въ жертву—въ видѣ дитяти. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны нѣкоторыя выраженія пророка Исаи. Въ XLII гл. читаемъ по тексту LXX: „Ἰακώβ ὁ παῖς μου, ἀντιλήφομαι αὐτοῦ“ (ср. 1). Въ гл. LII, которую, вмѣстѣ съ LIII, относятъ новозавѣтные писатели единогласно къ Мессіи, говорится по тексту LXX: „Ἰδοὺ συνήσει ὁ παῖς μου...“²⁾ Въ LIII главѣ тоже выраженіе: „Ἀνγγελάμεν ἐναντίον αὐτοῦ ὡς παιδίον...“³⁾ Отсюда-то чаша съ младенцемъ Христомъ, по словамъ Буслаева,—„и есть изображеніе Агнца“. Этому сюжета не чуждался и Западъ. Христосъ представлялся являвшимся въ гости на картинахъ мессы Григорія В.⁴⁾ Съ чашей, изъ которой выходитъ Христосъ, тамъ

важнѣе приказанію съ ужасомъ, съ воздыханіями и—проливая слезы... Господь сказалъ Іосифу: чего ты ждешь теперь? получай то, что предъ тобою, это твое спасеніе“. Іосифъ палъ на колѣна, ударялъ себя въ грудь и молилъ о прощеніи грѣховъ. Поднявшись, „quant il eut rendu grâces a son créateur, si ouuri la bouche et vout metre dedens. Et il regarde, si voit ke che gestoit uns cors tous entiers“.—Есть свидѣтельство о существованіи во Франціи съ XI стол. лег. о реликвиі частей тѣла младенца Иисуса, принесенныхъ ангеломъ. *Gaston Paris, Histoire poétique de Charlemagne, Paris 1865 г. р. 57.*

1) Въ еврейскомъ текстѣ по переводу архим. Макарія: »Рабъ Мой«.

2) Въ еврейскомъ текстѣ, по переводу »Трудовъ К. Дух. Акад. и арх. Макарія, опять: »рабъ мой«.

3) Въ еврейскомъ, по переводу Тр. К. Д. А.: »какъ отпрыскъ«, а по переводу Макарія: »какъ молодой ростокъ«—метафора, находящаяся въ прямомъ отношеніи къ παιδίον LXX.

4) *I. E. Wessely, Iconographie Gottes und der Heiligen, Leipzig, T. O. Weigel, 1874, S. 210.*

изображались св. Іоаннъ Фасундо и св. Гугонъ, еп. Линкольнскій. Иногда І. Христось представлялся возсѣдавшимъ на гостіи ¹⁾, иногда же въ видѣ младенца онъ стоялъ на ней ²⁾. Вообще младенецъ Іисусъ встрѣчается нерѣдко на свящ. изображеніяхъ ³⁾, начиная съ тѣхъ, которыя найдены въ катакомбахъ. Въ чашѣ, которую держитъ І. Фасундо, вмѣсто Христа, иногда прямо изображалась гостія. Послѣ всего этого, понятенъ, думаемъ, смыслъ чаши съ младенцемъ Іисусомъ, представляемой въ рукѣ Крылатаго І. Предтечи, котораго еще недавно можно было встрѣтить въ католическихъ храмахъ нашего юго-западнаго края. Такое изображеніе — наглядное представленіе повѣствуемаго евангелистомъ Іоанномъ объ Иванѣ Крестителѣ, который явился провозвѣстникомъ будущей крестной смерти Спасителя: „бысть человекъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ. Сей прииде во свидѣтельство.... видѣ Іоаннъ Іисуса грядуща къ себѣ и глагола: се агнецъ Божій, взямаи грѣхи міра“ (Іоанна I, 6—7, 29). Въ синаксарѣ объ Иванѣ Предтечѣ говорится: „предваривъ сошествіе Господа во адъ, онъ благовѣстилъ тамъ Бога, явившагося во плоти, и утѣшилъ души, тамъ содержавшіяся“. Въ этомъ смыслѣ иногда Крылатый Іоаннъ Предтеча, котораго въ древнѣйшее время представляли указывавшимъ на агнца или съ агнцемъ ⁴⁾, изображался съ крестомъ въ рукѣ. Г. Буслаевъ готовъ объяснять точно также Іоаннову чашу (по словамъ его, І. Предтеча съ этой чашею въ рукѣ „какъ бы вѣковѣчно проповѣдуетъ объ *Агнецъ*, возьмемъ на себя грѣхи міра“), но въ то же время не прочь видѣть въ ней и нѣчто иное. Исходя отъ одного разобраннаго имъ иконографическаго сюжета, онъ утверждаетъ, что во всѣхъ изображеніяхъ чаши съ младенцемъ Христомъ должно видѣть одну и ту же символику, а именно „сочетаніе

1) Encyclop. théologique publiée par M. l'abbé Migne, f. 45, Dictionnaire d'icônographie, 1850, col. 819—820.

2) *Ib.*, col. 805—806.

3) *Ib.*, 781—782.

4) Отсюда І. Креститель назывался *agniferus*. И на Рутвельскомъ крестѣ (VII-го стол.) І. Крестителя встрѣчаемъ съ агнцемъ въ рукѣ (см. снимокъ у Hammerich'a: *Älteste christliche Epik der Angelsachsen, Deutschen und Nordländer. Aus dem Dänischen von Al Michelsen. Gütersloh 1874*). Потомъ предтечу заставили указывать на Христа. Агнецъ же въ его рукѣ замѣнили упомянутою чашею.

человѣчества съ божествомъ: чаша — человѣчество, младенецъ — божество, душа, Христова¹⁾. Въ виду указанныхъ фактовъ, просто и вполне объясняющихъ дѣло, излишне прибѣгать къ этой символикѣ въ нашемъ вопросѣ, хотя не сомнѣваемся, что она имѣла приложение на нѣкоторыхъ изображеніяхъ (Душа вообще нерѣдко представлялась въ образѣ маленькой фигуры неопредѣленнаго пола не только на византийско-русскихъ, но и на западныхъ средневѣковыхъ монументахъ). Мы думаемъ, впрочемъ, что тамъ, гдѣ эта символика имѣла мѣсто, она изображала тайну воплощенія по отношенію къ конечной его цѣли — крестной жертвѣ Іисуса. Въ сочиненіи *Жизнь Господа нашего Іисуса Христа*, которое было весьма распространено на средневѣковомъ западѣ, младенецъ Христосъ на верху дерева представляетъ собою будущаго искупителя человѣческаго рода²⁾. Дерево знаменуетъ здѣсь крестъ распятія І. Христа. Повторяемъ: указаніе на чашу, послужившую плотью для самаго І. Христа, нисколько не пригодно для объясненія нашей легенды потому, что символическое значеніе этой чаши, на которое обратилъ вниманіе г. Буславѣвъ, усвоено ей позднѣйшими толкованіями, и въ легендѣ о Граалѣ нѣтъ ничего, что говорило бы о развитіи ея изъ подобныхъ представленій.

Въ однихъ случаяхъ Предтеча изображался провозвѣстникомъ спасительной крестной смерти Іисуса, въ другихъ являлся свидѣтель-

¹⁾ См. замѣтку г. Буславѣва: „Дли географія души“. *Труды вѣроиспытательнаго общества*, II, М. 1871, стр. 351.

²⁾ Въ этомъ замѣтливѣ читаемъ, что Снобъ увидѣлъ на вершинѣ древа жизни *ving petit enfant enveloppé dans petit drap. Et apres il regarda le pied de l'arbre et voit entre les racines dedans terre jusques au parfond denfer Et l'arbre estoit si grand et si merueilleux quil touchoit au ciel et voit dessus le dict enfant assis . . . Lange Cherubin luy dict que lenfant quil avoit veu en l'arbre estoit Jesuchrist lequel tantost viendrait prendre chair humaine en une vierge laquelle aura nom Marie, et prendra mort et passion en l'arbre de la croix.* *Dictionn. des Apocryphes*, t. 1, col. 387—388 — Въ англійскихъ легендахъ о крестномъ древѣ встрѣчается тотъ же рассказъ о Снобѣ. *Legends of the Holy Rood; Symbols of the Passion and Cross—Poems in Old English. Ed. by Richard Morris. London. MDCCCLXXI (Early Engl. Text Soc.). P. 24, 69, 70.* — Младенецъ-Христосъ прославляется въ одномъ старо-англійскомъ стихотвореніи. *An Old English Miscellany. Ed. by Rich. Morris (Early Engl. Text Soc.). P. 197—199: A Song on the Passion.*

ствовавшимъ собственное мученичество. Несущими свою голову, подобно I. Предтечѣ, представлялись довольно многіе мученики ¹⁾. Равнымъ образомъ, нѣкоторые мученики изображались съ чашами въ рукахъ. Въ чашу Іоанна, означавшую его исповѣдничество, естественно было помѣстить главу его, означавшую способъ, какимъ онъ претерпѣлъ мученичество. Это послѣднее изображеніе находится въ связи съ икононами, на которыхъ голова Крестителя помѣщалась у ногъ его ²⁾.

Значеніе и ходъ постепенной выработки двухъ чашъ, съ какою-нибудь одною изъ которыхъ часто изображался Іоаннъ Предтеча, позволяютъ, кажется, сказать, что между ними не было генетическаго родства; едвали одна изъ нихъ произошла изъ другой.

Точно также весьма сомнительно отношеніе ихъ къ Гралю. Нечего и говорить о томъ, что символическое значеніе чаши съ головою не могло подать повода къ изобрѣтенію Граля, о которомъ говорили, какъ объ историческомъ предметѣ. Ближе къ Гралю чаша съ младенцемъ Іисусомъ, но, кромѣ нея, какъ увидимъ, извѣстна въ иконографіи другая чаша, изъ которой скорѣе могъ выработаться Граль.

О разобранныхъ атрибутахъ г. Буслаевъ замѣчаетъ, что „всѣ эти иконографическіе знаки безъ сомнѣнія болѣе или менѣе состоятъ въ связи съ разными легендами, апокрифами и даже еретическими ученіями“; по его словамъ, они „имѣютъ мало связи съ историческимъ принципомъ, принятымъ церковью для иконописи уже въ послѣдствіи“. Г. Буслаевъ игнорируетъ тутъ символическій принципъ, проглядывающій въ христіанской иконографіи съ первыхъ ея началъ.

Наряду съ изложенными нами мнѣніями и гипотезами, высказывались и болѣе правильныя сужденія о занимающей насъ легендѣ, но, не будучи обставлены и развиты, какъ слѣдуетъ, и являясь въ формѣ отрывочныхъ замѣчаній, они не могли имѣть прочнаго значенія въ наукѣ и вліять на движеніе вопроса. Такова замѣтка Мартонна ³⁾. Не былъ слишкомъ далекъ отъ истины и *Grässe*, когда говорилъ, что сага Граля, какъ она является въ поэтическомъ произве-

¹⁾ Dictionn. d'icographie, col. 865. *Wessely*, Iconographie, 442.

²⁾ Древности. Археологич. Вѣстникъ, изд. Моск. Археол. Обществомъ подъ ред. д. чл. А. А. Котляревскаго. Т. I (М. 1868), критич. замѣтка гр. А. С. Уварова о ст. Пипера, стр. 77—78.

³⁾ См. выше на стр. 108 прим. 3.

деніяхъ французовъ и нѣмцевъ,—не что иное, какъ переработанный въ головахъ ея сочинителей конгломератъ множества христіанскихъ сагъ и идей, надѣленный то сямъ, то тамъ восточными элементами и болѣе или менѣе разукрашенный, смотря по фантазіи различныхъ поэтовъ¹⁾.

Трезвостію сравнительно и положительностію отличаются замѣчанія англійскихъ ученыхъ касательно Граля.

Изъ нихъ мы отмѣтимъ соображенія *Skeat'a*²⁾.

Встарину въ легендѣ о миссіонерской дѣятельности Іосифа Аримаѣйскаго въ Британіи видѣли отраженіе древняго преданія. Но уже *Usser* предполагалъ, что авторъ латинской легенды о Гралѣ жилъ нѣсколько времени спустя послѣ Вильгельма de Malmesbury. *Skeat*, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій касательно распространенія христіанства въ Британіи, не приписываетъ вѣроятности легендѣ объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ.

Онъ различаетъ въ ней довольно основательно легендарную и фабулярную части, изъ которыхъ послѣдняя болѣе поздняго происхожденія (*Skeat* думаетъ, что она явилась послѣ смерти Готфрида Монмутскаго, случившейся въ 1154 г.). Точкой опоры при такомъ разграниченіи *Skeat'*у служатъ сочиненія упомянутаго Вильгельма de Malmesbury, не упоминающаго о Гралѣ.

По нашему мнѣнію, изъ того, что Граль включенъ позже въ сказаніе объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ, еще не слѣдуетъ, что онъ и возникъ позже. Въ Англійи онъ могъ быть позже приуроченъ къ Іосифу, но въ другихъ странахъ это могло случиться и раньше. Кромѣ того, допуская привнесеніе Граля со стороны въ основное сказаніе, необходимо все-таки выяснить происхожденіе его, чего не находимъ у *Skeat'a*.

Къ постановкѣ, данной вопросу о Гралѣ англійскими учеными, примкнулъ въ послѣднее время до известной степени *P. Paris*, одинъ изъ ученыхъ, наиболѣе потрудившихся для разработки бретонскаго цикла. Жаль только, что, въ своихъ работахъ, онъ не доходитъ до конца возможнаго изученія.

Путемъ разбора гипотезъ французскихъ кельтофиловъ и нѣмецкихъ ученыхъ, а также мнѣній соглашающихся болѣе или менѣе съ

¹⁾ Die grossen Sagenkreise, S. 179.

²⁾ См. цитиров. нами книгу «Joseph of Arimathea».

последними ученыхъ другихъ націй, мы пришли къ выводу, что сказаніе о Граль должно разсматривать, какъ религиозно-христіанскую легенду, возникшую на апокрифическихъ основахъ въ средѣ членовъ господствовавшей церкви; въ наиболѣе первоначальномъ видѣ она сохранилась у франц. и англо-франц. труверовъ, которымъ принадлежатъ и древнѣйшія произведенія о Граль. Вопросъ о возникновеніи сказанія о Граль сводится, такимъ образомъ, въ вопросу объ источникахъ de Vorron'a и Мар'a.

P. Paris посвятилъ довольно обстоятельную монографію этому вопросу, и разборъ его положеній вмѣстѣ съ критическою оцѣнкою трактата Nucher о de Vorron'ѣ и принадлежащей последнему поэмѣ объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ дастъ намъ возможность подробно коснуться упомянутого столь важнаго вопроса.

Въ послѣднее время P. Paris такъ рѣшаетъ проблему о возникновеніи легенды Граля ¹⁾.

Онъ сосредоточиваетъ вниманіе на сказаніи объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ, въ теченіе формировки котораго Іосифу приписали и сохраненіе чаши съ кровію І. Христа; подробность объ этомъ сохраненіи была, по мнѣнію P. Paris, естественнымъ развитіемъ мотивовъ, заключавшихся въ начальныхъ данныхъ, послужившихъ исходнымъ пунктомъ легенды (а не привнесена извнѣ, какъ думаемъ мы).

Развитіе легенды началось въ монастырѣ Moienmoutier, гдѣ сначала находились мощи Іосифа Аримаѣйскаго, прибывшія съ востока. Изъ этого монастыря, по сказанію одной хроники XIII стол., они были украдены какими-то монахами, въ которыхъ P. Paris готовъ принять монаховъ Glastonbury, гдѣ будто бы, въ концѣ концовъ, и оказались мощи Іосифа. Съ этимъ согласенъ и Nucher. Тутъ получила начало, по мнѣнію P. Paris, та легенда, которая повѣствовала о миссіонерскихъ подвигахъ Іосифа въ Британіи, и тутъ же совершилась передѣлка легенды о Граль.

Дѣйствительно, въ настоящее время уже нѣтъ возможности отстаивать исконную древность сказанія о Граль ²⁾, которое само отно-

¹⁾ См. ст. его «De l'origine et du développement des romans de la Table-Ronde: le saint Graal», помѣщенную въ «Romania» (1-ге année - 1872 г., № 4).

²⁾ См. указанное изслѣдованіе Skeat'a. — Уже *Usser* говорилъ *Britannicarum Ecclesiarum Antiquitates*. Ed. sec. Londini MDCLXXXVII, Lectori) «Et in

силь себя въ романахъ къ VIII стол. Легенда о проповѣданіи христіанства въ Британіи Іосифомъ не восходитъ къ преданіямъ, на которыя ссылалась Бриттская церковь въ борьбѣ съ римскимъ епископомъ. То были иныя преданія¹⁾. Признать легенду объ Іосифѣ Аримаѣ. и Гралѣ традиціею галльской церкви не позволяетъ уже одно то обстоятельство, что эта легенда не вездѣ была принята въ Англіи и даже въ галльской землѣ. Не видно, чтобы Іосифъ Аримаѣ. пользовался особеннымъ почетомъ въ Бриттской церкви²⁾. Даже триады, говоряція о миссіонерствѣ ап. Павла и др., не упоминаютъ объ Іосифѣ.

Р. Paris указываетъ на то, что о немъ ничего не сообщаетъ ни Готфридъ Монмутскій, „этотъ пламенный поборникъ всѣхъ бретонскихъ традицій“, „Исторія“ котораго была обнародована въ періодъ отъ 1128 до 1140 г., ни переводчикъ его Васъ, книга котораго явилась въ 1154 г. Вообще „до настоящаго времени не могли найти ни въ какомъ произведеніи ранѣе XII-го стол. хотя бы малѣйшее упоминаніе объ апостольствѣ Іосифа Аримаѣйскаго“³⁾. Не возражая на послѣднее замѣчаніе, относительно Готфрида мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на то, что сказалъ самъ же Р. Paris въ введеніи къ изложенію романовъ Круглаго Стола. По его словамъ, Готфриду была извѣстна исторія Іосифа Аримаѣ., но Готфридъ опасался назвать Іосифа и Граль. „Положеніе Готфрида Монмутскаго должно было, естественно,

Britannia quidem ipsis Apostolorum temporibus annunciatum fuisse Christi Evangelium, authores habemus locupletissimos, Eusebium, Theodoretum, Arnobium junio-rem et Gildam Britannum: a Iosepho vero Arimathaeensi id fuisse praestitum, Glastoniensium monachorum traditio est; nec ita tamen antiqua, ut ante Normannica tempora certum aliquod in probatae fidei scriptore quoquam deprehendi possit illius vestigium. Разборъ извѣстій о началѣ христіанства въ Британіи см. въ »Councils and ecclesiastical documents relating to Great Britain and Ireland, ed. by Haddan and Stubbs. Vol. 1, Oxford MDCCCLXIX, p. 22—26 Впрочемъ, скептицизмъ въ этой книгѣ перешелъ предѣлы умѣренности.

¹⁾ Не упомянутой, слѣдов., борьбой должно объяснять молчаніе Беда объ апостольствѣ Іосифа Аримаѣ., между тѣмъ какъ тотъ же Беда принялъ извѣстіе о проповѣди въ Британіи Симона Зилога.

²⁾ Его совсѣмъ нѣтъ въ одной древней бриттской литаніи; въ Дункельдской, встрѣчающейся въ позднѣйшей редакціи, онъ есть. Нѣтъ Іосифа и въ мартирологіяхъ.

³⁾ Romania, 1-ге année, p. 467.

препятствовать коснуться подобнаго сюжета. Онъ былъ бенедиктинскій монахъ, стремился къ церковнымъ почестямъ, которыхъ вскорѣ достигъ, и ему была необходима большая осторожность по отношенію къ книгѣ (разумѣется книга, въ которую была занесена исторія Граля), столь противоположной католическому преданію¹⁾.

Какъ бы то ни было, первый подлинный памятникъ, въ которомъ встрѣчается легенда объ апостольствѣ Іосифа въ Британіи, — книга, приписываемая Вильгельму de Malmesbury и озаглавленная „De Antiquitatibus Glastoniensis Ecclesiae“²⁾. Говоря объ этомъ апостольствѣ, Вильгельмъ de Malmesbury упоминаетъ, что онъ писалъ на основаніи болѣе древнихъ извѣстій: „Haec autem ita se habere, tum ex Charta beati Patricii, tum ex scriptis seniorum cognoscimus“. Эти scripta seniorum могли быть такого рода, какъ одно изъ цитируемыхъ Вильгельмомъ, именно — извѣстіе Фрекульфа (IX-го в.)³⁾. Пунетомъ отправленія легенды, переданной Вильгельмомъ, было, повидимому, это извѣстіе: очевидно, легенда была привязана къ нему⁴⁾. Кромѣ того, неизвѣстно,

¹⁾ P. Paris, Les rom. de la T. R., I, 104; 106—107.

²⁾ Она написана во второй четверти XII-го стол. Th. Wright, Biogr. Brit. It., Anglo-Norman per., p. 137.

³⁾ Извѣстіе, взятое Вильгельмомъ у Фрекульфа, встрѣчается ранѣе у Исидора.

⁴⁾ Сказавши сначала о преслѣдованіи, воздвигнутомъ іудеями противъ вѣрующихъ и описанномъ въ Дѣян. Апост., о разбѣганіи вѣрующихъ по разнымъ землямъ. Вильгельмъ продолжаетъ: „Sanctus autem Philippus, ut testatur Freculphus, lib. II, capitulo 4, regionem Francorum adiens gratia praedicandi, plures ad fidem convertit ac baptizavit; volens igitur verbum Christi dilatari, duodecim ex suis discipulis elegit, ad praedicandam incarnationem Iesu Christi et super singulos manum dexteram devotissime extendit et ad evangelizandum verbum vitae misit in Britanniam: quibus, ut ferunt, charissimum amicum suum Ioseph ab Arimathia, qui et Dominum sepelivit, praefecit. Что въ Британіи были нѣкоторые изъ учениковъ Христа, о томъ говорилъ уже Евсевій Кесар., а у него заимствовалъ извѣстіе о распространеніи христіанства при Тиберіи — Гильда. У Фрекульфа, пользовавшагося трудомъ Исидора, читаемъ, что Филиппъ проповѣдывалъ евангеліе Галламъ. „barbarasque gentes vicinasque tenebris, et tumentis Oceano conjunctas, ad scientiae lucem, fideique fortum deduxisse“. Объ Іосифѣ у Фрекульфа нѣтъ упоминанія.

что нужно разумѣть подѣ словомъ „Наес“: весь ли рассказъ Вильгельма, со всѣми его частностями, или сказаніе о посылкѣ Филиппомъ миссіонеровъ вообще (безъ упоминанія объ Іосифѣ). По мнѣнію Ussher'a¹⁾, что Филиппъ пользовался содѣйствіемъ Іосифа въ обращенія британскихъ народовъ въ христіанскую вѣру, это почерпнуто цѣлкомъ изъ искаженій (текста), допущенныхъ Гластонберійскими монахами. О Фаганѣ и Дервіанѣ, жившихъ во времена Люціа, Вильгельмъ говоритъ, что они, пришедши въ Glastonbury, нашли церковь, построенную учениками Филиппа, и другіе знаки пребыванія тамъ христіанъ. „*Omnem etiam narrationem in antiquis scriptis invenerunt, qualiter sanctis Apostolis per universam orbem dispersis, sanctus Philippus Apostolus cum multitudine discipulorum in Franciam veniens, duodecim ex ipsis in Britanniam misit ad praedicandum*“. Въ частности объ Іосифѣ не говорилось, видно, ничего въ этихъ древнихъ записяхъ о подвигахъ Филипповыхъ учениковъ. Впрочемъ, онѣ вымышлены, какъ подложна и *Charta beati Patricii* ²⁾, въ которой также нѣтъ ни слова объ Іосифѣ. О древности Гластонберійской церкви Вильгельмъ узналъ, по его собственному признанію, изъ писаній немалой достовѣрности, найденныхъ имъ въ церкви св. Эдмунда, по которымъ Гластонская церковь устроена ругами не иныхъ смертныхъ, какъ самихъ учениковъ Христа, а частью—изъ какого-то бриттскаго историографа, рассказъ котораго Вильгельмъ видѣлъ и въ церкви Эдмунда, и въ церкви св. Августина. Этотъ историографъ, найденный Ussher'омъ и жившій во времена Дунстана Кентерберійскаго, также не упоминаетъ объ Іосифѣ ³⁾, а говоритъ лишь, что англо-саксонскими неофитами б. найдена церковь, устроенная не людьми. Ясно, что, въ первое время существованія Гластонбери, тамъ не говорилось объ Іосифѣ. Судя по житію Дунстана и по грамотамъ, жалованнымъ Glastonbury, преданіе объ Іосифѣ не было тамъ въ ходу еще и въ X стол., хотя уже въ англо-саксонскій періодъ существовало мнѣніе, что Гластонберійская церковь была основана учениками І. Христа ⁴⁾.

Это говоритъ противъ утверждаемаго Paulin'омъ Paris выхода легенды объ Іосифѣ, передававшейся въ Glastonbury, изъ Moienmoutier:

¹⁾ Britannic. Eccles. Antiquitates, p. 8.

²⁾ Ussher, Brit. Eccles Ant., 11, 56, 61.

³⁾ Ib., 56—57.

⁴⁾ Ib., 61.

и въдъ мощи Іосифа были украдены изъ послѣдняго монастыря еще ранѣе восьмидесятихъ годовъ X-го стол. ¹⁾

Послѣ сказаннаго, нѣтъ возможности опредѣлить точно древность легенды о проповѣди Іосифа въ Британіи. Держась предположенія Р. Paris о зарожденіи легенды со времени переноса мощей Іосифа въ Glastonbury изъ Moienmoutier, эту древность можно было бы опредѣлить X-мъ вѣкомъ. Но фактъ, выдвинутый Р. Paris, не можетъ служить путеводною нитью: Р. Paris просмотрѣлъ то обстоятельство, что Glastonbury признавали лишь мѣстомъ погребенія Іосифа, но тамъ не были показываемы мощи послѣдняго, и только въ 1346 г. какой-то Johannes Blome de London попросилъ у короля разрѣшеніе отыскивать эти мощи, согласно полученному имъ откровенію ²⁾. Не говоритъ и Richer de Senones, гдѣ въ его время пребывали мощи, украденныя изъ Moienmoutier.

Во всякомъ случаѣ, письменные источники, изъ которыхъ Вильгельмъ de Malmesbury могъ почерпнуть нѣкоторыя подробности объ апостольствѣ Іосифа въ Британіи, если только существовали на самомъ дѣлѣ, могли относиться лишь ко времени послѣ норманнскаго завоеванія.

Развитіе легенды о Гралѣ въ Англіи Р. Paris изображаетъ слѣдующимъ образомъ.

Какъ скоро у Гластонберійскихъ монаховъ явилась идея объявить Іосифа основателемъ ихъ обители, они, выждавши нѣсколько времени послѣ перенесенія мощей его въ Англію, такъ поправили лотарингскую легенду, становящуюся подъ ихъ перомъ латинскою книгою Граля, на которую ссылались романисты XII-го стол., чтобы оправдать собственныя измысленія. Сначала внесли въ латинскую легенду сказанное объ Іосифѣ у евангелистовъ; потомъ представили Іосифа чудесно прибывшимъ на о—въ Альбіонъ. Драгоценная евхаристическая чаша, положенная въ основанной Іосифомъ Гластонберійской церкви, была таинственно исторгнута отъ нечестивой ярости савсовъ, когда послѣдніе овладѣли британскимъ островомъ; слѣды ея должны были отыскаться и отъ находенія ея ожидался великій чуда. Чтобы придать авторитетъ новой легендѣ, ее представили внушенною самимъ І. Христомъ

¹⁾ Изчезновеніе мощей должно отнести къ періоду отъ 894 до 980 г.

²⁾ Ibid., 15—16.—Объ останкахъ Іосифа, какія извѣстны, см. у Болландистовъ: Acta SS. Martii, t. II.

одному отшельнику изъ рода Иосифа Аримаеяскаго въ 717 или въ 719 г. Этимъ можно объяснить, что ни Гильда, ни Беда не знали ничего о миссіонерской дѣятельности Иосифа ¹⁾). Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ легенда могла быть составлена, по мнѣнію Р. Paris ²⁾), въ то время, когда появилась ложная хроника Турпина. Такова должна была быть сущность латинской книги, озаглавленной *Gradalis* или *de Gradali* ³⁾).

Въ то время, когда выдвинулась эта легенда, у Генриха II случился разладъ съ Римомъ, и король, рѣшившись воспользоваться содержаніемъ книги Граля, пригласилъ Мар'а написать романъ, въ которомъ Р. Р. ясно отличаетъ антипапскія тенденціи.

Романъ, написанный Gautier Мар'омъ, и поэма современника его, Robert'a de Borron, объ Иосифѣ Аримаеяскомъ были произведенія, излагающія легенду о Гралѣ на живомъ языкѣ.

Разсматривая эти произведенія, Р. Paris думаетъ подтвердить и въ тоже время приложить въ дѣлу сейчасъ переданныя нами соображенія.

По взгляду Paulin'a Paris, „романъ о св. Гралѣ есть развитие латинской легенды, составленной въ Гластонберійскомъ аббатствѣ“ ⁴⁾).

Въ Glastonbury была несомнѣнно сочинена легенда объ Иосифѣ, которая и передава въ упомянутой нами книгѣ Вильгельма de Malmesbury ⁵⁾, но въ ней не было, по нашему мнѣнію, ни слова о Гралѣ,

¹⁾ Romania, 1-го année, p. 465—466.

²⁾ Ibid, 467.

³⁾ Ibid., 465.

⁴⁾ Romania, 1 année, p. 470.

⁵⁾ Обращаемъ вниманіе на выраженіе *ut ferunt* въ приведенныхъ нами выше словахъ Вильгельма. Онъ ссылается на преданіе, существовавшее въ его время, и гдѣ было имѣть мѣсто этому преданію, какъ не въ Glastonbury? Легенда, изложенная Вильгельмомъ,—чисто монашеская: по его словамъ, первые миссіонеры Британіи жили въ уединеніи. По повелѣнію архангела, они устроили церковь. »Duodecim igitur sancti saepius memorati, in eodem loco Deo et beatae Virgini devota exhibentes obsequiis, vigiliis jejuniis et orationibus vacantes, ejusdem Virgini auxilio ac visione (ut credi p̄am est) in omnibus necessitatibus refocillabantur«. Что преданіе было мѣстное и не заимствованное изъ романовъ, видно еще изъ слѣдующаго замѣчанія Вильгельма: »...duo Reges Paganii successive comperta vitae eorum sanctimoniam, unicuique eorum unam portionem terrae concesserunt; ac ad petitionem ipsorum, secundum, morem gentis,

потому что Вильгельмъ не говоритъ о принесеніи Іосифомъ какихъ—нибудь реликвій. Онъ сообщаетъ лишь, что св. Филиппъ послалъ въ Британію Іосифа („charissimum amicū suū Joseph ab Arimathia, qui et Dominum sepelivit“), и не рассказываетъ ничего болѣе о послѣднемъ. Очевидно, что, когда писалъ Вильгельмъ, въ Glastonbury не знали о Гралѣ. Равнымъ образомъ, легенда о Гралѣ и объ Іосифѣ Аримаетейскомъ не могла быть выдана тамъ за открытую въ VIII стол.: этимъ отрицалась бы непрерывность Гластонберійскаго преданія. Могутъ сказать вмѣстѣ съ Р. Р., что ей нарочно была придана такая обстановка, для устраненія подозрѣнія о составленіи ея въ позднѣйшее время,—подозрѣнія, которое возбуждалось неупоминаніемъ легенды у древнѣйшихъ писателей; но трудно предположить подобную осмотрительность въ XII стол., да и отшельникъ, которому будто бы принадлежитъ перепись легенды Граля, не поставленъ въ связь съ Glastonbury.

Сличая сказаніе о Гралѣ Мар'а съ легендой, которая должна была сложиться, по мнѣнію Р. Paris ¹⁾, въ этомъ аббатствѣ, и съ тою, которая была тамъ на самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ существенное несогласіе между этими сказаніями. Іосифъ, крещенный, по разсказу Мар'а, Филиппомъ, отправился, по Гластонберійской легендѣ, не самъ въ Британію, а былъ посланъ туда Филиппомъ изъ Франціи во главѣ 12 миссіонеровъ ²⁾. Не такъ въ романѣ Мар'а, въ которомъ подробно говорится о путешествіи Іосифа изъ Палестины. Иначе излагаетъ романистъ и дѣятельность первопровѣдниковъ: Іосифъ (правильнѣе—два Іосифа) играетъ у него видную роль, у Вильгельма же de Malmesbury онъ не выдвигается слишкомъ надъ прочими, и о немъ сказано только, что онъ былъ поставленъ во главѣ миссіонеровъ. Не упомянулъ Мар

Brevi dictas duodecim hidas confirmaverunt. Unde et duodecim hidae per eos adhuc, ut creditur, nomen sortiuntur.—Ср. у С. G. Schoell'я: De ecclesiasticae Britonum Scotorumque historiae fontibus, MDCCCLI (Berolini apud Wilh. Hertz, Londini ap. Williams et Norgate), p. 40.

¹⁾ Rom., I. c., p. 470.

²⁾ При этомъ намъ вспоминаются двѣнадцать сыновей Брона.—Въ Гластонберійской хроникѣ миссіонеры названы учениками Филиппа и Іакова; также и въ Epistola Patricii.—Касательно преданія о проповѣди Филиппа въ Галліи см. у Tillemon't'a: Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique des six prem. siecles, t. I, A Bruxelles MDCCXXXII, p. 290.

и объ основаніи Гластонберійскаго монастыря. По сообщенію романиста, Іосифъ Аримаѳейскій умеръ и погребенъ, какъ и сынъ его, въ Шотландіи, въ Гларскомъ аббатствѣ. Св. Граль былъ унесенъ въ „*une terre gastée* (сначала наз. ее *Terre Foraine*)¹⁾, и тамъ впоследствии, во времена Артура, его откроетъ Галаадъ. Потомъ Граль былъ перенесенъ, по словамъ романиста, въ Сирію, гдѣ былъ взятъ на небо. Между тѣмъ въ Glastonbury ожидали, по словамъ Paulin'a Paris, отысканія когда-нибудь этой реликвіи²⁾. Наконецъ, въ Гластонберійской легендѣ половины XII стол. не было и помину о сынѣ и потомствѣ Іосифа Аримаѳейскаго³⁾, а равно и объ Артурѣ.

Ясно, что Glastonbury совсѣмъ не выступаетъ въ романѣ Мар'а, въ которомъ сценой дѣятельности первопроповѣдниковъ христіанства является вся Великобританія. По мнѣнію Р. Р.⁴⁾, это произошло отъ того, что Мар мало заботился объ интересахъ Glastonbury. Намъ кажется, что онъ умышленно игнорировалъ преданіе этого монастыря, которое было, безъ сомнѣнія, извѣстно ему, и не имъ воспользовался въ своемъ вымыслѣ.

Позволяемъ себѣ послѣ этого думать, что далеко еще не доказано заимствование Мар'омъ многого изъ Гластонберійской легенды. Онъ взялъ изъ нея развѣ идею апостольства Іосифа въ Британіи, да нѣсколько—идею другаго своего произведенія о Гралѣ (*La Quête du Saint Graal*), если только уже въ половинѣ XII стол. съ чаяніемъ открытія мощей Іосифа Аримаѳ., на которое надѣялись впоследствии, были соединены тѣ ожиданія, какія связывались потомъ съ этимъ открытіемъ⁵⁾. Нечего, слѣдоват., и придавать такое значеніе Гластонберійской легендѣ, какимъ надѣляется ее Р. Paris, представляя ее какъ бы основою для композиціи Мар'а, которому принадлежали будто бы только прибавки въ ней и разширеніе ея. Р. Paris говоритъ: „въ

¹⁾ Къ *terre gastée* романистъ причисляетъ и *paus de Galles*.

²⁾ Romania, I. c., p. 465.

³⁾ О судьбахъ Glastonbury до Люція Вильгельмъ говоритъ: »Sancti igitur memorati in eadem eremo sie degentes, effluentibus multis annorum curriculae carnis ergastulo sunt educti: idemque locus coepit esse feragam latibulum, qui prius fuerat habitatio sanctorum«.

⁴⁾ Rom., I. c., p. 473.

⁵⁾ См. у Ussher'a, p. 12 (слова будто бы Melkin'a; они приведены и у Skeat'a, p. 70—71) и 16.

этой (т. е. Гластонберійской) легендѣ сообщалось, какъ Иосифъ Арима-вейскій, вышедши изъ Иудейской темницы, былъ чудеснымъ образомъ перенесенъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, на Британскіе острова, жителей которыхъ онъ обратилъ въ христіанство: послѣ болѣе или менѣе пространнаго разсказа объ его чудесахъ, его представляли умершимъ въ Гластонберійскомъ аббатствѣ. Все, что болѣе содержалъ романъ о Св. Гралѣ, должно разсматривать, какъ созданіе романиста, т. е. Вальтера—или Gautier Мар'а¹⁾. Вотъ какія небывальщины о Гластонберійскомъ преданіи измыслилъ P. Paris.

Самъ Маръ заявилъ, что романъ *La Quête du Saint Graal* написанъ по латинскому оригиналу, найденному въ Салисбери²⁾ и содержащему запись разсказаннаго Артуру Bohor'омъ объ „*aventures du Saint—Gaal*“. И когда въ заключеніи романа читаемъ объ этой записи, что „*maistre Gautier le traist à faire son livre dou saint Graal*“, то нельзя, очевидно, приписывать Мар'у намѣреніе утверждать, что въ этой латинской исторіи содержалось и то, что вошло въ первый изъ его романовъ о Гралѣ. Большой романъ о Гралѣ выданъ авторомъ за *перетисъ* исторіи, начертанной рукою Самого Иисуса Христа и открытой свынѣ³⁾, хотя авторъ проговаривается иногда и какъ бы ссылается на современниковъ⁴⁾. Гдѣ хранилась эта исторія, пока не была пущена въ обращеніе подъ названіемъ романа о Гралѣ, Маръ не пояснилъ этого въ романѣ.

Понятно, насколько P. Paris правъ, предполагая⁵⁾, что Маръ пользовался спискомъ Гластонберійской легенды, сообщеннымъ въ Салисбери.

¹⁾ Rom., I. c., p. 470.

²⁾ Мар'у былъ предоставленъ, между проч., и Салисберійскій каноникатъ.

³⁾ Въ началѣ большаго романа о Гралѣ читаемъ: „*Chil qui la hautesche et la signourie de si haute estoire comme est chele du graal met en scrit...*“ „*Li nons de chobai qui cheste estoire met en escrit...*“—Въ 1-й гл. того же романа упоминается „*li sainte escriture du graal*“.

⁴⁾ Напр.: „*Chele kaier estoit de si grant rikeche ke onques nus hom qui le veist ne seut a dire certainete de quoi ele peust estre. Et tout cil qui faisoient les riches esures, dont il le vinrent puis veoir maint, disoient ke en tout le monde n'avoit maniere de si riche pirre dont il n'eust en la kaier. Et che dient encore tout chil ki le voient.*“—Въ романѣ встрѣчаются нерѣдко указанія о сохраненіи тѣхъ или иныхъ намятниковъ до времени романиста.

⁵⁾ Rom., I. c., p. 468.

Но еслибы даже относить и къ роману о Граля¹⁾ ссылку на существовавшую во время Мар'а въ Салисбери латинскую исторію о послѣднихъ судьбахъ Граля, записанную будто бы при дворѣ Артура, то и это немного значило бы. Нѣтъ основаній вѣрить, подобно Paulin'у Paris, въ существованіе тогда въ Салисбери такого разсказа на латинскомъ языкѣ. Эта ссылка²⁾ придумана романистомъ. Латинской *книги Граля* и легенды о немъ въ *томъ* видѣ или въ *близкомъ* въ тому, въ какомъ мы встрѣчаемъ ее у Мар'а, не было до него на свѣтѣ. Она не могла явиться до него, да и не встрѣчается вовсе слѣдовъ такой книги³⁾, между тѣмъ какъ еслибы она существовала до романиста, то была бы извѣстна кому-нибудь и проскользнула бы хоть сколько-нибудь въ исторію, такъ какъ представляла бы чрезвычайный мѣстный интересъ. Въ легендѣ Мар'а нѣтъ и никакихъ признаковъ древности. Изъ сказанному прежде о прологѣ романа о св. Гралѣ добавимъ, что

¹⁾ По словамъ Мар'а, исторія Граля долженствовала объяснить прозвище Пендрагона, которое имѣлъ Утеръ, и—какъ былъ утерянъ елей, которымъ помазывали англійскихъ королей до Пендрагона: «...l'estoire de chest liure lor dira cha en auant tout esclairement pour quoi il fu apieles ensi, et comment ichele unctions fu perdue quant il dut premierement estre courones». Кроме того, въ большомъ романѣ о Гралѣ встрѣчается не разъ упоминаніе, что и онъ переведенъ съ латинскаго: «...come le dit maistres Gautiers Mar, qui traist ce livre dou lattu en romans...»

²⁾ Ее повторяли и другіе. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Кретьенова романа о Персевалѣ говорится:

Dame, por vos s'en a pené
Manesiers tant, qu'il a finé
Selonc l'estoire proprement;
El comencha al saldement
De l'espée sanz contredit;
Tant en a et conté et dit
Si com en Salebières trove,
Si com l'escris temoigne et prove
Que li rois Artus séoit là;
Encor le puent véoir là
Tot séelé en parchemin
Tout chil qui oirrent le chemin.

³⁾ Всѣ упоминавшіе о ней говорили со словъ перваго романиста.

веденный въ прологѣ типъ отшельника принадлежалъ современной Мар'у жизни: анахореты были въ Англии въ XI и XII стол. ¹⁾ Равнымъ образомъ, оказывается бывшею въ ходу во время Мар'а и подробность о врученіи Самимъ І. Христомъ книги о св. Граалѣ автору сказанія о немъ ²⁾. Что это сказаніе—не кельтская легенда, доказатель-

¹⁾ См. напр., въ *Matth. Paris. Hist. Angl.*, ad a. 1110 (p. 214 по изд. 1866), 1154 (p. 300—301), 1170 (p. 352). Вообще отшельники часто фигурируютъ въ бретонскихъ романахъ.

²⁾ Rom., I. c., p. 465—466. — Къ указаніямъ г. Веселовскаго (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 4, ст.: „*Отъиты по исторіи развитія христіанской легенды*“, стр. 362—363) прибавимъ извѣстіе, встрѣченное нами въ англійской хроникѣ подъ 1200 г.: »*Circa dies illos abbas de Flay Eustachius, divino admonitus oraculo, in Anglia publice et eleganter praedicans populo et clero, fructum fecit multiplicem. Perterruit enim non mediocriter quaedam, ut dicebatur, carta demissa de coelo a Deo comminatoria, in terram missa, quam homines praeviderant per tres dies et noctes ex alto in aere dependentem, et corruentes in terram, orabant omnes hoc huic mundo in bonum provenisse pronosticum. Unde descendens in Ierusalem, appensa est super altare sancti Simeonis in Golgotha, ubi Dominus Christus Ihesus crucifigebatur pro salute humani generis universalis.* *Matth. Paris. Hist. Angl.*, vol. II, p. 86—87.—Въ коптской исторіи Іосифа Древодѣла говорилось: »*Narravit Salvator noster omnem vitam ejus Apostolis in monte Oliveto, Apostoli autem scripserunt eam et intulerunt Bibliothecae quae Hierosolymis est* « *Thilo*, Cod. ароср. N. T., XXII—XXIII. — Утверждали, что св. Мамерту (въ V в.) была открыта судьба Пилата. — Объ авторѣ латинскаго оригинала, по которому будто бы написанъ прозаическій романъ о Персевалѣ, изданный Potvin'омъ, сказано, что онъ изложилъ *Haute histoire* »*par l'anoncion de l'angle*» (*Potvin, Perceval le Gallois, prem. partie, Le rom. en prose*, p. 354). Одинъ труверъ XIII стол. также утверждалъ, что ангелъ побудилъ его писать романъ. *A. Dinoux*, *Trouvères de la Flandrie et du Tournaisis*, Paris, Valenciennes 1839, p. 106.—Нѣсколько напоминаетъ прологъ къ роману о св. Граалѣ одно изъ латинскихъ стихотвореній, которыя усвоили Мар'у, именно »*Apocalipsis Goliae episcopi*». *Th. Wright*, *The latin poems commonly attributed to Walter Mapes*, Lond., printed for the Camden Society, MDCCCXLI, p. 1—20. Г. Веселовскій замѣчаетъ о врученной Спасителемъ книгѣ Граля: „То, что говорится объ этой книгѣ, напоминаетъ стиль заговорной формулы“ (Цитир. ст., стр. 362). Мы съ своей стороны укажемъ на то, что рассказывали объ *Epistola Sancti Salvatoris*. См. *The Thornton Romances*. Ed. by *I. O. Halliwell*, Lond., printed for the Camden Society, MDCCCXLIV, p. XXX. Подобныя письма были въ ходу и у насъ. См. Памятники отреченной русской литературы, собр. и изд. *Н. Тихонравовымъ*, т. II (М. 1863), стр. 314—322.

ствомъ можетъ служить, между проч., недавно изданный валлійскій романъ о Граля¹⁾, представляющій переводъ французскихъ романовъ²⁾ безъ существенныхъ измѣненій, которыя указывали бы на обращеніе у кельтовъ самостоятельно созданныхъ легендъ о томъ же предметѣ. Св. Граль не названъ даже *raig* (*рег*)³⁾.

Nucher допускаетъ пользованіе со стороны Мар'а латинской книгой Граля, но только ограничиваетъ содержаніе ея, представляющееся ему не столь сложнымъ, какъ *Paulin'у Paris*. Ниже мы позволимъ себѣ высказать сомнѣніе въ томъ, чтобы Маръ имѣлъ передъ собою и такую латинскую книгу, а пока замѣтимъ, что, во всякомъ случаѣ, схема и идея фавулы Граля въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ее въ большомъ романѣ о Гралѣ, принадлежали единичному вымыслу поэта.

Вникая въ тенденцію романа, можно усмотрѣть, что идея, пронизывающая этотъ памятникъ отъ начала до конца, могла возникнуть, если только это не случилось въ періодъ борьбы національной бриттской церкви съ римскою,—въ правленіе Генриха II.

Мы привели уже мнѣніе Р. Р., по которому Генрихъ II пригласилъ Мар'а взять сюжетъ для романа въ латинской книгѣ Граля не столько для угожденія Гластонберійскимъ монахамъ, сколько для приобрѣтенія новыхъ аргументовъ противъ динарія св. Петра и другихъ претензій римской церкви⁴⁾.

¹⁾ У *Saint Graal*. Originally written about the year 1200. Ed. by the Rev. *Robert Williams*. Lond. 1876. VIII and 776 p.

²⁾ Издатель не указалъ (см. *Preface*, p. IV) оригинала второй части (р. 171—433). По нашему мнѣнію, она—переводъ прозаическаго романа о Персевалѣ, изд. *Rotvin'омъ*. Послѣдній отражаетъ знакомство съ книгою Мар'а и до известной степени—вліяніе ея (см., напр., описаніе обѣдни, которую совершалъ отшельникъ въ капеллѣ св. Августина, р. 13—14). Если приписывать автору романа о Персевалѣ слова (р. 348) о мѣстѣ нахождения латинскаго оригинала, по которому написанъ романъ, то послѣдній должно счесть явившимся на свѣтъ не ранѣе 1189 г., когда въ *Glastonbury* открыли гробы Артура и Жиневры.

³⁾ О появленіи Граля въ залѣ Круглаго Стола говорится (гл. V, р. 10): *»ef adœth ymuwn attunt y mawrvrydic lestir aelwir y greak*. Въ началѣ второй части (р. 171) читаемъ: *»Ef ystorya honn a draetha y wrth y gaswerthuawr lestyr yr hwnn a elwir y greale*.

⁴⁾ *Rom.*, I. c., p. 466.

Такой поводъ въ написанію романа, явившагося несомнѣнно по желанію Генриха ¹⁾, въ высшей степени вѣроятенъ.

Романъ о Гралѣ Мар'а—вовсе не благочестиво поучительная поэма. Черезъ оболочку историческаго повѣствованія, обставленнаго значительнымъ количествомъ постороннихъ эпизодовъ, ясно сквозитъ тенденція показать особность происхожденія всей британской церкви и провести мысль, что основатель ея, Іосифъ Аримаѳейскій, и его сыны получили отличающееся отъ обыкновеннаго освященіе и были возвышены надъ всѣми христіанами, и что, слѣд., іерархія, ведшая отъ нихъ начало по благодати ²⁾, была выше другихъ іерархій. Однимъ словомъ, романистъ желалъ утвердить самостоятельность британской церкви ³⁾.

Сообразно съ этимъ придумано и расположено и все содержаніе повѣствованія.

Британская церковь выводится въ романѣ не изъ Рима, а съ востока. Даже значительная часть простыхъ членовъ этой церкви пришли отсюда. Обстоятельство весьма замѣчательное—что возлѣ Іосифа сгруппировалось цѣлое общество, въ которомъ и мужчины, и женщины. Иногда это общество называется прямо народомъ. Картина странствованій его запечатлѣна библейскимъ колоритомъ. Несеніе Граля и его обстановка напоминаютъ несеніе Скинии Завѣта, странствованіе обру-

¹⁾ Объ этомъ говорится довольно часто въ рукописяхъ Граля. Любовь Генриха II къ поэзии и въ частности интересъ его къ бретонскому циклу извѣстны. *Giraldus Cambrensis* замѣчаетъ въ *Expugnatio Hibernica* (lib. III, praefatio—Opera, ed. by I. F. Dimock, vol. V, p. 402): «...Merlini istius (i. e. Celidonii Silvestri:) expositionem Anglorum regem Henricum secundum sumptore requisisse multoties audieram».

²⁾ Божественный гласъ возвѣстилъ Іосифу: «Cil qui tel ordre auront, des ores en avant le recevront de Iosephe par toutes les terres où je metrai et toi et ta semence».

³⁾ Мимоходомъ у Мар'а прорываются замѣчанія, клонящіяся къ освобожденію свѣтской власти отъ притязаній того же Рима. Изъ стеклянки, изъ которой былъ помазанъ Господомъ Іосефомъ, было взято помазаніе, служившее для освященія христіанскихъ королей Великобританіи до Утеръ-Пендрагона, отца Артура. Въ изображенной Мар'омъ общинѣ духовная власть была весьма скоро отдѣлена отъ свѣтской.

жавшихъ Граль—странствованіе Израильтянъ, Іосифъ—Моисея ¹⁾, исторія съ Моісе—исторію Даэана и Авирона, питаніе спутниковъ Іосифа въ лѣсу—питаніе Израильтянъ въ пустынѣ перепелами и манной. Въ случаѣ бѣдствій, послѣдовавшихъ за Іосифомъ обращались къ нему такъ, какъ Израильтяне обращались къ Моисею, и Іосифъ бесѣдовалъ съ Богомъ подобно Моисею. Іосифъ говорилъ верѣдко по внушенію Бога, который заправлялъ всѣмъ въ судьбахъ общины, если не лично повелѣвая, то возвѣщая приказанія чрезъ ангеловъ ²⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Іосифъ уподобляется Аврааму: какъ послѣднему, такъ и Іосифу Господь обѣщаль даровать землю, въ которой должно было жить его потомство (*lignée*). Въ романѣ сообщается довольно подробно о выходѣ общины изъ восточныхъ странъ ³⁾, и не говорится ничего о связи ея съ какими-нибудь другими церквами; ихъ какъ будто и не было, апостолы игнорируются, и община держится какъ-то одиноко. Какъ и de Vogton, Мар ввелъ въ свой романъ Петра, но у англійскаго романиста послѣдній занимаетъ второстепенное положеніе въ сравненіи съ Іосифомъ. Божественный гласъ возвѣстилъ Іосифу—сыну: „я испыталъ тебя и призналъ болѣе чистымъ и болѣе свободнымъ отъ естественныхъ грѣховъ, чѣмъ возможно представить смертное существо. И

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ Мар'ова романа есть прямое сопоставленіе Іосифа съ Моисеемъ. См. ниже. Интересно, что въ нѣмецкихъ историческихъ бібліяхъ встрѣчается упоминаніе *episcopa* при описаніи одеждъ священнослужителей скиніи. *Ed. Reuss, Die deutsche Historienbibel vor der Erfindung des Bücherdrucks, Jena 1855, S. 35.*

²⁾ Подобныя черты встрѣчаемъ и въ прозаическомъ Персевалѣ, приписываемомъ de Vogton'у. По выходѣ изъ Палестины, Іосифъ отправился съ Израильтянами *въ пустыню* (*Hucher, Le S.-Gaal, I, 407*). *»Et tant que il furent bien, si orent la grâce notre seigneur et qant il furent autrement, si lor defailli«* (*ib., 418*).

³⁾ Изъ Палестины Израильтяне отправились по направленію къ городу Saggas, а оттуда—въ Британію. По словамъ романа, Saggas находился гдѣ—то въ при-евфратскихъ мѣстностяхъ, на разстояніи 11 дней пути отъ Іерусалима, между Вавилономъ и какимъ-то *»Salauandre«*. По этому городу были названы Сарацины. Въ Парцивалѣ Вольфрама встрѣчается Sêres (XIII, 78), о которомъ Bartsch (*Wolfram's v. Eschenb. Parz. u. Tit., III, 188*) пояснилъ: *»Volk in östlichen Asien, Chinesen«*.

такъ какъ я знаю, что ты лучше, чѣмъ ты самъ думаешь—поелику я знаю тебя отрѣшеннымъ отъ алчности, свободнымъ отъ унынія и гордости, чистымъ отъ всякаго коварства, непричастнымъ страстямъ и исполненнымъ цѣломудрія—вслѣдствіе этого я желаю, чтобы ты принялъ изъ моихъ рукъ самый высокій даръ, какой только можетъ смертный имѣть; ты одинъ получишь его изъ моихъ рукъ, и всѣ, которые будутъ имѣть его потомъ, получать изъ твоихъ“. Потомъ Господь сказалъ Іосифу: „я желаю теперь, чтобы ты получилъ обѣщанную тебѣ высшую милость: это—таинство моей плоти и крови, и его увидитъ открыто мой народъ, ибо я желаю, чтобы всѣ могли свидѣтельствовать предъ королями и графами о видѣнномъ помазаніи, совершенномъ мною надъ тобою для поставленія тебя верховнымъ по порядку за мною пастыремъ моихъ новыхъ овецъ, т. е. верховнымъ епископомъ моихъ недавно обратившихся христіанъ. И подобно тому какъ мой вѣрный рабъ Моисей водительствоваля и управляя сынами Израиля въ силу данной ему власти, такъ и ты будешь стражемъ этого моего народа. Ибо они узнаютъ изъ твоихъ устъ, какъ они должны будутъ служить мнѣ, какъ имъ исполнять новый законъ и хранишь вѣру“. Іосифъ былъ торжественно посвященъ во епископа Самимъ Спасителемъ въ сослуженіи ангеловъ¹⁾. Мимоходомъ романистъ замѣчаетъ, что тутъ впервые было употреблено епископское облаченіе и получила начало должность trésorier. Вообще романъ относитъ во времени Іосифа нѣсколько церковныхъ установленій. Всѣ эти подробности, хотя

¹⁾ Мар упомянулъ, что въ городѣ Sarras и въ его время находилось сѣдалище, на которое былъ посаженъ Joseph при первой мессѣ. Можетъ быть, Мар хотѣлъ противопоставить это сѣдалище каедрѣ Ап. Петра, которую показывали въ Римѣ. Что касается описанія мессы, то интересно сличить съ нимъ изображенія, о которыхъ см. у *Didron'a: Manuel d'iconographie chrétienne, Paris, MDCCCXLV, p. XXXVI—XXXVII и 229—231.* Оказывается, что повѣствованіе романа о первой мессѣ—воспроизведеніе иконографическихъ сюжетовъ. Ангелы съ орудіями распятія, являющіеся у Мар'а, нерѣдки въ иконографіи. *Древности, т. IV, стр. 24.* Вообще романы Круглаго Стола могутъ быть удовлетворительно разъяснены только при обстоятельномъ знакомствѣ со всѣми сферами тогдашней жизни и со всѣми отраслями тогдашней культуры.

выступали въ романѣ, должны были, при популярности послѣдняго и при тогдашней легковѣрности, имѣть значеніе въ тотъ вѣкъ.

Изъ сказаннаго видно, насколько легенда о Гралѣ или—правильнѣе—объ Іосифѣ Аримаѣ. проникнута у Мар'а анти-римскими тенденціями.

Сразу можетъ показаться, что для Мар'а было весьма удобно примкнуть къ Гластонберійской легендѣ. Положивъ ее въ основу своего повѣствованія, онъ имѣлъ бы за собою не какую-то никому невѣдомую книгу Граля, а преданіе, которое было признано подлиннымъ даже въ королевской грамотѣ, и не подрывалъ бы авторитета Гластонберійской легенды ¹⁾.

Но, вникнувъ поглубже, нельзя не замѣтить, что для Мар'а было не совсѣмъ невыгодно замѣнить эту легенду тою, которая выставлена имъ самимъ. При развитіи послѣдней, цѣль Мар'а достигалась гораздо лучше. Съ точки зрѣнія Мар'а, для него невозможно было ограничиться временемъ и личностію Іосифа Аримаѣ. и было необходимо продолжить исторію и показать, что и на послѣдующія поколѣнія перешло, благодаря непрерывному существованію основанной въ Британіи церкви, освященіе, дарованное насадителю ея. Мар хотѣлъ представить, что церковь, основанная Іосифомъ и его спутниками, охватила всѣ Британскіе острова. Наконецъ, романистъ желалъ привязать эту фавулу къ Артуру (для чего—увидимъ далѣе). Приступая къ письменному изложенію своего замысла, Мар нашелъ готовую легенду объ Іосифѣ въ Glastonbury, но съ ней не соединились претензіи, какія хотѣлъ связать съ нею Мар. По этой легендѣ, Іосифъ Аримаѣ. окончилъ свои дни на островѣ, данномъ миссіонерамъ царемъ—язычникомъ, не основавши болѣе никакихъ церквей въ Британіи. Гластонберійская легенда не говорила ничего о потомствѣ Іосифа. Понятно, что Мар'у было выгодно обойти представляющую во всемъ этомъ трудность, не перемѣняя *слишкомъ* фавулы объ Іосифѣ, сложившейся въ Glastonbury. Мар отступилъ отъ послѣдней не безъ особеннаго умысла и не изъ небреженія къ интересамъ Glastonbury, какъ думаетъ P. Paris. Мар нашелся весьма ловко. На мѣсто одного Іосифа онъ выставилъ двухъ, отца

¹⁾ Ужъ не ради возстановленія авторитета Glastonbury тамъ объявили потомъ о находженіи гроба Артура?

(Иосифъ Аримаеѣйскій, въ романѣ—Joseph) и сына (Joseph, Josephes)¹⁾, и выдвинулъ рядъ другихъ лицъ. Въ то время какъ сыну Господь ввѣрилъ управленіе душами, отцу его Онъ оставилъ заботу о тѣлесныхъ пуждахъ. На мѣсто Иосифа Аримае. было поставлено лицо, могшее вполне замѣнить его въ іерархическомъ отношеніи по родству съ нимъ, и Иосифъ Арим. незамѣтно ступевывался, не стѣсня болѣе Мар'а своею личностію, что давало романисту просторъ болѣшій того, чѣмъ какой онъ могъ имѣть, руководясь Гластонберійской легендой.

Повторяемъ: будь легенда, изложенная Мар'омъ, выдвинута даже въ общихъ очертаніяхъ какимъ-нибудь патриотомъ—бриттомъ въ оуру борьбы національной галльской церкви съ римскою, или будь проведена какою-нибудь корпорациею до времени Генриха II, она оставила бы, при чрезвычайной смѣлости и оригинальности своего направленія, хоть сколько-нибудь явственныя слѣды своего существованія.

Если приходится усвоить, такимъ образомъ, составленіе легенды, развитой въ романѣ Мар'а, какому-нибудь отдѣльному лицу, жившему въ Англіи при Генрихѣ II, когда тамъ проявилось значительное негодованіе противъ Рима²⁾, то никому нельзя приписать это составленіе съ такою вѣроятностію, какъ Мар'у, считавшемуся переводчикомъ латинской книги Граля, или, какъ называли ее, „halte estoire du Saint—Grael“,—другу Генриха II³⁾ и, слѣд., державшему его сторону въ борьбѣ его съ Римомъ⁴⁾ и притомъ человѣку весьма способному къ паписанію подобнаго произведенія, какъ по своему поэтическому таланту, такъ и по образованію, дополненному, вѣроятно, во время обшир-

¹⁾ Потомъ этого втораго Иосифа приняли и въ Glastonbury. *Usscher*, p. 8—9.

²⁾ См., между проч., въ *Early mysteries and other latin poems of the twelfth and thirteenth centuries*, ed. by *Th. Wright*, Lond. 1838, p. XXIV—XXV. Нѣсколько стихотвореній, направленныхъ противъ Рима, помѣщено Wright'омъ въ „*The latin poems comm. attribut. to Walt. Mapes*“.

³⁾ „Unde cum sequela curiae fuerit et reg's Henrici secundi... (domesti) cus familiaris...“ *Speculum Ecclesiae* -- въ *Latin poems comm. attribut. to W. Mapes*, p. XXXI.

⁴⁾ Маръ вообще не любилъ монашества.

ныхъ путешествій Мар'а ¹⁾, а также—по любви къ легендамъ и завѣ-
тіямъ свѣтскою поэзію ²⁾.

Свидѣтельство рукописей подтверждается, такъ образомъ, посто-
ронними фактами.

Кромѣ тенденціи романа, Мар'у должны были принадлежать,
какъ видно изъ предыдущаго, и схема, и построение разсказа. Другое
дѣло—подробности, отдѣльные эпизоды и части, изъ которыхъ сложены
романы. Въ настоящее время уже не сомнѣваются въ сшивкѣ его изъ
отдѣльныхъ фабулъ. И въ самомъ дѣлѣ, не все въ романѣ Мар'а—
плодъ личнаго творчества, и если многое явилось впервые подъ перомъ
Мар'а, то не меньше получено имъ готовыхъ подробностей ³⁾.

¹⁾ *Wright*, Biogr. Brit. lit., Anglo-Norman reg., p. 298.—Большой романъ
о Гральѣ обличаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ св. писаніемъ, въ
своеобразныя толкованія котораго онъ иногда пускается,—знакомство, далѣе,
съ церковнымъ ритуаломъ и тогдашними богословскими доктринами и боль-
шую начитанность помимо того. Автора сильно занимали различныя догма-
тическія трудности, напр., единство Божества при триничности въ лицахъ,
непорочное зачатіе, пресуществленіе, и онъ старался наглядно объяснить
ихъ. Вдается онъ также въ объясненіе подробностей богослуженія. Клирика
обличаютъ встрѣчающіяся въ романѣ молитвы. Иногда авторъ принимается
за опроверженіе мѣстныхъ, считаемыхъ имъ ложными, напр.—относительно
происхожденія Сарацинъ.

²⁾ Прямое указаніе на занятія Мар'а свѣтскою литературою находимъ
въ *Symbolum Electorum Giraldi Cambrensis* (Opera, vol. I, p. 271—289). См.
также въ ст. Paulin'a Paris: Rom., l. c., p. 471—472.

³⁾ Къ общераспространеннымъ мотивамъ относится подробность о ди-
комъ звѣрѣ, пожиравшемъ людей. Находятъ, далѣе, въ романѣ о Гральѣ
черты, встрѣчающіяся въ разсказахъ „Тысячи и одной ночи“. Къ античнымъ
сюжетамъ принадлежатъ эпизоды о разбойникѣ Focart'ѣ и Иппократѣ. О
последнемъ см. у *Leroux de Lincy*: Essai historique et littéraire sur l'abbaye
de Fécamp, Rouen MDCCLXII, p. 128—129, и въ *Early English Prose Romances*,
ed. by W. I. Thoms, sec. edit., vol. II (Lond. 1858), p. 11—12. Латинская
басня напечатана *Th. Wright* охъ въ *A selection of latin stories*, Lond. MDCCLXII,
p. 74 (cf. p. 232), а *Le lay d'Aristote* въ собраніяхъ *Fabliaux*. Изображеніе
любвицы Александра Македонскаго, вѣдущей на Аристотелѣ, взызданномъ
подобно коню, нашло себѣ мѣсто даже въ церковныхъ рельефахъ на западѣ.
Подъ птицей *Serpelion* охъ должно разумѣть феникса; на это указалъ *Grässe*

Къ послѣднимъ должно причислить главную изъ отдѣльныхъ исторій,—исторію Іосифа Аримаѳейскаго, отдѣльность которой отъ прочаго содержанія романа несомнѣнна.

По мнѣнію Nucher, тѣмъ же источникомъ, что и Мар, пользовался въ изложеніи исторіи Граля и de Vogron.

По мнѣнію Paulin'a Paris, Гластонберійская легенда получила начало во Франціи, латинское сказаніе о Гралѣ было передѣлкою легенды Moienmoutier¹⁾, и подтвержденіе этого Р. Р. готовъ видѣть въ поэмѣ того же de Vogron'a, изложившаго легенду о Гралѣ одновременно съ Мар'омъ и, по взгляду Р. Р., независимо отъ него.

Во всякомъ случаѣ, замѣчается совпаденіе во многомъ между повѣствованіями Мар'a и de Vogron'a, и, такимъ образомъ, вопросъ объ источникѣ сказанія Мар'a о Гралѣ приводится въ связь съ вопросомъ объ источникѣ, изъ котораго черпалъ de Vogron.

Поэма de Vogron'a можетъ, дѣйствительно, навести на интересныя соображенія объ источникѣ произведенія Мар'a и вообще сказанія о Гралѣ, но только этотъ источникъ представляется намъ не такимъ, какимъ воображаетъ его Р. Р.

Французскій ученый обращаетъ вниманіе на то, что въ XIII стол., „въ эпоху наибольшей славы романовъ Круглаго Стола, въ Вогезахъ не забыли, что тѣло Іосифа пребывало довольно долго въ Moienmoutier, что оно было принесено туда съ востока и было похищено оттуда чужеземными монахами“²⁾.

Слѣды *только такого* преданія и встрѣчаются тамъ, и хроника, сказавшая о пребываніи нѣкогда въ Moienmoutier мощей Іосифа Аримаѳейскаго, не коснулась ни словомъ легенды этого святаго и не упо-

(Beiträge zur Literatur und Sage des Mittelalters, Dresden 1850, S. 76). Вошли въ романъ Мар'a апокрифы и, наконецъ, нѣкоторыя подробности взяты изъ области легендъ. Видѣніе, въ которомъ представлялся распятый на крестѣ Спаситель, имѣло мѣсто во время перваго крестоваго похода, по рассказамъ историковъ этого похода. См. въ Raimondi de Agiles Historia Iherusal.: *Gesta Dei per Francos*, Nanoviae, MDCXI, p. 165—166. О Бѣломъ Рыцарѣ см. у Skeat'a, l. c., p. 64. Вообще замѣчаніе Мар'a объ исторіи Граля, что она *est extrais de toutes les ystoires*, вполне приложимо къ его роману.

¹⁾ Rom., l. c., p. 465.

²⁾ Rom., l. c., 458.

мянула о принесеніи на западъ съ мощами Іосифа или прежде того пресловутой чаши или другой подобной реликвиі.

Преданіе о мощахъ Іосифа и легенда о Гралѣ—не одно и тоже. А между тѣмъ Р. Paris старается установить на основаніи перваго, что въ Moienmoutier была извѣстна и послѣдняя.

По мнѣнію французскаго ученаго, Robert de Borron въ поэмѣ объ Іосифѣ Аримаѣ. „слѣдоваль преданію, сохранившемуся въ Вогезахъ“¹⁾. Онъ „переложилъ въ стихи эту легенду въ то самое время, какъ началъ распространяться слухъ о книгѣ св. Граля, написанной полатыни и только что переданной во французской прозѣ „великими клерками“. И его поэма, если повѣримъ въ томъ автору, имѣла первенство предъ прозаическимъ романомъ“²⁾.

Р. Paris какъ бы полагаетъ, что легенда о Гралѣ начала развиваться съ прибытіемъ мощей Іосифа Аримаѣ. на западѣ: „клерикальное воображеніе, которому уже былъ поданъ намекъ цитированными мною текстами (разумѣются евангеліе Никодима и Vindicta Salvatoris), не могло оставаться бездѣятельнымъ. Не слѣдуетъ забывать, что то было въ вѣкъ Гильдуина, знаменитаго аббата С.-Дени,—въ то время, когда толковали о прибытіи во Францію и Ареопагита, и дитяти, явившагося на горѣ съ тремя рыбами и пятью хлѣбами, и воскрешеннаго Лазаря и Магдалины, неразлучной съ сосудомъ благовоній. Если Іосифъ закрылъ по свидѣтельству евангелія язвы Спасителя, то не могли сомнѣваться въ собраніи и сохраненіи крови, которою было обагрено тѣло Христово; и не была ли это драгоцѣннѣйшая изъ реликвій“³⁾

Все это—предположенія безъ фактической основы: ничто не уполномочиваетъ думать, что начало легенды о Гралѣ — непременно въ Moienmoutier⁴⁾. Фортунату, какъ скоро нигдѣ еще не было реликвиі

¹⁾ Ibid. p. 480. Существованіе такого преданія готовъ допустить и Nucher.

²⁾ Ib., 481.

³⁾ Ib., 461.

⁴⁾ Р. Р. думаетъ, что уже во время пребыванія мощей Іосифа Аримаѣ. въ Moienmoutier составила фабула о собраніи крови Христовой въ знаменитую чашу. Сказавши объ образованіи этой фабулы, Р. Р. говоритъ: *«La légende s'était ainsi développée, quand la châsse qui contenait les os de Ioseph d'Arimathie fut, comme on a vu plus haut, enlevée de Moienmoutier par des moines étrangers»*. Rom., I. c., p. 462.

Граля и его исканія и какъ скоро на востокъ не обращалась еще въ то время легенда о Гралѣ, не было особенной надобности выдумывать какую-нибудь легенду; достаточно было того, что говорилось объ Іосифѣ въ евангеліяхъ и неканонической письменности первыхъ вѣковъ: мощи Іосифа почерпали достаточно важности и изъ евангельскаго разсказа. Если, несмотря на всеобщую извѣстность послѣдняго, Фортунатъ напелъ нужнымъ, вручая мощи, сообщить и легенду объ Іосифѣ, то онъ могъ ограничиться повтореніемъ разсказа, пайденаго въ каноническихъ евангеліяхъ и въ евангеліи Никодима ¹⁾. Въ Никодимовомъ евангеліи и въ *Vindicta Salvatoris* жизнь Іосифа доведена до разрушенія Іерусалима, и не было особеннаго повода къ продолженію и дальнѣйшему развитію легенды, кромѣ развѣ неизвѣстности изъ этихъ памятниковъ судьбы Іосифа послѣ разрушенія Іерусалима. Но и эта неизвѣстность разрѣшалась нѣкоторымъ образомъ пахожденіемъ мощей Іосифа въ Палестинѣ. Это послѣднее обстоятельство могло препятствовать разширенію легенды Іосифа въ *Moienmoutier* въ смыслѣ прибавки къ ней сказанія о миссіонерскихъ подвигахъ Армаоейскаго праведника на западѣ. Точно также, если полагали, что самъ Іосифъ окончилъ жизнь на востокѣ, то что могло заставить думать и толковать, что, несмотря на то, онъ отправилъ на западъ драгоценную реликвию? ²⁾ Легенда о посылкѣ ея туда могла составиться только съ появленіемъ на западѣ реликвій крови Христовой и съ исчезновеніемъ мощей Іосифа Армаоейскаго.

Но еслибы даже въ *Moienmoutier* развилась подробная легенда объ Іосифѣ Армаоейскомъ, въ которой говорилось бы о собраніи имъ крови, то, съ похищеніемъ мощей, она возбуждала бы тамъ менѣе интереса, терялась бы постепенно изъ памяти ³⁾ и сдвали бы додержалась до XII-го стол., какъ скоро въ монастырѣ не было на лицо са-

¹⁾ Повѣствованіе Никодимова евангелія было извѣстно во Франціи съ давней поры. У *Григорія Турскаго* встрѣчается разсказъ объ Іосифѣ, представляющій видоизмѣненіе разсказа этого апокрифа (*Historia Francorum*, lib. I, cap. XX: *Patrol. curs. compl.*, t. LXXI, 1849, col. 171—172).

²⁾ Р. Paris думаетъ (*Rom.*, I, с., 480—491), что уже въ *Moienmoutier* была приписана Іосифу посылка на западъ родственниковъ и друзей „для распространенія тамъ сѣмянъ новой вѣры“.

³⁾ Нѣтъ основаній думать, что она была записана.

михъ мощей, а еслибы и додержалась, то все-таки для de Borron'a не было бы повода познакомиться съ этимъ преданіемъ, касавшимся исключительно исторіи монастыря Moienmoutier, и изложить это преданіе въ цѣлой поэмѣ.

Ясно, что нѣтъ прочныхъ доказательствъ заимствованія de Borron'омъ легенды о чапѣ изъ Moienmoutier, и нечего толковать о Вогезскомъ преданіи.

Nucher принимаетъ иной источникъ для de Borron'ова произведенія. Раздѣляя мнѣніе Р. Р. относительно популярности легенды Іосифа Аримаѣ. въ Лотарингіи, допуская, что мощи его были украдены глостонберійскими монахами, и говоря, что открытіе Р. Р. объясняетъ двойное развитіе легенды,—сначала въ Англии, а потомъ въ Montbéliard'ѣ, Nucher полагаетъ при всемъ томъ, что „Robert de Borron долженъ былъ принести канву своего романа изъ за-моря“.

Предварительно повѣрки этого предположенія, коснемся текстовъ, въ которыхъ дошло до насъ произведеніе de Borron'a, такъ какъ классификація ихъ играетъ большую роль въ комбинаціяхъ Nucher и не безъ значенія для рѣшенія нашей задачи. Безъ разсмотрѣнія вопроса о текстахъ поэмы объ Іосифѣ Аримаѣ. не были бы вполне ясны и обоснованы наши заключенія о ней.

Произведеніе de Borron'a сохранилось въ двухъ изложеніяхъ, прозаическомъ и стихотворномъ, при чемъ послѣднее имѣется въ одномъ лишь спискѣ и то—неполномъ. Затрудненіе увеличивается тѣмъ, что нѣтъ ни одного манускрипта поэмы, который былъ бы древнѣе половины XIII стол., и крайнее разстояніе между рукописями по времени написанія ихъ—лѣтъ 50.

Французскіе ученые, занимавшіеся въ послѣднее время романомъ о Гралѣ, пришли къ совершенно противоположнымъ выводамъ объ этихъ текстахъ.

Р. Paris, которому были извѣстны важнѣйшіе тексты, принятые въ соображеніе Nucher¹⁾, полагаетъ, что подлинный или ближайшій къ подлинному текстъ de Borron'ова произведенія должно видѣть въ римовапномъ изложеніи²⁾, Nucher же открываетъ такой текстъ въ прозаической передачѣ и думаетъ, что поэма объ Іосифѣ Аримаѣ. въ

¹⁾ *P. Paris, Les rom. de la T. R., I, 117.*

²⁾ *Ibid., 116—119.*

истахъ—болѣе поздняя передѣлка первоначальнаго произведенія de Borron'a, относящаяся къ концу XIII или къ началу XIV стол. 1).

По нашему мнѣнiю, не могутъ быть названы вполне рѣшающими дѣло ни замѣчанiя Paulin'a Paris о текстахъ, ни замѣчанiя Hucher.

Правда, возраженiя Hucher противъ отзыва Paulin'a Paris о прозаическихъ текстахъ довольно слабы 2), но, съ другой стороны, принявъ наступательное положенiе и Hucher по отношенiю къ рѣшанному тексту. Въ книгѣ его находимъ цѣлый рядъ сопоставленiй прозаическаго изложенiя съ рѣшанымъ, при чемъ Hucher постоянно старается показать, что текстъ стиховъ „ниже“ трехъ прозаическихъ текстовъ „въ отношенiи логики, точности и языка“ 3).

1) Тоже говорили и ранѣе Hucher, напр. *Moland* въ *Orig. litt. de la France*.

2) На замѣчанiе P. P. по поводу названiя Gautier—*conte de Montbéliard* въ *Ms. de la Bibl. Nat. Cangé 4, № 748 nouveau, 7170³ ancien* (Hucher обозначаетъ этотъ MS. буквой С, въ чемъ мы послѣдуемъ ему), что Gautier никогда не владѣлъ графствомъ Montbéliard, Hucher возражаетъ, что Gautier, родившiйся въ Montbéliard'ѣ и бывший коннетаблемъ iерусалимскаго короля (какъ это послѣднее важно въ данномъ случаѣ!), могъ имѣть право на подобный титулъ, по взгляду de Borron'a или позднѣйшихъ переписчиковъ. Въ соответствующемъ мѣстѣ *Ms. de l' Arsenal № 225 (Ms A)* нѣтъ слова *«conte»*, но Hucher относитъ это отсутствiе къ сокращенiямъ, постоянно допускаемымъ рукописью A. Ms. А однако едвали бы выбросилъ слово *«conte»*, еслибы оно было въ его оригиналѣ, и *«conte» Ms. C.* должно считать вставкою, какъ и слова о de Borron'ѣ: *«où sui servisse il estoit»*, тоже находящiяся въ одномъ спискѣ С. и кажущiяся Hucher столь интересными. Какъ бы то ни было, преимущество въ данномъ случаѣ на сторонѣ рѣшаннаго текста. О Gautier de Montbéliard есть статья въ *Revue d'Alsace* (Juillet-Août-Septembre 1875).—Шатко опроверженiе у Hucher и другихъ замѣчанiй P. Paris о прозаическихъ текстахъ. Hucher пытается защитить (*Le S.-Gaal, I, p. 87*) автора прозаическаго текста отъ обвиненiя по поводу отнесенiя слова *despit* къ названiю креста. Чтò ни говорить, а на основанiи употребленiя этого слова въ качествѣ синонима поруганiя на крестѣ и отсюда—самаго креста еще нельзя было бы сказать, что *Judei называли крестъ despit: «la croix que il arcloient despit»* (Hucher, *Le S.-Gaal, I, 217*). Въ *Ms. D., Н.* и *Mans'скомъ* нѣтъ этой фразы. Очевидно, что она принадлежитъ къ вставкамъ, которыя такъ немалочисленны въ *Ms. C.* и споръ изъ-за нея для оцѣнки вообще прозаическихъ текстовъ неумѣстенъ.

3) *Le S.-Gaal, I, 81—82.*

Методъ, приложенный Hucher въ критикѣ текстовъ, не можетъ привести къ вѣрнымъ результатамъ.

Очевидно, что въ одномъ случаѣ могъ выразиться лучше прозаикъ, а въ другомъ стихотворецъ, что и видимъ ¹⁾, и по достоинствамъ и недостаткамъ изложенія нельзя судить, кто писалъ рапѣ. Поэтому мы не станемъ касаться указаній Hucher на неудачныя выраженія трувера. Не должно забывать также, что проза даетъ болѣе простора опредѣленности выраженій, и неудобопонятность, и темнота стихотворнаго текста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ²⁾ не говорятъ противъ него сами по себѣ: онѣ обуславливались римою. Не имѣетъ значенія и указаніе на ходъ разсказа въ обѣихъ редакціяхъ: о средневѣковыхъ произведеніяхъ нельзя судить съ точки зрѣнія современной тщательности въ отдѣлкѣ литературныхъ произведеній. Равнымъ образомъ, не слѣдуетъ относить къ позднѣйшему времени римованный текстъ на основаніи сравнительно не столь стараго языка его. Самъ Hucher признаетъ, что и въ римованномъ текстѣ сохранилось немало старыхъ словъ и оборотовъ. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что труверъ перепосилъ устарѣвшія слова въ свое произведеніе, какъ скоро они приспособлялись къ ритму и римѣ ³⁾. Hucher относитъ иногда къ архаизмамъ то, что едвали можетъ быть безусловно отнесено къ нимъ. Такъ, можно спросить, почему выраженіе „ont mordrit“ (murtri) древнѣе „ont pendu“?

¹⁾ Такъ, напр., въ римованной версіи читаемъ (v. 433—438):

Li luis le veissel tenoit
 Qu'en l'ostel Simon pris avoit,
 Vint à Pilate et li donna;
 Et Pilates en sauf mis l'a.
 Dusqu'à tant que conté li fu
 Qu'il avoient deffoit Ihesu.

Въ прозаической редакціи это передано не совсѣмъ удачно: »Et icil juis qui avoit lou vaissel pris, que je vos ai dit, en chiés S. mon, vint à Pilates et si li donna et qant Pilates lou tint, si l'estoia tant que noveles furent venues que li juif avoient mort Ihesu (Hucher, Le S.-Gaal, I, 216).

²⁾ Hucher относитъ иногда къ неясностямъ то, что не можетъ быть причислено къ нимъ. См., напр., замѣчаніе его касательно ст. 2524—26 римованнаго текста, смыслъ которыхъ ясенъ послѣ сказаннаго передъ тѣмъ въ поэмѣ.

³⁾ Hucher, Le S.-Gaal, I, 104.

Hucher считаетъ форму „Biauliant“ болѣе древнею, чѣмъ „Bethléem“ ¹⁾. Само собою разумѣется, что, чѣмъ ближе были авторъ и переписчикъ къ библейскому тексту, тѣмъ правльнѣе должны были писать это слово ²⁾. Одно *t* въ названіи Рима употребляли не только въ болѣе древній періодъ, и „Rome“ встрѣчаемъ въ Ms. Didot (D), датированномъ 1301 г. Hucher считаетъ дошедшій до насъ списокъ стихотворнаго текста оригинальною рукописью потому, что въ немъ встрѣчаются помарки ³⁾. Но онѣ могли произойти вслѣдствіе описокъ и ошибокъ переписчика, которыя потомъ были имъ же исправлены ⁴⁾. Не должно упускать изъ виду немалое количество описокъ, которыми текстъ обязанъ, очевидно, переписчику ⁵⁾; нѣкоторыя ошибки отмѣчены Michel'емъ въ печатномъ изданіи риёмованнаго текста. Hucher обращаетъ вниманіе на то, что въ рукописи поэма помѣщена вслѣдъ за *L'image du monde*,—произведеніемъ, написаннымъ не ранѣе 1248 г. Это не имѣетъ значенія, между проч.—въ виду того, что языкъ поэмы объ Іосифѣ Аримаѣ. отличенъ отъ языка *L'image du monde*.

Гораздо важнѣе указаніе Hucher на несообразности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стихотворнаго текста, и мы полагаемъ, что на эту сторону должно обратить преимущественное вниманіе при сличеніи занимающихъ насъ текстовъ для рѣшенія вопроса объ относительной ихъ цѣнности въ отношеніи болѣе или менѣе точнаго воспроизведенія первоначальнаго содержанія произведенія de Borron'a. Мы далеко не имѣемъ

¹⁾ Ibid., 82—83.

²⁾ Въ прованс. Girart de Rossillo есть форма Besleen.

³⁾ Hucher, Le S.-Gaal, I, 73.

⁴⁾ Въ ст. 686 авторъ едва ли бы сказалъ сначала *commandées* (см. у Hucher, I. c., p. 372). Въ нѣкотор. случаяхъ (напр., относительно ст. 1380) можно сказать, что поправка состояла въ *возстановленіи* словъ оригинальной рукописи. Затрудненіе представляетъ ст. 2066, но исторія рукописей показываетъ, что передѣлывались цѣлые стихи не авторами только.

⁵⁾ Въ риёмованномъ текстѣ Іосифу вложено въ уста слѣдующее обращеніе къ Спасителю (v. 2450—51):

Toutes les foiz que je vougroie
Secrez de vous....

Secrez поставлено ошибочно вмѣсто стоящаго въ прозаич. текстѣ *secors* (Hucher, I. c., p. 252).

страннаго притязанія Hucher „усмотрѣть мысль и выраженіе автора“¹⁾ во всѣхъ случаяхъ; мы думаемъ, что первое возможно только тамъ, гдѣ въ одномъ или нѣсколькихъ вариантахъ очевидно искаженіе съ точки зрѣнія композиціи всего произведенія, и что должно оставить въ сторонѣ критику не согласующихся передачъ, рѣшительный выборъ между которыми невозможенъ²⁾.

Произведя сличеніе текстовъ въ такомъ направленіи, мы нашли, что Hucher отпосится не безпристрастно къ дѣлу. Перечислять всѣ факты было бы утомительно, и въ подтвержденіе нашихъ замѣчаній мы будемъ приводить только по нѣскольку ихъ.

Прежде всего, напрасно Hucher набрасываетъ много гѣни на рюмованный текстъ.

¹⁾ P. 73.

²⁾ Такъ, въ рюмованномъ текстѣ читаемъ (v. 319—326):

Et ce jeudi chiés Symon
 Estoit l'hosus, dans sa meison,
 Où ses deciples enseignoit
 Les esemples et leur disoit:
 »Ne vous doi pas trestout retraire;
 Meis de ce ne me weil-je teire
 Que cius menjut o moi et boit
 Qui mon cors à mort trahir doit«.

Въ прозаической же редакціи говорится: »...fu nostres sires chiés Symon lou liépreux, et parla à ses déciples, et lor mostra essamples *que je ne puis ne ne doi toz retraire: que il dist que avoc lui menjoit et bevoit qui lou traitroit*« (Hucher, Le S.-Graal, I, 213—214).

Понятно, что за которою-нибудь изъ сторонъ должно быть признано непониманіе первоначальнаго текста, вслѣдствіе чего отмѣченныя нами курсивомъ слова являются въ одной редакціи въ устахъ Спасителя, а въ другой оказываются исходящими отъ автора поэмы. Которая редакція воспроизвела правильнѣе оригинальную рукопись? Въ рюмованномъ текстѣ рѣчь плавнѣе; вариантъ его предпочтителнѣе еще потому, что занимающія насъ слова являются естественнымъ приступомъ къ рѣчи Спасителя о предательствѣ; но все-таки нѣтъ достаточныхъ основаній отдать рюмованному тексту рѣшительное предпочтеніе въ этомъ случаѣ.

Нерѣдко онъ впадаетъ въ излишнюю придирчивость къ нему ¹⁾.— Nucher указываетъ на „многословіе“ трувера, ссылаясь на стихи о Пресв. Дѣвѣ и объ Іоакимѣ (ст. 35—80), и называетъ рѣмованную версію „болтливой“. P. Paris думаетъ, что листокъ о Богородицѣ былъ

¹⁾ Ст. 361—362, говорящія о »menistres de sainte Eglise«:

*Par leur pechiez ordoierunt
Et les pecheurs laverunt,*

Nucher желаетъ причислить, повидному, къ нечѣпостямъ и не находить въ нихъ смысла. Онъ замѣчаетъ (Le S.-Grael, I, 84—85): „какъ допустить, что І. Христосъ могъ думать о загрязненіи грѣшниковъ грѣхами церковныхъ правителей для очищенія первыхъ отъ ихъ проступковъ“? Но приведенные стихи должно понимать не въ причинной связи, они выражаютъ два одновременныя дѣйствія, и смыслъ ихъ вполне ясенъ, если разсматривать эти стихи въ ряду предшествующихъ имъ. Что касается предлога *par*, на который ударяетъ Nucher и вмѣсто котораго онъ желалъ бы видѣть *en*, то мы позволяемъ себѣ думать, что труверъ былъ правъ, употребивши первый предлогъ, какъ скоро относилъ »leur pechiez« къ »ordoierunt« и не связывалъ съ »laverunt«.—Nucher указываетъ (р. 94) на то, что въ ст. 1221 рѣмованнаго текста говорится объ отправленіи императоромъ въ Палестину *одного* посланника, а по 1235 ст. ихъ было нѣсколько. Но очевидно, что труверъ сразу разумѣлъ не одно лицо, потому что вслѣдъ за стихами:

*L'empereres y envoia
Le plus sage homme qu'il trouva*

читаемъ:

*Qu'il voloit la chose savoir
Et enquerre trestout le voir;
Et si leur mande à la parole...*

Предъ цитированнымъ Nucher стихомъ также говорится не объ одномъ, а о нѣсколькихъ посланникахъ (см. ст. 1211—1220). Ясно, что въ ст. 1221 должно признать опіску. Впрочемъ, по орфографіи нашего памятника, въ немъ нерѣдко встрѣчаются какъ бы въ единственномъ числѣ предметы при глаголахъ во множ. ч.—Иногда Nucher поставляетъ въ вину труверу то, за что послѣдній не должно бы винить. Въ одномъ мѣстѣ прозаическихъ текстовъ стоитъ: »Et cil qui fist cest livre dist...« Въ соотвѣтствующемъ ст. рѣмованнаго изложенія читаемъ: »Meistres Robers dist de Bouron...« Nucher говоритъ (р. 122), что это „точное упоминаніе принадлежитъ измышленію

вставленъ въ поэму по ошибкѣ¹⁾, но могли внести его и умы-
шленно. Вставка произошла, вѣроятно, послѣ написанія поэмы²⁾, въ
которой есть и другія интерполяціи³⁾. Впрочемъ, событія библейской
исторіи передаются въ риемованномъ текстѣ вообще подробнѣе, нежели
въ прозаическихъ⁴⁾. Есть однако, съ другой стороны, и въ послѣднихъ
пунеты, въ которыхъ рассказъ обстоятельнѣе, чѣмъ въ стихахъ, и пред-
ставляетъ развитіе сказаннаго въ стихахъ сжато.

Hucher часто считаетъ принадлежавшимъ подлинному тексту

трувера; и въ самомъ дѣлѣ, оно было довольно бесполезно". Но неужели
авторъ не могъ опредѣленно назвать себя, и что за измышленіе въ этомъ
названіи?—Hucher обращаетъ вниманіе (р. 97) на *Veremathie* риемованнаго
текста и говоритъ, что это слово образовалось изъ *Varimathie Ms. C*; но въ
риемованномъ изложеніи встрѣчается и правильная форма *d'Arumathye*
(v. 269 и др.) Hucher указываетъ на *Hébron* и *Hébruns* (р. 108); но эти
видоизмѣненія имени *Bron* употреблены повидимому, тамъ, гдѣ того требо-
вало благозвучіе (см. ст. 3235—3237).

¹⁾ *Les rom. de la T. R.*, I, 116.

²⁾ Послѣ стиховъ, которые мы считаемъ вставленными, рассказъ начи-
нается такъ (v. 81):

Le puerle que il feit avoit.

И этого стиха не имѣетъ соответствующаго предмета въ предыдущихъ
стихахъ. Въ ряду послѣднихъ, можетъ быть, есть имѣвшіе мѣсто въ пер-
воначальномъ текстѣ. Такъ, ст.: *»Fille Dieu est, si est sa mere«* напоминаетъ
слова прозаическаго текста: *»li plot que il feïst de sa fille, mère«* (*Le S.-Gaal*,
publié par Hucher. I, 210). Уподобленіе, примѣняемое къ Богородицѣ въ
указанной вставкѣ, было обычно. Въ одной рукописи XIII стол. читается
(*Biblioth. de l'école des chartes*, XXXVI (1875), p. 141):

*Ave, rosa vernans flore,
Virgo pregnans celi gore* и т. д.

³⁾ Ст. 267—268:

*Qui evesques fu de leur loi
Et preudons fu, si com je croi*

вставлены неловко послѣ упоминанія объ Іудѣ и представляютъ, по риемѣ,
отдѣльный дистихъ.

⁴⁾ Риемованный текстъ распространяется, напр., объ Адамѣ (vv. 109—
130), о Магдалинѣ (vv. 235—253). См. также ст. 893—900.

de Vogron'ова произведенія мелкія черты въ прозаическомъ изложеніи, не встрѣчающіяся въ рифмованномъ, которыя нѣтъ прочныхъ основаній считать такими. Непоясненіе, напримѣръ, о table Іосифа, что этотъ столъ (table) былъ carrée, ведетъ, по мнѣнію Nucher ¹⁾, къ неполнотѣ и неясности стиха, потому что выраженіе *carrée* отличаетъ столъ Іосифа отъ стола, устроеннаго Мерлиномъ. Но не есть ли оно позднѣйшая вставка на основаніи романа Мар'а, который говоритъ о table carrée? Въ стихотворномъ текстѣ нѣтъ упоминаній о Мерлиновомъ столѣ. Nucher поставяетъ это въ вину автору стиховъ ²⁾, по нашему же мнѣнію это не составляетъ признака позднѣйшей композиціи. Nucher замѣчаетъ о нѣкоторыхъ фразахъ, встрѣчающихся только въ прозаической редакціи, что онѣ важны и (потому) должны были находиться въ первоначальномъ текстѣ ³⁾. Но неужели то, чтò подходитъ къ дѣлу, не могло быть вставлено позже?

Nucher указываетъ какъ на нововведенія въ подлинный текстъ, допущенныя авторомъ рифмованнаго текста, на такія фразы, которыя встрѣчаются и въ манускриптахъ, считаемыхъ имъ близкими въ подлиннику. Тутъ ярко выступаетъ тенденціозность или же неосмотрительность Nucher ⁴⁾.

¹⁾ Le S.-Grael, I, 109.

²⁾ Ibid, 109 и 115.

³⁾ См. напр., стр. 97.

⁴⁾ Такъ, напр., пророчество о Галаадѣ есть и въ Ms. C (см. стр. 262). Замѣтимъ, что, какъ въ рифмованномъ, такъ и въ прозаическихъ текстахъ говорится однажды, что пустое мѣсто у стола долженъ былъ занять *le Brog* (потомъ упоминается сынъ Бронова сына). Самъ Nucher указываетъ въ одномъ мѣстѣ Ms. C (р. 268) намекъ на Ланселота или Галаада. Упоминаніе о Галаадѣ не должно приписывать непременно позднѣйшему времени: судьба Моисея предуказана уже въ концѣ большаго романа о Граалѣ. Не содержатъ ли и прозаическіе тексты, предполагающіе отдѣльный эпизодъ о Моисеѣ (см. у Nucher стр. 127), намека объ отысканіи его? Кромѣ того, de Vogron могъ познакомиться съ романомъ *La Quête du Saint Graal*, а написаніе имъ Персеваля не доказано. Что касается помѣщенія Моисея Мар'омъ въ пламени, то не находится ли оно въ связи съ изображеніями библейскаго Моисея у горящей купины? Объ этихъ изображеніяхъ см. въ ст. г. Виноградскаго: „Миніатюры Ватиканской библейской рукописи XII вѣка“, помѣщ. въ „Сборн. на 1873 годъ, изд. Обществомъ древне-русскаго искусства“

Hucher отмѣчаетъ случаи, когда риёмованный текстъ стоитъ совѣмъ особнякомъ отъ прозаическихъ ¹⁾). По взгляду Hucher, такая особность была бы невозможна, еслибы первый предшествовалъ послѣд-

(стр. 148). — Одно изъ подтвержденій переложенія труверомъ de Volton'ова произведенія въ стихи съ позднѣйшаго прозаическаго текста Hucher видитъ въ томъ, что, по риёмованному изложенію, какъ и по тексту Ms. D, темница, въ которую былъ заключенъ Іосифъ, должна была оставаться безъ свѣта, а между тѣмъ Веспасіанъ спустившись увидѣлъ тамъ свѣтъ. По мнѣнію Hucher, въ словахъ о тѣмъ должно признать *lapsus calami*, который труверъ повторилъ вслѣдъ за переписчикомъ позднѣйшаго прозаическаго текста. Но и въ Ms. C: передъ приведенными Hucher словами: »A cele hore que tu en seras gitez et jusqu'alors te durra cette clarté que tu as otes«²⁾ стоять: »ainz remandras en itel prison et einsino obscure comme ele estoit quant tu i fas mis«³⁾ (Le S.-Graal, publié par Hucher, I, 227). Ясно, насколько можно довѣрять аргументаціи Hucher. Очевидно, что слова Ms. C., выдвигаемыя Hucher противъ риёмованнаго текста, находящіяся въ одномъ этомъ манускриптѣ и противорѣчащія сказанному передъ тѣмъ, вставлены позже. Они явились, можетъ быть, на основаніи словъ романа Мар'а, что »la clartes ke ihesus cris i aporta quant il li arragut, ne estoit onques puis falie«. Весьма вѣроятно, что въ первоначальномъ текстѣ стояли слова, въ которыхъ Hucher открываетъ ошибку. Темница Іосифа оставалась безъ свѣта; послѣдній былъ замѣченъ Веспасіаномъ не сразу и *ne повсюду*:

Et quant il avalez fu là,
De cà et de là regarda.
En un clotest esgarde et voit
Une clarté qui là estoit:
La corde treire commanda
Amont et ou clotest ala

(vv. 2029—2034).

И по прозаическимъ текстамъ, Веспасіанъ увидѣлъ свѣтъ лишь въ тайникѣ—*»dans un requoi«*. — Еслибы *lapsus*, о которомъ говоритъ Hucher, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто, то появленіе его первоначально въ прозаическомъ текстѣ было бы странно и, наоборотъ, было бы естественно въ стихахъ. Тогда должно было бы думать, что вмѣсто *dans* переписчикъ прочелъ, по недосмотру, *sans*.

¹⁾ См., напр., стр. 86 книги Hucher. Интересно, что и далѣе вездѣ тоже разногласіе между риёмованнымъ и прозаическимъ изложеніемъ. Сл.

нимъ¹⁾. Но за переложившимъ риёмованный текстъ въ прозу могли пойти *est* переписчики и передѣлыватели *оригинальнаго* прозаическаго текста.

Nucher доказываетъ, что риёмованный текстъ близокъ къ прозаическому тексту позднѣйшаго списка D²⁾. Но этотъ списокъ далеко не во всѣхъ случаяхъ согласенъ съ риёмованнымъ текстомъ. Самъ Nucher замѣтилъ однажды, что труверъ имѣлъ передъ собою столь древнй типъ, какъ Манскій манускриптъ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ Nucher готовъ склониться къ противоположному выводу⁴⁾, а еще въ одномъ⁵⁾ не прочь сказать, что и Ms. N. слѣдуетъ довольно точно за риёмованнымъ изложеніемъ! Вообще же Nucher признаетъ не разъ древнѣйшія формы словъ въ риёмованномъ текстѣ, которыми послѣдній сходится съ Манскимъ манускриптомъ, передавшимъ будто бы древнѣйшую редакцію прозаическаго текста.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ искаженіе должно признавать вопреки Nucher въ прозаической редакціи, а не въ стихотворной. По поводу взгляда Nucher на ст. 3340⁶⁾, мы замѣтимъ, что въ этомъ-то стихѣ и уцѣлѣлъ смыслъ подлинника, и Nucher напрасно усматриваетъ тамъ ошибку на томъ основаніи, что прозвище „riche pècheur“ дано Брону въ насмѣшку, такъ какъ послѣдній, бывъ посланъ для улова рыбы, поймалъ лишь одну. Рыба, изловленная Брономъ, безъ сомнѣнія, имѣла символическое значеніе. Это не покажется страннымъ тому, кто знаетъ, какъ долго держались въ искусствѣ, даже на западѣ, преданія древней христіанской церкви, между прочимъ и символика. Пойманную Брономъ рыбу помѣстили противъ Граля, и она постоянно находилась при немъ⁷⁾. Повелѣвая о рыбѣ, гласъ св. Духа сказалъ Іосифу: „tu feras

ст. 476, 786, 1220 и др. съ соответствующими мѣстами прозаической редакціи. И Кретьенъ де Труа выразился въ Персеваль, что I. Христось „en crois pendie“ (v. 34996). Напомнимъ здѣсь, что есть довольно древнія изображенія, на которыхъ тѣло Христова представлено *висящимъ*.

¹⁾ Nucher повторилъ тоже на стр. 95 и 98.

²⁾ L. c., p. 26 et 82.

³⁾ P. 89.

⁴⁾ P. 92.

⁵⁾ P. 345.

⁶⁾ P. 123.

⁷⁾ Риёмованный романъ, ст. 3312—15:

Et pour ce fu sa volenté

jà une grant sénéfiance, que tu metras mon sanc et moi en esprueve vers les pécheurs“ 1). Очевидно, что подъ sanc должно разумѣть въ этой фразѣ Граля, а лодь poisson—Христа, употребленіе представленія котораго въ образѣ рыбы извѣстно. Что мы правильно понимаемъ значеніе рыбы, являющейся въ романахъ о св. Гралѣ, видно изъ совершеннаго чрезъ нее чуда. Въ церковныхъ легендахъ встрѣчается тоже самое чудо питанія одною рыбою, относительно котораго Маугу замѣчаетъ: „не есть ли это разительный образъ Евхаристіи, этой духовной пищи, которой Богъ, живой хлѣбъ, сошедшій съ неба, составляетъ сущность, никогда неистощаемое и всегда цѣлое питаніе, безпрестанно удовлетворяющее нуждѣ вѣрующихъ? Очевидно, на мѣсто Христа подставили его эмблему“ 2)... Рыба встрѣчается, какъ символъ евхаристіи, съ очень ранняго времени 3). — Ясно, что Брону не было надобности поймать много рыбы: достаточно было одной. Господь не велѣлъ ловить неопредѣленнаго количества; Брону привязано было доставить лишь *первую* рыбу, какая представится. Такъ въ римованномъ 4) текстѣ, такъ и въ прозаическомъ 5). Равнымъ образомъ, и по роману Мар'а, для чуда не нужно было болѣе одной рыбы. Неужели послѣ этого былъ бы подвергнутъ Богомъ униженію (mergison) за поимку *одной* только рыбы служитель Граля, который передъ тѣмъ былъ восхваленъ? Есть прямое указаніе, что ловля рыбы была поручена Брону въ силу его качества 6). Слово богатый прилагалось къ нему не въ насмѣшку, а

Que il en l'iaue peeschast
Et qu'il le poisson pourchacast
Que vous avez en vo servise.

Тожѣ и въ прозаическомъ текстѣ: Hucher, Le S.-Gaal, I, p. 272.

1) Ibid., 253.

2) Essai sur les légendes pieuses du moyen âge, 187—188.

3) По отношенію къ разбираемымъ нами подробностямъ романа о Гралѣ интересна надгробная надпись Іеропольскаго еп. Аверкія, о которой см. замѣтку г. Казанскаго во II т. „Древностей“ (М. 1870, стр. 132—135). Эти подробности можно сблизить съ словами блаж. Августина „о томъ торжественномъ событіи, при которомъ предлагается оная добытая въ глубинѣ водъ рыба, служащая пищею вѣрующей землѣ“.

4) V. 2499—2500.

5) Hucher, Le S.-Gaal, p. 253.

6) Le rom. du S.-Gaal, publié par F. Michel, v. 3310—3315.

для обозначенія сущности его ловитвы, не богатой на взгляд, но цѣнной по внутреннему содержанию. Какъ въ римованномъ ¹⁾, такъ и въ прозаическихъ ²⁾ текстахъ прозвище *Riche Pescheur* поставляется въ связь съ вѣрніемъ Брону Граля и всѣхъ тайнъ послѣдняго. Затѣмъ въ стихахъ говорится:

A touz jours croistera s'onneur,
Pour le poisson qu'il pescha
Quant cele grâce commença ³⁾.

Безсмыслицу должно признать въ прозаической версіи, потому что, по смыслу ея, Бронъ долженъ былъ подвергнуться презрѣнію какъ бы со времени полученія Граля ⁴⁾, между тѣмъ какъ это должно было имѣть мѣсто со времени ловли рыбы ⁵⁾.

Hucher постоянно отдаетъ предпочтеніе прозаическимъ текстамъ, въ особенности тому, который содержится въ Ms. C.

Намъ кажется, что есть немало искаженій и въ этихъ текстахъ.

Не встрѣчающееся въ римованномъ текстѣ обращеніе Пилатова друга къ императору съ просьбою о посылкѣ его въ Іудею и съ обѣщаніемъ разслѣдовать истину о смерти Иисуса нѣсколько несообразно, и весьма возможно, что оно вставлено позже.

¹⁾ V. 3337—45.

²⁾ Le S.-Gaal, publié par *Hucher*, p. 273.

³⁾ V. 3346—48.

⁴⁾ Le S.-Gaal, publié par *Hucher*, p. 273.

⁵⁾ Къ словамъ римованнаго текста подходит то, что говорилъ Roi Pescheur Персевалу по интерполяціи Gerbert'a (*Percey, le Gallois, publié par Potvin, vol. VI, p. 162*):

Et sachiez, tant vos en acointe,
Que je ne sai en cest mont home
Qui jà en puist savoir la some
Se vos non, *Mais bien vous gardez*
Que par péchié ne le perdez.

Уже *Val. Schmidt* (*Jahrbuecher der Literatur, 1825, Bd XXIX, S. 89*) обратилъ вниманіе, по поводу образа Roi Pescheur въ романѣ о Гралѣ, на piscator и pescator Евангелія (въ отношеніи къ Петру). По мнѣнію Grasse, въ Pescheur заключается открытый намекъ на папскую власть (*Die gross. Sagenkr., S. 177*). Сл. у Göschel'a, I. c., S. 45.

По прозаической версии, тѣ изъ послѣдовавшихъ за Іосифомъ, которые согрѣшили, не сразу отдѣлились отъ чистыхъ, какъ только обнаружилась ихъ грѣховность; по риѣмованному же тексту, это отдѣленіе произошло какъ будто сейчасъ же, или въ самомъ непродолжительномъ времени, и такому представлению дѣла соответствуютъ въ прозаической редакціи слова оставшихся съ Іосифомъ: „li plus des genz qui ci vindrent avoc nos s'en sont alé par la grant mésaise de fain qu'il avoient, dès lors en cà que nos commençâmes à avoir la grâce de ton vaissel“¹⁾...

О словахъ Спасителя Іосифу въ темницѣ Ms. C.²⁾ говорить: „.... ce est li secrez que l'en tient au grant sacrement que l'an feit sor lou Graal c'est-à-dire sor lou caalice“... Въ др. спискахъ вм. „sacrement“ стоитъ „sacre“, и нѣтъ поясненія въ слову Грааль: „с'est-à-dire sor lou caalice“³⁾. Путь искаженія подлинника ясенъ. Если слова, сказанныя Спасителемъ въ темницѣ, составляли секретъ, который заключался въ „grant livre“ и который нельзя было узнать безъ этой книги, то какъ согласить съ этимъ сообщеніе, что упомянутыя слова произносились при таинствѣ чаши? Правильнѣ названы они въ риѣмованномъ текстѣ: „li grant secret qu'en numme le Graal“⁴⁾. Сообразно съ этимъ выражается въ другомъ мѣстѣ и прозаическій текстъ⁵⁾. Трудно допустить, чтобы авторъ могъ написать то, чтó читается въ приведенномъ мѣстѣ Ms. C.

¹⁾ Le S.-Graal, publ. par Hucher, 257—258.

²⁾ Ibid., 227.

³⁾ Ib., 293 et 346.

⁴⁾ V. 935—936.

⁵⁾ По этому тексту, ангель приказалъ Іосифу передать Брону слѣдующее: „...li conte coment Ihésu vint à toi en la tor et coment il t'aportera cest vaissel et les paroles que il t'aprist qant il parla à toi en la chartre, ce sont iceles saintimes paroles que l'en tient as secrez del Graal“ (въ Ms. D. вм. secrez—sacre) (Le S.-Graal, publ. par Hucher, 272—73). Также и въ риѣмованномъ текстѣ (v. 3332—36):

Les seintes parotes dist t'a
Ki sunt douces et precieuses
Et gracieuses et piteuses,
Ki sunt propement apelées
Secrez dou Graal et nummées.

Подводя итогъ сказанному, позволяемъ себѣ выразить мнѣніе, что, желая возсоздать *sодержаніе* первоначальнаго текста произведенія de Voggon'a, нельзя игнорировать, подобно Hucher, риёмованный текстъ, и что къ послѣднему приложимо не все то, что утверждаетъ о немъ Hucher, хотя невозможно отринуть въ немъ присутствіе по мѣстамъ искаженій подлинника ¹⁾). Нельзя доказывать, что стихотворный текстъ всегда ниже прозаическихъ, которые лучше будто бы воспроизводятъ складъ оригинала ²⁾).

Опредѣлить вполнѣ отношеніе риёмованнаго текста Граля въ прозаическимъ мы не беремъ, такъ какъ для этого необходимо непосредственное знакомство съ рукописями и чисто филологическій разборъ ихъ для уясненія ихъ діалектовъ, который отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко; кромѣ того, съ даннымъ вопросомъ связанъ другой—объ отношеніи такихъ же текстовъ романа о Мерлинѣ, приписываемаго тому же de Voggon'у ³⁾). Замѣтимъ лишь, что естественно предположить появленіе такой простой и небольшой легенды, какъ переданная de Voggon'омъ, вначалѣ въ стихахъ, а не въ прозѣ. Тогда перелагали, большею частію, стихи въ прозу, а не наоборотъ. Самъ Hucher готовъ допустить, что de Voggon писалъ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ въ стихахъ, но стихотворный подлинникъ не дошелъ до насъ ⁴⁾).

Въ Персевалѣ, приписываемомъ du Voggon'у, читаемъ слова, интересныя по отношенію къ занимающему насъ вопросу: »A tant se desparti la voix et Bron le fist ainsi come il ot enseingnié et vint à Percevaux et li aprist *les paroles segroies de nostre seygnor que je ne vous puis dire, ne ne doi*» (Le S.-Gaal, publ. par Hucher, p. 483).

¹⁾ Укажемъ на одно не замѣченное Hucher: въ ст. 3431—38 о riches Peschiegtes говорится то, что должно было сказать о Петрѣ.

²⁾ Hucher, Le S.-Gaal, p. 370.

³⁾ Отъ риёмованнаго текста романа о Мерлинѣ уцѣлѣло только начало, напечатанное Fr. Michel'емъ. О текстѣ, дошедшемъ до насъ въ Ms. H., см. въ *Th. Athenaeum*, № 2198 (Dec 11, 1869).

⁴⁾ Стр. 64. Ст. 276, примѣч. 3, и 369.—Интересно, что по мѣстамъ прозаическое изложеніе укладывается въ риёмъ, иногда—въ ту самую, которую встрѣчаемъ въ стихотворномъ текстѣ. Такъ, ст. 396—397:

Uns Iuis le veissel trouva

Chiés Symon, se l'prist et garda

соотвѣтствуютъ въ прозѣ слова: »...un lui qui lou trouva; si lou pris et garda» (Le S.-Gaal, publ. par Hucher, p. 216). Ст. 2365—66, 2375—77:

Во всякомъ случаѣ, интересный фактъ существованія одного и того же произведенія въ двухъ различныхъ формахъ изложенія съ малыми разлічїями въ содержаніи требуетъ разъясненія. Такъ какъ и въ томъ, и въ другомъ изложеніи рѣчь ведется отъ лица de Borron'a¹⁾, то необходимо признать поддѣлку въ которомъ-нибудь изъ текстовъ, и является вопросъ о цѣли подлога.

Установка генеалогіи текстовъ весьма важна, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, она неудовлетворительна у Hucher. Мы думаемъ, что онъ неправильно расклассифицировалъ и прозаическіе тексты, какъ несправедливо отнесся къ римованному. Причина несостоятельности его классификаціи та, что онъ руководствовался только хронологическою послѣдовательностію списковъ и степенью сжатости въ передачѣ ими поэмы de Borron'a.

Изъ манускриптовъ прозаическаго *малаго Граля*, въ которыхъ

A ce qu'il demourent là,
Boens enseignementz leur moustra

Quar tout ce quanques il feisoient
Par jour et par nuit labouroient
Aloit à mal

соотвѣтствуетъ слѣдующее мѣсто въ прозаическомъ текстѣ: »...et quant il furent là, si lor *mostra* ...si ala si mal, con ge vos dirai, que quanqu'il *faisoient* et *labouroient* aloit à mal« (Le S. Graal, publ. par Hucher, p. 251). Въ стихотворномъ текстѣ (v. 1197—98) читаемъ:

Vespasiens la chose oï
Et touz li cuers l'en esjoï;

въ прозаическомъ тоже самое: »Et quant Vaspasiens l'oï, si rist et li esjoï moult i cuers« (Le S.-Graal, publ. par Hucher, p. 232). Впрочемъ, рима съ *oï* была весьма употребительна (см., напр., въ Персеваль Кретьена де Труа vv. 41935—36 и 42095—96 по изд. Potvin'a). Въ отношеніи къ вопросу о томъ, какая изъ двухъ редакцій ближе къ первоначальному тексту произведенія de Borron'a, не безынтересно, что Іосифъ Аримаѳ. названъ *soudoiers* Пилата, согласно съ римованнымъ текстомъ (см. ст. 199), въ романѣ Мар'а и въ прозаическомъ Персеваль, написанномъ въ концѣ XII стол. (Perceval le Gallois, publié par Potvin, vol. I, p. 2 et 25).

¹⁾ См. заключительныя строки поэмы.

сохранилась, по мнѣнію Nucher ¹⁾, „истинная первая редація de Voggon'a“, этотъ ученый выдвигаетъ на первое мѣсто Ms. Cangé (C.) и Ms. du Mans,—самый древній, но сохранившій только часть произведенія de Voggon'a. Близкимъ къ стихотворному тексту, самому позднему, Nucher считаетъ Ms. D. Mss. A. и H. (Huth) занимаютъ среднее мѣсто.

Мы оставимъ въ сторонѣ Манскій манускр., о которомъ имѣемъ мало свѣдѣній ²⁾, и подвергнемъ повѣркѣ тезисъ Nucher о томъ, что „смыслъ наиболѣе и наибудовлетворительнѣе“ въ Ms. C. ³⁾.

Изъ того, что этотъ списокъ сообщаетъ подробности о de Voggon'ѣ, не встрѣчающіяся въ другихъ манускриптахъ, еще не слѣдуетъ, что ему должно отдавать предпочтеніе, къ чему склоняется Nucher ⁴⁾.

Не станемъ обращать вниманіе на грубыя ошибки ⁵⁾ и описки въ этомъ манускриптѣ ⁶⁾. Мы укажемъ лишь на немалое количество вставокъ очевидно позднѣйшаго происхожденія. Что касается слѣдовъ непониманія текста, съ котораго списанъ Ms. C., то одинъ изъ нихъ указанъ самимъ Nucher ⁷⁾.

Въ разговоръ императора съ совѣтниками о фактахъ, сообщенныхъ пилигримомъ, вмѣшивается, по Ms. C., этотъ послѣдній (въ рѣчи-мованномъ текстѣ этого нѣтъ), и потомъ все-таки говорится: „Logs fu li preuzdom apareilliez cil qui les noveles ot dites“ ⁸⁾. Вставка очевидна.—Въ уста друга Пилата, который защищалъ послѣдняго и заявилъ потомъ готовность ѣхать въ Палестину для слѣдствія надъ правителемъ Іудей, въ Ms. C. влагается откровенное признаніе: „Sires, ge aim

¹⁾ Le S.-Gaal, I, 67.

²⁾ Кажется, что и въ немъ есть интерполяціи. Къ числу ихъ, думаемъ, должно отнести сообщеніе послѣдней императору, что слѣдуетъ вставать при видѣ изображенія Вероники.

³⁾ Le S.-Gaal, I, 12.

⁴⁾ Ibid., 80—81.

⁵⁾ Напр., Baptesmes на стр. 210.

⁶⁾ По Ms. C., Іосифъ встрѣтилъ Веспасіана въ темницѣ словами: «Bien soies tu venuz» и не назвалъ его по имени, и вслѣдъ за тѣмъ говорится однако: «et quant il s'oi pomer, si s'emerveilla moult»... Въ др. рукописяхъ Веспасіанъ названъ.

⁷⁾ Le S.-Gaal, I, 132.

⁸⁾ Ib., 231.

moult Pilates“¹⁾. Далѣе опять несообразность; говорится: „Lors arela l'ampregères ses genz dist“²⁾... Въ зовѣ совѣтниковъ не было надобности, такъ какъ они были на лицо. Въ рѣчованномъ текстѣ разсказъ селаднѣе.

Упомянутое о крещеніи Іосифа Аримае. и его спутниковъ „de la main saint Climant“, встрѣчающееся въ одномъ Ms. С. и бывшее, по мнѣнію Hucher³⁾, въ оригинальномъ текстѣ, едвали имѣло тамъ мѣсто. Оно представляетъ неудачный вариантъ въ сообщеніи Мар'а, что Іосифъ получилъ крещеніе отъ руки св. Филиппа („rechust crestiente de la main saint phelippe“⁴⁾). Замѣчательно, что въ стихотворномъ текстѣ, въ соотвѣтствіе съ отсутствіемъ послѣ разсказа о наказаніи Іудеевъ упоминанія о крещеніи Веспасіана, не вложено въ уста Іосифа Аримае. и приглашеніе къ крещенію, имѣвшее мѣсто, по Ms. С., будто бы при первомъ свиданіи Іосифа съ императоромъ.

Вообще въ Ms. С. допущено немало неумѣстныхъ прибавокъ къ первоначальному тексту, что готовъ иногда признать и Hucher⁵⁾.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ib., 109.

⁴⁾ О поставленіи въ Цареградскіе патріархи рукою І. Крестителя см. въ 8-мъ примѣч. г. *Савваитова* къ *Паломнику* Антонія, архіеп. Новгородскаго (Путешествіе новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Савваитова. Спб. 1872). Въ XIII в. въ Парижъ была принесена глава Климента Анкирскаго. Часть мощей св. Климента, еп. Римскаго, находилась съ XI в. въ Римѣ, а прочіе останки пребывали въ Кіевѣ. Архим. *Serija* Полный мясецесловъ Востока, т. II (М. 1876), ч. II, стр. 372. Для объясненія разбираемаго нами мѣста Ms. С. необходимо принять во вниманіе, что св. Климентъ упоминается въ *chans. de geste*, озаглавл.: »La destruction de Jérusalem« (содержаніе передано въ XXII т. »*Histoire litt. de la France*«, р. 412—416). Здѣсь разсказывается, что импер. Веспасіанъ, бывъ исцѣленъ образомъ Вероники, позволилъ Клименту проповѣдывать христіанство въ Римѣ и общалъ креститься по возвращеніи изъ Іудей. Св. Климентъ

En un moult riche autel qui fu Saint Simeon,
Seella la toaille, que de fi le scet on.

⁵⁾ Le S.-Gaal, I, 345.

Напр., Пилату приписаны слова: „A cui me prandrei—ge, si messires Titus li amperères de Rome (въ D. одно слово „messires“) me demande rien de la mort Jhésu“ ¹⁾. Титъ являет и далѣ, гдѣ его не слѣдовало бы называть ²⁾. Самъ Hucher должетъ былъ принять долю „многословія“ въ Ms. C. ³⁾. Этому многословію обязано своимъ происхожденіемъ мѣсто списка С., замѣняющее слова Ms. D.: „Qui conoistre la porra ne saura à quoi se porra atandre“ и слова Ms. H.: „Qui le vaugra connoistre et saura à quoi che porra attendre“ ⁴⁾.

Далѣ мы будемъ имѣть случай указать въ Ms. C. еще нѣсколько позднѣйшихъ вставокъ въ текстъ de Borron'a.

Есть въ этомъ манускриптѣ, повидимому, и сокращенія ⁵⁾.

Переходя къ Ms. D., замѣтимъ, что въ немъ усматривается не только сокращеніе первоначальнаго текста, но въ иныхъ случаяхъ и расширеніе его по сравненію съ Ms. C. ⁶⁾. Тоже можно замѣтить и о Ms. H.

На основаніи изложенныхъ фактовъ позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ Hucher, что прозаическая редакція поэмы de Borron'a можетъ быть разсматриваема, какъ принадлежащая автору ея и по мысли и по выраженію ⁷⁾, и рѣшаемся сказать, что въ данномъ вопросѣ нельзя относиться съ довѣріемъ къ древнѣйшимъ рукописямъ, — что подлинный текстъ произведенія de Borron'a не удѣлѣлъ вполне ни въ одномъ изъ имѣющихся списковъ его, что онъ потерпѣлъ немало измѣненій въ *каждомъ* изъ манускриптовъ ⁸⁾ и, если не найдутся болѣе испра-

¹⁾ Ib., 216.

²⁾ Ib.: cf. p. 220 et 288.

³⁾ Ib., 79.

⁴⁾ Ib., 346.

⁵⁾ Ib., см. стр. 338.

⁶⁾ Такъ, Спаситель, на вопросъ Іосифа, тотъ ли Онъ Іисусъ, котораго Іосифъ зналъ, отвѣчалъ по Ms. C. (p. 224): »'e sui ge icil meismes«, а по Ms. D.: »Ioseph: ce sui-je meismes et ainsi cum tu l'as dist si le croi, et cum tu l'as ven, si seras sauvez et aura joi pardurable« (p. 290).

⁷⁾ Le S.-Gaal, I, 73.

⁸⁾ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ — вслѣдствіе непониманія переписчиками смысла оригинальнаго текста, или вслѣдствіе дурнаго прочета послѣдняго.

вныя рукописи, можетъ быть приблизительно возстановленъ только путемъ сравнительно-критическаго изученія *всѣхъ* дошедшихъ до насъ списковъ безъ устраненія котораго-нибудь изъ нихъ, въ томъ числѣ и риемованнаго текста. Что касается классификаціи этихъ манускриптовъ, то и послѣ труда Nuchet, она составляетъ вопросъ открытый.

То или иное заключеніе о взаимномъ отношеніи дошедшихъ до насъ текстовъ произведенія, de Vogron'a повидимому, не можетъ оказывать значительнаго вліянія на рѣшеніе занимающаго насъ вопроса о происхожденіи и постепенномъ развитіи сказанія о Гралѣ, потому что сказаніе de Vogron'a, составляющее одно изъ главнѣйшихъ звеньевъ въ развитіи легенды, является въ сущности однимъ и тѣмъ же во всѣхъ спискахъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, въ изслѣдованіи объ источникѣ его, къ выясненію котораго мы обращаемся, невозможно обойти вопросъ объ отношеніи различныхъ редакцій поэмы de Vogron'a, чтѣ сейчасъ будетъ видно.

Въ стихотворномъ текстѣ говорится отъ лица de Vogron'a, что, когда послѣдній писалъ свою поэму,

Unques retreite esté n'avoit
La grant estoire dou Graal,
Par nul home qui fust mortal ²⁾.

Въ прозаическомъ текстѣ читаемъ: „.... et ce ne puet nus hom

¹⁾ Изъ различій текстовъ обѣихъ редакцій болѣе или менѣе важно касающееся источника, знакомствомъ съ которымъ de Vogron обуславливалъ появленіе продолженія своего произведенія. Въ стихотворномъ текстѣ (v. 929—934) de Vogron открыто признаетъ свою зависимость отъ *grant livre*

Où les estoires sunt escrites
Par les grans clers faites et dites.

Намекъ на книгу Мар'а ясенъ. Впрочемъ, кажется, и въ словахъ прозаическаго текста: „....et ce ne puet nus hom feire, se il n'a véu et oï conter lou livre del Graal de ceste estoire“ разумѣлась не та книга, о которой упоминаетъ этотъ текстъ въ другомъ мѣстѣ и о которой сейчасъ будетъ рѣчь. Въ ст. 3500, которому нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ прозаическомъ текстѣ, также выражается зависимость de Vogron'a отъ находженія книги.

²⁾ V. 3492—94.

faire se il n'a véu et oï conter lou livre del Graal de ceste estoire. Et au tens que messires Roberz de Borron lou restraist à mon seigneur Gautier, lou preu conte de Montbéliart, ele n'avoit onques esté escripte par nul home fors el grant livre" ¹⁾).

Въ обѣихъ этихъ выдержкахъ источникъ разсказа de Borron'a обозначенъ неопредѣленно; фабула о Гралѣ представляется въ нихъ содержащеюся въ „великой исторіи, книгѣ“ Граля, вѣроятнѣе всего — той, на которую ссылается упомянутый уже нами прологъ къ роману о св. Гралѣ, и которая никогда не существовала ²⁾). Толькѣ о ней явился у de Borron'a подѣ влияніемъ этого пролога.

Hucher полагаетъ, что въ приведенныхъ строкахъ разумѣется латинская книга, содержащая будто бы легенду объ Іосифѣ Аримаеѣскомъ, но нѣтъ основаній для такого предположенія. De Borron не называетъ книгу Граля латинскою, хотя, какъ увидимъ, могло случиться, что онъ имѣлъ предѣ собою на латинскомъ яз. какую-нибудь изъ легендъ, вошедшихъ въ его произведеніе.

Упомянутое о переводѣ de Borron'омъ съ латинскаго встрѣчается въ романѣ о Гралѣ Мар'а, но оно едвали вышло отъ самого романиста ³⁾, а еслибы даже принадлежало ему, то не можетъ быть принято безъ критики и имѣть безусловное значеніе по отношенію къ de Borron'у.

¹⁾ Le S.-Gaal, publ. par. *Hucher*, I, 275.

²⁾ Въ сообщеніи, что исторія Граля не была изложена до de Borron'a ни однимъ смертнымъ, — явный намекъ на предварительное существованіе ея внѣ людскаго міра, что утверждалъ прологъ, и на написаніе ея Іисусомъ Христомъ, которому приписывали составленіе большаго романа о Гралѣ. — Есть указанія у de Borron'a и на другіе, повидимому, источники: по его словамъ, о «li boens Pescherres»

..... furent plus maintes paroles
Contées qui ne sont pas folles.

(v. 3457—58). Тоже и въ прозаическомъ текстѣ. De Borron какъ будто утверждалъ еще, что слова, сказанныя І. Христомъ Іосифу въ темницѣ, были записаны послѣднимъ (Римов. ром., ст. 4418. Le S.-Gaal, publié par *Hucher*, p. 274).

³⁾ Мар едвали упомянулъ бы о de Borron'ѣ, и отъ послѣдняго не осталось ничего о Петрѣ кромѣ сказаннаго въ поэмѣ объ Іосифѣ Аримаеѣскомъ.

По мнѣнію Hucher, Robert de Borron и Мар пользовались одною и тою же латинскою книгою Граля; на тождественность источниковъ ихъ произведеній указываетъ, по словамъ Hucher, несомнѣнная родственная связь основъ этихъ произведеній ¹⁾.

Для пониманія ихъ родства и для правильнаго заключенія о латинской книгѣ, послужившей будто бы источникомъ романа о Гралѣ, необходимо не упускать изъ виду, что произведение de Borron'a дошло въ намъ въ той формѣ, какую получило послѣ просмотра его авторомъ по выходѣ въ свѣтъ романа Мар'a, съ которымъ однако de Borron не былъ обстоятельно знакомъ. Такой просмотръ не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду строевъ, говорящихъ о службѣ de Borron'a у Gautier de Montbéliard, какъ о минувшемъ фактѣ. Безъ сомнѣнія, произведение de Borron'a подверглось, при пересмотрѣ, измѣненію въ нѣкоторыхъ пунктахъ, что допускаетъ и P. Paris, и было сперва не такимъ.

Есть возможность возстановить до извѣстной степени первоначальный объемъ и содержаніе поэмы de Borron'a. Въ стихотворномъ текстѣ ²⁾ и въ двухъ спискахъ прозаическаго ³⁾ положительно говорится, что Іосифъ Аримае. скончался въ землѣ, въ которой родился, въ третьемъ спискѣ прозаической редакціи о мѣстѣ кончины Іосифа говорится неопредѣленно (можно думать, впрочемъ, что и этотъ манускриптъ имѣлъ въ виду сказать то, что сообщаютъ два упомянутые ⁴⁾), и только въ одномъ Ms. С. встрѣчаемъ, что Іосифъ „fina en la terre et ou país où il fu envoiez de par Jhesu Crist“ ⁵⁾. Hucher замѣчаетъ, что въ этихъ словахъ не пояснено опредѣленно о мѣстѣ кончины Іосифа ⁶⁾. Но, рассказавши о томъ, что riches peschierges отправился въ Британію, рукопись говоритъ объ Іосифѣ: „et einsinc remest Joseph“ Очевидно,

¹⁾ Le S.-Gaal, I, 128—129. Въ поправкахъ и дополненіяхъ, помѣщенныххъ въ концѣ книги, Hucher готовъ выразить сомнѣніе съ существованіемъ латинской книги о Гралѣ (р. 532), но—нерѣшительно.

²⁾ V. 3455—60.

³⁾ Mss. D. (Le S.-Gaal, publ. par Hucher, I, 332) и H. (ib., 364).

⁴⁾ Въ Ma. A. говорится: »Ainsi remest Je; et si va en la tiere et ou pays« (ib., 125). Сказавши, что Іосифъ остался, манускриптъ могъ повести его потомъ только на мѣсто родины.

⁵⁾ Le S.-Gaal, publ. par Hucher, I, 275.

⁶⁾ Ib., 125.

что и по Ms. С. Иосифъ не пошелъ въ Британію ¹⁾. Должно принять во вниманіе, что и у поэта XII стол. Кретьена де Труа, современника de Borron'a, сообщается объ Иосифѣ:

Et, quant il furent départis,
Il s'en ala en son país ²⁾.

Потомъ Кретьенъ заставилъ Иосифа отправиться въ Британію ³⁾. Безспорно однако, что въ концѣ XII-го стол. существовало сказаніе, по которому Иосифъ умеръ въ Иудеѣ, а это можетъ свидѣтельствовать въ пользу чтенія, предлагаемаго въ Mss. D. и H., которое должно предпочесть варианту Ms. С., могшему явиться вслѣдствіе приложенія словъ о мѣстѣ кончины Иосифа къ вставкамъ, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь. Фраза объ упокоеніи Иосифа въ землѣ, въ которой онъ родился, считаемая нами подлинною de Borron'a, не могла явиться при вторичной редакціи произведенія и вообще послѣ выхода въ свѣтъ поэмы, потому что сага о проповѣди Иосифа въ Британіи прибрѣтала съ годами болѣе и болѣе популярности, благодаря *большому Граю* и другимъ романамъ. Если же слова о кончинѣ Иосифа должно признать уцѣлѣвшими отъ первичной композиціи, то необходимо приписать вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшей вставкѣ сообщенія о миссіонерской дѣятельности въ Британіи Иосифа ⁴⁾ и другихъ лицъ ⁵⁾, находящіяся исключительно въ Ms. С., не вяжущіяся ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ повѣствованіемъ и противорѣчащія остальному содержанію поэмы ⁶⁾. Допустить такую вставку намъ позволяетъ все прежде сказанное о Ms. С.

¹⁾ И Hucher сознается въ концѣ концовъ, что «dans la donnée française, Joseph s'en retourne dans son pays».

²⁾ Perceval. le Gallois, v. 35123—24.

³⁾ *Ib.*, 35127.

⁴⁾ Le S.-Grael, publ. par Hucher, p. 262 et 265.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 275.

⁶⁾ Намекъ на вставку заключается въ слѣдующихъ строкахъ объ Иосифѣ: «...et puis s'entrevint converser en ces diverses parties d'ocidant si com vos avez oi el conte, mais totes les aventures qui lor avint, ne vos puis—ge retraire, autrepert me sovient á guanchir» (Le S.-Grael, publié par Hucher, I, 262). По роману Мар'а, сыновья Брона женились въ Британіи, и въ словахъ Ms. С. объ этомъ сказалось вліяніе Мар'а.

Поэтому нельзя сказать съ Nucher ¹⁾, что Robert de Borron думалъ привязать исторію Іосифа Аримае. къ приключеніямъ въ Великобританіи.

По de Borron'у, Іосифъ умеръ въ родной землѣ. О проповѣднической дѣятельности его въ дошедшей къ намъ второй редакціи поэмы говорится въ нѣсколькихъ словахъ. Весьма вѣроятно послѣ этого, что если и рассказывалось вначалѣ о выходѣ Іосифа за предѣлы Палестины, то повѣствованіе о томъ было очень кратко.

Въ дошедшей до насъ редакціи поэмы сообщается, что лица, окружавшія Іосифа, отправились на западъ, но не говорится ни о путешествіи ихъ, ни о судьбахъ ихъ въ Британіи. По мѣстамъ встрѣчаются намеки на исторіи, какія передавались въ романахъ Круглаго Стола о Персевалѣ и Галаадѣ, но эти намеки могутъ быть отнесены ко вторичной редакціи поэмы. Переходъ на западъ лицъ, послѣдовавшихъ за Іосифомъ, случился *послѣ довременнаго пребыванія ихъ въ Азій внѣ Палестины* ²⁾, что весьма замѣчательно. Авторъ видимо затруднялся продолжать исторію ихъ за предѣлами Азій; еслибы было иначе, онъ не откладывалъ бы разсказа объ этомъ. Какъ ни мотивировать переходъ къ Мерлину непосредственно вслѣдъ за исторіей Іосифа Аримае., естественно было автору поэмы, если онъ хотѣлъ и могъ передать то, что говорилъ Мар о Гралѣ, держаться порядка разсказа, принятаго англійскимъ романистомъ въ *большомъ Гралѣ*, и присоединить къ первой части поэмы отдѣлы, непосредственно слѣдовавшіе за нею, а не пятый. Очевидно, что исторія Граля и сопровождавшихъ его за предѣлами Азій, составлявшая достойное творчества Мар'а, не входила въ первоначальный планъ de Borron'а. А какъ выдѣленіе различныхъ лицъ изъ толпы, окружавшей Іосифа, имѣло смыслъ въ исторіи его только по отношенію къ мнимому участию ихъ въ обращеніи жителей Британіи въ христіанство и вообще—при изображеніи переселенія *цѣлаго общества* христіанъ на западъ, то становится вѣроятнымъ, что въ первоначальномъ произведеніи de Borron'а эти лица не были выдвинуты ³⁾. Такое предположеніе необходимо нѣсколько умѣрить,

¹⁾ См. стр. 117 его книги.

²⁾ Ibid. 251. Приеманный романъ, ст. 2364.

³⁾ Во всякомъ случаѣ, личность Петра (Petrus) едва ли занимала выдающееся положеніе у de Borron'а съ перваго раза. De Borron не сочувствовалъ тенденціямъ Мар'а и не желалъ чрезмѣрно возвеличить Іосифа. Петръ

если допустить, что уже въ первичной редакціи романа de Borron'a говорилось о перенесеніи Граля на западъ. Замѣчательно, что у de Borron'a не пояснено опредѣленно, куда въ концѣ концовъ прибылъ Граль; очевидно, что нашъ поэтъ былъ далекъ въ поэмѣ отъ локализации Граля ¹⁾).

Итакъ, вотъ какимъ представляется намъ первичный составъ

выдвинуть въ противовѣсъ этимъ тенденціямъ для уменьшенія неприятнаго впечатлѣнія, какое могло произвести сказаніе объ Іосифѣ на строгихъ приверженцевъ Рима, и de Borron примкнулъ въ этомъ случаѣ къ преданію о миссіонерскихъ путешествіяхъ ап. Петра по западу Европы. Явленіе съ неба во время молитвеннаго собранія у Граля повелѣнія, которое долженъ былъ прочесть Петръ, о направленіи путешествія служителей Граля, напоминаетъ видѣніе ап. Петра въ Іуппіи, о которомъ говорится въ енигѣ Дѣяній и которое внушало проповѣдывать христіанство не только для іудеевъ, но и для язычниковъ. Сидя за столомъ, на которомъ помѣщался Граль, Петръ поэмы говоритъ объ отверженіи не нашедшихъ мѣста у стола. Принадлежавшій къ послѣднимъ Моисей не есть ли олицетвореніе отринутыхъ въ Новомъ Завѣтѣ Іудеевъ? Замѣтимъ, наконецъ, что въ римованномъ текстѣ Петръ названъ »Dieu amis« (v. 3199) — выраженіе весьма интересное.—Сл. замѣчаніе P. Paris: »Petrus que Dieu va choisir pour son premier messager semble opposé à S. Pierre« (Rom., I. c., p. 479).

¹⁾ Петръ долженъ былъ отправиться »ès vaux de Avaron et iceles terres traient totes vers occident« (Le S.-Graal, publ. par *Hucher*, I, 268). Въ другомъ мѣстѣ о »vaux d'Avaron« говорится, какъ объ »un solitaire leu vers occident« *ib.*, 270). Въ римованномъ текстѣ сказано (v. 3100—3104) о Петрѣ, что онъ

....s'en ira vers occident
Es plus loiteins lius que pourra.

Сл. у Васа отвѣтъ Діаны Вруту:

Oltre France, dedans la mer,
Vers Ocident, poras trover
Une ille bonne et abitable,
Et à manoir mult delitable.

Le roman de Brut par Wace publié par *Le Roux de Lincy* (t. I, Rouen MDCCCXXXVI), v. 681—684. De Borron обозначилъ неясно пунктъ, гдѣ должны были остановиться съ Гралемъ, можетъ быть, въ виду легендъ о крови Христовой, обращавшихся въ то время на западѣ.

поэмы de Voggon'a. Она излагала исторію Іосифа Аримаеяйскаго до освобожденія его изъ темницы Веспасіаномъ и затѣмъ *вкратцѣ* передавала жизнь его до смерти на родинѣ¹⁾. Возможно, что поэма сообщала объ отправленіи Іосифомъ предъ его вончиною драгоценной реликвиі на западъ, но при этомъ выступали не всѣ лица, выведенныя впоследствии, и были описаны менѣе подробно обстоятельства выхода родственниковъ Іосифа изъ Авіи.

Естественно думать, что приблизительно тоже было въ источникѣ или источникахъ, по которымъ писалъ de Voggon. Съ принятіемъ же этого будетъ подорвана гипотеза Hucher о томъ, что de Voggon получилъ матеріалъ для своей поэмы отъ Мар'а.

Могутъ сказать вмѣстѣ съ Hucher, что главное изъ отличій романа de Voggon'a отъ романа Мар'а—погребеніе Іосифа въ Іудеѣ—должно приписать вліянію Вогезскаго преданія²⁾, и что de Voggon систематически отступалъ отъ бывшаго предъ нимъ источника³⁾, по которому работалъ и Мар. Но, во 1-хъ, у de Voggon'a не видно связи съ Вогезскою легендою и желанія приурочить рассказанную имъ исторію сколько-нибудь къ Moienmoutier, а во 2-хъ, имѣя общій съ Мар'омъ источникъ и отступая отъ него въ указаніи мѣста упокоенія Іосифа, de Voggon послѣдовалъ бы за нимъ въ остальномъ, т. е. воснулъ бы судебъ Граля въ Британіи, ибо латинская легенда, навазываемая Мар'у, должна была привести туда Граля и ованчиваться повѣствованіемъ о приключеніяхъ съ нимъ въ этой мѣстности, что могло быть въ особен-

¹⁾ Периодъ времени отъ разрушенія Іерусалима до смерти Іосифа не оставался безъ событій; вѣроятно, de Voggon наполнилъ этотъ промежутокъ рассказомъ о проповѣднической дѣятельности Іосифа, и, говоря о немъ (Percsev. le Gallois, v. 35124—26):

Il s'en ala en son pais,
Et tout partout ù il aloit
La loi lhésucrist essaucioit,

Кретьень-де-Труа, можетъ быть, передалъ часть содержанія поэмы de Voggon'a. А можетъ быть, de Voggon просто сообщалъ, что Іосифъ проваля остатоки дней своихъ внѣ Іудеи съ нѣсколькими близкими ему лицами.

²⁾ См. Le S.-Graal, publ. par Hucher, p. 125.

³⁾ *Ib.*, 70.

ности интересно для англійскаго читателя ¹⁾. De Vogton нисколько не погрѣшилъ бы противъ Вогезскаго преданія, еслибы ввелъ Юсифа — сына въ рассказъ и еслибы ему, а не Alain'у, далъ, по примѣру Мар'а, первое мѣсто въ исторіи перехода Израильтянъ въ Англию. Несогласіе въ этомъ de Vogton'а и Мар'а указываетъ на необщность источника.

Невозможно отрицать, что *почти все* содержаніе поэмы de Vogton'а вошло въ романъ Мар'а, несомнѣнно знакомаго съ произведеніемъ de Vogton'а. Мар не внесъ въ свой романъ лишь начала поэмы, коротко излагающаго исторію искупленія и повѣствующаго о Тайной Вечери: это не относилось прямо къ предмету романа; притомъ объ искупленіи предвидѣлась рѣчь впереди. Нѣкоторыя подробности Мар переработалъ на свой ладъ и вставилъ въ рассказъ по иному плану. Такъ, у него три чудесныя питанія, происшествіе съ Моисеемъ случилось послѣ перенесенія Граля въ Британію ²⁾, и, по образцу эпизода о Моисеѣ, какъ онъ рассказанъ у de Vogton'а, составленъ новый — о Симеонѣ и Канаанѣ ³⁾. Мар исправилъ также нѣкоторыя несообразности, встрѣчавшіяся у de Vogton'а. Правителемъ Иерусалима во время поднятія дѣла о смерти Іисуса былъ, по Мар'у, не Пилать, а *Felis*; происшедшее при этомъ разрушеніе Иерусалима отличается отъ другаго. По de Vogton'у, мѣсто у стола Тайной Вечери, оставшееся послѣ Іуды, никѣмъ не было занято; Мар же не забылъ Маттея.

Если-при этомъ содержаніе источниковъ поэмы de Vogton'а болѣе или менѣе соотвѣтствовало возстановленному нами составу ея въ первичной редакціи (отрицать такое соотвѣтствіе, какъ мы видѣли, нѣтъ основаній), и, слѣдоват., эти источники не могутъ быть отождествляемы съ Гластонберійской легендой, или съ какими-нибудь видоизмѣненіями ея, и потому не должны быть предполагаемы обращавшимися

¹⁾ P. Paris такое и усволяетъ содержаніе латинской книгѣ Граля. *Romania*, I. c., p. 465.

²⁾ У de Vogton'а цѣлесообразнѣе. Въ романѣ о Гралѣ Мар'а Моисей выступаетъ дважды, въ первый разъ — во время путешествія Юсифа въ Британію.

³⁾ Вообще у Мар'а немало эпизодовъ, дважды повторяющихся, только каждый разъ — съ иными личностями, какъ встрѣчаются два Ланселота и два Галаада.

исключительно въ Англии ¹⁾, то не за чѣмъ прибѣгать къ гипотезѣ тождества источниковъ англійскаго и французскаго труверовъ и естественнѣе предположить пользованіе произведеніемъ de Borron'a со стороны Мар'а, который взялъ его за исходный пунктъ и освѣтилъ иною идеею ²⁾. Съ этимъ согласуется замѣчаніе Hucher ³⁾, что факты, обстоятельно развитыя у de Borron'a, переданы у Мар'а кратко. Можно даже отмѣтить совпаденіе обоихъ романовъ въ нѣсколькихъ фразахъ ⁴⁾. Допустить обратное пользованіе, т. е. пользованіе со стороны de Borron'a произведеніемъ Мар'а невозможно послѣ сказаннаго выше.

Мы сомнѣваемся, чтобы *Мар* имѣлъ передъ собою латинскую исторію Граля. Въ подтвержденіе существованія ея въ Англии приводятся свидѣтельства Hélie de Borron'a въ предисловіи къ роману *Guiron le Courtois* и въ эпилогѣ романа о Тристанѣ. Но Hélie de Borron представляетъ латинскую книгу какъ бы содержащую все исторіи Круглаго Стола; по его словамъ, она была „grant et merveilleux“ ⁵⁾. Послѣ этого понятно, насколько заслуживаютъ вниманія толки Hélie de Borron'a.

О той же латинской книгѣ говорить и *Lucas de Gast* въ началѣ романа о Тристанѣ: „Après ce que iai leu et pourleu et pourueu par maintes fois. le grant liure de latin celui meismes qui deuisse apertement lestoire dou Saint Graal. Mout mesmeruel que aucuns preudoms

¹⁾ Такая исторія Іосифа Аримаеяскаго, каковая была, по нашему мнѣнію, предъ de Borron'омъ, могла обращаться одновременно и въ Англии, и во Франціи, и даже въ другихъ странахъ западной Европы. Ее могли передавать устно, могли излагать и письменно—на латинскомъ языкѣ.

²⁾ И Hucher склоняется къ тому, что Мар'у была извѣстна поэма de Borron'a (*Le S.-Gaal*, I, 66). Познакомиться съ нею Мар могъ во Франціи, гдѣ онъ былъ нѣсколько разъ.

³⁾ *Le S.-Gaal*, I, 129.

⁴⁾ См. слова Мар'а: »Ensi vaspasiens uenga ihesu crist corporelment de ses anemis« съ словами de Borron'a: »Ensinc venja Vaspasians la mort de Ihésu —Crist« (*Le S.-Gaal*, publ. par *Hucher*, I, 251). — У Мар'а читаемъ: »autresi bien aloit chil en infer qui tous iours auoit fait bien, comme chil qui tous les maus auoit fais; у de Borron'a: »En icel tens, dont je vos parol, aloient tuit en anfer, nès les prophetes« (*Le S.-Gaal*, I, 209).

⁵⁾ *Ibid.*, 159. Строки о латинской книгѣ вылились изъ подъ пера Hélie de Borron'a въ подражаніе первымъ строкамъ романа *Lucas de Gast'a*.

ne vient avant qui empraigne à translater le latin en françois...“¹⁾ Нѣкоторые ученые склонны считать романъ *Luces de Gast'a* однимъ изъ самыхъ раннихъ въ ряду романовъ Круглаго Стола. Но изъ приведенныхъ строкъ предисловія этого романа, упоминающихъ о „le grant lestoire dou Saint Graal“, кажется, слѣдуетъ заключить, что *Luces* писалъ (по крайней мѣрѣ, — цитированное начало романа) послѣ *Мар'а*, или—когда не опубликованный романъ о Гралѣ былъ уже извѣстенъ по слухамъ²⁾. Замѣчательно, что *Luces de Gast* объявляетъ себя жившимъ вблизи Салисберн, гдѣ, по словамъ *Мар'а* была найдена латинская книга, переложеніе которой составляетъ романъ „*La Quête du Saint Graal*“.

Если же, несмотря на все это, думать однако, что *Мар* заимствовалъ не у *de Borron'a* встрѣчающагося у послѣдняго, а изъ того самаго источника, изъ котораго черпалъ французскій поэтъ, и если содержаніе этого источника ограничивать тѣмъ, чтò несомнѣнно вошло въ первую редакцію поэмы *de Borron'a*, т. е. признать его исторію Іосифа Аримаеяйскаго, не выводящего послѣдняго за предѣлы Палестины, то оба трувера могли познакомиться съ предполагаемымъ источникомъ независимо одинъ отъ другаго, и *de Borron'у* не было надобности путешествовать въ Англію за матеріалами для поэмы.

Hucher постоянно говоритъ о томъ, что произведенія *de Borron'a* и *Мар'а* явились при взаимномъ ихъ сотрудничествѣ, и мы находимъ не лишнимъ воснуться его доводовъ.

Кромѣ указаннаго уже сходства между этими произведеніями, *Hucher* приводитъ въ защиту своей гипотезы и другіе факты.

Онъ старается установить генеалогію *de Borron'a* и строить довольно сложные и вмѣстѣ шатвія подмостки, чтобы подвести его какъ-нибудь къ *Мар'у*.

Опровергая высказанныя доселѣ соображенія относительно фамиліи, къ которой принадлежалъ авторъ *малого Граля*, *Hucher* не воснулся указаній *Fr. Michel'я*³⁾. Вспомнимъ, что *Hélie de Borron*, род-

¹⁾ *Ad. Keller*, *Romvart*, Mannheim, Paris 1844, p. 134. Выдержка изъ предисловія *Luces de Gast'a* напечатана также въ XV т. *Histoire litt. de la France* (p. 494—495 по изд. 1869).

²⁾ Сл. у *Hucher*: *Le S.-Gaal*, I, 532.

³⁾ *Tristan*, I, note 67, p. ciii.—*Hucher* (p. 43—44) упоминалъ только о мнѣніи *Pearson'a*, производящаго фамилію *de Borron'овъ* отъ деревни *Buges* въ Канскомъ округѣ.

ственникъ Роберта, написавшаго поэму объ Іосифѣ, жилъ въ Англии. Въ тѣ времена странствованій рыцарей переходы ихъ изъ одной страны въ другую были нерѣдки, и нельзя оставлять безъ вниманія англійскія фамиліи *de Burro* ¹⁾ и *de Buron*. Возражая противъ мнѣнія *Paulin'a Paris*, считающаго Роберта *de Voggon* лотарингцемъ, *Hucher* замѣчаетъ, что мѣстность у Верхняго Рейна, откуда, по словамъ Р. Р., происходилъ Робертъ, называется *Vogon* а не *Voggon*, *Voignon*, *Vigon* или *Veignon*, съ каковыми четырьмя прозвищами является въ рукописяхъ романовъ *Круглаго Стола* Робертъ, авторъ поэмы объ Іосифѣ *Аримаетейскомъ* ²⁾. Но онъ называется въ манускриптахъ нерѣдко и *de Vogon*. Доводъ *Hucher*, что помѣстье *de Voggon'овъ*, къ которымъ принадлежалъ Робертъ и которые составляли вѣтвь фамиліи *des Barres*, должно было находиться вблизи помѣстievъ послѣднихъ, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія ³⁾.

Лицо, которое *Hucher* признаетъ авторомъ поэмы объ Іосифѣ *Аримаетейскомъ*, не можетъ считаться таковымъ по нашему мнѣнію. Уже въ 1169 г. сынъ Роберта, указываемаго у *Hucher*, является подтвердителемъ отцовскаго распоряженія относительно одной части земли, принадлежавшей Роберту ⁴⁾. Можно сомнѣваться въ томъ, чтобы послѣдній былъ тогда живъ. *Hucher* указываетъ на опущеніе въ грамотѣ слова „*defunctus*“, но такого эпитета могли не употребить въ виду давности смерти Роберта. Знаменательно отсутствіе дальнѣйшихъ упоминаній о немъ въ напечатанныхъ *Hucher* актахъ. *Hucher* объясняетъ это удаленіемъ Роберта *de Voggon* въ Англию, гдѣ будто бы онъ переводилъ съ *Мар'омъ* латинскую книгу *Граля* ⁵⁾, но вѣдь *Hucher* признаетъ также, что Робертъ возвратился потомъ во Францію. Робертъ, указываемый у *Hucher*, не носитъ фамиліи *de Voggon* ни въ одномъ актѣ. *Hucher* старается устранить это затрудненіе, говоря, что въ

¹⁾ *De Voggon'ы*, указываемые *Hucher*, въ актахъ XIII стол. также называются *Burron'ами*.

²⁾ *Le S.-Grael*, I, 34.

³⁾ Замѣтимъ, что фьефовъ *Barre* и *Barres* было нѣсколько. *Gourdon de Genouillac*, *Dictionn. des fiefs*, Paris 1862, p. 21—22.

⁴⁾ *Le S.-Grael*, publ. par *Hucher*, I, 47.

⁵⁾ *Ib.*, 57.

приписеѣ фамиліи (de Voggon) къ имени Роберта не было надобности вслѣдствіе извѣстности этого лица, но такое возраженіе примѣнимо только къ грамотамъ, писаннымъ во Франціи, и остается страннымъ, что Робертъ является безъ прозвища и въ папской грамотѣ. Предполагая даже, что онъ былъ живъ послѣ 1169 г. и назывался de Voggon, все-таки невозможно принимать его за автора поэмы объ Иосифѣ Аримаѣ. Этотъ Робертъ долженъ былъ имѣть въ 1169 г. minimum 40 лѣтъ, авторъ же *малаю Граля* былъ товарищъ по оружію и другъ Hélié de Voggon'a, который называетъ себя молодымъ человѣкомъ въ предисловіи къ роману *Guiron le Courtois*, вышедшему въ свѣтъ не ранѣе конца первой четверти XIII стол. ¹⁾. Если пресловутое вы-

¹⁾ Изъ предисловія этого романа видно, что онъ былъ написанъ послѣ выхода въ свѣтъ романовъ о Тристанѣ, поэмы de Voggon'a и Ланселота Мар'a. Hélié заявляетъ, что онъ работалъ очень долго надъ Тристаномъ (Le S.-Grael, publié par *Hucher*, I, p. 36, 156, 160) и много также времени посвятилъ исторіи Граля, пиша свой второй романъ. Последнее свидѣтельство довольно важно для рѣшенія вопроса о времени появленія романа *Guiron le Courtois*: »Grant temps a jà que je ai esgardé et veu les merveilleuses aventures, estranges faits que la haute histoire du Saint Graal devise apertement; moult y ai euriousemet mise m'entente et le sens que nature m'a donné; moult y ai pensé et vueillié et travaillié estudieusement...« (ib., 157—58).—Мы склоняемся думать, что романъ *Guiron le Courtois* написанъ въ первые годы правленія Генриха III. *Hucher* (p. 61—62) полагаетъ это невозможнымъ потому, что пришлось бы тогда продолжить жизнь Роберта de Voggon до 1230 г., около каковаго времени Hélié могъ получить награду отъ Генриха III. Но уже въ 1223 г. было объявлено, что Генрихъ III (ему было тогда лѣтъ 16) достаточно выросъ, чтобы распорядиться своими землями и замками, а въ 1224 г. встрѣчаются и самые факты такого распоряженія. Слѣдоват., относя литературную дѣятельность Hélié de Voggon'a къ началу правленія Генриха III, возможно и не отодвигать предѣлъ жизни Роберта къ концу двадцатыхъ годовъ XIII в., а до начала ихъ Робертъ могъ дожить. Въ предисловіи къ роману *Guiron* Hélié de Voggon не говоритъ о Робертѣ, какъ о живомъ лицѣ, а сообщаетъ лишь, что началъ романъ о Тристанѣ по просьбѣ Роберта и—потому, что они были долго товарищами по оружію (»et poug se que compaignon d'armes fusmes longement«). Онъ упоминаетъ о Робертѣ, какъ о своемъ современникѣ, въ эпилогѣ этого другаго своего романа, написаннаго ранѣе романа *Guiron le Courtois*, и именно въ промежутокъ времени отъ

раженіе „en peis“ въ строкахъ римованнаго текста, относящихся къ Gautier de Montbéliard ¹⁾, толковать согласно съ Paulin'омъ Paris ²⁾, т. е. считать однозначнымъ съ латинскимъ „in pace“, употреблявшимся въ могильныхъ надписяхъ, то авторъ *Иосифа Аримаѳейскаго* жилъ еще во второмъ десятиѣтѣ XIII стол. Исходя въ сущности изъ того же пониманія peis (какъ видоизмѣненія въ правописаніи слова païs=paix), Nucher относитъ это выраженіе къ тѣмъ излишнимъ собственно словамъ, которыя поэты

1204 до 1220 г. (Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи мы соглашаемся съ P. Paris: см. *Les manusc. franc.*, II, p. 353). О названіи *Romania* въ примѣненіи къ византійской имперіи см. въ ст. *Gaston'a Paris*: «Romani, lingua Romana, Romancium» (*Romania*, № 1, p. 14—15). Вчитываясь въ слова Héliе de Borron'a, можно найти подтвержденіе сказаннаго. Въ эпилогѣ къ Тристану авторъ сообщаетъ: «...por les biaux dis qui i sont, li rois qui est ores sires de cestui pais, en fu moult liés quant li livres fu fais» (*Le S.-Grael*, publ. par Nucher, I, 35—36). Отмѣченная курсивомъ фраза заслуживаетъ особеннаго вниманія: очевидно, романъ былъ написанъ, когда Генрихъ III не вступалъ еще въ управленіе государствомъ, эпилогъ же—потомъ. Въ предисловіи къ роману *Guiron*, Héliе de Borron'a постоянно употребляетъ прошедшее время въ рѣчи о современникахъ Генриха II (напр.: «messire Gasse li blons qui parenz fu le roi Henric»; «maistre Gautiers Mar qui fu clers au roi Henry»). О королѣ, при которомъ Héliе писалъ, онъ выражается такъ: «messires li rois Henris à qui mes livres ot tant pleu,... quant il ot regardé dès le commencement jusques en la fin, pour ce qu'il avoit oï tous les autres livres qui du livre du Saint Graal estoient trait en François devant lui et le mien et les autres les avoient toz...» Возможно ли было бы говорить такъ о Генрихѣ II?—Относя появленіе романовъ Héliе de Borron'a къ первымъ годамъ царствованія Генриха III, мы не думаемъ утверждать, что тогда же вышла въ свѣтъ и поэма объ Иосифѣ Аримаѳейскомъ.

¹⁾ V. 3489 ss.:

A ce tens que je la retreis
O mon seigneur Gautier en peis
Qui de Mont—Belyal estoit,
Unques retraite esté n'avoit etc.

P. Paris въ статьѣ о романахъ о Граалѣ, помѣщенной въ *Romania*, вм. peis поставилъ pès, но это произвольно (*fac-simile* строкъ о Gautier см. у Nucher на стр. 75 и 373).

²⁾ Les rom. de la T. R., I, 113.

XIII стол. употребляли больше для рѣшмы, и полагають, что „en pais“ означаетъ: „à l'aise, tranquillement, à loisir“, но и такое объясненіе страдаетъ искусственностію ¹⁾).

Не должно ли въ силу сказаннаго различать Роберта de Borron, автора нашей поэмы, отъ Роберта, указываемаго у Nucher, и причислить перваго къ другой вѣтви фамилии de Borron, какъ и родственника его, Hélie de Borron, о которомъ нѣтъ упоминаній въ монастырскихъ документахъ, извлеченіе изъ которыхъ представилъ Nucher?

Nucher придаетъ значеніе происхожденію фамилии de Borron. На томъ основаніи, что Вильгельмъ II des Barres женился послѣ 1202 г. на Amicie, графинѣ Лейчестерской, вдовѣ Симона де Монфоръ, Nucher заключаетъ, что и члены фамилии de Borron, составлявшей отдѣлившуюся вѣтвь des Barres, вошли въ сношенія съ вельможами Генриха II, умершаго въ 1189 г., въ томъ числѣ и съ Мар'омъ. Потомъ Nucher дополняетъ: хотя указываемый имъ бракъ случился въ 1202 г., но въ мѣстности, гдѣ жили de Borron, англійскіе бароны имѣли постоянныя дѣла ²⁾. Можно подумать, что Nucher разумѣетъ хоть нѣсколькихъ бароновъ: оказывается однако, что онъ говоритъ о тѣхъ же Лейчестерахъ ³⁾!

¹⁾ Осмѣливаемся предложить иное толкованіе: не слѣдуетъ ли связывать «en pais» съ словами «de Mont-Belyal» и подѣ *pais* разумѣть *pays*? Загадочная фраза означала бы при такомъ толкованіи: „который (т. е. Gautier) былъ въ землѣ Montbéliard“. Въ періодъ, къ которому относится рукопись поэмы, писали не только *paiz*, но и *paiz* [въ манускриптахъ *Le roman de Brut* встрѣчается даже *pays*: t. I, p. 9, 49 (v. 935)]. Pais же въ діалектѣ, на которомъ написана поэма, могли замѣнить *pais*, какъ *ainsi* было замѣнено *einsi*, *mais* *meis* и т. п. Тогда писали не только *palais*, но и *paleis* и *paleiz* (*C. Hippreau*, Diction. de la langue française au XII et au XIII siècle, Paris 1873, t. II, p. 57). По отношенію къ предполагаемому нами переходу *paiz* въ *pais* интересно, что въ концѣ 2698 ст. рѣшманнаго текста вм. «paist» поставлено «peit». Объ *ai* и *ei* въ рукописяхъ *Роланда* см. у *H. Loeschorn'a*: *Zum normannischen Rolandsliede*, Leipzig 1873, S. 22. Cf. *Romania*, II, 262.

²⁾ На стр. 369 Nucher опять утверждаетъ, что Robert de Borron вошелъ въ сношенія съ Мар'омъ «probablement par l'entremise des sires des Barres, alliés aux Leycester».

³⁾ *Le S.-Grael*, I, 49--50.

Упомянутое о городѣ Меахъ въ *большомъ Граалѣ* ¹⁾ Nucher готовъ приписать de Borron'у; если же оно принадлежало Мар'у, то послѣдній называлъ этотъ городъ мѣстомъ рожденія Эвалака, по мнѣнію Nucher ²⁾, —изъ уваженія къ de Borron'у. Но не было ли то упомянутое слѣдствіемъ уваженія къ самимъ Bagges, и не было ли у Мар'а какихъ-нибудь оставшихся намъ невѣдомыми отношеній къ той мѣстности? Известно, что Маръ учился во Франціи и потомъ не разъ путешествовалъ по ней ³⁾. Городъ Меахъ былъ также славенъ вслѣдствіе приуроченія къ нему нѣсколькихъ святыхъ.—Nucher указываетъ вслѣдъ за P. Paris на слова: „Franche estoit plus de fiere gent que les autres tières“, но такъ могъ сказать и англо-французъ.

Nucher ссылается далѣе на извѣстія въ романахъ о Тристанѣ и Guiron le Courtois ⁴⁾, но тамъ не говорится ничего о какихъ-нибудь связяхъ между Робертомъ de Borron и Мар'омъ ⁵⁾.

Приводимое Nucher показаніе Ms. № 2455 nouv., 8188 anc. de la Bibl. Nat.: „Or dist li contes qui est estrais de toutes les ystoires, si counne Robers de Borons le translatait de latin en romans, à l'ayde de maistre Gautier Mar“ не современно de Borron'у, а относится къ позднѣйшей порѣ. Насколько можно довѣрять такимъ позднѣйшимъ вставкамъ, знаетъ всякій изучавшій исторію литературныхъ памятни-

¹⁾ На это мѣсто романа Мар'а прежде еще обратилъ вниманіе P. Régis (*Les rom. de la T. R.*, I, 191).

²⁾ *Le S.-Grael*, I, 37—38.

³⁾ Онъ былъ посланъ ко двору франц. короля Louis le Jeune, проѣзжалъ ватѣмъ чрезъ Францію на соборъ въ Римъ и гостилъ у Генриха, графа Шампани, а въ 1183 г. былъ вмѣстѣ съ Генрихомъ II, англ. королемъ, въ Анжу. *Wright*, *Biogr. Brit. lit., Anglo-Norman per.*, 296—297. *Hardy*, *Descriptive catalogue of mater. relat. to the history of Great Britain and Ireland*, vol. II, 487—488.

⁴⁾ Онъ упоминаетъ еще (р. 49) о какихъ-то свидѣтельствахъ въ романахъ о Граалѣ и Ланселотѣ, но не приводитъ этихъ свидѣтельствъ.

⁵⁾ Въ словахъ Hélie de Borron'a можно отмѣтить, какъ интересную съ точки зрѣнія Nucher, фразу, что Маръ „*est lou propre livre de monsoingnour Lancelot dou Lac*“. Но ее можно толковать (и то съ натяжками) лишь такъ, что, по мнѣнію Hélie de Borron'a, Маръ въ романѣ о Граалѣ воспользовался трудомъ Роберта de Borron. Можно спросить однако, почему Hélie de Borron ставитъ Роберта прежде Мар'а въ перечнѣ авторовъ бретонскихъ романовъ?

ковъ, подвергавшихся частой перепискѣ ¹⁾). Несообразность свидѣтельства, на которое опирается Nucher, видна уже изъ того, что оно представляеть Роберта de Voggon авторомъ *большаго Граля*. Встрѣчая въ рукописяхъ одного романа о Гралѣ имя de Voggon'a, а въ манускриптахъ другаго—имя Мар'a, могли вообразить англійскаго клерка со-трудникомъ Роберта de Voggon, который приобрѣлъ большую извѣстность во Франціи и считался авторомъ не только Граля и Мерлина.

Таковы доказательства у Nucher положенія, что Робертъ de Voggon и Мар писали свои романы при взаимномъ содѣйствіи. Nucher обратился къ помощи фантазіи, заставляя Роберта de Voggon постоянно переноситься съ мѣста на мѣсто. Если вѣрить Nucher, de Voggon подарилъ свои земли аббатству Barbeaux, познакомился съ Мар'омъ, когда тотъ былъ при дворѣ французскаго короля, переселился затѣмъ въ Англію, трудился тамъ съ Gautier надъ переводомъ латинской книги, доставившей ему матеріаль для поѣмы, самую поѣму отправился писать въ Montbéliard, гдѣ интересъ къ ней возбуждало, помимо другихъ обстоятельствъ, почитаніе мощей Іосифа Аримаѣйскаго въ Вогезахъ (sic), а потомъ опять отправился въ Англію и помогаль Мар'у писать большой романъ о Гралѣ. Nucher не пришелъ, повидимому, къ прочнымъ выводамъ, и не разъ у него встрѣчаются предположенія, отличныя отъ высказанныхъ передъ тѣмъ.

De Voggon'у не было надобности въ содѣйствіи Мар'a: поѣма объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ исполнена простоты и не лишена ошибокъ, указывающихъ на недостаточность образованія автора, даже въ пересказѣ событій св. исторіи. Не было необходимости de Voggon'у знакомиться съ Мар'омъ и для написанія Мерлина ²⁾).

Не нуждался въ помощи de Voggon'a и Мар, обладавшій обширными знаніями и богатою фантазією. Не понимаемъ, чтó могло заставить его дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ поэтическимъ замысломъ и матеріалами для выполненія его.

Сказаніе, легшее въ основу поэтическихъ созданій о Гралѣ de Voggon'a и Мар'a, является въ простѣйшемъ видѣ у перваго; у Мар'a

¹⁾ Подобнаго, повидимому, взгляда на разбираемое мѣсто держится и P. Paris. См. *Les rom. de la T. R.*, I, 92; *Romania*, 1 année, p. 482. О Ms. 8488 см. у Leroux de Lincy, *Essai etc.*, p. IX.

²⁾ *P. Paris*, *Les rom. de la T. R.*, I, 355.

же оно получило тенденціозный оттѣнокъ, котораго не имѣло до той поры, и открыло собою длинный рядъ измышлений.

Съ простотою содержанія, благодаря которой поэма объ Иосифѣ Аримае. можетъ быть названа наименѣе сложнымъ изъ литературныхъ произведеній о Гралѣ, она соединяетъ несомнѣнное хронологическое первенство въ ряду ихъ ¹⁾.

Поэтому, кому бы ни приписывать—de Vogron'у ли, или Мар'у—честь почина въ перенесеніи легенды о Гралѣ въ область литературы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, занимающійся выводомъ этой легенды долженъ обратить преимущественное вниманіе на поэму de Vogron'a, совсѣмъ оставивъ въ сторонѣ Куотъ и нѣмецкій переводъ или передѣлку его романа (у Вольфрама фонъ Эшенбахъ).

Поэма Роберта de Vogron составляетъ какъ бы переходное звено отъ легенды о Гралѣ, какою она была до обработки ея въ романахъ, къ легендѣ романической. Она даетъ возможность подойти къ источнику романической фэбулы и наглядно показываетъ, въ чемъ состояли прибавки къ древнѣйшей канвѣ, и что было внесено въ сагу послѣ того, какъ она обратилась въ достояніе труверовъ.

Какимъ же является сказаніе о Гралѣ въ древнѣйшемъ *литературномъ* произведеніи объ этой святынѣ?

Въ отвѣтъ на это предлагаемъ очеркъ содержанія поэмы de Vogron'a.

Она отърывается разсказомъ объ искупленіи, которое авторъ разсматриваетъ, какъ освобожденіе отъ власти діавола. Затѣмъ романъ повѣствуетъ о предательствѣ Иуды и о Тайной Вечери.

Исуса увели. Въ домѣ Симона, гдѣ Онъ въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ своими учениками, остался сосудъ, въ которомъ Христосъ священнодѣйствовалъ. Одинъ изъ Евреевъ унесъ сосудъ и отдалъ потомъ Пилату.

У правителя Иудеи состоялъ на службѣ *chevalier* по имени Иосифъ. Онъ видѣлъ много разъ Исуса и полюбилъ Его. Присутствуя на совѣщаніи Иудеевъ, замыслившихъ погубить Богочеловѣка, Иосифъ

¹⁾ Несложную схему поэмы, такимъ образомъ, не должно приписывать позднѣйшему и умышленному уничтоженію романическихъ подробностей въ легендѣ.—О хронологическомъ первенствѣ поэмы говоритъ самъ de Vogron; свидѣтельствуютъ о немъ также рукописи *большаго Граля* и сличеніе поэмы съ другими произведеніями о Гралѣ.

не осмѣлился противорѣчить имъ. Но, узнавши о смерти Иисуса, онъ рѣшился, въ глубокой скорби, спасти отъ поруганія хотя бездыханное тѣло Его. Явившись къ Пилату, Онъ напомнилъ о своей службѣ и попросилъ въ награду тѣла распятаго. Удивленный правитель тотчасъ же согласился удовлетворить его просьбѣ. Иудеи не дозволяли однако снять тѣло Иисусово и ушли отъ креста только послѣ того, какъ Иосифъ явился вторично—уже въ сопровожденіи Никодима, посланнаго Пилатомъ.

Иосифъ принялъ въ свои руки святое тѣло и тихо положилъ его на землю. Омывая его, онъ замѣтилъ кровь, струившуюся изъ ранъ, и ужаснулся, вспомнивъ, что ею былъ разсѣченъ камень, находившійся у подножія креста. Иосифу пришелъ на мысль сосудъ Тайной Вечери, который передъ тѣмъ былъ отданъ ему Пилатомъ, и благочестивый мужъ нашелъ, что каплямъ божественной крови наиприличнѣе было помѣститься въ этомъ сосудѣ. Иосифъ взялъ сосудъ и собралъ въ него кровь изъ язвъ на ногахъ, рукахъ и боку. Послѣ того, обвинивши тѣло Иисуса богатою тканью, положилъ Его въ приготовленную для себя гробницу.

Вѣсть о воскресеніи Христовомъ смутила Иудеевъ, и они рѣшили предать смерти Иосифа и Никодима, которыхъ считали виновниками потери Иисуса. Предупрежденный Никодимъ успѣлъ скрыться, Иосифъ же былъ схваченъ въ постели, жестоко избитъ и потомъ ввергнутъ въ принадлежавшую Каиафѣ темницу, которую такъ закрыли, что башня казалась снаружн каменнымъ столбомъ. Никто не зналъ, что случилось съ Иосифомъ. Что касается Пилата, то онъ былъ сильно раздраженъ и огорченъ исчезновеніемъ его, потому что не имѣлъ вокругъ себя ни лучшаго друга, ни столь праводушнаго и храбраго *chevalier*.

Казалось, что все было кончено для Иосифа. Но истинные друзья познаются въ несчастіи, и Иосифъ не былъ забытъ Тѣмъ, за кого потерпѣлъ. Иисусъ явился ему въ темницѣ и принесъ сосудъ, содержащій божественную кровь. Увидѣвши свѣтъ, Иосифъ возрадовался сердцемъ, исполнился благодати Св. Духа и восвеличился: „Всемогущій Боже! откуда можетъ происходить этотъ свѣтъ, если не отъ тебя“?

— Иосифъ! Иосифъ! сказалъ Иисусъ, не смущайся, тебя спасетъ сила Моего Отца.

— Кто ты, говорящій со мною? мой ослѣпленный взоръ не можетъ узнать тебя.

Тогда Иисусъ разсказалъ все сдѣланное Имъ для человѣческаго рода.

— Какъ, Господи, спросилъ Иосифъ, такъ ты—Иисусъ Назарянинъ, сынъ Маріи, тотъ, котораго Иуда предалъ за 30 сребренниковъ, котораго распяли Иудеи, и котораго я положилъ въ своей гробницѣ?

— Я тотъ самый, отвѣчалъ Иисусъ.

— О благіи Господи, сжался надо мною, я заключенъ сюда ради тебя и всегда много любилъ тебя, хотя не осмѣливался сказать тебѣ, боясь, что ты не повѣришь, такъ какъ я пребывалъ въ обществѣ искавшихъ твоей смерти.

— Мой другъ остается добрымъ и съ моими врагами, отвѣчалъ Иисусъ, и ты можешь видѣть это на себѣ. Ты былъ мой другъ, и я хорошо зналъ тебя и оставилъ тебя среди нихъ потому, что предвидѣлъ, что ты поможешь мнѣ тамъ, гдѣ не осмѣлятся помочь мои ученики, и ты это сдѣлалъ изъ любви къ моему Отцу, который даровалъ тебѣ волю и силу для такого служенія и оставилъ тебя служить Пилату, столь любившему тебя, что я былъ отданъ тебѣ и остаюсь твоимъ.

— О Господи, не говори мнѣ, что ты мой!

— Такъ, Иосифъ, возразилъ Иисусъ, я принадлежу всѣмъ добрымъ, и всѣ добрые—мнѣ. И знаешь ли ты, что ты приобрѣлъ тѣмъ, что я былъ тебѣ дарованъ? Ты возмѣнешь непрестанную радость о томъ, когда окончишь жизнь на землѣ. Я не привелъ сюда ни одного изъ своихъ учениковъ, потому что никто изъ нихъ не вѣдаетъ о нашей любви. Знай, что она будетъ явственна для всѣхъ и опасна для не вѣрящихъ. Ты будешь обладать памятникомъ моей смерти, а послѣ тебя—тѣ, которымъ ты его вѣришь. Вотъ онъ.

И Иисусъ вручилъ Иосифу драгоценный сосудъ съ кровью, собранною Иосифомъ, который скрылъ—было это тотъ сосудъ въ тайномъ, ему одному извѣстномъ мѣстѣ своего дома.

Иосифъ палъ на колѣна, возблагодарилъ, но указывалъ на свое недостоинство. Спаситель повелѣлъ однако взять Граль и хранить его. Граль долженъ былъ имѣть трехъ хранителей. Потомъ Иисусъ возвѣстилъ, что никогда таинство не будетъ совершаться безъ того, чтобы не воспоминался подвигъ Иосифа. Дѣло Иосифа будетъ представляться взорамъ христіанъ, пока будетъ стоять вселенная. Иисусъ сообщилъ затѣмъ какія то таинственные слова, которыхъ поэтъ не передаетъ. Въ концѣ Спаситель сказалъ: „Всякій разъ, какъ ты будешь нуждаться, проси совѣта у трехъ силъ, составляющихъ одно, и у Дѣвы, носившей сына, и ты будешь имѣть совѣтъ въ своемъ сердцѣ, потому

что къ тебѣ будетъ говорить Св. Духъ. Я не вывожу тебя теперь отсюда, потому что не наступило еще время, и ты останешься въ этой темницѣ, въ которой будетъ пребывать такой же мракъ, какой былъ въ ней, когда ты былъ въ нее ввергнутъ. Не смущайся; твое освобожденіе будетъ принято за великое чудо невѣрующими, и ты расположишь къ любви ко мнѣ своего освободителя“¹⁾).

Спаситель скрылся и Іосифъ остался въ темницѣ. Мало по малу о немъ позабыли.

Прошло много лѣтъ, хотя Іосифъ не замѣчалъ того, такъ какъ годы казались ему часами.

Римскій императоръ, сынъ котораго, Веспасіанъ, былъ боленъ проказою, узналъ отъ одного путешественника о чудесахъ, какія творилъ нѣкогда Іисусъ, умерщвленный Іудеями при Пилатѣ. Разсказъ пилигрима былъ выслушанъ потомъ императорскими совѣтниками, и въ Іудею была отправлена комиссія для изслѣдованія обстоятельствъ смерти пророка и для открытія чего-нибудь принадлежавшаго ему.

Посланные императора успѣли развѣдать истину о смерти Іисуса. Имъ удалось также узнать, что у одной старухи хранился Его образъ, Она сначала запиралась въ томъ, но потомъ созналась и такъ объяснила происхожденіе образа: „Я несла для продажи сдѣланный мною покровъ. Случилось, что мнѣ встрѣтились ведшіе пророка. Руки у него были связаны: за нимъ шли всѣ Іудеи. Увидѣвъ меня, пророкъ подозвалъ и просилъ отереть ему лицо ради великаго Бога. Я сдѣлала это и отошла. Его увели, нанося ему побои. Пришедши домой и взглянувши на полотно, я увидѣла тамъ отпечатокъ этого образа“.

Вероника (такъ звали женщину, которой принадлежалъ образъ) отправилась съ императорскими посланными въ Римъ, и Веспасіанъ былъ мгновенно исцѣленъ, какъ только увидѣлъ изображеніе, хранившееся съ тѣхъ поръ въ Римѣ и пребывавшее тамъ и во время, когда писалъ поэтъ.

Веспасіанъ задумалъ отомстить виновникамъ смерти исцѣлившаго его пророка и прибылъ въ Іудею во главѣ огромнаго войска.

¹⁾ Мы изложили сцену въ темницѣ подробнѣе, чѣмъ остальные, въ виду интереса ея и важности въ романѣ, а также—чтобы дать читателю возможность судить хотя приблизительно о тонѣ и способѣ изложенія занимающаго насъ памятника.

Обманутые заключеніемъ въ темницу Пилата, Іудеи откровенно рассказывали всѣ подробности распятія Іисуса, обвиняя правителя въ невѣрности императору. Каково же было ихъ удивленіе, когда ихъ потомъ схватили! На требованіе выдать тѣло Іисусово, Іудеи отвѣчали, что оно было отдано Іосифу Аримѣеѣскому, и что еслибы имъ былъ представленъ этотъ послѣдній, то и они возвратили бы тѣло Іисуса. Многіе изъ Іудеевъ были казнены, а отъ остальныхъ Веспасіанъ вновь потребовалъ выдачи Іисуса или же Іосифа.

Наконецъ, одинъ изъ Іудеевъ согласился, подѣ условіемъ сохрaненія ему жизни, указать мѣсто, гдѣ заперли Іосифа.

Когда отвалили камень у входа въ темницу, Веспасіанъ наклонился и воззвалъ Іосифа; отвѣта не было. „Sire, сказали ему бывшіе съ нимъ, вы воображаете чудо, думая, что этотъ человѣкъ можетъ быть еще живъ“. „Я не повѣрю, что онъ мертвъ, отвѣчалъ Веспасіанъ, пока не увижу его“. Онъ потребовалъ веревку, позвалъ еще нѣсколько разъ Іосифа и, не получивши отвѣта, спустился въ темницу. Осмотрѣвшись, онъ замѣтилъ въ одномъ углу свѣтъ и направился туда. Іосифъ поднялся на встрѣчу къ нему и назвалъ его по имени. Веспасіанъ удивился и воскликнулъ: „Благословенъ Господь, спасшій тебя, потому что одинъ Онъ могъ это сдѣлать!“ Веспасіанъ и Іосифъ бросились другъ къ другу и поцѣловались. На вопросъ Веспасіана о томъ, кому онъ долженъ приписать свое исцѣленіе, Іосифъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой изложилъ исторію творенія міра и человѣка, —надепія послѣдняго и искупленія. Веспасіанъ вполне убѣдился словами Іосифа и увѣровалъ.

Когда увидѣли Іосифа остававшіеся внѣ темницы, они были изумлены, равно какъ и Іудеи.

Іудея, указавшаго мѣсто заключенія Іосифа, посадили съ семействомъ въ лодку и пустили въ море на волю Провидѣнія. Съ остальными же Іудеями Веспасіанъ „дѣлалъ, что хотѣлъ“. Онъ продавалъ ихъ Римлянамъ и уступалъ по 30 человѣкъ за 1 динарій. „Такъ отомстил Веспасіанъ смерть Іисуса“.

У Іосифа была сестра, по имени—Енусгеус. Услышавши о томъ, что онъ живъ, она явилась къ нему съ своимъ мужемъ, Бронпомъ. Послѣ проповѣди Іосифа они увѣровали, а также и многіе другіе Іудеи. По ходатайству Іосифа, Веспасіанъ помиловалъ ихъ, и всѣ они вмѣстѣ съ Іосифомъ вышли изъ земли, въ которой пострадалъ Христосъ.

Они прибыли въ отдаленную и чужую страну и поселились тамъ, занимаясь работами. Сначала все удавалось имъ, но потомъ, вслѣдствіе допущеннаго нѣкоторыми грѣха, трудъ не шель въ прокъ. Будучи не въ состояніи долѣе терпѣть, они обратились къ Брону съ просьбою узнать отъ Іосифа, по чьей винѣ произошло несчастіе.

Іосифъ приблизился со слезами на глазахъ къ своему сосуду, преклонилъ колѣна и молилъ Господа о наставленіи. Тогда гласъ Св. Духа возвѣстилъ Іосифу, что гнѣвъ Божій постигъ народъ не по его проступку. Для отдѣленія злыхъ отъ добрыхъ, надлежало, по Божію повелѣнію, приготовить столъ, въ воспоминаніе стола въ домѣ Симона, отправить Брона для поимки рыбы, покрыть тѣмъ временемъ столъ скатертями и поставить Граля посрединѣ противъ того мѣста, которое долженъ былъ занять Іосифъ, а потомъ положить прямо противъ Граля первую рыбу, изловленную Брономъ. Іосифъ долженъ былъ сѣсть на мѣсто, которое принадлежало на вечера въ домѣ Симона Іисусу, а по правую сторону отъ Іосифа—Бронъ. Потомъ Іосифъ долженъ былъ пригласить садиться всѣхъ вѣровавшихъ.

Іосифъ устроилъ все по велѣнію Господа. Многіе усѣлись, но еще болѣе было такихъ, которые не нашли мѣста. Бывшіе за столомъ усладились и забыли про стоявшихъ внѣ. Только Петръ обратился къ послѣднимъ и спросилъ, не чувствовали ли и они благодати, какую ощущали сидѣвшіе за столомъ.—Нѣтъ, отвѣчали тѣ.—„Слѣдовательно, вы совершили грѣхъ, изъ—за котораго произошелъ неурожай“. Виновные устыдились и вышли изъ дома.

Такъ впервые была испытана сила сосуда, и произошло отдѣленіе грѣшныхъ отъ добрыхъ.—Послѣдніе собирались ежедневно съ той поры въ третій часъ дня (по нашему счету—въ девять часовъ утра) къ грѣсе, которая оставалась съ ними продолжительное время.

Признанные грѣшниками удалились отъ общества вѣрныхъ ¹⁾. Изъ отверженныхъ остался одинъ Моисей, казавшійся народу мудрымъ и благочестивымъ, а въ сущности человѣкъ лживый, незаконный и невоздержный. Онъ умѣлъ краснѣ и убѣдительно говорить и неотступно убѣждалъ добрыхъ ходатайствовать предъ Іосифомъ о дозволеніи приступить къ столу. Послѣ долговременныхъ моленій со стороны Моисея,

¹⁾ О вопросѣ, предложенномъ грѣшниками при уходѣ, и о грѣсе—см. выше въ разборѣ мнѣнія г. Веселовскаго.

они отправились въ Иосифу и просили, чтобы и Моисею была дана грѣсе, которую они имѣли. Иосифъ отвѣчалъ, что удѣлять грѣсе не въ его власти, что Моисей не таковъ, какимъ представляется, но что Иосифъ будетъ однако просить о немъ у Господа.

Иосифъ преклонился предъ Гралемъ колѣнами и локтями къ землѣ и молилъ Бога дать указаніе о Моисеѣ. Голосъ Св. Духа повелѣлъ допустить Моисея къ столу, „если онъ любитъ столь грѣсе, какъ говорить“.

Узнавъ о томъ, Моисей сказалъ: „Я ожидаю только позволенія и не боюсь, что я не таковъ, чтобы быть добрымъ и занять мѣсто“.

Тогда хлопотавшіе о Моисеѣ приняли его промежь себя и съ радостью повели туда, гдѣ совершалось служеніе—*servise*.

Увидѣвши Моисея, Иосифъ предостерегалъ его, говоря: „Моисей, Моисей, не приближайся къ вещи, которой ты недостойнъ, потому что никто не можетъ тебя такъ обмануть, какъ ты самъ, и наблюдай, чтобы ты былъ таковъ, какимъ считаютъ тебя эти люди и какимъ ты называлъ себя“.

— Такъ по истинѣ, какъ я добръ, я достоинъ оставаться въ вашемъ обществѣ, отвѣчалъ Моисей.

— Подходи же, сказалъ Иосифъ, если ты таковъ; мы это посмотримъ.

Иосифъ и Бронъ сѣли у стола, и всѣ другіе, каждый на своемъ мѣстѣ. Оставшійся позади Моисей возымѣлъ страхъ. Онъ обошелъ вокругъ стола и не нашелъ мѣста, за исключеніемъ того между Иосифомъ и Брономъ, которое всегда оставалось незанятымъ въ воспоминаніе мѣста, покинутаго Іудю. Едва онъ тамъ усѣлся, какъ подъ нимъ разверзлась земля и поглотила его, вновь закрывшись, такъ что казалась,—его никогда не было. Присутствовавшіе ужаснулись.

По окончаніи *servise*, совершивъ обычную молитву предъ Гралемъ, Иосифъ узналъ отъ Св. Духа, что остававшееся свободнымъ мѣсто должно быть занято „третьимъ человѣкомъ“ въ родѣ Иосифа (по нисходящей линіи), сыномъ Бронова сына; Моисей притворился и низвергнуть въ пропасть, и о немъ не будутъ говорить, пока не найдетъ его тотъ, который займетъ пустое мѣсто.

Съ теченіемъ времени сыновья Брона возмужали, и онъ, по совѣту жены, обратился къ Иосифу съ вопросомъ, чѣмъ съ ними дѣлать, такъ какъ онъ не желалъ предпринимать ничего безъ воли Божіей и на-

ставленія Іосифа. По Божію повелѣнію, возвѣщенному чрезъ ангела, сыновьямъ Брона было предложено выбрать женъ. 11 изъ нихъ женились согласно закону І. Христа и велѣніямъ церкви, двѣнадцатый же, Alain, рѣшительно отказался и былъ приведенъ въ Іосифу, объявившему, что Alain будетъ служить Господу. Исполняя Божію волю, Іосифъ изложилъ Alain'у исторію Спасителя и Граля и свою собственную, показалъ св. сосудъ и преподалъ наставленія о поддержаніи въ себѣ нравственной чистоты и о проповѣданіи вѣры Христовой.

Когда на другой день всѣ присутствовали въ 1-мъ часу (à l'heure de prime) при *segrise*, съ неба показался свѣтъ, принесшіи грамоту. Всѣ поднялись съ мѣстъ. Іосифъ подозвалъ Петра и вручилъ ему писаніе, объявивъ, что Богъ избралъ его посланникомъ. Петръ колебался признать себя такимъ, — сознавая свое недостоинство. Уступивъ потомъ настояніямъ Іосифа, онъ сказалъ, что пойдетъ къ западу, въ пустынное мѣсто, къ *vans d'Avaron*, и тамъ будетъ ожидать благодати Божіей.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ пришли къ Брону, возвѣстившему своимъ сыновьямъ, что онъ поставляетъ Alain'а главою, который будетъ руководить братьями, и Alain отправился съ ними въ чужія страны, повсюду проповѣдуя о Христѣ. Петръ же остался, по просьбѣ Іосифа, еще на три дня. Это случилось по Божію устроенію: Петръ долженъ былъ видѣть передачу свящ. сосуда Брону, чтобы имѣть возможность свидѣтельствовать о томъ.

На другой день, во время *segrise*, Іосифъ сказалъ Брону, какъ тотъ долженъ вести себя, передалъ исторію Граля, а наединѣ сообщилъ тайныя слова, слышанныя отъ Спасителя въ темницѣ и записанныя. Бронъ долженъ былъ называться *Riche pècheur*.

Петръ тотчасъ же простился и ушелъ. При разлугѣ съ нимъ было немало воздыханій и слезъ, и произносились рѣчи и молитвы.

Riche pècheur оставался еще три дня съ Іосифомъ, но на четвертый, повинаясь внутреннему голосу, также удалился на западъ. Онъ остановится тамъ, гдѣ ему скажетъ его сердце, и будетъ ожидать сына своего сына, которому передастъ, когда наступитъ время, *grâce* и Граль. Такъ будетъ представленъ этими тремя хранителями Граля образъ Св. Троицы.

Оставшись одинъ, Іосифъ возвратился въ землю, въ которой родился, и тамъ, „отошедши отъ временной жизни, перешелъ въ вѣчную, гдѣ достигъ совершенной радости, достигающейся добрымъ“.

Таково содержаніе поэмы de Vogon'a.

Читатель замѣтилъ, безъ сомнѣнія, что дѣйствіе сосредоточивается въ ней преимущественно около *собранія крови* Христовой и около хранения содержавшаго ее сосуда, которое перешло отъ Іосифа въ его *родственниковъ*.

Въ другихъ французскихъ романахъ о Гралѣ все значеніе послѣдняго также основано на содержавшемся въ немъ, и первымъ хранителемъ священнаго сосуда является тотъ же Іосифъ.

Поэтому въ выводѣ сказанія о Гралѣ должно остановить вниманіе въ особенности на мотивѣ собранія крови Христовой Іосифомъ ¹⁾, и та лишь легенда можетъ быть признана дающею толчокъ къ образованію романическаго сказанія и источникомъ, или зерномъ его; въ которой этотъ мотивъ занимаетъ первостепенное положеніе.

Ни одна изъ сажъ, въ которыхъ думали отереть и отерываютъ источникъ романическаго повѣствованія, не удовлетворяетъ выставленному нами требованію, и вотъ причина, по которой мы позволили себѣ не согласиться съ изложенными нами гипотезами, хотя нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ весьма почтеннымъ и извѣстнымъ ученымъ.

Рѣшаемся обратить вниманіе читателя на иную легенду, именно—на ту, которая существовала въ XII и XIII стол. въ Палестинѣ и была перенесена оттуда въ Европу.

Она сообщала и о собраніи крови Христовой Аримаеѣйскимъ праведникомъ совмѣстно съ Ниводимомъ въ драгоценный сосудъ, и о передачѣ ея родственникамъ Іосифа ²⁾.

¹⁾ Уже Grässe замѣтилъ (Die grossen Sagenkreise des Mittelalters, S. 137): »...das Blut unsers Heilands, freilich nachher immer in Verbindung mit der Schale gedacht, als das wichtigste Element des ganzen Mysteriums erscheint«.

²⁾ Въ относящейся къ XIII стол. записи Палестинской легенды (у Маттея Парижскаго) читаемъ объ Іосифѣ: »maximo autem timore et honore ipsum sanguinem cum aqua, quem censuit praecordialem a latere dextero feliciter eliquatum et expressum, in vase recepit nobilissimo, tamquam thesaurum impretiabilem, sibi et successoribus suis specialiter reservandum... Sic igitur devoluta fuit hujus carissimae rei possessio de patribus in filios, et de amicis in amicos«... Какъ видно изъ словъ М. Парижскаго, собраніе крови Христовой приписывалось въ Палестинской легендѣ собственно Іосифу. Запись Брюггской легенды—у Иперія, въ Бертинской хроникѣ.—О Палестинской легендѣ упомянулъ вскользь только Мартоннъ, касаясь легендъ о крови Христовой.

Нѣтъ другой саги, которая подходила бы въ такой мѣрѣ къ основѣ сказанія de Voggon'a, и уже это одно позволяетъ думать, что послѣдній воспользовался легендою, вращавшеюся въ Св. Землѣ, на связь съ которою указываетъ весьма интересное сообщеніе de Voggon'a, что Іосифъ скончался въ землѣ, въ которой родился ¹⁾. Въ Палестинѣ, дѣйствительно, показывали въ XII стол. гробницу Іосифа ²⁾. Замѣчательно, что, по роману Мар'а, Граль возвратился въ концѣ концовъ въ Сирію. Нѣтъ ли и въ этомъ намекъ на Палестинское преданіе?

При оживленности сношеній тогдашняго западно-европейскаго люда съ Святою Землею становятся весьма вѣроятными извѣстность Палестинской легенды во Франціи и воспріятіе ея изъ первыхъ устъ, т. е. отъ лицъ, посѣщавшихъ Палестину. Сколько исторій и легендъ заносилось тогда на Западъ! Разсказъ о крови Христовой, составлявшей достояніе Іерусалимской церкви, не могъ быть исключенъ изъ числа ихъ.

Помимо того были обстоятельства, долженствовавшія распространить извѣстность Палестинской легенды въ отечествѣ de Voggon'a и возбудить интересъ къ сказаніямъ вообще о собраніи крови Христовой. Мы разумѣемъ появленіе реликвій этой крови на западѣ незадолго до выхода въ свѣтъ романовъ о св. Гралѣ. Въ 1148 г. была принесена изъ Іерусалима во Фландрію часть крови Христовой, хранившейся въ этомъ городѣ, и была помѣщена въ Брюгге, въ церкви св. Василія, а въ 1171 г. реликвія крови Христовой была выставлена въ Гёсампр'ѣ (въ Нормандіи). Это были крупные факты въ церковной жизни западно-европейскаго побережья, которые вызвали толки, по всей вѣроятности, не только въ ближайшихъ, но и въ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. О Гёсампр'ской реликвіи могли узнавать между проч..

¹⁾ Со времени мести Веспасіана до смерти своей Іосифъ жилъ, какъ мы видѣли, внѣ Палестины.

²⁾ У Данила Паломника (Путеш. игум. Данила по св. землѣ, Изд. подъ ред. А. С. Норова, Спб. 1864, стр. 107) говорится: «Ту (въ 4-хъ в. отъ Севастополя) есть мѣсто въ горахъ каменныхъ сзданъ городокъ малъ; въ томъ городкѣ гробъ святаго Іосифа Аримаѳянина, иже спроси у Пилата тѣло Іисусово. Надъ гробомъ святаго Іосифа сздана церковь клѣтски, висока вельми. И то мѣсто зовется Аримаѳѣя». См. объ Аримаѳѣ въ Real-Encyclopädie für protest. Theol. und. Kirche, hrsg. von Herzog, VII Bd. (Stuttgert und Hamburg 1857), S. 24, u. I, (Hamb. 1854), S. 502.

чрезъ жонглеровъ, принадлежавшихъ къ Фэсапр'ской конфреріи, получившей начало въ XII стол. 1) Сказаніе о Гралѣ вышло однако не изъ легенды Фэсапр'а, гдѣ въ болѣе древнее время не говорили объ Іосифѣ и собраніе крови приписывали Никодиму 2).

Мы думаемъ, что факты, которыхъ мы только что коснулись, объясняютъ какъ нельзя лучше происхожденіе поэмы объ Іосифѣ Аримаеѣскомъ. Они раскрываютъ и причину, по которой благочестивый труверъ остановился на легендѣ о собраніи крови Христовой, и источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ основное содержаніе поэмы 3).

1) *Leroux de Lincy, Essai hist. et litt. sur l'abbaye de Fécamp, XIV.*

2) Легенда Фэсапр'а примыкаетъ къ итальянской легендѣ, о которой мы вскорѣ скажемъ. Съ теченіемъ времени первая подверглась вліянію романческаго сказанія о Гралѣ, что допускаетъ и *Leroux de Lincy* (р. 138), и была приспособлена къ Палестинскому преданію, потому что въ *Roëme sur le précieux sang* (*Leroux de Lincy, l. c. p. 141*) собраніе крови Христовой усваивается не только Никодиму, но и Іосифу. Сочиненіе этой поэмы восходитъ къ XIII стол. (ib., X; cf. p. 164). Ст. (p. 145):

Tant comme bien le garderas
 Jà povre homme tu ne seras,
 Eins en seras riche à puissance
 S'en ohes trésor mes ta fianche

напоминаютъ поэму de *Borron'a*; по разсказу послѣдней, гласъ Св. Духа говорилъ о тѣхъ, которые будутъ передавать исторію Граля:

Leur heritages garderei etc.

(V. 3049). Впрочемъ, замѣчательное сходство отдѣльныхъ мотивовъ встрѣчается въ легендахъ о крови Христовой, позидимому, совершенно независимыхъ одна отъ другой. Интересно, напр., сличить съ различными мѣстами *малаю Граля* то, что говорилъ св. Варипсавѣ отшельникъ, передавшій ему кровь Христову: „τὸ ὄνομα σου κυρηχθήσεται ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ δια τὴν παρὰδότην, ἣν παρέχω σοι. Μὴ οὖν καταφρονήσης, ἀλλ' ἐν οσιότητι καὶ καταρότητι πνεύματος καὶ σαρκὸς γένου ἐν πάσαις ταῖς ἡμέρας της ζωῆς σου“. *Bolland. Acta SS. Septembris, t. III, p. 499.*

3) Такимъ источникомъ мы признаемъ Палестинское преданіе, проникшее во Францію или прямо изъ Палестины, или изъ Фландріи. О нѣкоторыхъ поэтахъ можно думать, что они имѣли въ виду западныя легенды. Авторъ прозаическаго Персеваля, изд. *Potvin'омъ*, былъ знакомъ, кажется,

Намъ могутъ указать на отсутствіе въ Палестинской легендѣ упоминанія о перенесеніи крови Христовой на западъ. Но если первая редакція поэмы говорила о такомъ перенесеніи (въ чемъ мы не имѣемъ увѣренія)¹⁾, то труверъ могъ послѣдовать въ этомъ случаѣ *Fécamp*'ской легендѣ, какъ скоро древнѣйшее нормандское преданіе походило хоть въ общихъ чертахъ на легенду, изложенную въ „*Roème sur le précieus sang*“.

Не одна легенда о собраніи крови Христовой вошла въ поэму de *Boigon*'а; въ произведеніи трувера можно различить еще другія традиціи, существовавшія и обращающіяся внѣ поэмы въ отдѣльности отъ легенды о крови. Эти преданія слѣдующія: 1) повѣствованіе объ Іосифѣ, заимствованное изъ Никодимова евангелія; 2) рассказъ о Вероникѣ и отищеніи за смерть Христову; 3) традиція о сосудѣ Тайной Вечери; 4) подробность о разсѣченіи кровію Христовой камня у подножія креста. Были пересказы на народныхъ языкахъ этихъ легендъ²⁾.

съ легендой о Брюггской реликвиі, потому что онъ приписываетъ собраніе крови Христовой не одному Іосифу, о которомъ говорить: „... *garda la lence dont il fu férus et le seintime veissel en quoi eil qui le créoit* (въ Бернскомъ манускр. *créoient*) *reciurent pœureusement le sanc qui découroit de ces plaies quant il fu mis an la croiza* (р. 2). У Кретьена де Труа есть ссылка на *Fécamp*'скую легенду.

¹⁾ Перенесеніе крови Христовой на западъ въ отдаленныя времена могъ ввести въ сказаніе о Гралѣ Мар.

²⁾ На русскомъ яз. специальную статью о Нерукотворенномъ Образѣ (принадлежащую г. Катанскому) см. въ *Христ. Чт.* 1874 (декабрь). Древнѣйшимъ изъ западныхъ сказаній объ этомъ образѣ признается англо-саксонское: *Natanis legatio ad Tiberium*. Легенда о Вероникѣ имѣется въ нѣсколькихъ обработкахъ XII-го стол. Сказанія о Титѣ и Веспасіанѣ обращались и въ англо-нормандской литературѣ (см. у *Michel*'я: *Tristan*, I, СХХ—СХХI). О взглядѣ на разрушеніе Іерусалима, какъ на наказаніе за смерть Спасителя, см., между проч., въ *Annuaire de la Bibl. royale de Belgique*, douz. année (1851), р. 113.—Въ ром. о Гралѣ сосудомъ, принявшимъ кровь Христову, оказывается тотъ самый, который былъ употребленъ на Тайной Вечери. Къ послѣднему сначала не приурочивали собранія крови. Его показывали въ Іерусалимѣ уже въ VI—VII вв. (занималъ онъ вѣрующихъ и рабѣ: у *Климентя Александрійскаго* встрѣчается разсужденіе, что блюдо, изъ котораго

Нѣкоторыя подробности романовъ de Востон'a и Мар'a принадлежать, повидимому, къ общимъ легендарнымъ мотивамъ. Явленіе Христа въ сѣяніи въ темницѣ встрѣчается не только въ Ниноджмовомъ евангелии и апокрифѣ, написанномъ именемъ Іосифа; нѣкоторую аналогію ему находимъ въ провансальской поэмѣ о Бовціи ¹⁾. Подробность о чудесномъ прибытіи на западъ *по морю* встрѣчается въ нѣсколькихъ легендахъ ²⁾. Градь питательною своею силою напоминаетъ,

вкусалъ Спаситель, было претое). Въ позднѣйшее время сосудъ Тайной Вечери упоминается въ *Voyage de Charlemagne à Jerusalem et à Constantinople*, гдѣ онъ названъ

le calice, que il (Ihesu) (ont) benesquied.

P. Paris совершенно справедливо замѣтилъ на основаніи этого стиха, что легенда о Градѣ не была въ обращеніи во Франціи, когда явилось *Illustre-mentaire* (*Jahrbuch für romanische und englische Literatur*, 1-ter B., S. 209). *Voyage de Charlemagne* нѣкоторые относили ко второй половинѣ XII стол., а Moland (Orig. litt., p. 402)—къ первой половинѣ XIII-го. P. Paris приписывалъ „большую древность“ этому произведенію и готовъ былъ допустить составленіе его еще до крестовыхъ походовъ (*Jahrb.* I, 202, 203-204, 499), но въ послѣднее время онъ думаетъ, кажется, иначе (*Romania* № 13, Janvier 1875, p. 139). L. Gautier относитъ появленіе *Voyage* къ первой трети XII стол. (*Les épopées françaises*, II, Par 1867, p. 260; ср. *La chans. de Roland*, cinqui. éd., p. 13). Ed. Koschwitz, занимавшійся изученіемъ *Voyage* въ самое послѣднее время (ст. его помѣщена въ *Romanische Studien*, II, 4), пришелъ къ не новому выводу, что этотъ *fabliau* написанъ позже *Alexis* и почти современенъ *Роланду*. Къ тому же склоняется и G. Paris (*Romania*, №№ 15—16, Juillet—Octobre 1875). На основаніи нѣкоторыхъ признаковъ въ содержаніи *Voyage*, основу этого *fabliau* должно относить къ XI стол.—Сближеніе еucharистіальной чаши съ сосудомъ, принявшимъ кровь Христову, замѣчаемъ въ словахъ, приписываемыхъ Герману Константиноп. (*Acta SS. Septembris*, t. III, p. 497).—О ярви, расколдовай камень у подножія креста, см. ниже.

¹⁾ Fr. Diez, *Altromanische Sprachdenkmale*, Bonn 1846, S. 43. K. Bartsch, *Chrétomathie provençale*, 3-me éd. (Eilberfeld 1875), col. 5.

²⁾ Въ *большомъ Градѣ* повѣствуется, что Іосифъ переплылъ море съ своими спутниками на рубашкѣ. Въ *маломъ Градѣ* о Петрѣ сказано (v. 3391—94):

..... il se coucha,
Par terre et par mer s'en ira,

кромѣ евхаристіи ¹⁾, чашу, о которой говорится въ апокрифѣ о Богоматери ²⁾.

Такимъ образомъ, сказаніе о Гралѣ оказывается сложною легендою уже въ первомъ *литературномъ* произведеніи о Гралѣ; уже у de Botton'a оно является въ соединеніи съ нѣсколькими другими.

Et Cil qui toutes choses garde
L'avera dou tout en sa garde.

Сл. у *Fra Gaetano*, *Il satino etc.*, p. 235. Объ одномъ Пизанцѣ встрѣчаемъ разсказъ, что онъ шелъ *по морю какъ по суши* въ надеждѣ на силу реликвиі, которую несъ. О Лазарѣ, Маріи и Марѣѣ утверждали, что они прибыли въ Марсель на кораблѣ безъ парусовъ, веселъ и кормила. Такую легенду о нихъ мы встрѣтили въ *Legenda aurea*. См. также легенду, переданную Гервасіемъ Тильберійскимъ, *Poëme sur le précieus sang* (*Legoux de Lincy, Essai sur l'abbaye de Fecamp*, p. 149) и нашу „Повѣсть объ Антоніи Римлянинѣ“ [*Памятники старинной русской литературы*, изд. Гр. Бушелевымъ—Безбородко, вып. 1 (Спб. 1860), стр. 263—268].

¹⁾ См. выше—въ разборѣ мѣтѣнія *Nucher* объ отношеніи текстовъ поэмы de Botton'a.

²⁾ Въ одномъ изъ нашихъ апокрифовъ (Вопрашанье сто апла валъ-фромѣа) читаемъ: егда бѣхъ въ цркви бнѣі. і прнемлюши пищу ѿ руки англови. і гавилмъ самъ. видомъ англамъ. лице же его невмѣстимо. і не імѣа в руцѣсвоеі. ни хлѣба ни чаши. гакѣ прѣі приходъ ко мнѣ англъ... і махнувъ десницею своею. і вѣі хлѣвъ превеликъ. егѣ оумъ члѣчь недооумѣа сказати свѣтлости. і вѣі трапеза. і положи хлѣвъ на трапезѣ. і гастъ. ѿ. є самъ и дасть мнѣ. і махнуѣ лѣвою рукою. і вѣі чаша превелиѣ полна вина неі-зреченнѣ. і пивъ ѿ. є самъ и дасть мнѣ. і возрѣхъ и видѣѣ хлѣвъ цѣлъ і чашю полную вина. (Пам. отреч. p. лит., собр. и изд. Н. Тихонравовымъ, II, 21). О питаніи Маріи во храмѣ ангелами см. у *Rud. Hofmann'a*: *Das Leben Jesu nach den Aprocryphen*, Leipz. 1851, S. 41, 44. Намекъ на это питаніе есть въ апокрифѣ, должно надписанномъ именемъ Іосифа Аримаа. и влагающемъ въ уста Спасителю такіа слова: „Прежде чѣмъ ты носила меня въ утробѣ своей, я всегда хранилъ тебя, заставилъ своего ангела, какъ ты знаешь, ежедневно питать тебя ангельскою пищею...“ (ст. „Апокрифическіа сказанія о Божіей Матери и дѣянїяхъ апостоловъ“ въ апр. кн. „*Правосл. Обзор.*“ 1873). Божественною пищею была поддерживаема, по словамъ *Legenda aurea*, и Марія Магдалина.

Такъ какъ Палестинская легенда, въ которой мы видимъ источникъ основной части сказанія о св. Гралѣ, извѣстна только въ пересказахъ, принадлежащихъ чужестранцамъ, не имѣвшимъ надобности передавать въ точности все содержаніе ея, то мы не можемъ окончательно рѣшить, кому приписать славу отдѣльныхъ легендъ, соединенныхъ въ романъ de Borron'a, поэтамъ ли, или же Иерусалимскому клиру. Допускаемая независимое пользованіе о стороны de Borron'a и Мар'a однимъ и тѣмъ же источникомъ, должно признать славу дѣломъ не труверовъ. Мы однако склоняемся думать, что сплоченіе воедино *всѣхъ* отдѣльныхъ сказаній¹⁾, вошедшихъ въ поэму de Borron'a, принадлежитъ труверу, могшему имѣть *какое-нибудь* изъ этихъ *отдѣльныхъ* сказаній на латинскомъ языкѣ²⁾. Въ такомъ смыслѣ и можно говорить о латинскомъ источникѣ романа о Гралѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не сохранилось слѣдовъ сводной латинской легенды, какая является у de

¹⁾ Слова прозаическаго изложенія произведенія de Borron'a: »Ensiue remest Ioseph en la prison, ne de ceste prison ne parolent pas li aposte, ne cil qui establirent les escriptures, que il n'en soient rien...« (Le S.-Gaal, publ. par Hucher, I, 228; cf. p. 347), если находились въ первоначальномъ текстѣ, заслуживаютъ вниманія, указывая до извѣстной степени на характеръ свода.

²⁾ Слѣды такого латинскаго сказанія должно усматривать въ словахъ, въ которыхъ уцѣлѣли латинскія формы и окончанія: *surgexi*—*resurgexiz*, *Ihesum*, *d'Abarimathié* (такъ и у Мар'a); на латинскій текстъ какъ бы указываютъ и слова *aoger*, *syndoine*. Ср. въ апокрифѣ *Vindicta Salvatoris: Evangelia* апоографъ, ed. *Const. Tischendorf*, Lips. MDCCCLIII, p. 448—463. Замѣтимъ здѣсь, что словамъ этого апокрифа (p. 461—62): »Vespasianus autem dixit Quid de istis qui remanserunt? Titus respondit Apprehenderunt tunicam domini nostri Iesu Christi et de illa quatuor partes fecerunt: nunc apprehendamus illos et dividamus in quatuor partes, tibi unam, mihi unam, ad viros tuos aliam, et pueris meis quartam partem. Et ita fecerunt« соотвѣтствуютъ, повидимому, слѣдующія прозаическаго текста романа de Borron'a: »Lors les fist toz prandre et mener devant lui, toz liez sor granz plantez de chevaux; si an prist .III. si les fist tot maintenant derompres...« (Le S.-Gaal, publ. par Hucher, I, 243). О продажѣ Иудеевъ сказано сходно въ обоихъ памятникахъ. — Весьма возможно, что de Borron былъ знакомъ съ Никодимовымъ евангеліемъ. Уже 40 съ лишнимъ лѣтъ назадъ *Leroux de Lincy* (*Analyse critique et littéraire du Garin le Loherain*, Paris 1835, p. 8) замѣтилъ, что начало романа о Мерлинѣ составляетъ какъ бы продолженіе Никодимова евангелія. Вопреки высказанному нѣкоторыми учеными мнѣнію, это начало не связываетъ романа о Мерлинѣ съ Гралемъ.

Воттопа, и вообще въ наличной апокрифической литературѣ нѣтъ памятника, который приписывалъ бы собраніе крови Христовой Іосифу ¹⁾. Не найдемъ латинской исторіи Граля и Гелинандъ, много путешествовавшій по Франціи ²⁾. Наконецъ, de Воттопъ положительно говоритъ, что до него нѣвѣмъ не была изложена исторія Граля. Могло случиться, что легенда о крови, — главная въ романѣ о Гралѣ, была заимствована не изъ письменныхъ источниковъ.

Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что сводъ легендъ, соединенныхъ въ романѣ о св. Гралѣ, относится во времени не ранѣе XI стол.,

¹⁾ Апокрифъ *Vindicta Salvatoris*, въ который съ большимъ удобствомъ могли вставить сказаніе о чашѣ, имѣется въ спискѣ VIII в., къ каковому времени относится и прибытіе Фортуната во Францію, и однакоже въ этомъ памятникѣ нѣтъ ничего подобнаго легендѣ о Гралѣ. Равнымъ образомъ, нѣтъ онъ и на въ одномъ изъ списковъ Никодимова евангелія. Не прибавилъ ничего въ сказаніямъ апокрифической письменности о погребеніи Христовомъ и *Comestor* въ *Scolastica historia* (мы пользовались изд. 1485 г.). — Древнѣйшая русская апокрифическая литература совсѣмъ не знала сказаній, упоминающихъ объ Іосифѣ Аримае., за исключеніемъ Никодимова евангелія, да и это послѣднее напечатано А. Н. Пышнымъ по спискамъ не очень старымъ [*Дам. стар. русск. мн.*, изд. Гр. Кушелевымъ Безбородко, вып. III (Спб. 1862), стр. 90 и сл.]. Перечень памятниковъ апокрифическаго и отреченнаго содержания, общающихся въ древне-русской литературѣ, см. въ предисловіи къ I-му т. „Память отреч. р. лит.“, собр. и изд. Тихонравовымъ. Въ словѣ Кирилла Туровскаго: „Иосифу похва, і по пасѣ в недѣлю Г-ю, и ш мироносица“ (*Русские графы А. С. Уварова*, т. II, Памятники словесности, т. I, Спб. 1858, стр. 25—85) нѣтъ ни единого намёка на собраніе крови Христовой Іосифомъ, хотя о послѣднемъ говорится подробно, и превозносится въ дѣяніи его при погребеніи Спасителя. — Изъ славянскихъ переводовъ Никодимова евангелія чешскій изданъ В. Ганкою (*Čtenie Nikodimovo: co se dalo při umučení Páně. Pověst krásná o dřevu kříže svatého etc.* Vydáno praží Václava Hanky. V Praze 1861), а югославянский Даничиичемъ (въ IV-й кн. „Старины“, сборника, издаваемого Югославянской Академіей Наукъ и Искусствъ; тамъ же напечатано и сказаніе Іосифа). Въ югославянской литературѣ былъ извѣстенъ и апокрифъ *Vindicta Salvatoris* (*V. Jahić, Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, U Zagrebu 1868; Predgovor*).

²⁾ *Hist. litt. de la France*, XVIII, 88—89.

потому что самое сказаніе о собраніи крови Христовой Іосифомъ образовалось, кажется, не прежде этого столѣтія. Легенда о крови существовала очень долго безъ приуроченія къ Іосифу.

Собраніе крови Христовой занимало воображеніе христіанъ съ ранней поры какъ на востокѣ, такъ и на западѣ.

Существовало вѣрованіе, что кровь Спасителя была собрана ангелами въ чаши¹⁾, какъ думали, что и слеза Его была сокрыта ангеломъ въ чашѣ²⁾. Первая изъ легендъ была образно воспроизведена на карти-

1) *Maury, Essai sur les lég. pieuses du moyen âge*, 200. Сл. видѣніе Іосифа въ романѣ о св. Гралѣ: «Et en tout ohel home si estoient .V. angele...» «Et il esgarda, si vit ohel hom crocefije en la crois ke li angeles tenoit...» Въ одномъ греческомъ стихотвореніи о крови Христовой говорится:

Ἐν οὐρανῶις μὲν προσκυνητὰς τὰς ἀγγέλους
Ἦδει τὸ λύτρον τῆς ἐμῆς ψυχῆς ἔχειν.

Это стихотвореніе напечатано *Дю-Канжемъ* въ Constantinopolis Christiana, lib. IV (*Historia Byzantina, Venet. MDCCXXIX*). См., далѣе, въ *Devozioni*, кот. напеч. проф. D'Ancona [*Rivista di filologia romana*, vol. II, fasc. I (1875), *Due antiche devozioni italiane*, p. 24].—Приписывали ангеламъ также собраніе крови мучениковъ *Roma subterranea novissima*, op. et st. *Pauli Aringhi*, t. I, *Lutetiae Parisiorum MDCLIX*, p. 208). Присутствіе ангеловъ у вѣста и тѣла Христова—весьма распространенный и древній мотивъ, встрѣчающійся и въ нашей иконографіи. На западѣ, въ Вормсѣ, было изображеніе принятія Богородицею І. Христа, сходящаго со вѣста; ангелы уносятъ при этомъ на леб. орудія распятія (*Dictionn. critique des reliques et des images miraculeuses*, par J.—A.—S. *Collin de Plancy*, t. I, Par. 1821, p. XXIV).

2) По словамъ легенды, М. Магдалина принесла въ свое уединеніе въ Провансѣ сосудъ, въ который ангелъ принялъ слезу Іисуса, пролитую надъ гробомъ Лазаря. Въ *Chronique rimée de Philippe Mousket* (XIII в.) о Карлѣ V. говорится:

Une larme que Diex plora
Lì rois avoec an aporta
A Vendosme en l'abbie.

Вандомскими бенедиктинцами была напечатана объ этомъ книга: «*Histoire véritable de la sainte Larme que Iésus Christ pleura sur Lazare; comme et parqu' elle fut apportée au monastère de la sainte Trinité de Vendôme; ensemble plusieurs beaux et insignes miracles arrivés depuis 600 ans, qu'elle est miraculeusement conservée en ce saint lieu. 1672*».—Аналогія этой легенды съ легендой о собраніи крови ангелами довольно замѣтна.

нахъ и въ диптихахъ, и, по словамъ Мангу, нѣтъ ничего общаго этого сюжета. вмѣстѣ съ ангелами является на одномъ изображеніи олицетвореніе церкви 1). Въ одномъ греческомъ евангеліи XI-го в. собираетъ кровь Христову въ круглую чашу сидящее подъ распятіемъ олицетвореніе вѣры.

По восточной легендѣ, получившей начало не позже X-го стол. 2), кровь Спасителя была сохранена благочестивымъ мужемъ *Иаковомъ* и отъ него перешла въ анахоретамъ 3). Съ теченіемъ времени это сокровище получилъ св. монахъ Варисава, вручившій его въ свою очередь ученику 4). Интересна въ этой легендѣ постоянная передача крови отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Къ VIII столѣтію относили прибытіе крови Христовой, хранившейся въ *Sartenai*, собраніе которой приписывали *Никодиму* 5).

1) На оберткѣ одной псалтири XII стол. представленъ распятый І. Христосъ: «е сугъ pedibus manantem sanguinem colligit magno in vasculo ac craterе mulier linea palla amicta, utroque genu flexa, quae clavem regni coelestis, et triumphalem Crucis vexillum gestat. Ea militantem Ecclesiam, a Domino fundatam — — probe repraesentat. Sacratissimum e manibus Iesu Crucifixi Cruorem supposito vasculo colligunt Angeli, ut prosit omnium hominum saluti». *A. F. Gori, Thesaurus veterum diptychorum, t. III, Florentiae A. C[.]C. [.]C. CC. LIX, p. 116—117.*

2) Можетъ быть, она существовала уже въ VII стол. *Acta Ss. Sept., t. III, p. 495.*

3) Не беремъ на себя разъясненіе этой странной легенды, по которой кровь Христова была собрана въ тыкву, а сверху было налито масло, которыми производились многія исцѣленія. Скажемъ только, что такіа исцѣленія приводятъ на мысль Іакова, брата Господня, въ посланіи котораго (V, 14) есть извѣстныя слова о помазаніи елеемъ болящихъ ср. Марк. VI, B). Интересно, что ученикамъ Іакова легенды, наслѣдовавшимъ его сокровище, ангелъ сказалъ: *ἐρρήγη ὑμῶν μαῦρηταὶ τοῦ Κυρίου.* *Acta Ss. Sept., t. III, 499.* См. также въ *Historia Francorum* Григ. Турскаго, кн. I, гл. XXI.

4) *Acta Ss. Sept., III, 494—495, 498—501.*

5) *Fra Gaetano, l. c., 235.* Легенда объ этой крови вошла въ *Otia Imperialia* Гervasія Тильберійскаго (*tertia decisio, XXIV: De alia figura Domini*; по изд. *Liebrecht'a—S. 19*). — Въ одномъ памятникѣ, восходящемъ къ половинѣ X-го стол., въ ряду реликвій, доставшихся Карлу В. отъ іерусалимскаго префекта, поставлена на первомъ мѣстѣ *ampulla una ex lapide onichino, de S[an]cti vatoris sanguine plena*. За этой реликвіей упоминается «Cru-

Такую же кровь показывали въ Fécamp'ѣ въ началѣ XII-го столѣтія ¹⁾).

Въ первые вѣка христіанства распространилась извѣстная легенда о сотникѣ Ловгинѣ ²⁾, о которомъ вообразили, что онъ былъ исцѣленъ кровью І. Христа отъ слѣпоты. Мало по малу начали думать, что онъ не оставилъ божественной крови на поглощеніе земными стихіями, но собралъ въ сосудъ, вмѣстѣ съ которымъ были погребены его бранные останки. Около 804 г. въ Мантуѣ нашли въ землѣ сначала свинцовый ящикъ и въ немъ небольшой сосудъ съ надписью *Jesu Christi sanguis*, а потомъ и тѣло, которое сочли Лонгиновымъ ³⁾).

Ясно, что легенда о собраніи крови Христовой *Лосифомъ* представляетъ одно изъ видоизмѣненій сказанія вообще о собраніи крови, и хотя о Палестинской легендѣ говорили въ XIII стол., какъ о существовавшей *издревле*, по эту древность должно ограничить XI стол., когда на востокѣ стали появляться извѣстія о реликвіи крови, истекающей изъ язвъ Спасителя, помимо реликвіи, принадлежавшей Варипсавѣ ⁴⁾).

Изъ перечня легендъ о крови Христовой видно, что связаніе о ней обращалось въ теченіе долгаго времени независимо отъ апокри-

cicula una ex auro et gemm'is fabrefacta, continens cruorem Christi per quatuor partes inclusum, et in medio portiunculam ligni Domini. *Monum. Germ. hist. Script. t. IV (Hannoverae MDCCCLI), p. 448.* Неизвѣстно, что говорили объ этой крови; по всей вѣроятности, — тоже, что и о реликвіи, хранившейся въ *Sartenai*. О полученіи Карломъ В. одной капли драгоцѣнной крови упоминаетъ и *Philippe Mousket* въ своей *Chronique*.

¹⁾ *Leroux de Lincy, Essai sur l'abbaye de Féc., p. 37.*

²⁾ Она вошла въ трагедію *Χριστὸς πάσχων.*

³⁾ *Bolland. Acta Ss. Martii, t. II, 378—380.*

⁴⁾ *Acta Ss. Sept., t. III, 497.* Не относятся ли эти извѣстія къ Палестинской реликвіи? Нашему паломнику Антонію Новгородскому показывали въ Византіи не ту, повидимому, кровь Спасителя, которая была пролита Христомъ при страданіи. См. 67-е примѣч. г. Савваитова къ Паломнику Антонію. Діаконъ же Игнатій, путешествовавшій въ 1389 г., говоритъ: „цѣловахомъ кровь Господню, истекшую изъ ребръ его въ распятіи на крестѣ“. Часть этой крови и гдѣ показываютъ теперь въ Римѣ. См. „Путеводитель православныхъ поклонниковъ по Риму и его окрестностямъ“ *Вл. Мордвинова*, помѣщенный сначала въ „Дух. Бесѣдѣ“ 1874 г., а потомъ выпущенный отдѣльною книгою.

фических повѣствованій объ Иосифѣ, въ которыхъ не нашло доступа и въ позднѣйшее время.

Поэтому нельзя считать легенду о собраніи крови Иосифомъ вышедшею изъ этихъ повѣствованій, что утверждали уже въ прошломъ столѣтіи: она образовалась въ связи съ реликвіями.

Соотвѣтственно тому, и центромъ притяженія въ легендѣ о Гралѣ и узломъ ея развитія должно признать не отреченный рассказъ объ Иосифѣ, на который указываютъ (въ Ниводимовомъ евангелии), а самостоятельно образовавшуюся легенду, хотя романъ о Гралѣ носилъ въ XIII и XIV стол. заглавіе—*Иосифъ Аримаеѣйскій* ¹⁾ и является въ сущности апокрифомъ, только—позже развившимся.

Когда вздумали письменно изложить легенду о собраніи крови Христовой Иосифомъ, къ ней присоединили и то, что знали объ Иосифѣ изъ апокрифическихъ памятниковъ ²⁾. Связываніе судьбы его съ наказаніемъ Иудеевъ могло произойти подъ вліяніемъ рассказа объ Иосифѣ—историкѣ, на который указали San—Marte ³⁾ и Hucher ⁴⁾. Кровь Христову могли вообразить собранною въ чашу евхаристіи въ силу отношенія мистической въ искушенію на крестѣ и къ крови, при томъ пролитой. Реликвія евхаристіальнаго сосуда названа въ одномъ памятникѣ чашею, съ которой Господь нашъ Іисусъ Христосъ освятилъ „свою драгоценнѣйшую кровь на вечерѣ“ ⁵⁾.

¹⁾ Le S.-Gaal, publ. par Hucher, I, 21.

²⁾ Въ романъ о Гралѣ вошли не всѣ апокрифическія свѣданія объ Иосифѣ.

³⁾ Allgem. Encycl. herausg. von Ersch u. Gruber, I Sect., 77 Th., S. 150—151.

⁴⁾ Le S.-Gaal, publ. par Hucher, I, 138—141. — Иосифъ Аримаеѣйскій выступаетъ, впрочемъ, и въ апокрифѣ *Vindicta Salvatoris* (Tischendorf, Evang. apoc., p. 457).—Интересенъ вариантъ въ одномъ изъ списковъ Кретьенова Персевала:

... Tibère et Vaspasiens
Qui n'estoient pas crestiens
De la chartre le delivrèrent
Et à Rome l'en amenèrent;
Ioseph en apporta la lance etc.

Percey. le Gallois, publ. par Potvin, vol. V, p. 154.

⁵⁾ Act. Ss. Augusti, t. II, p. 504.

Уяснив составъ романческаго сказанія о Гралѣ въ прѣстѣйшемъ изъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ оно подверглось обработкѣ, и опредѣливъ источникъ, откуда почерпнута главная изъ легендъ сказанія, необходимо коснуться происхожденія самой этой легенды.

Было немало поводовъ къ ея зарожденію и обстоятельству, могшихъ вызывать ея развитіе и поддерживать ея существованіе въ различныхъ странахъ христіанскаго міра, начиная отъ Палестины и оканчивая Нормандіей и Фландріей.

Безъ сомнѣнія, легенды о крови Христовой стояли въ связи съ реликвіями ея, извѣстія о которыхъ встрѣчаются съ ранняго времени¹⁾, а эти реликвіи — въ связи съ другими вещественными памятниками страданій Спасителя, въ ряду которыхъ упоминается иногда кровь Христова²⁾. При Евсевіи Кесарійскомъ въ Св. Землѣ было немало вещественныхъ памятниковъ земной жизни Спасителя³⁾. Но во время

¹⁾ Уже у блаж. *Иеронима* говорится (Epist. Paulae): «Obstendebatur illi columna ecclesiae porticum sustinens, infecta Cruore Domini, ad quam vincetus dicitur flagellatus».

²⁾ *Leroux de Lincoy, Essai etc.*, 34. См. также ниже извѣстіе о Цареградскихъ реликвіяхъ. — Что было въ жизни, то перешло и въ литературу. У Мар'а Граля явно связывается съ реликвіями страданій: «Desour che drap esgarda ioseph, si vit qu'il avoit .iij. elaus tons degoutans de sanc, et .i. fer de lanche tout sanglant a l'un des chies de l'autel, et a l'autre chief estoit l'escuele qu'il avoit aportée... Et tout outre l'autel si vit une maine qui tenoit une crois moult biela, toute vermelle». Въ большомъ романѣ о Гралѣ замѣтно, сверхъ того, отношеніе къ изображеніямъ, въ которыхъ указывалъ первообразъ Граля Didron. Перечисляя вѣтви сказанія о Гралѣ, введеніе Монскаго манускр. Кретьмова Персеваля говоритъ (v. 353. et. suiv.):

Le sième bisme, qui mias phist,
 Cheu est de la lance entresait.
 Dent Longis féri el costé
 Le Roï de sainte majesté:

Вообще Граль выступаетъ рядомъ съ копьемъ во всѣхъ романахъ о Персевалѣ. Въ прованчскомъ *Персевалѣ*, изд. Potvin'омъ, сообщается, что вмѣстѣ съ Гралемъ были и другія реликвіи.

³⁾ *F. X. Kraus, Beiträge zur Tirschen Archæologie*, 4-ter Bd., Der heilige Nagel in der Domkirche zu Trier. Zugleich ein Beitrag zur Archæologie der Kreuzigung Christi. Trier 1868. S. 66 u. 69.

Беды и Григорія Турскаго тамъ показывали уже, между проч., копье, которымъ былъ прободенъ Спаситель, колонну, у которой Его бичевали¹⁾, терновый вѣнецъ, губку и трость. Съ теченіемъ времени реликвіи умножались. Въ IX в. знали ножъ, которымъ Христосъ раздѣлили пасхальнаго агнца. За $\frac{3}{4}$ стол. до появленія романовъ о Гралѣ, крестоносцы нашли въ Антиохіи копье, о которомъ выражались, что оно „исторгло кровь изъ ребра Господа нашего І. Христа, чѣмъ мы всѣ искушены“²⁾. Въ 1156 г. была найдена Христова туника³⁾. Многія рельеви были перевезены изъ святыхъ мѣстъ въ Византію. Нашъ паломникъ Антоній, посѣтившій Константинополь въ послѣдніе годы XII и, мож. быть, въ первые XIII столѣтій, подробно говоритъ о святыхъ, тамъ находившихся⁴⁾. По его словамъ, въ Царьградѣ были, между проч.: „трапеза на нейже Христосъ вечерялъ со ученики своими въ великій четвертокъ“⁵⁾, „лохана Господня мороморана, и другая лохана меньшая мраморяна же, въ ней же Христосъ умылъ носъ ученикомъ“⁶⁾, „столъ мраморяный, у него же Христосъ привязанъ бысть; а доска, на ней же положенъ бысть Господь, егда сняша его со креста“⁷⁾, „крестъ чест-

¹⁾ См. о ней у *Rud. Hofmann'a*: *Das Leben Jesu nach d. Apokryphen*, S. 365. Послѣ креста это одна изъ древнѣйшихъ реликвій между относящимися къ послѣднимъ днямъ земной жизни Спасителя. О ней упоминаетъ и Бордоскій пилигримъ (*Revue archéolog.* 1864, VIII, p. 105).

²⁾ См., напр., въ *Raimondi de Agiles Historia Iherusal. Gesta Dei per Francos, Orient. hist. t. I, p. 157*. Такъ выражаются объ этомъ копьѣ и нѣкоторые др. историки крестовныхъ походовъ. См. о немъ у барона *de Reiffenberg*: *Godefroid de Bouillion, suite du Chevalier au cygne, Bruxelles 1848, p. 80—84*. О томъ же копьѣ въ Карловингскомъ циклѣ см. у *L. Gautier*: *La chanson de Roland, sec. partie (Tours MDCCCLXXII), p. 191—194*.

³⁾ *Patrologiae curs. compl., series prima, t. LXXI, col. 712—713*.

⁴⁾ Сводъ извѣстій позднѣйшихъ паломниковъ (XIV и XV ст.) см. въ ст. *Арх. Леонида*: „Обозрѣніе цареградскихъ памятниковъ и святыхъ XIV и XV вѣковъ по русскимъ паломникамъ“, помѣщ. въ 4 кн. „*Чт. въ Имп. общ. ист. и др.*“ 1870.

⁵⁾ *Путеш. Ант.*, ст. 67.

⁶⁾ *Ив.*, ст. 99.—У іерод. Зосимы, путешествовавшего въ 1420 г., упоминается еще „хлѣбецъ, кой на вечера хлѣбецъ яде со ученики своими Господь на святомъ Сіонѣ“.

⁷⁾ *Путеш. Ант.*, ст. 121.

ный, вѣнецъ, губа, гвозди; кровь же лежала иная; багряница, копіе, трость, повои святыхъ Богородицы и поясъ, и срачица Господня; платье шейный, и лентій, и калиты Господня“¹⁾. Многими такими реликвіями обладалъ и Западъ²⁾.

Повторяемъ: исторію легенды о собраніи крови Христовой едва ли возможно отдѣлить отъ исторіи реликвій этой крови и вообще реликвій страданій Спасителя. Свѣдѣнія о нихъ могутъ значительно пособить въ разъясненіи пути развитія нашей легенды³⁾.

Въ періодъ гоненій вѣрующіе, по возможности, собирали кровь мучениковъ въ платы и ткани, губы и сосуды, и церковь благоговѣнно почитала ее⁴⁾. Открывали мученическую кровь, вполне сохранявшуюся, и впоследствии⁵⁾. Не отсюда ли явилась мысль, что также была собрана и кровь Спасителя, о которой говорится въ каноническихъ еван-

¹⁾ *Иб.*, 96. У Зосимы упоминается еще „камень, кой клали жидовины подъ главу Христову“.—Въ письмѣ Алексѣя Комнина къ Роберту Фландрскому, которое, впрочемъ, нѣкоторые считаютъ подложнымъ, перечисляется большая часть приведенныхъ реликвій, но о крови Хр. не говорится.

²⁾ О реликвіяхъ, полученныхъ Карломъ В. и пользовавшихся огромною извѣстностію, см. въ сказаніяхъ о путешествіи его на востокъ, перечень которыхъ можно найти у *L. Gautier* въ *Les épopées franç.* (II, 264 et suiv.) Присылка нѣкоторыхъ реликвій Карлу В. не подлежитъ сомнѣнію. *Иб.*, р. 263.

³⁾ О чрезвычайной распространенности реликвій въ средніе вѣка см. у Дю-Канжа: *Dissert. sur l'histoire de saint Louys*, XXVI. Дошли до того, что показывали частицы праха, изъ котораго былъ созданъ Адамъ, фонарь Іуды и т. п.

⁴⁾ См. у *Martigny*: *Dictionn. des antiquités chrétiennes*, Paris 1865, р. 589 et suiv. *Dictionn. d'iconographie*, col. 902 et 986—988.

⁵⁾ Ее встрѣчали при открытіи мощей. Такъ, ее нашли при открытіи мощей первомуч. Стефана, Агриколы, Гervasія, Протасія и Назарія. *Aringhi*, I, 95. *Tillemont*, *Mémoires*, II, 37.—Въ Іерусалимѣ указывали кровь Захаріи, отца Іоаннова о ней см. у *Баронія*: *Annales Eccles.*, t. I, Venet. MDCCV, р. 50—51. Объ убіеніи Захаріи говорится въ XXV гл. Первоевангелія Іакова), и Бордосскій пилигримъ, путешествовавшій въ Св. Землю въ 333 г., видалъ эту кровь предъ алтаремъ столь свѣжею, какъ будто бы она была только что пролита (*Revue archéolog.* 1864, VIII, р. 105). Иногда кровь раздавали отъ мощей, напр.,—отъ мощей св. Евфиміи, о которой см. у Арх. Сергія: *Полн. мѣсяц. Вост.*, т. II, ч. II, стр. 292—294.

гедяхъ, о которой представляли различныя соображенія отцы церкви, и о которой упоминалось въ некоторыхъ бывшихъ весьма распространенными апокрифическихъ сказанiяхъ ¹⁾, какъ и вообще въ религиозныхъ легендахъ ²⁾, и не это ли служило поводомъ въ вымыслу о пресловутомъ сосудѣ?

Укажемъ, далѣе, на общезвѣстное значенiе чаши въ христіанскомъ искусствѣ и деревн. По словамъ проф. Буслаева, „иконографическій сюжетъ—чаша, въ которую наливается кровь закланнаго агнца или кровь самого Христа, распятаго на крестѣ—этотъ сюжетъ широко и повсемѣстно распространенъ на всемъ западѣ, съ древнѣйшихъ временъ и до поздней готики“ ³⁾. Также чаша встрѣчается на рѣзныхъ

¹⁾ Напр., въ сказанiяхъ о крестномъ деревѣ.

²⁾ У de Borron'a о крови Христовой передана подробность, встрѣчающаяся въ мистерiяхъ (*Le St.-Grael, publ. par Hucher, I 218—219*) и составлявшая содержанiе особеннаго преданiя. Указываетъ мѣсто, куда прошла кровь, излившаяся изъ прободеннаго ребра Спасителя. У Иоанна Вирцбургскаго читаемъ: „*et eadem parte, cui Crux erat infixa, in ea parte, qua Salvatoris Sanguine tangebatur, est per mediam scissam, per quam consequenter scissuram ad interiora petrae Sanguis Christi defluxit.. Ad dexteram majoris Ecclesiae introita locus quidam: Calvariae, est, in cujus superiore parte scissura ejusdem petrae ostenditur, et summa veneratione reconditur.. adhuc patens foramen et sit, et videatur, ut in illud multae fidelium oblationes immittantur, praecipua ubi Crux sacra stetit, et sanctissimus Sanguis ex latere dextero ad dicitae petrae rimam defluxit.. Inferior vero pars ejusdem Calvariae subtus continet Altare, et vocatur ad sanguinem Sanguinem, quia eo usque per rimam petrae Sanguis Domini dicitur defluxisse, qui locus hodie a tergo ejusdem Altaris designatus est per quandam concavitatem ejusdem petrae, ubi dependet ampulla omnino continua illuminatione. Parisi. Thesauri Aeneodotorum Noviss. T. I, pars. III, Iohannis Wirzburgensis Descriptio Terrae Sanctae, col. 516—517. Намекъ на это преданiе, довольно интересное для источника легенды о крови Христовой, мы встрѣтили у Грима Турскаго: *Hist. Kraecorum, lib. I, cap. VII.**

³⁾ „Р. Вѣстн.“ 1874 г., № 4, стр. 646—647. См. снимокъ съ древняго изображенiя (по Martigny—VI в.) истеканiя крови въ чашу; между проч., у *Ciamprini: De sacris aedificiis a Constantino Magno constructis, Romae MDCCXIII, tab. XIII et pl. 45—46.* Въ церквахъ югозападнаго края еще преданно можно было встрѣтить углублѣнныя отъ времени уніи изображенiя Спасителя—до половины въ чашѣ, изъ язвъ на рудахъ Котораго кровь течетъ на блюдо.

распятіяхъ ¹⁾. Съ подобными, можетъ быть, произведеніями искусства находится въ связи миниатюра одной изъ рукописей *Большаго Граля*, изображающая Іосифа сидящимъ у *креста и собирающимъ кровь* ²⁾. Вообще кровь Христа не выходила изъ памяти и изображенія вѣровавшихъ и была нерѣдко предметомъ легенды. Рассказывали о чудесахъ, совершавшихся во время священнодѣйствія озъ чашею, въ которой являлась видимо иногда — такъ утверждали — кровь Христова ³⁾. Съ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ ходили также легенды объ истеченіи крови изъ прободеннаго образа Спасителя ⁴⁾.

Одну изъ ступеней легенды о крови Христовой, можетъ быть, должно отыскивать въ такъ наз. „Плачахъ“, рано появившихся въ Византійской литературѣ ⁵⁾.

¹⁾ *Didron* (*Iconographie chrétienne, Histoire de Dieu*) видѣлъ въ этой чашѣ первообразъ Граля. Противъ мнѣнія его выступилъ Мартоннъ, опиравшійся на то, что Граль романовъ не походитъ по формѣ на чашу. Но важна прежде всего не форма сосуда, а приуроченная къ нему легенда, и можетъ быть именно изображенія, на которыя, обратилъ вниманіе *Didron*, были прототипами Граля чрезъ посредство ряда *промежуточныхъ* легендъ, послѣднею изъ которыхъ была іерусалимская.

²⁾ *Furnivall*, *The History of The Holy Grail*, engl. by H. Lancelotti, E. K. T. S., I, 29. См. сказанное въ текстѣ о *Iosephes*: »Et dessous les pies au crucefis vit ichele esouele ke ioseph ses peres avoit fait apoter en l'archo. Si li estoit auis ke li sans des pies au crucefije degoutoit en chele esouele que ele estoit ia. pres plaine, si sambloit a ioseph ke ele vansist verser.

³⁾ *Acta Ss. Martii*, t. II, 379. См. *Giraldi Cambrensis Opera*, vol. II, Lond. 1862, 39—43 (*Gemma ecclesiastica*, dist. I, cap. XI); *Leroux de Lincy*, *Essai sur l'abb. de Féc.*, 87—88, 280—281.

⁴⁾ Рассказъ о такомъ чудѣ встрѣчаемъ уже у *Григорія Турскаго* (*De gloria martyr.*, cap. XXII). Подобныя легенды XII в. см. въ *Giraldi Cambrensis opera*, I, c., 102—105, и въ *Matth. Paris. Hist. Angl. ad a. 1187* (vol. I, p. 442). См. далѣе у *Дю-Канжа*: *Hist. Byzant. Constantinop. Christ.*, lib. IV, p. 90. Бейрутское чудо было извѣстно и на Западѣ. *Ома Авиньонъ* выводилъ всѣ реликвиі крови Христовой отъ той крови, которая истекла изъ прободеннаго образа Спасителя въ Бейрутѣ.

⁵⁾ Въ статьѣ, внесенной въ хронографъ и названной: „о снятіи тѣла Іисусова съ креста, и о плачѣ Богородицы“, описывается, какъ Богоматерь „припала къ подножію креста, и когда капли крови сына ея падали на

Могли, наконецъ, придумать собраніе этой крови, вникая до мелочей въ евангельское повѣствованіе о страданіи Христа. Ed. du Ménil справедливо замѣтилъ, что христіане первыхъ вѣковъ испытывали потребность знать всѣ обстоятельства жизни и смерти Христа въ мельчайшихъ подробностяхъ. Четыре подлинныя евангелія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не могли удовлетворить жадности знать все, что относилось къ пребыванію Христа на землѣ. Безчисленныя преданія, приписываемыя самымъ достойнымъ вѣроятія свидѣтелямъ, сохранили мнимое воспоминаніе о невѣроятныхъ событіяхъ и о неважныхъ словахъ. Малѣйшія обстоятельства страданія въ особенности были собираемы съ суевѣрнымъ благочестіемъ.... Всѣ личности, дѣятельно участвовавшія въ великой драмѣ страданія, стали сюжетомъ легенды примѣнительно къ роли, которую исполняли въ этой драмѣ ¹⁾. Въ новозавѣтной письменности осталось мало намековъ, не получившихъ развитія въ позднѣйшее время.

Мы попытались уяснить происхожденіе романческаго сказанія о Гралѣ и представили соображенія относительно зарожденія легенды о крови, отъ которой отправилась первая вѣтвь бретонскихъ романовъ.

Взглянемъ теперь на превращенія, какимъ подверглась легенда, обратившись въ достояніе поэтовъ.

Первый изъ труверовъ, излагавшихъ исторію Граля, de Vogton, безъ сомнѣнія, не думалъ включать ея въ длинную цѣпь фабулъ Артуровскаго цикла. Въ тотъ вѣкъ господства религіознаго элемента надъ всѣми другими свѣтскіе поэты не удалялись отъ церковныхъ сюжетовъ, воспѣвая особенно часто Богородицу. Поэма объ Іосифѣ Аримаеѣйскомъ примыкаетъ къ религіознымъ поэмамъ, бывшимъ тогда въ такомъ ходу, и по началу совершенно напоминаетъ ихъ ²⁾. До какой

землю, она собирала ихъ устами, и цѣловала землю...“ *Рукописи графа А. С. Уварова*, т. II, вып. 1, Спб. 1858, стр. XXX. Подобное читаемъ у Мегафраста.

¹⁾ *Ed. du Ménil*, *Poésies populaires latines du moyen âge*, Par. 1847, p. 358, 320 et 324.

²⁾ См. *Biogr. Brit. lit., Anglo-Norm. per.*, p. XVI. Жизнь Товита, написанная Германомъ, начинается разсказомъ о грѣхопадении (*ib.*, 333); одна поэма о Дѣвѣ Маріи—разсказомъ о твореніи міра (*ib.*, 334). Подобныя произведенія были и въ старонѣмецкой литературѣ.

степени она подходила къ произведеніямъ духовной поэзіи, можно видѣть изъ словъ прозаической редакціи, что она написана „съ дозволенія святой церкви“. De Voggon выказываетъ нѣсколько разъ желаніе придать какъ бы освященіе своему труду и соединить особенныя, даруемыя свыше преимущества какъ съ рассказомъ и переписью ¹⁾ этой исторіи, такъ и съ вниманіемъ ей и запамятованіемъ ея ²⁾. Поэма de Voggon'a можетъ быть названа скорѣе пространной легендой, житіемъ Іосифа, чѣмъ собственно поэтическимъ созданіемъ. Суровость и строгій тонъ господствуютъ въ рассказѣ отъ начала до конца. Несмотря на всю простоту, поэма мало привлекательна, а подъ конецъ становится даже утомительною.

Вмѣщенное de Voggon'омъ въ небольшую поэму, сказаніе о Гралѣ разрастается подъ перомъ Мар'а въ огромную эпопею сообразно съ расширеніемъ мѣста и времени дѣйствія. Начинаясь повѣствованіемъ о событіяхъ на крайнемъ востокѣ, романъ Мар'а заканчивается изложеніемъ судебъ хранителей Граля на крайнемъ западѣ и отъ эпохи Христа доводитъ рассказъ до временъ короля Артура, выставляя предъ нами длинный рядъ поколѣній. Исторія Граля и Іосифа Аримаѳейскаго переходитъ у англійскаго клерка въ исторію поселенія въ Британіи хранителей Граля, отъ которыхъ произойдутъ славнѣйшіе витязи Круглаго Стола.

Такое приспособленіе легенды о Гралѣ было дѣломъ Мар'а, которому принадлежитъ вводить въ нее всего того, чего не встрѣчаемъ у de Voggon'a. Между сказаніемъ о Гралѣ и Артуровскою сагою не было вначалѣ никакой связи, да и всегда романы о Гралѣ стояли особнякомъ въ бретонскомъ циклѣ; это лучше всего видно изъ того, что только немногимъ рыцарямъ Круглаго Стола удалось проникнуть въ замокъ Граля, помѣщавшійся гдѣ-то въ туманной дали. Въ включеніи Граля въ Артуровскую сагу мы встрѣчаемся съ особенностію тогдашней литературы, благодаря которой почти всѣ эпическія произведенія древней Франціи могутъ быть сгруппированы въ три цикла,

¹⁾ О послѣдней de Voggon постоянно обнаруживаетъ заботу. Повидимому, онъ желалъ доставить возможно большую извѣстность своему произведенію. См. окончаніе прозаическаго Персеваля, изд. Huohet (p. 505).

²⁾ Le S.-Gaal, publ. par Hucher, I, p. 226, 227, 266, 274. Ромов. романъ, ст. 921—928, 3045—54, 3403—3406.

яено выдѣлившіеся въ сознаниі поэтовъ. Вспомните слова Jean'a Bodeґа:

Ne sont que trois materes a nul homme entendant
De France, de Bretaigne et de Rome la grant.

Почти каждый вымысел старались привязать къ пользовавшимся извѣстностію лицамъ и эпизодамъ котораго-нибудь изъ этихъ цикловъ. Нерѣдко намъ слишкомъ виднѣются нити, которыми произведена спивка, но въ тотъ вѣкъ онѣ почти не бросались въ глаза. По словамъ Бенфея¹⁾, въ XII и XIII стол. господствовала страсть къ сказкамъ, баснямъ и повѣстямъ, о которой едва можно составить себѣ понятіе. Количество, пестрота и заманчивость исторій отодвигали на второй планъ внутреннюю сторону литературныхъ произведеній, въ которыхъ не слишкомъ цѣнилось внутреннее единство, какъ и вообще вкусъ къ изяществу и художественности былъ мало развитъ въ средневѣковой литературѣ. Неоднократно обрабатывали одинъ и тотъ же сюжетъ, вводя всякій разъ одни внѣшнія измѣненія посредствомъ привнесенія нѣсколькихъ новыхъ эпизодовъ, или же цѣлаго ряда ихъ. Благодаря такимъ приѣмамъ тогдашняго творчества, Мар имѣлъ полную возможность влести сказаніе о Гралѣ въ вошедшую въ моду при Генрихѣ II Артуровскую сагу; отъ этого соединенія романъ могъ только выиграть во вниманіи публики.

Средствомъ къ внѣшнему сближенію обѣихъ легендъ послужило изобрѣтеніе ряда генеалогій, къ измышленію которыхъ такъ часто прибѣгали въ средніе вѣка. Славнѣйшіе герои вѣка Артура были обращены Мар'омъ въ потомковъ Іосифа Аримае.,—его родственниковъ и вообще лицъ, прибывшихъ въ Британію съ востока.

Обвинивъ Васа въ незнаніи исторіи Граля и не стѣсняясь послѣ того его повѣствованіями, Мар построилъ собственныя родословія, способъ составленія которыхъ характеризуютъ вошедшія въ нихъ имена. Въ однихъ изъ этихъ именъ ясна латинская ихъ этимологія²⁾, другія взяты изъ библіи сообразно тому, что спутники Іосифа были евреи³⁾,

¹⁾ Orient und Occident, I, 143.

²⁾ *Moland*, Orig. lit., p. 38.

³⁾ Таковы имена Фарана, Исзѣ, Канвана, Галаада. Въ библейскихъ словаряхъ Вилера и Шенкеля не пояснено, что послѣднее имя принадлежало не только мѣстности, но: и лицу. Въ ан. Числъ. читаемъ (XXVI, 29): „Сыны Манасси: отъ Махира, именемъ Макирово, отъ Макира родился Галаадъ, отъ Галаада племя Галаадово“.

третья изъ баснословныхъ исторій Британіи ¹⁾, а четвертая выдумана по названіямъ мѣстностей ²⁾.

Мар могъ спокойно выводить позднѣйшихъ рыцарей отъ Іосифа Аримаа. и его спутниковъ, потому что самъ Іосифъ оказывается у авторовъ романовъ „chevalier“. У de Vogton'a онъ названъ „Preudomme et moult boen chevalier“ и представленъ служившимъ Пилату съ пятью рыцарями; почти тоже говоритъ объ Іосифѣ и Мар ³⁾. Начало рыцарства относили тогда къ отдаленной древности ⁴⁾, и, помѣщая своихъ героев въ далекое прошлое, романисты тѣмъ не менѣе рисовали въ нихъ рыцарей, могшихъ служить образцомъ для современниковъ. Hélie de Vogton такъ говоритъ въ предисловіи къ роману *Guiron le Courtois*: „я перевожу эту книгу для добрыхъ, чтобы они могли почерпнуть изъ нея прекрасный примѣръ высокыхъ подвиговъ славныхъ древнихъ chevaliers“ ⁵⁾. Спутники Іосифа являются у Мар'а рыцарями подобно своему вождю. На могилахъ братьевъ Канаана, убитыхъ послѣднимъ, было написано, что они были рыцари, и были положены шпаги. Riegte называетъ себя также chevalier и такимъ является въ полномъ смыслѣ этого слова въ своихъ приключеніяхъ, напоминающихъ похождения Тристана ⁶⁾.

Вслѣдствіе измѣненій, внесенныхъ Мар'омъ въ содержаніе легенды о Гралѣ, романъ его сложнѣе поэмы de Vogton'a и не такъ монотоненъ по содержанію. Въ него вошло немало постороннихъ исторій, довольно, впрочемъ, занимательныхъ, благодаря искусству и таланту автора. Нерѣдко Мар прерываетъ одинъ разговоръ и принимается за

¹⁾ Таковы имена Лота и Люція.

²⁾ Напр., имя Оркана.—Названіе Целидона носилъ дѣсь въблизи Линкольна. Le rom. de Brut, II, 47. Впрочемъ, можетъ быть, это имя слѣдуетъ объяснять согласно съ Moland'омъ.

³⁾ Въ большомъ романѣ о Гралѣ Іосифъ именуется „chivaler torg ene Пилата, „car il auoit este ses soudoiers .vij. ans tous plains“.

⁴⁾ Въ *Le romans de Cliges* говорится:

Ce nous ont nostre livre apris,
Qu'en Gresse ot de cevalerie
Le premier los et de clergie;
Puis vint cevalerie à Rome.

⁵⁾ Le S.-Graal, publ. par Hucher, I, 159.

⁶⁾ P. Paris, Les rom. de la T. R., I, 318.

другой, заставляя читателя мысленно перепестись за сотни миль. Повествование не лишено величественных и эффектных картинъ, и интересъ постоянно поддерживается въ читателѣ несмотря на растянутость изложения.

Направление первоначальнаго замысла и характеръ, съ каковымъ явилась легенда о Гралѣ впервые въ литературѣ, не взглянулись однако совершенно въ романѣ Мар'а. *Большой Граль* все еще примыкаетъ къ религіозной поэзии, хотя, читая его, уже можно замѣтить, что сказаніе о Гралѣ становится на иную дорогу. Въ романѣ Мар'а „господствуютъ чудеса, пророческіе сны, обращенія, наказанія—какъ недостойныхъ христіанъ, такъ и неукорныхъ голосу истины язычниковъ. Неофиты переносятся на дикія скалы, и тамъ ихъ попеременно посылалось аллегорическія существа, олицетворяющія отбытіе и возвращеніе благодати. Сцена раздѣлена нанчаще между четырьмя великими дѣятелями: Богомъ, демономъ, природою и человекомъ, который одинъ не остается постояннымъ. Человѣческая личность не играетъ здѣсь видной роли; все идетъ и совершается по волѣ вѣчной: герои—только ея уполномоченные, они—болѣе святые, чѣмъ воители. Мистическимъ фатализмомъ, духовидческой эзальтаціей, вотъ чѣмъ дышатъ въ разсказѣ отъ начала до конца. Земная любовь унижена въ анекдотѣ о врачѣ Гипократѣ, который, подобно фабулярному Аристотелю, наказываетъ въ себѣ упадокъ мудрости и опытности благодаря безумной страсти“¹⁾.

Происхожденіе основнаго сказанія романа обнаруживается въ особенности ярко въ самомъ Гралѣ, который у Мар'а, какъ и у де Воггон'а, является съ чисто церковнымъ значеніемъ, довольно яснымъ. Это — сосудъ, рѣшительно сближающійся съ евхаристіальною чашею²⁾, что естественно, такъ какъ въ немъ была установлена

¹⁾ *Moland, Orig. Tit., 40.*

²⁾ Духъ Св. говорилъ Іосифу-сыну: „ты достоинъ быть хранителемъ столь великаго предмета, какъ тѣло и кровь твоего Спасителя“. Сл. сказанное прежде отцу: „я посвящу твоего сына Іосифа и поставлю его столь высокимъ правителемъ, какъ церковный пастырь. Я вручу ему для храненія Мою плоть и кровь“. Іосифъ выражался: „Господь нашъ, избравъ меня для перенесенія Его Слова въ нѣкоторыя страны, по призыву апостоловъ, ввѣрилъ мнѣ священный сосудъ, въ которомъ ежедневно приносится въ жер-

евхаристія и заключалась кровъ Христова, продтая на Голгоѣ, Изображеніе романа во многомъ согласуется съ такимъ значеніемъ Граля.

Но послѣднее не исчерпывается вполне отношеніемъ Граля къ евхаристіи. Въ Гралѣ хотѣли выразить не только благодатныя дѣйствія послѣдней, но и нѣчто высшее, чего поэтъ ясно не изображаетъ, отдѣлываясь мало объясняющими словами. О Morgrain'ѣ, попытавшемся проникнуть въ тайны Граля, Мар говоритъ, что „никакой умъ не могъ бы представить, никакія уста не могли бы высказать все то, что ему было открыто“. Когда Morgrain'a спросили о томъ, что онъ видѣлъ,

тву и освящается Его плоть“. Когда король Morgrain заглянулъ во внутренность скинии, то увидѣлъ, что сваяцъ, сосудъ былъ помѣщенъ вблизи чаши, которую Iosephe употреблялъ при совершеніи таинства. Въ римованномъ текстѣ поэмы de Volgon'a Спаситель говоритъ Iосифу:

*Cum visceribus ou men sano meis,
Quam de men cois le reqneillis,
Calices apelez sara.*

Въ прозаическомъ Персевалѣ конца XII стол., изд. Potvin'омъ (Percsev. le Gallois, I, 272), сообщается даже, что евхаристіальныя чаши были сдѣланы по образу Граля. Въ этомъ романѣ встрѣчается о Гралѣ рассказъ, подобный тѣмъ, какіе передавались относительно евхаристіи. Когда Граль пронесли чрезъ залу предъ Gauvain'омъ, «*li sable qu'il voit anni le Graal la forme d'un arfadu*» (И., 88—89). Подобныя представленія объ евхаристіи были и у насъ. См. замѣтку г. Буслаева: „Житія русскихъ угодниковъ, какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи русскаго церковнаго искусства“ въ „Сборникѣ на 1866 г., изд. Обществомъ древне-русскаго искусства“, отд. II, стр. 64. Не изъ такого ли представленія Граля явилась пресловутая голова въ валлійской сказкѣ о Передурѣ? Что касается копья, то уже у Мар'a, рядомъ съ Гралемъ, выступаетъ, «*une grant lance dont li fiers estoit tout sanglens, et la hauste estoit toute sanglente ausi jusque par la ou li angeles le tenoit empoignies*».

Собранія у Граля происходили ежедневно по утрамъ, при чемъ все было устроено по возможности на подобіе того, какъ было на Тайной Вечери, и какъ въ древности съ евхаристіей соединялось вкушеніе пищи, такъ и съ служеніемъ Гралю было нераздѣльно насыщеніе.

Во всемъ этомъ видно присутствіе немалой доли символизма, но онъ искусно закрытъ, не лишены величія, не уменьшаетъ впечатлѣнія и не ослабляетъ интереса къ рассказу.

онъ отвѣтилъ: „конецъ и начало міра, мудрость всѣхъ мудростей, благость всѣхъ благостей, чудо всѣхъ чудесъ; но уста не могутъ изречь, что могъ узнать мой взоръ. Не вопрошайте меня болѣе“. De Voggon упоминаетъ о какихъ-то таинственныхъ словахъ, сказанныхъ Спасителемъ въ темницѣ при передачѣ Граля Іосифу. Ясно, что Граль съ перваго раза былъ облеченъ до извѣстной степени въ покровъ таинственности, и за наглядно обнаруживавшимися его свойствами и передававшейся исторіею скрывалось что-то, оставляемое поэтами загадкою для читателей. Въ этомъ были уже начатки поэтическихъ стремленій, которыя выразились вполнѣ сознательно въ глубокомысленномъ произведеніи поэта нѣмецкаго племени.

Въ романѣ *La Quête du Saint-Graal* Мар пошелъ еще далѣе по пути отрѣшенія Граля отъ исключительно церковной сферы, и легенда вступаетъ въ новый фазисъ развитія, когда св. сосудъ вызываетъ рыцарей на высшіе подвиги, при чемъ начальная его исторія упоминается вскользь и не привлекаетъ болѣе вниманія поэтовъ.

Такъ постепенно выростала изъ небольшого зерна обширная фабула, охватившая мало по малу огромный періодъ времени и огромныя пространства, — фабула, которою воспользовались для выраженія самаго возвышеннаго идеала высшихъ классовъ западно-европейскаго общества поэты лучшей поры средневѣковья. Намъ вспоминаются слова одного писателя объ апокрифахъ: „Глядя на количество, величину и мощь произведеній, вышедшихъ изъ этихъ легендъ, и не вообразишь себѣ таковаго незавиднаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего проще, скромнѣе этихъ первоначальныхъ рассказовъ, обратившихся съ теченіемъ времени въ трогательныя эпопеи, или въ драмы, исполненныя пышности и величія. Эта большая рѣка поэзіи, оживляющая всѣ средніе вѣка, уподобляется тѣмъ громаднымъ потокамъ Новаго Свѣта, которые питаются цѣлыми континентами и которые оказываются въ началѣ своего теченія маленькими ручейками, теряющимися въ горной тѣмѣ“¹⁾.

Кто могъ бы предсказать по зачаткамъ легенды о Гралѣ ея дальнѣйшую судьбу? И какъ не походить ея начало на ея конецъ! Справедливо замѣтилъ одинъ уважаемый писатель, что смыслъ легендъ не всегда опредѣляется зародышами, изъ которыхъ онѣ развились.

¹⁾ Эти слова принадлежатъ Douhaig'у.

Вначалѣ, въ теченіе долгаго времени, предъ нами небольшая, чисто религіозная легенда. Она сохраняетъ свой характеръ и въ первомъ литературномъ произведеніи, посвященномъ Гралю. Труверъ, обратившійся къ ней вслѣдъ за de Vogron'омъ, вводитъ легенду, руководясь на первыхъ порахъ преимущественно политическими тенденціями, въ кругъ повѣствованій о лицахъ, совершенно чуждыхъ сферѣ религіознаго творчества. Онъ не отнимаетъ у легенды первоначальнаго ея содержанія, но послѣднее уравнивается въ *большомъ Гралѣ* прибавленными исторіями другаго характера. Весьма скоро онъ одолеваетъ церковный элементъ, не устранивъ его совсѣмъ; легенда при этомъ не только не теряетъ, но еще выигрываетъ въ глубинѣ идеи, и въ нѣкоторыхъ изъ романовъ (въ ром. о Персевалѣ) этические взгляды и міровоззрѣніе средневѣковаго человѣка достигаютъ замѣчательной высоты. Мало по малу Граль становится сказочнымъ предметомъ, и у Аріосто это сказаніе, отправившееся отъ горы Распятія, достигаетъ, по выраженію Potvin'a, сада Армиды.

Въ постепенномъ развитіи легенды о Гралѣ можно различать, такимъ образомъ, приблизительно тѣже ступени, какія D'Ancona ¹⁾ отмѣчаетъ въ развитіи основнаго мотива Божественной Комедіи.

¹⁾ I precursori di Dante. In Firenze, 1874.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ стр. 7. Первою изъ работъ Paulin'a Paris, посвященныхъ Гралю, кажется, должно считать анонимную статью въ *Temps* 25 июня 1831 г.

Къ стр. 46, примѣч. 2. О посѣщеніи Guiot юга Франціи см. у Фориэля: *Hist. de la poésie provenç., Ш, 296.*

Къ примѣч. 4 на стр. 49. У Васа встрѣчается имя Galaës: *Le rom. de Brut, t. I, 64, 76, 77.* — Новѣйшую работу о Титурелѣ см. въ *Zeitschrift für deutsches Alterthum, N. F., VI Bd., S. 280—297.*

Къ стр. 52. Первую главу Монссвой рукописи призналъ подлинною и Paul Meyer.

Къ стр. 54, примѣч. 3. И Фориэль замѣтилъ, что романскія слова и имена, встрѣчающіяся въ нѣмецкомъ Персевалѣ, по большей части—французскія. *Hist. de la poésie prov., Ш, 293.*

Къ стр. 61. Граль названъ въ Кретьеновомъ романѣ о Персевалѣ „precieux, biaux et glorieux, et aornes de bones pieres“.

Къ стр. 86, прим. 4. Littré (*Dictionn. de la langue française, vol. I, p. 1907*) также не находитъ возможнымъ принять этимологию слова graal, предложенную Diez'емъ, производящимъ это слово отъ crater черезъ cratus, cratale, cratale.

Къ стр. 90, прим. 1. Въ др. произведеніяхъ о Гралѣ (напр., въ валлійскомъ романѣ) теанъ—инаго цвѣта.

Къ стр. 103. Мало по малу и романъ о Ланселотѣ превратился въ вѣтвь романа о Гралѣ. *Jahrb. für rom. und engl. Lit., Bd. IX, S. 272.*

Къ стр. 108, прим. 3. Изображеніе Граля см. еще на 1-й стр. VI-го т. Персевала, изд. Potvin'a.

Къ стр. 111. Въ „*La messe du précieux sang de nostre Seigneur Jesus Christ*“, напечат. Leroux de Lincy (*Essai sur l'abb. de Féc.*, p. 182) есть литанія, интересныя гѣмъ, что указываютъ, какія качества усвоила реликвию крови Христовой церкви.

Къ стр. 118, прим. 1. О волшебныхъ головахъ см. въ *Early English Prose Romances*, ed. by W. I. Thoms, sec. ed., vol. I, 182—186.

Къ стр. 122, прим. 3. Въ исторіи Rigord'a разсказывается подъ 1183 г., что Господь, явившійся *Durand'u*, плетнику въ Рав, вручилъ ему образъ Богородицы, сидящей на престолѣ и держащей младенца Иисуса; на этомъ образѣ была надпись: „*Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem*“.—*Къ прим. 4.* На русскомъ яз. замѣтку о Рутвельскомъ крестѣ (принадлежащую г. Кондакову) см. въ „Оборн. на 1866 г., изд. Общ. др.—р. исск.“; отд. II, стр. 60—62.

Къ стр. 134, прим. 2. Нѣкоторые отвергаютъ, что Мар'у былъ предоставленъ Салисберійскій канонизать.

Къ стр. 136, прим. 2. Объ *Eristola Salvatoris* подробно говоритъ А. Н. Веселовскій въ ст., помѣщенной въ мартовской кн. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ настоящаго года.—Указанія объ апокрифическихъ писаніяхъ I. Христа см. у Rud. Hofmann'a: *Das Leb. Jesu nach d. Apokr.*, 309—310, и у G. Brunet: *Les évangiles apocryphes.*, deux. éd., Paris 1863, 288—289.

Къ стр. 140, прим. 1. Въ *Voyage de Charlemagne a Jérusalem et a Constantinople* (ч. 113—122) упоминаются 13 *chaires* въ Иерусалимѣ, которыя принадлежали Иисусу и Апостоламъ. Только Карлъ В. съ своими перами осмѣлился усѣсться на этихъ *chaires*, а раньше и позже это никому не удалось.

Къ стр. 143, прим. 3. Можно бы еще подыскать въ различныхъ сказаніяхъ немало подробностей, напоминающихъ подробности романа Мар'а. Такъ, обращеніе въ христіанство послѣ побѣды надъ врагами и признанія безсилія идоловъ и искушеніе со стороны діавола въ образѣ женщины верѣдки въ христіанскихъ легендахъ.

Къ стр. 150. Объ *Image du monde* см. въ *Notices et extraits des manusc. de la Biblioth. Nation. et autres bibl.*, t. V (A. Paris, an VII).

Къ стр. 158. Въ одномъ изъ романовъ о Персевалѣ Граль названъ „riche“.

Къ стр. 171, прим. 1. Существовало преданіе, причислявшее Иосифа Аримаѳейскаго къ 70 ученикамъ Христовымъ.

Къ стр. 191, прим. 2. Въ XVIII т. „Hist. litt. de la France“ (р. 831) въ числѣ произведеній, приписываемыхъ Герману, упомянута „L'Histoire du précieus sang“.

Къ прим. 2 на стр. 193. Плаваніе по морю на покрывалѣ встрѣчается уже въ Одиссеѣ.

Къ стр. 196, прим. 1. Въ „Страстяхъ Господнихъ“ (мы пользовались этимъ апокрифомъ по рукоп. бібліотеки Кіевской Дух. Акад.) обращеніе Богоматери къ Иосифу Аримаѳ.—такое же, какое и въ цитир. словѣ Кирилла Туровскаго.

Къ стр. 203, прим. 5. Что касается сосудовъ, открываемыхъ въ ватакомбахъ, то въ настоящее время сомнѣваются, чтобы въ нихъ содержалась кровь. Одна изъ новѣйшихъ статей объ этомъ—въ *Revue archéol.* 1869 (Juin).

Къ стр. 207, прим. 2. Вообще обѣщаніе наградъ свыше не рѣдко въ словесныхъ произведеніяхъ отреченнаго содержанія. Напримѣръ, въ заключеніи „Страстей Христовыхъ“ читаемъ: „итѣкомѹ см могло стати хрѣтианиноу кадомѹ абы моглз кодого пѣка тыи стрѣи гдѣи прочитати извеликии жалѣмз. асѣдечною скрѹхою, вѹдѣчадо свѣтло ивеликѹюмѣть шѣа пріймѣ. ипритѣ словѣ чога боудетъ жадати шѣа. тогда ѣмоу невидѣмо. и тѣли вѹдѣ чинити, тако на писмо стое оучи пріймѣ лѣкоу шѣа бѣ. идобро-тому члѣкѹ хточитаѣ тыи слова. итотъ члѣкъ идиша ѣго вѣвена котораа собѣв внимаѣ, апѣно слѹхаѣ, избавителъ своеѣ со плачѣ срдѣныйи жалоуѣ. пріймѣмзѹ свою... блажѣ дѣ той вокоторѣ сѣи кники лежѣ оупочестности“ (Рукоп. XVII в., принадлежащая Е. В. Барсову, л. 48). Ср., между проч., въ свазаніяхъ о Снѣ Богородицы.

П о п р а в к и.

На страницѣ:	Въ строкѣ:	Напечатано:	Должно быть:
2	2 сверху	значенія	изученія
4	11 снизу	Bibliothèque	Bibliothèque
5	4 „	joyeuse	Joyeuse
6	3 „	des	Les
—	11 „	Eschebach	Esche h bach
7	4 „	преувѣличивающимъ	преувеличивающимъ
8	5 сверху	философскоу	философскому
9	12 „	Мерлинга	Мерлина
10	2 снизу	свидѣтольствуетъ	свидѣтельствуеть
12	15 сверху	T. Wolf'a	F. Wolf'a
13	4 снизу	шровіе	шировіе
—	5 „	Wagner'a	Wagner'a
—	8 „	Лаурета	лауреата
14	4 сверху	самымъ	самыѣ
15	7 снизу	однй	одной
41	10 „	точку	точку
49	6 сверху	образу	образу
—	10—11 „	Ganeline	Gandine
—	12 „	cliu	diu
52	4 снизу	найдемъ	найдемъ
53	6 „	масге	таеге
54	12 „	подробное	подобное
55	9 сверху	Титуретя	Титуреля
59	6 „	Gral, 5. 7	Gral, S. 7
—	10 „	остаться	оставить ею
61	5 „	драгоцѣнномъ	драгоцѣнномъ

На страницѣ:	Въ строкѣ:	Напечатано:	Должно быть:
61	1 снизу	Maggioro	Maggiore
—	6 „	Gottingische del.	Göttingische gel.
62	3 „	esset“.	esset...“
—	— „	Wlight	Wright
63	5 сверху	мотивы.	мотивы:
—	9—10 „	подробностей;	подробностей,
—	5 снизу	Lanielot	Lancelot
64	1 сверху	Zalzikoven	Zatzikoven
—	5 „	Мирно весело	Мирно и весело
—	16 „	возрѣній способа	возрѣній и способа
—	23 „	moritus	moritur
—	2 снизу	giraldi	Giraldi
—	— „	866	865
—	8 „	Tilbury Imperialia	Tilbury Otia Imperialia
65	19 сверху	Гелиодора	Гелиодора
66	2 снизу	Еали	Если
67	18 сверху	романахъ	романахъ
68	13 „	когда.	когда,
69	2 „	—при	—что при
—	10 снизу	carlest	earlest
—	— „	thehistory	the history
70	18 сверху	другомъ	другомъ
71	15 „	легенды ¹⁾ .	легенды!
75	10 снизу	Bagomede	Bahumeth
82	1 „	символировали	символизировали
83	10 „	послѣднее	оно
88	5 „	Qschweizer.	Schweizer.
89	4 „	точно	точно
—	15 „	Бессель	Кассель
90	1 снизу		добавить: Diez'a Etymolog. Wörterbuch, II, 380—381, и L. Gantier, La chans. de Roland, cinqu. ed., p. 271—273.
—	2 „	des	Les
—	18 „	Mantjoic	Montjoie

III

На страницѣ:	Въ строкѣ:	Напечатано:	Должно быть:
91	3 сверху	латинскаго	латинскаго
92	12 „	раѣ 2)	раѣ 1)
—	16 „	Граля 1)	Граля 2)
—	18 „	указанія 2)	указанія 3)
—	9 снизу	<i>Tisón</i>	<i>Fisón</i>
95	9 сверху	выяснена.	выяснена учеными.
97	2 снизу	<i>theorigin</i>	<i>the origin</i>
99	3 сверху	благовременное	благо временное
100	8 снизу	написанная	написанная <i>академикомъ</i> <i>Буслаевымъ и помѣщенная</i>
101	17 сверху	<i>Born</i>	<i>Borron</i>
103	5 „	чисто	часто
—	7 снизу	завлюченія	завлюченія 3)
106	19 сверху	изобрѣтшіе	изобрѣшше
—	22 „	T. R., 5, 127	T. R., I, 127
107	8 снизу	капар	hanap
109	19—20 сверху	„ <i>sacrejoit</i> “	„ <i>sacrefoioit</i> “
122	5 снизу	VII	VIII
—	10 „	<i>f. 45</i>	<i>t. 45</i>
131	2 „	<i>eorum</i>	<i>eorum</i>
135	10 „	<i>Et</i>	<i>Et</i>
178	5 „	огн'а	<i>horn'a</i>

~~Цѣна 1 р. 50 коп.~~

Того же автора:

Княженіе Даниіла Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ
извѣстіямъ. К. 1873. Ц. 1 р. 25 коп.

Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи. Эпизодъ
изъ исторіи южной Руси въ XIII и XIV столѣтіяхъ. К. 1876.
Ц. 75 коп.

Въ университетской типографіи.

